

Н. Алефиренко

**СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СЕМАНТИКИ**

МОСКВА
2005

Алефиренко Н. Ф.

A48 Спорные проблемы семантики: Монография.— М.: Гнозис, 2005.— 326 с.
ISBN 5-7333-0164-3

Дискуссии о сущности значения, сопровождающие развитие лингвистической мысли не одно столетие, представлены в исследовании во взаимосвязи двух парадигм современной науки о языке — когнитивной и коммуникативной. Использование традиционной типологии языковых значений преследует определенную лингводидактическую цель — сопоставляя существующие концепции и подходы к пониманию речемыслительного отражения действительности, раскрыть оно-масиологическую и семасиологическую природу лексической, грамматической, словообразовательной и дискурсивной семантики.

Начинающих лингвистов — студентов, магистрантов, аспирантов — книга ориентирует на упорядочение понятийно-категориального аппарата предпринимаемых семантических исследований, а ученых-языковедов — на продолжение дискуссии.

ББК 81.2

ISBN 5-7333-0164-3

© Н. Ф. Алефиренко, 2005
© ИТДГК «Гнозис», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы семантики.....	7
Общие проблемы когнитивной семантики.....	87
Протовербальные механизмы объективирования концепта: внутренняя речь.....	104
Концепт и внутренняя форма слова.....	128
Лексическая семантика.....	152
Грамматическая семантика.....	211
Синтаксическая семантика.....	244
Семантика текста.....	296
Оглавление.....	323

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы значения и смысла относятся к числу наиболее сложных вопросов языкознания. Каким образом человек осваивает мир посредством языка? Почему мы понимаем и не понимаем друг друга, ведя диалог? В какой мере мы зависим от языка, пытаясь выразить свои мысли и чувства? Каково строение значения? Эти и другие вопросы продолжают волновать исследователей на протяжении тысячелетий. Совершенствуются методы и приемы научных изысканий, расширяются горизонты лингвистики, наука о языке обогащается новыми идеями, и приходит время для того, чтобы осмыслить ключевые проблемы науки о слове с учетом новейших достижений. Именно такую задачу поставил перед собой известный отечественный языковед, доктор филологических наук, профессор Н. Ф. Алефиренко, озаглавив плоды своих многолетних размышлений о природе языкового значения академически строго и весьма точно — «Спорные проблемы семантики».

В этой книге идет речь о значении как о многомерном явлении. Рассматриваются различные подходы к пониманию сущности знака и значения, раскрываются методологические основания этих подходов, анализируются важнейшие концепции современной семантической теории.

Монография состоит из восьми разделов, посвященных общим вопросам семантики и проблемам лексической, морфологической, синтаксической и текстовой семантики. Книга содержит краткий экскурс в историю рассматриваемых проблем. Автор детально разбирает концептуальные противоречия в семасиологии XX в., сравнивает позиции сторонников монолатеральной и билатеральной сущности языкового знака, показывает достоинства и недостатки отражательной и реляционной семасиологических доктрин, устанавливает основные координаты и категории семантики.

«Речемыслительный космос», в понимании Н. Ф. Алефиренко, по-коится на следующих трех китах: «а) референт как поименованный предмет действительности; б) отражение, мышление, сознание, познание, т. е. категории, связанные с деятельностью мозга человека; в) единицы языка и речи как знаковые формы выражения мысли». В книге уделяется много внимания объяснению соотношения значения и смысла, значения и понятия, значения и концепта. Автор занимает четкую позицию по всем обсуждаемым вопросам, и в то же время его полемический стиль отличается уважительностью к оппонентам.

В монографии детально обсуждаются проблемы референции, денотации и коннотации, типы лексических значений слов, особенности грамматического значения. Рассуждая о синтаксической семантике, Н. Ф. Алефиренко анализирует наиболее сложные грамматические категории предложения — предикативность и модальность — и затем в сжатом виде излагает свое понимание текста и дискурса.

Подводя итоги, автор говорит о заманчивых перспективах комплексных семантических исследований, опирающихся на достижения системно-структурной, когнитивной и функционально-прагматической лингвистики. И это значит, что будут вестись новые плодотворные споры о природе значения, поскольку речемыслительная деятельность человека «бесконечна, как мир».

В. И. Карасик

1.1. ИЗ ИСТОРИИ СЕМАСИОЛОГИИ

К тайнам мысли и слова

Язык, языковые значения — великая и вечная тайна. Это одно из самых удивительных и в то же время одно из самых загадочных явлений, окружающих человека и сопровождающих всю его сознательную жизнь. Не будет преувеличением сказать, что язык является величайшим достижением человечества: язык создал человека, сделав его единственным разумным существом на Земле. Представим с помощью бельгийского поэта Эмиля Верхарна рождение человеческого слова, тот

...давний мир, где первые впервой,
Восторженно крича, почуяв разум свой,
Вещам дарили тысячи названий.
.....
Меж миром и душой стирались грани.
При этом жар был так велик,
Что вырывался резкий крик
Из распалившейся гортани¹.

Однако говорящий обычно не задумывается о сути сложных и противоречивых явлений, которые приводят к возникновению, исчезновению или сохранению тех или иных языковых единиц и их значений. Ежедневно используя язык как средство общения, формирования и выражения мысли, мы даже не подозреваем, какая сложная связь существует между звучащей речью и мыслью, воплощенной в языковые значения. А ведь люди говорят посредством слов, судьбы которых, пожалуй, намного сложнее, удивительнее и разнообразнее судеб человеческих. Они немые свидетели человеческой истории и культуры.

¹ Пер. Ю. Александрова.

Развитие языковых значений лучше любых хроник отражает судьбы, интересы, нравы, обычаи, верования, способы мышления людей.

Да, язык не выдает своих тайн, но именно это «молчание» является настойчивым призывом разгадать то, что как бы незримо написано между строк. Это, в свою очередь, безусловно поможет лучше разобраться в сущности человеческой культуры, наиболее ярким проявлением которой является Язык, Слово.

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И. А. Бунин. Слово

Разгадать, увидеть, понять жизнь слова — заветная мечта каждого, кто хоть раз, хоть на миг оказался перед необходимостью ответить на вопрос, что такое язык, слово, каким образом достигается взаимодействие звучания и значения, гармония мысли и слова.

Однако большинство людей воспринимают язык, человеческую речь как само собой разумеющееся явление, ниспосланное если не Всевышним, то матушкой-природой, как умение дышать, видеть, ходить...

Вот что пишет автор популярной книги о языке «В мире слов» В. В. Казанский (Л., 1958. С. 3—5): «Мы начинаем говорить в таком раннем возрасте и так исподволь, что и не помним, как это было, да и не задумываемся над этим... Но попробуйте спросить себя: как это получается, что мы говорим? Что такое слово? И оказывается, что речь такая сложная и хитрая штука, с которой не сравнится самый мудреный механизм. И что слово, пожалуй, самая удивительная вещь на свете... Разве это не удивительно?»

Человеку, не задумывающемуся над проблемами языка, кажется, что в нем и не существует никаких проблем: каждое слово имеет свое значение, каждое значение выражается тем или иным словом или несколькими словами. Однако подобное мнение — одна из многочисленных иллюзий, связанных с языком. На самом деле до сих пор ученые-лингвисты не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос о том, каким образом, при помощи какого механизма «звуковая оболочка» слова соединяется со значением, почему та или иная «форма» наделена именно данным значением, а данное значение сочетается с той или иной формой. Ср.: рус. *добродушный* — 'расположенный к людям, ко всему окружающему, добрый, мягкий', укр. *ошатний* — «'гарний, святковий (про одяг, убрання) // красивый, праздничный'», польск. *piet-*

wiosnki — 'подснежники', чешск. *známý* — 'знакомый; известный'. С другой стороны, значение 'торжественно', выражаемое русскими словами *празднично, величественно, приподнято*, в украинском языке закреплено за словом *урочисто*, в польском — *uroczysto*, чешском — *slavnostně*.

Воистину великая тайна заключена в сочетании звучания и значения!

Можно утверждать, что именно стремление разгадать эту тайну и послужило важнейшим стимулом зарождения науки о языке. Вспомним, что в древней Индии — колыбели языкознания — первые лингвистические изыскания были вызваны потребностями в толковании отдельных «форм» санскрита — языка древнеиндийских религиозных гимнов (вед), в странах арабского Востока таким стимулом было толкование полузабытых или утраченных «форм» древнеарабского языка — языка Корана, священной книги мусульман.

Слово и его значение в долигвистической философии языка

Огромнейшую популярность в античной философии получила теория именованя, пытавшаяся разяснить сущность связи между «вещью», «предметом» и звучащим словом. Создатели этой теории разделились на два непримиримых лагеря: одни считали, что наименование определяется самой природой предмета (они выдвинули в качестве лозунга термин «*фюзей*» — 'по природе'); их оппоненты доказывали, что наименования предметы получают по условному соглашению, по обычаю, сознательно, произвольно, т. е. без связи с природной сущностью предметов (ими использовался термин «*тезей*» — 'по положению, по соглашению'). Этот спор обычно возводят к взглядам Гераклита Эфесского (ок. 544—483 г. до н. э.) и Демокрита (460—371 г. до н. э.). Он лег в основу сюжета знаменитого диалога «Кратил», написанного гениальным Платоном (428—348 г. до н. э.). Взгляды Гераклита были восприняты Стоицизмом¹, которых в учении Гераклита привлекала идея слова-логоса как вместилища знания, иначе говоря, идея вербальности мышления. Особенно плодотворно эта идея развивалась в учении Филона Александрийского (рубеж I в. н. э.). Если для Гераклита слово — это только носитель знания, то для Филона слово — не только носитель,

¹ Стоики — представители философского направления в античном рабовладельческом обществе (III в. до в. э.— VI в. н. э.), для которых характерны колебания между материализмом и идеализмом. Задача мудреца — освободившись от страстей и влечений, жить повинуюсь «разуму».

но и *источник знаний*. В дальнейшем идея логоса как источника знания, премудрости появляется в раннем христианстве (Иоанн Богослов), разрабатывается и детализируется Климентом Александрийским, Афанасием Великим, Августином и обобщается Фомой Аквинатом. Таким образом, античная наука в лице Гераклита Эфесского и Филона Александрийского уже имела общую концепцию языкового значения, названную Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым *континической*¹. Мысль о слове как вместилище (носителе и источнике) знания, «премудрости», несомненно, представляет светлую сторону античной науки. Ее туманная сторона, как пишут авторы названной концепции, состоит в «перевернутости» природы семантики слова: слово мыслится исключительно как дарованный человеку инструмент общения. Слово наделяется способностью без участия человека реализовать себя в материальном мире, «воплощаться» и определять ход истории. Кстати, «континическое» понимание языкового значения наблюдается не только в эллинском мире, но и в других древних цивилизациях. Аналогичные суждения содержатся в Ригведе («Слово есть мудрость, исходящая от божества»), в Авесте («Слово Первосущности творит мир»)².

Ренессансные концепции языкового значения

Принципиально новое отношение к сущности языкового значения намечается в эпоху Ренессанса, достигая расцвета в эпоху Просвещения.

Осознается динамический характер языка; открытие родства языков и зарождение сравнительно-исторического языкознания привело к обоснованию принципа языкового релятивизма. Наконец, энциклопедисты блестяще доказали, что языковая семантика может быть *вместилищем* их собственного, *личностного* (в том числе и богоборческого) знания.

Так мало-помалу распространилась и даже стала привычной мысль о том, что *не божество, а сами люди* вмещают в языковые формы знания. Это полностью отвечало духу эпохи Возрождения.

Новая (в духе Ренессанса) концепция языкового значения получила название *герменевтики* (от греч. *hermēneūō* — 'разъясняю, толкую, перевожу'). Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер (1768—1834) дает определение герменевтики «как искусства понима-

¹ От лат. *continere* 'вмещать'. Подробнее см.: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. С. 192—193.

² Там же. С. 272.

ния». Акцент в этой теории языкового значения делается не на толковании для другого, а на понимании слова или текста сначала для себя. В языковом значении усматривается *диалектика личного и общественно-го, субъективного и объективного*.

Герменевтический *метод осмысления* языкового значения прежде всего обращается к постигающему человеку, хочет привлечь его внимание к трудностям усвоения чужой мысли. В языковом значении (главным образом в значении слова) герменевтика выделяет три аспекта: а) историко-культурный; б) художественный (эстетический); в) спекулятивный (замысел, второй план, философская ценность).

В каждом из выделенных аспектов значения запечатлен весь предыдущий и настоящий опыт постижения и понимания мира, в котором живет человек.

На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: — Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...—
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

С. Я. Маршак. Словарь

Несмотря на очевидный эмоционально-оценочный субъективизм Шлейермахера, в его учении учитывается и внешний, общественный фактор формирования языкового значения. Слово и текст понимаются им и как продукт личного творчества, и как обобщение всего жизненного опыта человека.

Последователи Шлейермахера не смогли, к сожалению, сохранить в своих трудах идею единства *субъективного* и *объективного* в языковом значении.

Так, Вильгельм Д и л ь т е й (1833—1911) — видный философ-идеалист и психолог — сводит значение языковых единиц исключительно к *субъективно-психологическому* содержанию. В языке, мифах, литературе и искусстве он видел «как бы объективированную психическую жизнь». Поэтому, чтобы слово стало понятным говорящему на другом языке, его мало перевести или истолковать текст. Этот человек должен переменить свой «менталитет», т. е. способ своего мышления, приблизить свой опыт к тому опыту, который зафиксирован словом языка-оригинала.

Другой сторонник герменевтики — Мартин Хайдеггер (1889—1976), философ-экзистенциалист, довел учение Шлейермахера до *вульгарно-социологического предела*. По парадоксальному афоризму этого философа, не человек говорит в языке, а, наоборот, *die Sprache spricht*, т. е. язык говорит в человеке и через человека. Язык фиксирует в себе всю культуру предшествующих поколений, определяет поведение сейчас живущих людей и в значительной степени определяет их будущее. В итоге — человек пассивен по отношению к языку, его не понимает, но должен вслушиваться в него, воспринимать его мудрость. А это — идеализм.

Отбрасывая идеалистический характер осмысления фактов действительности и отдельные крайности, следует признать, что герменевтика как общая наука об истолковании слов, выражений и связанных текстов представляет значительный интерес для современной лингвистики. И вот почему.

1. Слово/фразеологическая единица (ФЕ)/текст вмещает в себя некоторое общественное знание; может содержать также и индивидуальное, личное знание.

2. Слово — не только носитель знания, но и его источник.

3. Усвоение языкового значения происходит или непосредственно, или через посредство герменевта, интерпретатора, «переводчика».

4. Простейший акт толкования — перевод слова (экзегетический способ).

5. Адекватный акт толкования — «вживание» в иную культуру/время, постижение непонятого слова/ФЕ в контексте свойственной человеку культуры (герменевтический способ).

6. Истолкование языковых значений предполагает три ступени интерпретации: а) буквальную (или дословную, «прямую»); б) эстетическую (коннотационную, эвфонетическую) и в) высшую (прагматическую, идеологическую, «переносную»).

*Развитие учения о языковом значении
в лингвистике XIX века
(В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня)*

В. фон Гумбольдт (1767—1835) сформулировал и развил так называемую гипотезу лингвистической относительности. В своем учении он утверждал мысль о влиянии структуры языка на мышление, о тождестве языка и мировоззрения с преобладающей все же ролью мировоззрения.

Неогумбольдтианство последнее замечание своего учителя оставляет вне поля своего внимания. Для неогумбольдтианцев реальный

мир существует постольку, поскольку он отражен в языке (Лео Вейсгербер).

Категорически не соглашаясь с таким пониманием зависимости мышления от языка, прокламируемой Л. Вейсгербером и другими неогумбольдтианцами, неверно было бы вообще игнорировать роль языка в процессе познания.

На самом деле язык играет активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину действительности, внося в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, накладывая на познание свой неизгладимый отпечаток. В сознании появляется таким образом, наряду с логической картиной мира, другая — лингвистическая картина мира, которая варьируется от языка к языку. Ср.: 1) рус. *площадь*, укр. *площа*, *майдан*; польск. *plac*, чешск. *plocha*, *náměstí*; 2) рус. *ни рыба ни мясо*, укр. *Ні рибка ні риба, ні м'ясо ні це*; польск. *ni pies ni wydra*.

Эти примеры показывают, как разные языки по-своему преобразуют итоги мыслительной деятельности, создавая побочные представления, внося «поправки» и даже создавая иллюзии. Однако говорить о господстве языка над человеком недопустимо. Ведь не язык определяет познание и его результаты, а человек, его опыт, о чем так убедительно писал А.А. Потебня.

Хотя сам А. А. Потебня (1835—1891) и причислял себя к ученикам и последователям В. фон Гумбольдта, он пошел значительно дальше своего предшественника: он конкретизировал теорию «внутренней формы» слова, разработал концепцию ближайшего и дальнейшего значения слова.

Звук, звучание слова А.А. Потебня понимал не как посторонний материал для мысли.

Восприняв идеи В. Гумбольдта о сущности членораздельного звука и его отношении к значению, он неоднократно подчеркивал, что «звук проникнут мыслью».

Следует заметить, что в учении Потебни о языке и мышлении центральное место принадлежит слову. И не только потому, что слово служит средством создания и объективации мысли, ее преобразования, средством различной формальной организации и выражения «внеязычного содержания» и т. п. Слово представляется центральным элементом языка еще и потому, что в нем, как в зародыше, эмбрионе, заложены другие, более сложные формы мыслительной деятельности человека.

Что же представляет собой связь звука и значения? Как она устанавливается и на чем (как) удерживается?

Связь эту А. А. Потебня усматривает в механизме представления, апперцепции¹, т. е. в апперцепционном движении понятой и обозначенной предшествующей мысли к пониманию и обозначению мысли последующей, т. е. в материальном и идеальном участии предшествующего слова в образовании последующего.

Иными словами, новое значение формируется и обозначается через отношение а) к предшествующей мысли, которая служит его «смысловым знаком», или *внутренней формой*, и б) к ее обозначению, выступающему в новом слове как «знак знака», или *форма внешняя*. Ср.: *память* — 'способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас впечатлений, который хранится в сознании', и *памятник* — 'архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь кого-, чего-либо'; польск. *mydło* — 'мыло', *mydlany* — 'мыльный' и *mydelniczka* — 'мыльница'; чешск. *rameno* — 'плечо', *ramínko* — 'вешалка'. О подобных случаях, видимо, А. А. Потебня в книге «Из записок по русской грамматике» (М., 1958) писал, что «хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, но он указывает на значение не сам по себе, а потому, что прежде имел другое значение» (Т. 1—2. С. 17). «Внешняя форма слова... не есть звук как материал, но звук, уже сформированный мыслью» (Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 176). Связь между звуком и мыслью, по мнению Потебни, не может быть произвольной, она обусловлена представлением (т. е. значением предшествующего слова в его отношении к последующему).

Связь звука и значения, в понимании Потебни, во многом раскрывается через понятие внутренней формы. Сами термины *внешняя* и *внутренняя форма слова* отражают процесс образования нового слова и его значения. Формами они названы потому, что показывают, *как, каким образом, с помощью чего* образуется новая по содержанию мысль и ее обозначение.

Потебня полагал, что внутренняя форма (собственно признак наименования) создается предшествующим значением, используемым как представление (смысловой знак нового значения). Ср. названия ягод и растений, на которых они растут: *черника, голубика, земляника*; укр. *чорниця (чорниці)*, бот. *буяхі, суниці*; польск. *czarna jagoda, borówka czernica; rozjotki* — 'земляника'; чешск. *borůvky, borůvčí* — 'черника', *jahody* — 'земляника'.

¹ Апперцепция (лат. *ad* — 'к' и *perceptio* — 'восприятие') — процесс активного воздействия на восприятие ранее накопленного опыта, приобретенных ранее знаний.

Ученый разъяснил сущность внутренней формы следующим образом: «Когда это (предшествующее. — *Н. Л.*) значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма» (Из записок... М., 1977. Т. 4. С. 96). Наиболее общие *дефиниции* внутренней формы слова даны в следующих формулировках, раскрывающих механизм связи звука и мысли. 1. Внутренняя форма — это «способ, каким выражается содержание». 2. Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию, она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Эти способы и приемы действуют в языке постоянно, несмотря на закономерные изменения, происходящие в семантической структуре слов. «Путь, которым мысль дошла до сообщения слову такого-то определенного значения, — замечал Потебня, — может быть забыт, но это не имеет никакого влияния на определение приемов, которыми слово доходит до значения» (Из записок... Т. 4. С. 95).

Эти и другие определения позволяют в общем истолковать **внутреннюю форму** как присущий языку прием, порядок выражения и обозначения с помощью слова нового содержания или, иначе, как выработанную *модель*, языковую *формулу* (Эстетика... С. 300), по которой с участием предшествующих слов и их значений происходит формирование новых слов и значений. Это языковой механизм, всякий раз приходящий в движение, когда нужно представить, понять и закрепить в индивидуальном обозначении новое явление, т. е. выразить словом новое содержание.

Такой способ понимания и обозначения нового явления включает образ (представление) и формирующееся с его участием новое значение. Отсюда вытекает вывод: поскольку внутренняя форма — необходимое явление языка, то и образность — постоянное его качество, ибо служит средством представлять и понимать новое. В образных, фигуральных выражениях Потебня видел «существенную необходимость мысли» и заключал, что в языке нет непереносных выражений» (Эстетика... С. 119), что «изобразительность, пока он (язык. — *Н. А.*) жив, не оскудевает, потому что она тождественна с понятностью слова» (Из записок... Т. 1-2. С. 54).

«Метафоричность, — считал ученый, — есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору» (Эстетика... С. 434). Развитие значения слова, понятия, лежащего в его основе, закономерно ведет к забвению представления, к утрате образа. В результате появляются слова безобразные, в которых звук непосредственно примыкает к мысли, без участия промежуточных мыслительных средств. Оба процесса одинаково закономерны и необходимы

в языке. «Все значения в языке по происхождению образны. Каждое может с течением времени стать безобразным. Оба состояния слова, образность и безобразность, равно естественны» (Записки по теории словесности. С. 203—204). Ср.: *белка* — название животного по цвету шкурки очень редкой — белой — разновидности и *белка* о трудолюбивом, неустанно работающем человеке; *светлица* — лучшая комната в доме; *светоч* — этим. 'свеча, светильник, факел'; *брусника* (от *бруснь* — 'красный' ← брускъ — 'пурпур, краснота').

Процесс возникновения нового слова и формирование его значения определенным образом отражаются в материальных и идеальных элементах этого слова. Потебня представлял данный процесс в развитии, поэтому выделяет его постоянные и переходные элементы. Внутреннюю форму он понимает как объективный (материальный) элемент слова, подобно форме внешней, поскольку в ее выражении участвует признак, т.е. явно обозначенное отношение к предшествующему слову. Собственно словом выражается только один признак обозначаемого содержания, поскольку он выступает как смысловой знак этого содержания. Таковым он может быть потому, что является общим между значением предшествующего и последующего производного слова, основанием их сравнения. В результате этого сравнения формируется *образ* обозначаемого явления.

Признак предшествующего слова, используемый как смысловой знак нового значения, Потебня называет *представлением*. Представление есть признак, взятый из значения предшествующего слова и служащий знаком значения данного слова.

В связи с этим возникают некоторые вопросы. Важнейшими среди них для нас являются следующие.

Во-первых, тождественны ли понятия «внутренняя форма» слова и «образ»?

Во-вторых, в каком отношении к первым двум понятиям находится представление?

А.А. Потебня оставил по обоим вопросам весьма обстоятельные суждения.

Образ, по его мнению, организует значение слова, представляет признаки обозначаемого как определенное единство. Дело в том, что значение слова и в момент его образования не равно внутренней форме; оно содержит множество признаков, по которым можно выделять, классифицировать предметы.

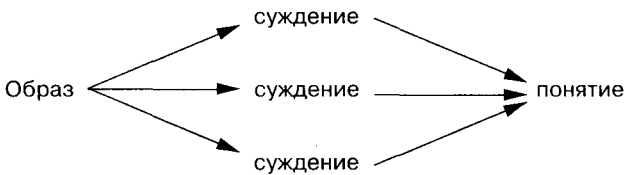
Цельность образа предполагает неиндивидуальность его применения, известную отвлеченность, благодаря чему он может быть приме-

нен ко многим предметам. Ср.: образ неуклюжего, огромного существа выражается и словом «медведь», и словом «слон».

В учении о внутренней форме Потебня отводил *представлению* важное место как *центральному элементу* ее. *Представление* — это внутренняя пружина движения мысли от познанного к познаваемому. Представление «служит связью между звуком и значением» (Из записок... Т. 4. С. 96). Представление осуществляет связь между старым и новым, познанным и познаваемым; оно — *указание* на чувственный образ, обозначаемый словом. И так, представление — это указание на образ. Вот как интерпретирует эту мысль сам ученый: «Представление есть известное содержание нашей мысли, но оно имеет значение не само по себе, а только как форма, в какой чувственный образ входит в сознание; оно — только указание на этот образ, и вне связи с ним «не имеет смысла» (Эстетика... С. 147—148). Иными словами, вне связи с чувственным образом оно равнялось бы чистому признаку — отношению к предшествующему производящему слову. Поэтому в отличие от собственно признака представление двучленно, подобно суждению. Потебня говорит по этому поводу следующее: «Представление возможно только в слове, а потому слово... есть выражение суждения, двучленная величина, состоящая из образа и представления» (Эстетика... С. 147).

Эти и подобные рассуждения Потебни служат основой его концепции значения слова. Собственно значением у Потебни является то, что данное слово (знак) означает и обозначает. И хотя значение слова обусловлено чувственным восприятием, оно (значение) не равно ни ему, ни чувственному образу.

Значение — это мысль о предмете, организованная как внутренней формой (конкретнее — представлением), так и формирующимся или сформированным понятием, указанием на которое служит слово. На этом основании ученый считает возможным существование в слове двух видов содержания, представляющих собой единство, — образ и понятие. Между образом и понятием Потебня устанавливает деривационную связь. Совокупность суждений, на которые распадается образ, образует понятие.

Процесс формирования понятия опосредствован, по мнению Потебни, словом.

Анализируя взгляды Потебни на понятие с позиций современной теории понятия, следует не только указать на их известную противоречивость и непоследовательность (например, роль понятий в познании: только понятие, — считал ученый, — вносит идею законности, необходимости, порядка в тот мир, которым человек окружает себя). Следует по достоинству оценить развитие Потебней учения о понятии в материалистическом направлении:

- понимание понятия как вида деятельности;
- связь слова и понятия;
- отражение понятием объективной действительности;
- логическая расчлененность понятия;
- взаимосвязь понятия и суждения;
- понятие как сущностная категория;
- классификационность понятия;
- языковая форма существования понятий.

В этом несомненная заслуга Потебни. Тем более, что в более позднее время немало языковедов отказались вообще от исследования значения, взаимоотношения языка и мышления, ссылаясь на неуловимость идеального, низкий уровень науки в этой области, на отсутствие достоверных знаний о соответствующих внутримозговых процессах и т. п.

Учение А.А. Потебни о языковом значении не потеряло ценности для современной науки. Многие его идеи в этой сфере нашли свое развитие в трудах известных семасиологов нашего времени.

Концептуальные противоречия в семасиологии XX века

Даже небольшой экскурс в историю науки о значении показывает, какое богатство семасиологических идей и концепций накопилось в трудах философов и лингвистов самых разных эпох, направлений и школ. И все же главным интегрирующим достижением классической семасиологии является создание речемыслительной парадигмы, идееносителями которой являются концепты «реальная действительность», «мышление», «сознание», «речь» и «язык». Принятая в рамках этой парадигмы аксиома о языке как действительном сознании создала необходимого методологическую предпосылку для собственно лингвистического моделирования механизмов многоуровневой репрезентации реального мира в языковой семантике, соотносимой как с логическим, так и чувственным его познанием. Такие лингвистические (точнее — психолингвистические) построения преследуют одну цель —

показать, как когнитивные (представления, понятия, суждения) и интроспективные (эмоции, оценки, интенции) формы отражения сознанием внешнего и внутреннего мира находят выражение в семантической структуре языка как осознанные психические явления, как осмысленные факты интеллектуальной и эмоциональной жизни человека¹.

В связи со столь широким субстанциональным спектром значения семантика стала предметом изучения многих наук: языкознания, логики, философии, психологии, семиотики. При этом каждая из этих наук истолковывает его весьма своеобразно. Неоднозначно подходят к изучению значения и в современном языкознании.

В связи с этим правомерно уже в который раз ставить и обсуждать всё тот же сакраментальный вопрос: какова природа и сущность значения и какие его аспекты должны изучаться в современной семасиологии, а какие находятся в ведении других наук?

В поисках ответа на эти непростые вопросы в нашей науке сформировались две семиологические доктрины.

Первая может быть условно названа «отражательной», а вторая — «реляционной». Согласно отражательной теории значение понимается как *отображение* в нашем сознании объекта номинации в его устойчивой связи с акустическим образом слова или фразеологизма. В основе реляционной теории лежит представление о значении как *отношении* знака к предмету, понятию о нем или другому знаку. Прежде чем стать достоянием лингвистики, обе теории прошли достаточно содержательные этапы своего становления в логике и философии. В результате гносеологического осмысления природы и сущности значения были заложены философские основы семантики в двух ее разновидностях — логической и лингвистической. Их благотворное взаимовлияние трудно переоценить: благодаря ему были созданы оригинальные семантические теории, позволяющие по-новому интерпретировать глубинные связи языковой внеязыковой действительности. Однако в этой области все еще существует множество неразгаданных тайн, противоречивых и спорных решений. Нередко это обуславливается «разнотением» в описании одних и тех же семантических явлений философами, логиками и лингвистами (Р. Г. Авоян, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Р. И. Павилёнис, Ю. С. Степанов, Дж. Фодор, Дж. Сёрль, К. Тайк, Дж. Лакофф, Р. Шенк, В. Леман и др.).

¹ См., например, работы: *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987; *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.

1) Пожалуй, наиболее спорной оказалась отражательная теория значения; прежде всего, видимо, из-за неоднозначного понимания и употребления самого термина *отражение*. Отражение есть способность материальных объектов (у человека таковым является мозг как высокоорганизованная материя) воспроизводить особенности познаваемых объектов в соответствии с характером познаваемого и природой отражающего предмета¹. Поэтому отражение окружающего мира в нашем сознании — процесс не зеркально-мертвый, а творческий. Для одних ученых отражательная теория является универсальной и поэтому обладающей наибольшим объяснительным потенциалом. Так, например, Г. В. Колшанский утверждает, что «любое проявление семантических категорий в языке связано с его (? — Н.А.) отражательной функцией»². Подобные суждения нуждаются в критическом и многоаспектном обсуждении. При этом необходимо исходить из следующих посылок: а) значение — продукт мышления, итог отражательной деятельности человека; б) поскольку объектами отражения являются предметы действительности, то значение в его наиболее общем и упрощенном понимании рассматривают как мыслительную связь знака с тем, знаком чего он выступает. Из этих теоретических положений вытекает, что семантические категории (содержание, значение, смысл) в языке не могут быть обусловлены его отражательной функцией, потому что язык этой функцией не обладает. Это точка зрения тех исследователей, которые пытаются перевести теорию значения из философской парадигмы в лингвистическую. Для достижения этой цели необходимо уяснить, в каком соотношении находятся мыслительные и языковые структуры.

Назвав формулировку «язык отражает внешний мир» мифом, В. М. Солнцев пишет: «Мир отражается мыслящим мозгом, язык не отражает мир, он участвует в отражении мира и закрепляет в своих значениях результаты отображения мира»³. Такое толкование сущности языкового значения углубляет ранее сложившиеся представления по двум позициям: 1) в основе значения лежит связь знака с обозначаемым объектом, однако эта связь не прямая; она опосредована теми или иными формами сознания; 2) значение связано с различными

¹ См.: *Ерахтин А.В.* Проблемы мышления и сознания в философии и научном познании. Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 1990. С. 20.

² *Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 7.

³ *Солнцев В.М.* О лингвистических мифах // Знание языка и языкознание. М.: Наука, 1991. С. 63.

формами человеческой деятельности: а) деятельности «предметной», в процессе которой в значении фиксируются знания о реальном мире, о предметах (явлениях) во всей совокупности их объективных связей, отношений и взаимодействий; б) деятельности речевой, в которой язык активно участвует в процессах отражения, служа главным инструментом образования мыслей, основной формой овладения миром и средством формирования знаний о нем.

Первое положение позволяет уточнить и разъяснить основную методологическую формулу современной семасиологии: в языковом значении фиксируются не поименованные предметы и их отношения, а их отражение в сознании носителей языка. Само же сознание представляет собой определенный итог отражательной деятельности человека как некое мысленное содержание, материализуемое в звуковой или графической форме. В такой интерпретации опосредствующей роли сознания предельно осмысленными становятся следующие аксиомы: 1) сознание как мысленное содержание, воплощенное в языковые формы, становится частью языка, его семантикой; 2) язык — способ существования сознания. Язык, таким образом, «живет» в двух неотделимых друг от друга ипостасях: одной из них выступает формальная структура сознания (материальная сторона языка, его звукографическая компонента), а другой —содержательная структура сознания (идеальная сторона языка, его семантика). Понимание такой двуединой сущности языка наполняет особым смыслом известное утверждение о том, что язык —действительное сознание¹. Вне языковой формы отражательное содержание сознания не существует. Поэтому мысленное содержание не только материализуется в языковой форме; оно прежде всего рождается, затем развивается и совершенствуется. В этом гениальный А. А. Потебня усматривал эвристические возможности языка. Он писал: «Язык есть средство не выражать готовую мысль, а создавать ее... он не отражение сложившегося мироощущения, а слагающая его деятельность»².

Второе положение вытекает из первого: сознание —результат отражательной деятельности, которая может осуществляться в «предметных» (неречевых) и речевых действиях. По данным психолингвистики, раздельное *предметное действие* — первый шаг на пути формирования мысленного содержания.

¹ См.: Жоль К.К. Язык как практическое сознание: Философский анализ. Киев: Вища школа, 1990.

² Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 258.

Он обеспечивает появление непосредственных, образных форм отражения предметов. На их основе формируются затем понятийные формы познания. По определению П. В. Копнина, понятие — это узел, синтез самых различных мыслей, итог длительного процесса познания; это высшая форма отвлеченного отражения предмета. Основным условием и средством образования и существования понятия является словесный знак. Он служит и *условием* возникновения, формирования, существования и развития понятия, и *средством* обозначения понятия о предмете. Этим, собственно, и обуславливается природа и сущность самого знака. Как условие формирования понятия — высшей формы отражения объектов действительности — знак обладает значением, в котором фиксируются результаты опосредованной сознанием соотнесенности знаковой формы с предметом обозначения, а как средство обозначения знак представляет собой диалектическое единство формы (звучания) и содержания (значения). Сущность словесного знака определяется, следовательно, его основной функцией, которую следовало бы называть не просто номинативной, а номинативно-репрезентативной¹, (поскольку в основе именованя лежит отражательно-классифицирующая деятельность человека.

Иными словами, номинация сопряжена с соответствующей познавательной деятельностью: (а) сначала происходит реальное взаимодействие человека с предметом обозначения, в процессе которого (б) определяется значение этого предмета для деятельности (и даже жизнедеятельности) человека; затем (в) познаваемый объект должен превратиться в «познанное», «осмысленное», «понятое» и в результате этого «войти» через механизмы условно-рефлекторной деятельности² в определенную знаковую ситуацию:

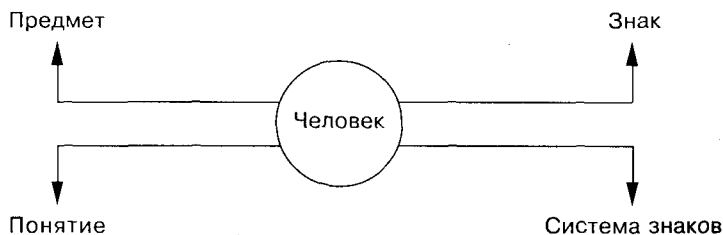

Рис. 1

¹ См.: Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 26.

² См.: Шингаров Г.Х. Условный рефлекс и проблема знака и значения. М.: Наука, 1978. С. 90.

Анализ структуры знаковой ситуации с точки зрения взаимодействия всех ее компонентов показывает, что семантика языкового знака определяется различными видами человеческой деятельности: а) номинативной (человек — предмет); б) отражательной (человек — понятие о предмете); в) условно-рефлекторной (человек — знак, знаковая система). Поэтому природа и сущность языкового значения обуславливаются именно номинативно-репрезентативной функцией знака. В соответствии с этим формирование значения языковой единицы состоит в знаковой репрезентации отраженных в сознании свойств и признаков номинируемого объекта, а также социально значимого отношения к нему носителей языка (их эмоции, оценки и т.п.). Заметим, что представленные здесь факторы формирования языковой семантики, хотя и в разной мере, определяют элементы первичного понятийного содержания всех знаковых единиц языка.

Однако языковая семантика включает в свой состав еще и вторичные понятийные образования, «созданные» отношениями единиц внутри знаковой системы (знак — знаковая система). По отношению к вербализованным формам отражения внеязыковых объектов реальной действительности они являются «надстроечными», но тем не менее понятийными, поскольку также отражают реально существующие в языковой системе категории классифицирующего, формоизменяющего и конструктивного характера (например, категории рода, падежа, предикативности и т.п.).

Наконец, языковые значения обуславливаются речевой деятельностью человека. Данная зависимость является частным случаем соотношения языковых и речевых образований; ср.: «исторический факт речи всегда предшествует языку»¹ и «ничто не существует в языке, не будучи испытанным раньше в речи»². Исходя из понимания соотношения языка и речи как средства и способа в речемыслительной деятельности, отметим, что мысленное содержание, полученное в процессе речевой деятельности, служит генетической основой формирования языкового значения. Языковое значение, как и знак в целом, — результат длительной речемыслительной деятельности. Поэтому речевая семантика, с одной стороны, служит базой формирования семантики языковой, а с другой — в конкретном коммуникативном акте ее реализует. Таким образом, языковое значение, не будучи отражением действительности в гносеологическом понимании этого термина, служит

¹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 57.

² Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 324.

инструментом актуализации процесса отражения окружающего мира в сознании человека¹. И происходит это только тогда, когда языковой знак включается в речетворческий процесс в составе коммуникативных образований.

2) Теория языкового значения, раскрывающая его природу и сущность через категорию *отношения*, противопоставляется «отражательной» теории в основном по двум причинам. Ее создатели пытаются преодолеть «субстанционализм» в определении значения, представленном предыдущей теорией. Условием формирования значения релятивисты называют не отражение предмета в сознании человека, а соотносительность языкового знака с номинируемым объектом. Такой подход позволяет им по-другому истолковывать и сущность самого языкового знака, который в их представлении является не двусторонним образованием (единством формы и содержания), а односторонним. Знак языка в их концепции сводится исключительно к плану выражения (звуко-графической структуре). Значение, как полагают релятивисты, составной частью знака не является. Однако такое понимание языкового значения не только не устраняет противоречия «отражательной» теории, но и порождает новые.

Во-первых, отрицание «отражательной» природы значения выводит его из области психического, что уже само по себе вызывает по крайней мере недоумение. Ведь значения возникают и существуют не в вещах, а в головах носителей языка. Можно, конечно, согласиться с тем, что значение фиксирует отношения между звуковой формой знака и предметом обозначения. Однако эти отношения, как уже было сказано, не могут быть прямыми; они опосредованы соответствующими структурами сознания (представлениями, понятиями и суждениями) и как идеальные образования локализованы в голове человека.

Во-вторых, релятивная теория ориентирована не на все, а только на часть отношений, составляющих знаковую ситуацию.

В-третьих, остается не раскрытым центральное понятие этой теории — «отношение» (отношение между знаками или между знаками и обозначаемыми предметами?).

И, пожалуй, самый главный недостаток релятивной теории в том, что в ней «за кадром» оказался носитель языка. В этом, по мнению Б. Н. Головина², одно из существенных деструктивных противоречий

¹ См.: *Авоян Р. Г.* Значение в языке: Философский анализ. М.: Высш. шк., 1985. С. 53.

² См.: *Головин Б. Н.* О природе и лингвистической типологии языковых значений // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966. С. 44.

рассматриваемой теории. С одной стороны, слово представляет собой релятивное единство звуковой оболочки (физического знака) и значения (идеальной сущности). С другой стороны, значение, согласно релятивной теории, — это отношение звуковой оболочки («физического знака») к объекту обозначения — предмету, понятию, или отношение к другим знакам. В этом Б.Н. Головин усматривает главное противоречие рассматриваемой теории. Возникает вопрос: *почему говорящий соотносит физические знаки с соответствующими предметами?*

Очевидно, потому, что знает значения этих знаков!?

А что такое отношение?

Отношение знака к предмету есть *функция* знака. Поэтому отождествлять «отношение» и «значение» — это, по мнению Б. Н. Головина, все равно, что называть следствие причиной.

Подобные возражения предполагают поиск новых путей решения проблемы языкового значения. При этом первоочередность приобретает проблема соотношения понятий «знак» и «значение». Взаимообуславливают ли они друг друга?

В современной семиотике выделяют три группы знаков. К первой группе относятся условные знаки вроде дорожных, знаков воинского отличия, денежных знаков, знаков приветствия, азбуки Морзе, флажковой сигнализации, значимых жестов и мимики, разного рода символики и т. п.

В другой группе знаков таковыми признаются и единицы естественного языка. Тем самым различаются первичные и вторичные (искусственные) знаки.

Третья группа в свой состав включает не только словесные и вторичные искусственные знаки, но и так называемые знаки-признаки (знаки-индексы, или симптомы). В этом случае речь идет о причинно-следственных зависимостях явлений (например, покачивание ветвей за окном служит «знаком» ветра). Однако большинство ученых из сферы знаковых средств признаки исключают (М. В. Никитин).

Нас интересует, разумеется, типология языковых знаков только в их связи со значением. Поэтому объектом семасиологии служат знаки второй группы.

Я з ы к о в о й з н а к — это вторичный материальный (звуковой или графический) объект особого рода, звуко-слуховая или графико-оптическая оболочка которого неразрывно связана с определенным идеальным содержанием (значением). Это, в понимании некоторых лингвистов, материальный носитель тех знаний, которые человек приобретает в процессе мыслительной (отражательной) деятельности, практического или теоретического познания действитель-

ности¹). При таком понимании языкового знака его *значение* находится *вне знака*, хотя и связано с ним.

Такое понимание сущности языкового знака лежит в основе *унилатеральной* теории знака, согласно которой знаком признается одна из его сторон. Ср.: «Всякий знак односторонен в смысле противопоставленности тому, что обозначается этим знаком. То, что обозначается знаком, находится вне его...»². Знаком здесь, как видим, выступает материальное (звуко-графическое) образование, т.е. план выражения знака. Принципиально иным находим понимание унилатеральности знака в работах А. Ф. Лосева³: «Всякий знак предмета есть отражение предмета»; «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» и, наконец, «Всякий знак есть неделимая единичность».

Этим точкам зрения противопоставляется *билатеральная концепция* языкового знака (теория о двустороннем характере знака языка). Ее создателями являются Ф. де Соссюр, Б. А. Серебренников, А. С. Мельничук, А.А. Уфимцева. Правда, единодушия здесь тоже нет. 1) Ф. де Соссюр был убежден в том, что обе стороны знака — «означающее» и «означаемое» — психичны по своей сути, т.е. идеальны. 2) Другие ученые (Ч. Пирс, Р. Якобсон, Е. С. Кубрякова, А.А. Уфимцева) билатеральность языкового знака понимают в материально-идеальной плоскости («означающее» — материально, «означаемое» — идеально)⁴. Сторонники билатеральной концепции считают, что унилатералисты прямолинейно переносят понимание знака из философии и логики в лингвистику.

Отличительным свойством человеческого языка является двухмодусное его существование (язык — речь). Неповторимой чертой естественного языка по сравнению с другими знаковыми системами является его способность опосредованно обозначать не только предметный мир, но и его оценки, категории, свойства социально-психической жизни, что находит выражение в наличии огромного корпуса экспрессивно-стилистических и косвенных наименований. Ср.: *ведьма, цветы жизни, золотая свадьба* и др.

В связи с указанными отличительными чертами естественного языка унилатеральная теория языкового знака оказывается весьма уязвимой.

¹ См.: Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 92 и др.

² См.: Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. С. 113.

³ Лосев А.Ф. Язык. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 40, 61, 46.

⁴ См., например: Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 18-28.

Некоторые уязвимые стороны унилатеральной теории языкового знака вскрыты в работах А. А. Уфимцевой¹.

1. Если признать, что языковой знак — односторонняя физическая сущность, как и все другие искусственные знаки, а языковые единицы, учитывая специфику человеческого языка, — двусторонни, тогда возникает вопрос о целесообразности привлечения понятия «языковой знак» к описанию нашего языка. Оно применительно к естественному языку просто «не работает».

2. Если языковой знак понимается как односторонняя материальная данность, то как он может способствовать процессу познания? В чем в таком случае заключается процесс «превращения» внешних фактов в языковые значения?

Кардинальное отличие языкового знака от знаков искусственных систем в том и заключается, что связь значения и формы знака опосредована человеческим сознанием, закреплена человеческой памятью. Только закрепление определенных значений за материальной оболочкой знаков способствует процессу мышления и превращает естественный язык в средство познания.

Однако некоторые ученые (В.З. Панфилов, В. В. Библихин и др.) ведущую роль в процессе познания отводят материальной стороне языковых единиц, их формальной структуре.

Основные причины такого понимания языкового знака, вопреки языковым фактам, заключаются, по мнению А.А. Уфимцевой, в следующем:

1) определение знака как односторонней материальной сущности принимается под влиянием интерпретации этого понятия в философии, логике и общей семиотике;

2) происходит ошибочное отождествление понятий «звуковая сторона» (единицы) и «звуковая речь»; в последнем сочетании «звуковая» означает не «содержащая звуки», а «семасиологизированная» (по Бодуэну), или «означенная» речь;

3) забывается материалистическое положение о том, что отображение и обозначение происходят одновременно, более того, обозначение подчинено первому (отображению). Поэтому словесный знак не может быть сведен к обозначению, он наделяется и определенным понятийным содержанием, или значением.

Непоследовательность в понимании специфики словесного знака как материально-идеальной сущности проистекает еще и потому, что

¹ См.: Уфимцева А.А. Еще раз о билатеральности языкового знака // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 80—89.

одни исследователи, боясь впасть в идеализм, сводят языковой знак к материальной, физической его стороне, т. е. к форме знака, допуская, по мнению А. Уфимцевой, еще бóльшую ошибку, отрицая за словом функцию обобщения, функцию средства идеализации, закрепления и передачи от поколения к поколению обобщенного отражения человеком внешнего мира.

Другие ученые интерпретируют сущность языкового знака как исключительно психического феномена. В обоих случаях предмет изучения оказывается нелингвистическим: в первом он удел физики (акустики), а во втором — психологии.

Лингвистику интересуют обе стороны языкового знака, а именно: как тот или иной «кусочек речевой материи» оказывается в отношении обозначения к объекту, существующему во внеязыковой действительности. При этом целесообразно исходить из того, что определенный звукоряд может обозначать «кусочек» действительности только благодаря тому обстоятельству, что оба эти «кусочка» опосредованы человеческим сознанием. Средством же выражения обозначения является язык, механизм действия которого также расположен в сфере сознания.

1.2. КООРДИНАТЫ И КАТЕГОРИИ СЕМАНТИКИ

Эволюция семантической теории, от зарождения до ее современного состояния, убеждает нас в том, что природа и сущность языкового значения могут быть раскрыты только путем осмысления механизма взаимодействия трех главных составляющих речемыслительного космоса, которыми выступают познаваемая *действительность*, *мозг* человека, обладающий способностью познавать, и *язык* (в его триединстве «система языка — речь — речевая деятельность»). В процессе познания окружающего мира в нем выделяется предмет, в языке он получает знаковую репрезентацию, в мозгу человека он отражается в виде двух взаимосвязанных образов — мыслительного и языкового. Поиск сущности языкового значения предполагает определение тех речемыслительных координат, которые определяют семантическое пространство языка. Такие координаты должны, на наш взгляд, представлять собой величины, соотносимые с тремя составляющими речемыслительный космос: а) *референт* как поименованный предмет действительности; б) *отражение, мышление, сознание, познание* — категории, связанные с деятельностью мозга человека, и в) *единицы языка и речи* как знаковые средства формирования и выражения мысли.

Выделенные категории в теории языкового значения играют основополагающую роль, так как позволяют в концентрированном виде определить основные моменты отражательного процесса, разные этапы и грани формирования мыслительного содержания, а также его языковой материализации. Это понимают все ученые диалектико-материалистического толка. Однако нередко употребляют соответствующие термины весьма неоднозначно и фрагментарно, отчего их использование в отдельных работах по семантике носит почти «ритуальный» характер. Их научная ценность, несомненно, возрастет, если данные категории будут «работать» в системе, т. е. будут структурированы по отношению друг к другу в соответствии со своим лингво-гносеологическим содержанием.

В нашем представлении выделенное категориальное поле состоит из трех крупных блоков: а) блок познаваемых и обозначаемых объектов действительности; б) блок субъекта отражения; в) блок средств отражения и средств знаковой материализации продуктов отражения. В соответствии с этим выстраивается следующая последовательность речемыслительных категорий: 1) познаваемые *объекты* действительности; 2) отдельные предметы знакообозначения — *референты*; 3) классы однородных предметов знакообозначения — *денотаты*; 4) *мышление* — процесс взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом, средством осуществления которого служит мозг — отражающая высокоорганизованная материальная система, а его результатом является отражение действительности в форме ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений и т. п.; 5) *сознание* — высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к этой действительности; структурными компонентами сознания, таким образом, являются когнитивные (понятия) и некогнитивные элементы (чувства, эмоции, воля и др.); б) *познание* — процесс отражения и воспроизведение в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знания. Знание, как показывает анализ данных определений, выступает общим элементом в содержании последних трех категорий: *знание* — совокупность результатов отражения и как таковое является содержанием и способом существования сознания; *мышление* — способ получения знания; а *сознание* (со-знание) — это соотнесение знаний с действительностью, одного знания с другим. Знание как способ существования сознания закрепляется в языке, точнее, фиксируется и хранится при помощи языковых знаков в виде *языкового знания*. Следовательно, если когнитивное значение является содержанием и способом существования сознания вообще, то языковое знание является содержанием и спосо-

бом существования *языкового сознания*¹. Когнитивное и языковое знания о референте различаются формами существования и проявления. Когнитивное знание проявляется или в физической форме (в виде действия в соответствии с природными свойствами референта), или в форме психической деятельности, оперируя представлениями и образами. Специфической формой выражения языкового знания является *языковое значение*¹.

Таким образом, следует различать две взаимосвязанные ментальные сферы: а) когнитивную ментальность, т. е. наглядно-образное отражение мира по схеме: предметно-образное *мышление* (способ отражения, способ познания) — когнитивное *сознание* (продукт отражения и хранения социально-исторического опыта) — когнитивное *знание* (содержание и способ существования когнитивного сознания) — предметное *значение* (форма существования представлений и образов); б) языковую ментальность³, т. е. языковое представление действительности в преломлении соответствующих языковых категорий по схеме: языковое/речевое *мышление* (лингвосемиотический способ познания) — языковое *сознание* (закрепленный за языковыми формами и категориями способ вторичного отражения социально-исторического опыта) — языковое *знание* (содержание и способ существования языкового сознания) — языковое *значение* (форма выражения языкового знания).

Каждая из двух ментальных сфер характеризуется специфически нейродинамическими механизмами, во взаимодействии которых и порождается языковое значение. Поданным психолингвистики, оно представляет собой результат качественно иного осмысления исходного (наглядно-опытного) отражения поименованного предмета, дополняет, обобщает его, вводит, по словам А. Н. Леонтьева, в новые связи и отношения. В этом смысле язык подчинен мышлению, о чем писал Э. Сепир: «...Язык по своей сути есть функция до-рассудочная. Он смиренно следует за мышлением, структура и формы которого скрыты... язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль»⁴. Причем подчинение языка мышлению носит эвристический,

¹ Ср.: Жаль К.К. Язык как практическое сознание: Философский анализ. Киев: Вища шк., 1990. С. 47.

² Ср.: Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. Кишинев: Штиинпа, 1978. С. 27.

³ См.: Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110.

⁴ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 36.

«творческий» характер. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, — отмечает А. Р. Лурия, — заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово — это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром»¹. Все это оказывается возможным благодаря особым свойствам языкового значения: не будучи отражением в гносеологическом смысле, в слове как «особой форме отражения» происходит *кодирование* и *категоризация* когнитивного знания в знаковой (символической) форме², которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных языковых формах. Ср.: *душлаг, сбивалка, решето, сито, шумовка* — «дырявые предметы кухонного назначения» и *жаровня, вертел, сковородка* — «кухонные предметы, в которых жарят»³. В ходе подобной категоризации языковое сознание осуществляет сложную аналитическую и синтетическую работу. Расчлняя при помощи языка предметно-опытные знания на элементы и устанавливая между ними определенные связи и отношения (сходства, тождества, различия, принадлежности), мы тем самым обогащаем исходные когнитивные знания знаниями языковыми (лексико-семантическими, грамматическими и лингвопрагматическими), формой выражения которых являются языковые значения. Именуя познаваемые предметы, языковые знаки, с одной стороны, вбирают и фиксируют в своих значениях обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, а с другой — подвергают его «давлению системы» языка, вводя соответствующие знаки в уже сложившиеся языковые отношения — *эпидигматические*, или деривационно-смысловые (Д. Н. Шмелёв), *семантические* (полисемичные, антонимичные, синонимичные, гипонимические и др. парадигматические связи в семантическом поле), *синтагматические* (сочетаемостью) и *стилистические*.

Следовательно, языковые значения по своему содержанию неотожествимы с мыслительными категориями: они «не являются непо-

¹ Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 37.

² Ср.: Семантика и категоризация / Фрумкина Р. М. и др. М.: Наука, 1991. С. 45.

³ Там же. С. 89-90.

средственными образами действительности», поскольку последние «многократно опосредованы и специфически преломлены в знаковой системе»¹. В этой связи целесообразно вспомнить ставшие крылатыми изречения создателей речемыслительной парадигмы в отечественной науке о значении слова: «Слово есть не столько выражение, сколько средство создания мысли»²; «Мысль не выражается, но совершенствуется в слове»³. Эти положения легли в основу современного психолингвистического понимания языка как функциональной динамической системы⁴ в отличие от тех концепций, где о языке говорят как о статической системе, как о «складе знаковых отпечатков» (Э. П. Шубин, А. Е. Карлинский и др.).

Динамический подход к языку⁵, подготовленный философской и лингвистической мыслью последних двух столетий, обладает, на наш взгляд, тем диагностическим и объяснительным потенциалом, который позволяет адекватно осмыслить природу и сущность языкового значения как структуру представления знаний, полученных в результате речемыслительной деятельности. Приблизиться к истине можно, разумеется, разными способами (ономасиологическим, семасиологическим, психолингвистическим и т. п.). Однако для критического освещения дискуссионных проблем языковой семантики есть смысл избрать традиционный путь, пытаюсь, по возможности и необходимости, наполнить соотношение известных категорий содержанием. Это соотношение языкового значения с соответствующими типами когнитивного и языкового знания — понятием, функцией, значимостью и употреблением одного знания с другим. Рассматриваемые категории — мыслительные и, как любые идеальные явления, нуждаются в материальных средствах своего выражения. Таковыми служат различного рода знаковые образования. Наиболее совершенными и универсальными из них являются языковые знаки.

Стало традиционным утверждение о том, что язык и мышление едины. Даже появление замечательной книги Б. А. Серебrenникова

¹ *Котелова Н.Э.* Семантика языка и внеязыковые знания (в аспекте обратных связей) // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 23.

² *Потебня А.А.* Мысль и язык // *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 29-30.

³ *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 330.

⁴ См.: *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 50.

⁵ *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. С. 39.

«Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (М., 1988), в которой достаточно убедительно с опорой на новейшие достижения психолингвистики и нейропсихологии показана относительная самостоятельность этих двух взаимодействующих феноменов, не смогло разрушить методологические основы традиционного подхода к пониманию природы языкового значения. Так, Г. В. Колшанский, например, продолжает настаивать, что «активный процесс отражения действительности в сознании человека сопровождается одновременно активным процессом речепорождения» (выделено нами. — *Н. А.*), что признание опережающего характера мышления (П. К. Анохин, Д. Н. Узнадзе) «не разрушает единство языка и мышления»¹. Столь откровенное концептуальное противостояние полюсных направлений в современной психосемантике порождает, разумеется, весьма неоднозначное понимание природы языкового значения: от отождествления мыслительных и языковых категорий — до их автономности (хотя и относительной), способной формировать соответственно когнитивную и языковую картину мира². Полагаем, что многие противоречия можно было бы устранить путем четкого разграничения параметров соотношения логической и языковой семантики. В настоящее время многие «разночтения» возникают в результате неразличения их (а) генетического и (б) функционального соотношения. В первом случае речь идет о роли языка в формировании и выражении мыслительных категорий, а во втором — о роли языка и речи в функционировании уже сформировавшихся мыслительных категорий. Не менее важным фактором непротиворечивого понимания проблемы соотношения категорий логической и языковой семантики является последовательное различение философского и лингвистического содержания понятия «язык»: с одной стороны, это универсальное понятие — система знаковых средств чувственно-предметного характера, кодирующих информацию о действительности, а с другой — естественный (человеческий) язык. Понятие «универсальный язык» включает в себя различные внутренние и внешние коды, соответственно (а) мозговые нейродинамические системы, получившие разные именованья: «языки мозга» (К. Прибрам, И. Ф. Вардоль), «универсально-предметный код» (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), «язык пространственно-временных гештальтов» (Л. М. Веккер), «язык чувственного познания» (С. М. Шалютин), и (б) протоязыки (термин Е. И. Исениной) — кинезнаки,

¹ *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 10-11.

² См.: Теория познания: В 4 т. / Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 294.

мимеознаки, вокознаки, физиознаки¹. Следовательно, это не язык в обычном понимании. Нередко в работах по психосемантике термин «язык» употребляют расширительно, обозначая им любую знаковую систему, любой способ передачи информации и закрепления мысли. В таком случае следует согласиться, что мыслительные и языковые категории действительно представляют собой диалектическое единство и в генетическом, и в функциональном плане. Сложнее согласиться с таким утверждением, если этим термином называть естественный (человеческий) язык. Все сомнения, вызываемые подобными размышлениями, устраняет С. М. Шалютин: «Мысль всегда имеет "знаковое", речевое бытие, но это бытие не обязательно является словесным»². Данное положение находит обоснование в учении о первой и второй сигнальных системах, в соответствии с которым допонятийные формы мышления предполагают наличие несловесных знаковых средств, физиологической основой которых служит первая сигнальная система. И наоборот, понятийное мышление осуществляется при помощи системы языковых знаков; их физиологической базой является вторая сигнальная система³. Следовательно, сущность языкового значения следует искать в своеобразии знаковой фиксации высших (понятийных) форм отражения действительности. При этом следует помнить, что понимание языкового значения будет неполным, если вне поля зрения семасиологии окажется связь языка с процессами ощущения, восприятия и представления. Чувственно-наглядное (т. е. допонятийное) отражение является основой формирования эмоционального значения слов и фразеологизмов или его составляющей — эмоциональной коннотации, сопровождающей логико-предметный компонент значения⁴. Итак, раскрыть природу и сущность языкового значения — значит объяснить взаимосвязь трех основных «участников» его формирования: объекта обозначения, его отражения в сознании человека в форме понятия или представления и знака. Их триединство — основа построения любой модели языкового значения. Однако классическим образцом такого моделирования является семантический треугольник Ч. К. Огдена и А. Ричардса.

¹ См.: *Исенина Е.И.* Психолингвистические закономерности онтогенеза (дословный период). Иваново, 1983. С. 70.

² *Шалютин С.М.* Искусственный интеллект. М., 1985. С. 42.

³ См.: *Ушакова Т.Н.* Функциональные структуры второй сигнальной системы. М., 1979; *Шингаров Г.Х.* Условный рефлекс и проблема знака и значения. М.: Наука, 1978.

⁴ См.: *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.

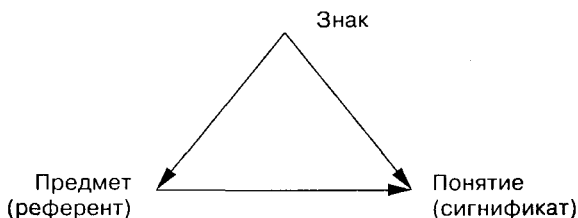

Рис. 2

Смысловое содержание этой модели включает три типа отношений: словесный знак обозначает (называет, именует) предмет действительности, или референт, который отражается в сознании в виде понятия, или сигнификата, выражаемого (материализуемого) при помощи того же знака. Несмотря на огромную популярность этой модели, объяснить по ней непротиворечиво сущность языкового значения весьма сложно. Искомая сущность по такой модели может быть интерпретирована неоднозначно: или по линии отношения «знак → предмет», или по линии знакового выражения понятия об именуемом предмете. В первом случае сущность языкового значения определяется предметной отнесенностью знака, т. е. референцией, а во втором — понятийным отражением предмета номинации в нашем сознании. Поэтому абстрагированная модель Огдена—Ричардса получает в современной семиологии некоторую конкретизацию. Ее характер зависит главным образом от того, какую семиотическую концепцию исповедует автор — монолатеральную (унилатеральную) или билатеральную. (Ср. модели Р.А. Будагова, Ю.С. Степанова, Б.Н. Головина и А.А. Уфимцевой.)

Для теории языкового значения особо важным моментом является отображение связей обозначаемого и обозначающего в сознании человека. С этой целью семантический треугольник получает у И. П. Распопова двухъярусное изображение, причем его вершину образует мыслительная категория — понятие (ср. рис. 2).

Рис. 3

Достоинством данной модели является двунаправленная связь знака: он взаимодействует не только с конкретно-чувственным образом обозначаемого предмета, но и с понятием о нем. Спорным здесь, правда, оказывается использование термина «знак». Если заштрихованная часть — сфера психики, то реальный предмет обозначения отражается в ней в форме образа предмета, а звучащее слово в виде образа акустического. Следовательно, под термином «знак» в рассматриваемой модели подразумевается только акустический образ фонетического слова. В таком случае интерпретация знака и значения основывается на его сосюрсовском понимании: знак двусторонняя психическая сущность, а значение принадлежит знаку. Однако такое толкование заводит в тупик: язык как система знаков лишается возможности выполнять свое главное предназначение — быть средством общения, ибо обмен информацией посредством идеальных сущностей невозможен, так как «знак» локализуется «в мозгу» человека и без участия материального образования не может быть «выведен» из сознания и его значение окажется недоступно коммуникантам. Подобная ситуация складывается тогда, когда знак понимается как исключительно материальное образование. «Материальные знаки не могут быть введены в сознание в силу их массивной вещественности и "телесности", а следовательно, знаковое "языковое" мышление невозможно»¹. Невозможной становится и коммуникация. И тем не менее коммуникация между людьми осуществляется главным образом при помощи знаков естественного языка. Значит, последние должны представлять собой материально-идеальные сущности. Значение словесного знака как своеобразный продукт речемыслительной деятельности человека генетически и функционально связано и с обозначаемым предметом, и с понятием об этом предмете. Обозначаемый предмет кодируется в языковом значении при помощи особой мыслительной операции — представления о предмете, именуемого термином *денотат*; понятие о предмете номинации — когнитивная (логическая) основа значения, называемая термином *сигнификат*. Такое понимание природы языкового значения предполагает преобразование семантического треугольника в семантическую пирамиду.

Основанием семантической пирамиды, или смыслообразующими центрами, служат поименованный предмет (референт), типовое представление его в нашем сознании (денотат), вербализованное понятие (сигнификат) и когнитивное (логическое) понятие о предмете номи-

¹ Васильев С.А. Язык как феномен психики. Знаки языка и знаки речи // Структура и смысл. Киев: Наук. думка, 1989. С. 62.

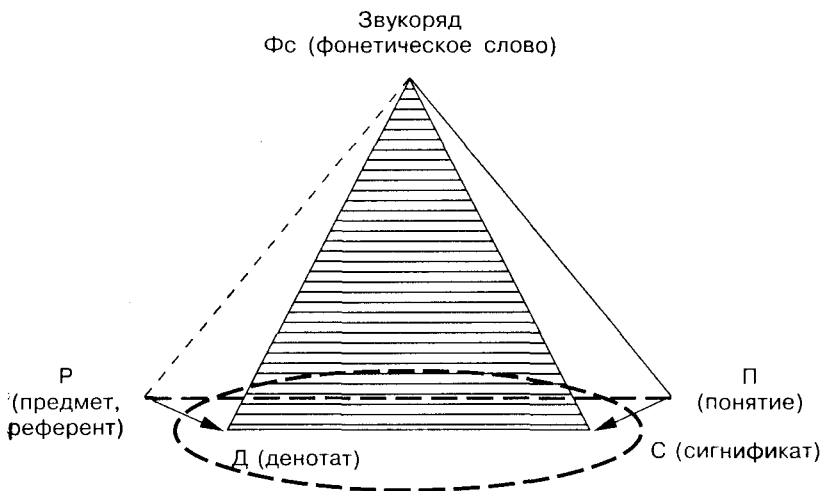

Рис. 4

нации. Фонетическое слово связано с каждым из них особым функциональным отношением: а) оно именуется, или называет предмет (референт) — отношение *референции*; б) обозначает типовое представление о предмете (денотате) — отношение *денотации*; в) выражает отраженные в сознании объективные и/или субъективно-оценочные признаки предмета (сигнификат) — отношение *сигнификации*; г) соотносится с когнитивным понятием — отношение *когниции*. В нашем понимании не только сигнификат, но и денотат — идеальные сущности, поскольку оба являются результатом интериоризации (превращения внешнего во внутреннее) когнитивного понятия в компонент (наиболее существенный, основной) языкового значения; денотативный компонент представляет в значении экстенционал, или объем понятия, а сигнификативный — интенционал, или содержание понятия. Двудинство денотата и сигнификата составляет план содержания языкового знака, его означаемое, а фонетическое слово — план выражения знака, его означающее. Следовательно, в предлагаемой семантической пирамиде языковой знак представлен заштрихованной ее стороной. Значение языкового знака индуцируется элементами означаемого, его денотативным и сигнификативным компонентами. Пунктирные линии обозначают непрямую связь: а) ФсР — фонетическое слово соотносится с референтом опосредованно: через понятие о наименованном предмете; б) РР показывает: характер и тип репрезентации в языковой семантике когнитивного и языкового знания служит основанием

для выделения в пределах категории «языковое значение» нескольких субкатегорий — «лексическое значение», «фразеологическое значение», «грамматическое значение», «словообразовательное значение» и некоторые другие.

Лексическое значение

Структура представления когнитивного и языкового знания в значении словесных знаков зависит, по мнению А. А. Уфимцевой, от двух присущих им фундаментальных свойств — от характера смыслового содержания и выполняемых функций¹. Учитывая терминологическую неопределенность выражения «смысловое содержание», считаем целесообразным заменить его общеупотребительным термином «денотативная отнесенность». По данным свойствам словесные знаки классифицируются в отечественном языкознании по принципу бинарных оппозиций: полнозначные — неполнозначные (А. М. Пешковский), знаменательные — служебные (В. В. Виноградов), знаки-информаторы — знаки-дистинкторы (Ю. С. Маслов). Не оценивая терминологической целесообразности, отметим, что словесные знаки, принадлежащие к первому члену оппозиции, содержат преимущественно когнитивные знания, а знаки, находящиеся на противоположном полюсе оппозиции, представляют главным образом внутрисистемные (языковые) знания.

Разряд знаменательных слов, выполняющих номинативно-репрезентативную функцию, содержит в своих значениях знания о качественных свойствах именуемых объектов (имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия), которым противопоставляются значения, объективирующие знания о количественных признаках называемых реалий (имена числительные).

Класс имен существительных обладает значениями, (а) содержащими знания о свойствах и признаках серийных предметов типа *книга, река, дорога, ягода* (имена нарицательные), и (б) знания об индивидуализирующих признаках (выделительных, указательных) типа *Волга, Омск, Андрей* (имена собственные).

Разряд служебных слов характеризуется значениями, выражающими знания не о предметах номинации, а о разного рода отношениях между ними, о чем свидетельствуют сами названия входящих в данный разряд семиологических классов: а) дейктические знаки типа *я, он, здесь, сейчас* (местоимения личные, указательные, притяжатель-

¹ См.: Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. С. 96.

ные); б) знаки-заместители (знаменательных имен)—местоимения указательные, вопросительные и др.; в) связочные знаки (союзы, предлоги); г) знаки-актуализаторы (частицы, некоторые прилагательные)¹. Отдельный разряд составляют знаки, значения которых объективируют чувства, эмоции и оценки (модальные слова, междометия).

1.3. ЗНАЧЕНИЕ И ПОНЯТИЕ

Проблема соотношения значения слова и понятия для отечественной менталингвистики традиционна. Ее осмысление всецело зависит от двух противоположных менталингвистических положений: а) язык и мышление едины² и б) язык и мышление, хотя связаны друг с другом, все же обладают относительной самостоятельностью³. В первом случае «понятие» и «значение» отождествляются, а во втором —разграничиваются. При этом, следует заметить, проблема решалась главным образом в рамках одной науки —логики, философии, психологии или языкознания, что не способствовало, разумеется, созданию более или менее объективного представления о том, что все же собой представляет идеальное в словесном знаке. Нередко идеальное в слове разъяснялось простым соположением терминов «значение» и «понятие». Так, например, Е. М. Галкина-Федорук пишет: «Слово содержит в себе материальное и идеальное. Материальное в слове —звуковое оформление, *идеальное — значение слова, понятие*» (выделено нами.— Н. А.)⁴. Такое соположение является фактически отождествлением значения и понятия как идеальной стороны словесного знака. Данное понимание находилось в полном соответствии с достижениями и состоянием отечественной науки середины XX века.

Основанием для отождествления рассматриваемых идеальных образований служит их общее свойство — способность обобщать. Ср. у Ю. С. Степанова: 1) «Понятие отражает наиболее общие и одновременно наиболее существенные признаки предмета или явления» и 2) «Значение слова отражает общие и одновременно существенные при-

¹ См.: Уфимцева А.А. Указ. соч. С. 98; Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981. С. 45.

² См.: Попов П.С. Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления // Вестник Моск. ун-та. 1954. № 4.

³ См.: Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. Кишинев: Штиинца, 1978. С. 29.

⁴ Галкина-Федорук Е.М. Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания // Иностр. яз. в школе. 1952. № 2. С. 8—11.

знаки предмета, познанные в общественной практике людей»¹. Однако, несмотря на практически одинаковые характеристики гносеологической сущности слова и понятия, ученый признает, что «в очень многих словах значение при всей его близости к понятию нельзя целиком отождествить с понятием»² по той причине, что не для всех поименованных явлений выработаны понятия как *обобщенные* отражения их наиболее существенных признаков. Обратное невозможно: «Без слов понятия существовать не могут»³; «Слово является орудием образования понятия, способом его материализации и выражения»⁴. Несмотря на своеобразные и аспектные интерпретации рассматриваемого соотношения, они все же сохраняют объединяющую их идею: понятие и значение представляют собой генетическое и функциональное единство.

Широкое распространение данной точки зрения на фоне современных достижений семасиологии не исключает постановки новых менталингвистических вопросов. Во-первых, если понятие и значение тождественны, поскольку выполняют одну и ту же функцию отражения, не являются ли эти категории дублирующими? Во-вторых, действительно ли они «отражают»? И, в-третьих, можно ли отождествлять данные категории, если условием и орудием формирования, способом существования понятия является слово, но не все слова выражают понятия: они могут выражать и те явления, для которых понятия еще не выработаны?

Ответить на поставленные вопросы можно, пожалуй, лишь используя в необходимом сочетании данные современной семасиологии и психолингвистики.

Прежде всего, полагаем, следует согласиться с тем, что для уяснения генетической связи понятия и слова необходимо обратиться к первоисточкам формирования понятий, чтобы осмыслить роль слова в процессе перехода от живого созерцания к мысли. На первый взгляд, это противоречит общепринятому мнению о том, что вербализации подвергаются лишь высшие, наиболее абстрактные формы отражения действительности и на этой основе выделяются дословесные и словесные формы мышления. Так, у А. Д. Наседкина читаем: «Когда мы обнаруживаем неизвестный нам предмет, то впервые сведения о его

¹ Степанов ЮС. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1956. С. 35.

⁴ Ерахтин А.В. Диалектика становления мышления и сознания. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 40.

содержании мы получаем в форме живого созерцания, в виде некоторого множества переживаемых нами ощущений и чувственных образов¹. Они служат основой порождения понятий. «Образование понятий,— пишет Л. О. Резников,— происходит путем отвлечения и обобщения каких-либо сторон этих чувственных образов и осознания их как особых, самостоятельных содержаний мысли...»². В данной работе (в свое время достаточно популярной) автор акцентирует внимание на том, что необходимо для образования понятий.

Необходимо, чтобы выделенные признаки (стороны) предмета или явления были (а) абстрагированы, отвлечены и (б) обобщены, а результаты такого обобщения (т. е. содержание понятия) (в) были удержаны в сознании в такой форме и таким способом, чтобы они могли ясно (г) осознаваться, (д) легко воспроизводиться и (е) свободно включаться в дальнейшие мыслительные операции. Считаем важным отметить, что первые три критерия — условия образования понятия, а три последних — требование к материализованным средствам (формам) его существования. Большинство исследователей, как правило *a priori*, единодушны: этим требованиям отвечает словесный знак. Однако для выяснения природы и сущности лексического значения этого явно недостаточно.

Если действительно средством формирования понятия является словесный знак (разумеется, наряду с другими знаками мысли), то небезынтересно выяснить, какова его роль уже на начальном этапе образования понятия, который, как утверждают философы и психологи, суть наглядно-образного познания мира. Есть некоторые основания предполагать, что непосредственно с начального этапа познания действительности и тем более на более высоких стадиях отражения происходит формирование тех разноуровневых знаний, которые, будучи способом существования сознания, обретают позже (после их интеллектуально-оценочной интерпретации в этноязыковом коллективе) статус макрокомпонентов лексического или фразеологического значения — эмотивного, мотивационного, оценочного, дескриптивного (денотативного), коннотативного, категориально-грамматического.

Роль знаков на всех этапах познания действительности и особенно роль словесных знаков на продвинутом этапе освоения мира теснейшим образом связана с нейродинамической деятельностью правого и

¹ Наседкин А.Д. Язык как средство формирования мысли // Язык и мышление. М., 1967. С. 70.

² Резников Л.О. Понятие и слово. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1958. С. 10.

левого полушарий (далее — ПП и ЛП) коры головного мозга и механизмами перекодирования информации от первой сигнальной системы ко второй.

Информация, полученная путем наглядно-образного отражения познаваемого объекта, локализуется сначала в ПП в простой форме психического отражения — *ощущении*, где фиксируются отдельные признаки и свойства отражаемого предмета в момент их воздействия на органы чувств. На первоначальном этапе познания они фиксируются, вполне понятно, в виде безусловно-рефлекторных сигналов, но позже, если отдельные признаки оказываются социально значимыми, т. е. существенными для любой деятельности человека, они подвергаются интериоризации, превращаясь в смысловые элементы языкового значения — *семы*. «Вряд ли можно сомневаться в том, — пишет Г. Х. Шингаров, — что любой раздражитель [...], до того как становится сигнальным, несет в себе какую-то информацию для организма, но значение для определенной его деятельности он приобретает только становясь элементом условно-рефлекторной деятельности»¹. Пожалуй, первыми предпосылками превращения субъективной информации, полученной на этапе ощущения, в социально значимую являются механизмы *восприятия*, когда отдельные признаки вещи объединяются и в совокупности своей создают ее образ, также возникающий в момент ее воздействия на органы чувств. Это уже стадия перцептивной психики, позволяющая субъекту правильно ориентироваться в изменяющейся обстановке (А. В. Ерахтин). На этой стадии познания зарождаются те «личностные смыслы» (по А. Н. Леонтьеву, личное отношение человека к миру), которые на этапе вербализации продуктов отражения могут быть трансформированы в так называемые релятивные, эмотивные и оценочные компоненты лексического или фразеологического значения, поскольку, по меткому определению А. Н. Леонтьева, «личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания»². Для формирования будущего значения слова восприятие ценно тем, что на данном этапе познания впервые, видимо, анализ предмета познания (выделение совокупности его признаков и свойств) сочетается с модально-оценочной деятельностью человека. Не случайно, по словам Н. И. Жинкина, «в классической, старой психологии восприятием называется процесс анализа наличного объекта»³. С уда-

¹ Шингаров Г.Х. Условный рефлекс и проблема знака и значения. М.: Наука, 1978. С.41.

² Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Наука, 1975. С. 147.

³ Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. С. 46.

лением этого объекта в гносеологический процесс формирования лексического значения включается *представление* — форма отражения, порождающая образы предметов, которые воспринимались ранее.

Принято считать, что представление как конкретное, моментальное и вместе с тем глобальное освоение ситуации (гештальт) — форма исключительно чувственного отражения действительности. В таком случае его роль в формировании смысловых компонентов лексического значения мало чем отличалась бы от изложенного выше. Для теории языкового значения оказывается более важной другая концепция, согласно которой представление рассматривается как переходная форма между конкретно-чувственным и понятийным отражением. Мы же склонны присоединиться к третьей точке зрения, называющей представление начальной фазой абстрактного мышления, оперирующей уже не только предметными образами (средствами ситуативного интеллекта, по А. Валлону), но и символами (семиотический интеллект, по Ж. Пиаже). Представление принимает непосредственное участие в формировании смысловых компонентов лексического и фразеологического значения, поскольку в филогенезе само возникновение представления ведет к возникновению языка. «Представление, — пишет А. Валлон, — является первой ступенью символа, но это потому, что оно стремится уже к языку [...], который манипулирует предметами посредством символов»¹, и в результате конкретные представления через языковые знаки социализируются, подвергаясь интериоризации и превращаясь в знания, объективируемые денотативным компонентом лексического значения. Иными словами, на этом этапе симультанная (одновременная, целостная) схема образного отражения переводится во внутреннюю структуру денотативного значения слов и фразеологизмов. Происходит формирование объема тех понятийных знаний, которые составляют экстенционал значения, т. е. то денотативное пространство, с которым соотносится номинативная единица языка. Ср.: эти *цветы* и *цветы* вообще (розы, георгины, лютики и т. д.), читаю *книгу* и *книга* — источник знаний; *тертый калач* как кондитерское изделие (отсюда пословица *не терт, не мят, не будет калач*) и фразеологизм *тертый калач* — 'очень опытный, много испытавший на своем веку человек, которого трудно провести' (экстенционал этого значения — все люди, обладающие такими качествами).

Формирование представления (образа), как можно было убедиться, уже не опирается на механизмы первой (безусловно-рефлекторной) сигнальной системы. Налицо элементарное отвлечение от кон-

¹ Валлон А. От действия к мысли. М., 1956. С. 167.

кретно воздействующего объекта, простейшая операция абстрагирования, «открывающая дверь» в семиотический мир второй (условно-рефлекторной) сигнальной системы, за которую отвечают специальные, речевые, зоны коры головного мозга. И здесь особо важно (для понимания природы языкового значения) показать хотя бы в общем виде нейродинамические основы формирования лексического значения.

Перекодирование информации, необходимой для формирования лексического значения, основано на совместной, едино-системной работе левого и правого полушарий коры головного мозга, по-разному отражающих мир. Левое полушарие (ЛП) ответственно за переработку знаковой информации, поэтому его называют вербальным, формально-логическим. Правое полушарие (ПП) специализировано на переработке наглядно-образной информации. Однако для понимания структурно-генетического динамизма значения необходимо продемонстрировать общую схему совместной работы ЛП и ПП.

Познаваемые объекты отражаются в ПП в виде целостной наглядно-образной картины как некая совокупность признаков и свойств отражаемого. Причем эта картина-образ не обязательно вербализована, «ведь язык, — по данным Л. В. Сахарного, — не единственное орудие мысли»¹. Однако если человеку кажется, что того знакообозначения, которым располагает ПП, недостаточно, он прибегает к расчленению целостного представления на компоненты, пытаясь постичь более глубокий смысл познаваемого объекта и в соответствии с ним дать ему имя. Но это уже «функциональные обязанности» ЛП, где и происходит не только необходимое расчленение целого, но и именуются выделенные признаки. Тем самым они подвергаются логической обработке: поименованные признаки систематизируются, упорядочиваются, включаются в ранее сформированную систему представлений. Для такого осмысления внутренней сути познаваемого объекта ЛП располагает «своими» средствами: грамматическим механизмом, абстрактными словами, служебными словами, синонимико-антонимической парадигматикой и т. д. Данные средства позволяют ЛП не только произвести анализ материала, «добытого» ПП, но и осуществить его концептуальный синтез. После получения нового, углубленного знания уже поименованная картина снова отправляется в распоряжение ПП, где она сливается с первичной картиной — образом-эталоном. Если словесный знак оказывается неадекватным эталону, процедура повторяется до тех пор, пока словесный знак не будет соответ-

¹ Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 78.

ствовать ранее полученному представлению о предмете знакообозначения. Повторные перекодирования информации из ПП в ЛП все больше удаляют образ поименованного объекта от первичного продукта конкретно-чувственного отражения (референта), поскольку признаки предмета, полученные при более дробном его членении, включаются во вторичные (более абстрагированные) связи и отношения. В итоге безусловно-рефлекторные сигналы ослабляются, вытесняясь условно-рефлекторными знаками, которые закрепляют в своем значении не целостное представление (образ), а структуру выделенных признаков, нашедших новое рефлекторное подкрепление¹ и преобразовавшихся в семантические элементы лексического значения не только денотативного, но и сигнификативного характера. Такое преобразование становится возможным потому, что второсигнальные средства мышления становятся, в отличие от безусловно-рефлекторных, знаковыми, то есть *условными*, поскольку утрачивают «природную», конкретно-образную связь с предметом номинации, *осознанными*, поскольку фиксируют смысловые отношения (модальные, оценочные, эмотивные), и *социально обусловленными*.

Уточним, что в данном случае речь идет пока не об именовании предмета познания, а о вербализуемом анализе и синтезе того материала, который отправлен ПП в ЛП для его осмысления. При этом происходит социально обусловленный отбор тех признаков, которые в процессе семасиологизации интериоризируются в структуру лексического значения уже в качестве семантических признаков. Дело в том, что при подкреплении одного признака предмета и неподкреплении другого любая дробная часть общего представления оказывается связанной условной реакцией. Возбуждения же других нейронных популяций, оставшихся неподкрепленными, теряют свое сигнальное значение. Так, поданным Н. И. Чуприковой, происходит соединение все более дробных признаков познаваемого объекта с вербальными знаками². В результате аналитико-синтетическая деятельность ЛП выделяет и обобщает наиболее существенные (для данного языкового коллектива на данной стадии его социально-исторического развития) признаки и свойства объекта номинации. А путем концептуального синтеза подвергая их новому структурированию, превращает семасио-

¹ Подкрепление — «процесс, благодаря которому при совпадении во времени двух раздражителей происходит превращение одного из них в фактор, вызывающий деятельность другого» (*Шингаров Г.Х. Условный рефлекс и проблема знака и значения. М.: Наука, 1978. С. 119.*)

² Более подробно см.: *Чуприкова Н.И. Возможный механизм перехода от чувственного познания к отвлеченному мышлению // Вopr. психологии. 1978. № 6. С. 56.*

логизированные признаки в элементарные смыслы содержания выражаемого таким способом понятия — *интенционала* лексического значения.

Итак, в результате условно-рефлекторной связи с обозначающим словесного знака общее высвобождается из единичного (конкретно-предметной формы образа — представления) и преобразуется в обыденное понятие.

В результате взаимодействия нейродинамических механизмов мозга и семиологических ресурсов языка формируется семантическая структура слова — образный, денотативный (экстенционал) и сигнификативный (интенционал) макрокомпоненты его значения.

Однако этот процесс представляет собой непрерывный поток сознания, наслаивающий на сформировавшиеся значения новые сознания, которые «врастают» в семантику слов и фразеологизмов и становятся их неотъемлемым свойством — коннотативным смысловым элементом. По метафоричному выражению Б.М. Гаспарова, «извлекаемые из памяти фрагменты языковой ткани модифицируются, адаптируясь друг к другу; они подвергаются всевозможным усечениям, наращиваниям, аналогическим подменам [...], контаминациям, метатезам; они срastaются друг с другом, растекаются по разным точкам высказывания, редуцируются до едва намеченных, мерцающих намеков»¹. Все это требует дополнительных размышлений о параметрах соотношения значения слова и понятия.

Параметры соотношения «понятие — значение»

Не только предметом продолжающейся дискуссии, но и краеугольным камнем любой семантической теории остается вопрос о том, как соотносятся слово и понятие. Существует два противоположных ответа на этот, видимо, сакраментальный для лингвогносеологии вопрос: а) значение слова — не более чем понятие, б) значение слова нечто особое, отличное от понятия, не совпадающее с ним². отождествление значения и понятия чаще встречается в литературе по логике и философии. Происходит это, надо думать, потому, что авторы таких работ не учитывают результаты, полученные в современной семасиологии и психолингвистике (Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, Л.М. Васильев, Б. Ю. Городецкий, Е. С. Кубрякова, А.А.Леонтьев, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, В. Н. Телия и др.). Размышления, изложенные в преды-

¹ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 14.

² См.: Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

дущем параграфе, по нашему замыслу, должны были подвести к пониманию того, что в «осознании действительности принимают участие два относительно независимых инструмента — *мысль* и *язык*, а результаты познания находят свое отражение соответственно в *понятиях* и *значениях*» (выделено нами. — *Н. А.*)¹.

Пожалуй, впервые в отечественной семасиологии необходимость разграничения значения и понятия было доказана Л. С. Ковтун и О. С. Ахмановой. Так, по мнению О. С. Ахмановой, понятие как основная единица мышления является отражением закономерностей общего, а значения «вполне логично могут предстать как понятия, связанные с определенным звучанием»². При этом проводится мысль о том, что объемы понятия и значения слова, его выражающего, не совпадают, поскольку понятие, в понимании О. С. Ахмановой, обладает трехсторонней обусловленностью: а) как продукт познания оно представляет общее в предмете познания; б) как идеальное образование понятие не существует вне слова; в) содержание понятия (результаты отражения) модифицируется и совершенствуется его отношениями с другими понятиями, т. е. той системой понятий, в которую входит данное отдельное понятие. Поскольку слово лишь один из факторов, определяющих сущность понятия, то его значение по сравнению с содержанием понятия оказывается уже. Понятие, разъясняют сторонники такого подхода (например, Э. М. Ахунзянов), обычно оказывается шире лексического значения слова³. Хотя в понятии и сосредоточивается обобщенное знание человека о познаваемом объекте, зафиксированное словом, все же это обобщенное знание не находит полного выражения в лексическом значении. В значениях разных слов могут кодироваться разные стороны понятия, разные совокупности обобщенных признаков познаваемого объекта действительности. Свидетельством тому, считает Э. М. Ахунзянов, может быть наличие в языке синонимов типа *сказать*, *произнести*, *проговорить*, *промолвить*, *проронить*, *изречь*. В таком синонимическом ряду, по мнению автора, одно и то же понятие выражается разными словами. Поэтому понятие, не совпадая по объему со значением, не может найти полного своего воплощения в слове. Было бы ошибочным думать, что в языке столько слов, сколько понятий. Сделанные выводы не вызывают возражений. Однако сами

¹ *Портнов А. Н.* Роль языка в осознании действительности // Диалектика сознания и познания. Иваново, 1974; см. также: *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., Наука, 1988. С. 188.

² *Ахманова О. С.* Указ. соч. С. 29.

³ *Ахунзянов Э. М.* Общее языкознание. Казань, 1969. С. 107.

аргументы и рассуждения, им предшествующие, подвергаются в семасиологии справедливой критике.

Во-первых, действительно, понятие — это высшая форма отражения человеком обобщенных свойств и признаков познаваемого объекта, способом существования которой является язык. Однако в языке находят выражение не только результаты понятийного отражения, но и сложное многообразие психики — внутренний мир переживаний человека, размышлений, ценностных суждений¹. Ср.: *бездействовать* и *ждать уморя погоды*, разг. — 'находиться в бездейтельном ожидании чего-л., не предпринимая ничего, оставаясь пассивным (обычно вынужденно)'; *упрямый* — 'упорный, настойчивый, крайне неуступчивый' и *строптивый* — не просто упрямый, но и 'своевольный, непокорный, любящий поступать по-своему, действовать наперекор другому'. Как было уже показано, в языковых значениях находят своеобразное отображение и формы допонятийного отражения — восприятие и представление.

Во-вторых, учитывая эвристическую роль языковых знаков, следует также помнить, что грамматически оформленное слово не просто обозначает понятие, но и совершенствует его, поскольку посредством слова выражаемое понятие вступает в различные связи и отношения в рамках той или иной системы понятий, представленной в языке соответствующими семантическими полями и ЛСГ. Ср.: 1) *смеяться* — *улыбаться* — *хмуриться* — *радоваться* — *злиться* и т. д.; 2) *смеяться*, *хохотать*, *заливаться*, *закатываться*, *покатываться* — *плакать*, *рыдать*, *реветь*, *выть*, *скулить*, *хныкать*, *хлюпать*, *нюнить*, *рюмить*, *лить (проливать) слезы*, *обливаться слезами*. Смысловые связи в структуре семантического поля или ЛСГ, равно как и антонимические отношения, обогащают понятийное содержание, расширяя его экстенционал и углубляя интенционал. Что же касается синонимических отношений, то, в отличие от устоявшихся традиций, мы полагаем, что синонимы выражают не одно понятие, пусть даже и с разных сторон (А. П. Евгеньева, Э. М. Ахунзянов и др.), а близкие или тождественные понятия. В противном случае сомнительно существование синонимов по денотату, которые выделяет Ю. С. Степанов, так как каждый отдельный предмет именованного представлен в сознании человека отдельным понятием об этом предмете.

В-третьих, в языковых значениях фиксируются понятия, характеризующиеся различной степенью абстракции. В этой связи разграни-

¹ См.: *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // *Сущность, развитие и функции языка*. М.: Наука, 1987. С. 65.

чивают *наивные понятия*, составляющие сферу обыденного сознания, и *научные понятия*. Ср.: *земля* — 'суша' (в отличие от водной поверхности), 'территория с угодьями', 'почва; верхний слой земной коры' и 'третья от Солнца планета, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг Солнца'. В зависимости от типа понятия лексические значения или стремятся к нему как к своему пределу (например, слова-термины), или устремляются от него, подвергаясь разнообразным смысловым преобразованиям и модификациям.

Итак, значение отличается от наивного понятия (далее — просто «понятие») тем, что, находясь с ним в одной и той же предметной отнесенности, значение как языковая категория пропускает отраженную совокупность обобщенных признаков именуемого объекта через призму конкретной национально-языковой системы. Поэтому значение слова, как правило, шире понятия, поскольку подвержено постоянному воздействию системы и истории языка, удерживающего в своей семантике весь социально-исторический опыт народа. И в этом плане значение оказывается шире понятия, которое превращается в интенционал — ядро семантической структуры слова, т. е. в устойчивую и обычно доминантную часть значения. Однако это не единственный компонент содержательной стороны слова. Околоядерную и периферийную зоны значения фиксируют результаты чувственно-образного отражения наименованного объекта — чувства, эмоции, оценки, волеизъявления. Так, в значении слова *звезда* кроме понятийного ядра 'светящееся небесное тело' можно выделить результаты чувственно-образного отражения «видимое глазом», но «очень далекое», «красивое», «манящее» и «недосягаемое». Реальность этих смысловых элементов проявляется в их способности индуцировать новые значения или компоненты значения. Ср.: 1) *звезда* — 'знак отличия, орден, имеющий форму звезды'; в этом случае слово приобретает символическое значение; 2) *звезда* — 'знаменитый, прославившийся человек'. Выделенные периферийные компоненты значения могут преобразовываться в семантическое ядро в качестве ассоциативно-образного компонента фразеологического значения: *родиться под счастливой звездой* — 'быть удачливым во всем, счастливым'; *звезды с неба хватать {звезд не хватать}* — 'отличаться (или не отличаться) необыкновенными способностями, умом и т. п.'. Во фразеологическом значении ассоциативно-образные элементы являются доминирующими.

Экспрессивно-образный компонент в значении слов и фразеологизмов несет важную дополнительную или основную информацию, смещая нередко понятийно оформленные знания на второй план. «У большинства слов, — писал в этой связи Эдвард Сепир, — как вообще у

всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон, слабый, но отнюдь не менее реальный, а порою даже предательски могущественный отголосок удовольствия или страдания»¹. Данный «чувственный тон» Э. Сепир называет еще психическим наростом на самом теле слова, на его концептуальном зерне.

Какова же лингвогносеологическая природа такого экспрессивно-эмотивного образования? Как оно соотносится с понятийным ядром значения?

В нашем понимании, экспрессивно-эмотивный компонент значения неоднороден. Можно выделить две его разновидности. Во-первых, если выражаться в метафорическом стиле Э. Сепира, это «психический нарост», то, что обволакивает концептуальное ядро значения дополнительными смысловыми «оттенками» экспрессивного и стилистического свойства². Так, в значениях слов *очи* и *глаза* содержится одно и то же понятийное ядро 'органы зрения', но разные экспрессивно-стилистические «оттенки»: в значении слова *очи* имеется стилистическое наслоение, созвучие торжественности и поэтичности, на фоне которого слово *глаза* воспринимается как стилистически нейтральное. Еще более ощутимый стилистический диссонанс у него со словами *вежды* (трад.-поэт.), *зеницы* (трад.-поэт.), *буркалы* (разг., преимущественно о выпуклых глазах), *гляделки* (прост., презр.), *мигалки* (прост., презр.), *бельма* (груб.-прост.), *зенки* (груб.-прост.). Выделенные стилистические характеристики находятся на периферии значения и по своей природе являются смысловыми элементами не когнитивного, а языкового сознания. Поэтому по отношению к слову *глаза* рассматриваемые номинативные единицы следует считать стилистическими синонимами.

Вторую разновидность составляют эмотивно-образные компоненты значения околядерного статуса. Их нельзя назвать ни наслоениями, ни смысловой оболочкой, потому что они связаны с понятийным ядром генетическими узами, поскольку также являются продуктами отражения именуемого объекта (восприятия и представления), непосредственно связанного с формированием понятия. Ср. глаголы, принадлежащие к одному стилю, разговорному: *рыдать* — 'сильно и громко плакать', *реветь* — 'плакать, сопровождая плач громким голосом', *скулить* — 'плакать, издавая негромкие, жалобные звуки', *хныкать* — 'прерывисто плакать, издавая носовые звуки', *нюнить* — 'негромко

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 55.

² Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. С. 17.

надоедливо плакать, ноя, жалуясь'. Помимо понятийного ядра «плакать», значения этих слов одержат еще и эмотивные смыслы. Они вторичны, производны от концептуального ядра, служат смыслоразличительными элементами лексических значений. Поэтому по отношению к слову *плакать* они выступают семантико-стилистическими синонимами, семантическими модификаторами понятия. «Чувственно-наглядное значение, — писал Л. О. Резников, — содержит в себе обобщенные образы восприятия и представления в той мере, в какой они связаны с понятиями и выражается в процессе общения»¹. В отличие от стилистических синонимов, в значениях которых имеются лишь наслоения на понятие в виде экспрессивно-образных созначений, семантико-стилистические синонимы обладают способностью самостоятельно выражать экспрессивно-эмотивные состояния, представленные в сознании в виде хотя и близких, но все же разных понятий, сформированных лингвокреативным мышлением (термин Б. А. Серебренникова).

Лингвокреативные по своей природе экспрессивно-образные значения и созначения, сформированные в процессе вторичного отражения мира, являются элементами языкового сознания. Поэтому «язык, — утверждает К. К. Жоль, — это не внешний атрибут сознания, а действительное сознание, способное к опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в объективной действительности»². В силу этого языковое значение благодаря своей многоаспектности богаче понятия. И как таковое способно существенно влиять на формирование и развитие нашего сознания. «Слово, "прорастая" в сознание, изменяет многие отношения и процессы, протекающие в нем»³. Более того, если слово — основное средство формирования и способ существования понятия, то видоизменяемые им связи и отношения между элементами сознания непременно отразятся на динамике национально-языковой «картины мира». «Сознание, — писал Л. С. Выготский, — отражает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания»⁴. Сознание, так образом, — это, по А. А. Леонтьеву, отражение действительности посредством значений;

¹ Резников Л.О. Гносеологические вопросы семантики. Л., 1964. С. 59.

² Жоль К.К. Язык как практическое сознание. Киев: Вища шк., 1990. С. 17.

³ Там же.

⁴ Выготский Л.С. Мышление и речь// Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 361.

его внутреннюю структуру определяет соотношение значения и смысла, значения и значимости.

Значение и значимость

Сущность языкового знака не исчерпывается его «внешними» связями, то есть способностью обозначать те или иные объекты внелингвальной действительности. Использование его в речевом общении основывается не только на предметной (денотативной) и понятийной (сигнификативной) соотносительности, но и на внутриязыковых отношениях, то есть отношениях данного знака к другим знакам языковой системы. В этой связи в общей семантической структуре слова (или фразеологизма) выделяют так называемое структурное значение, или *з н а ч и м о с т ь*. Содержание понятия «значимость» впервые раскрыто Ф. де Соссюром. Согласно его концепции под значимостью следует понимать знания носителей языка, в том числе интуитивные, о системных связях языковых единиц и о нормах их употребления в речи (например, знания об их отношениях в составе определенных парадигм и синтагм, о сфере их употребления, о частотности в речи и т. п.).

Понятие значимости Ф. де Соссюр разъяснял, как известно, путем сравнения языка с шахматами. Значимость шахматных фигур зависит от их положения на шахматной доске. Конь, например, сам по себе не является элементом игры. Его можно было бы заменить другой фигурой (лягушкой, быком, орлом и т. п.). Ведь по своей чистой материальности, вне своего места и прочих условий игры, он для игроков интереса не представляет. В игре он становится элементом конкретным и реальным лишь постольку, поскольку облечен своей значимостью.

Подобно этому в языке каждый элемент имеет свою значимость, которая проявляется путем противопоставления (оппозиции, соотношения) со всеми прочими элементами языковой системы¹. Значимость, или ценность, языкового знака, по мнению Соссюра, не содержит ничего привнесенного извне. Отсюда делается вывод о том, что рассмотрение языкового знака (элемента) только в плане его внеязыковой соотносительности, то есть только как связь звучания и понятия (значения), оказывается односторонним. При таком (одностороннем) подходе языковой знак рассматривается вне той системы, в состав которой он входит. Таким же односторонним оказывается и изучение языкового элемента только с точки зрения его внутрисистемных

¹ См.: Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М.: Высш. шк., 1974. С. 65.

(внутриязыковых) отношений, в отрыве от его внеязыковых связей (как это делали структуралисты).

Поскольку значимостями, как и функциями, обладают единицы всех языковых уровней (фонетического, морфемного, морфологического, синтаксического и т. п.), они могут быть содержательными и формальными.

В качестве содержательных (семантических) значимостей можно рассматривать компоненты значений, по которым они противопоставляются и объединяются в составе парадигм и синтагм. В этой связи понятной и плодотворной представляется мысль Соссюра о том, что «значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения»¹. Различные связи и отношения языковых единиц в системе (языка) обуславливают соответствующее множество значимостей. Ассоциативные связи языковых единиц в составе определенных парадигм (предопределяют) предполагают наличие в их значениях парадигматических значимостей. Этот тип значимостей языковых единиц называется еще *дифференциальной* (Б. И. Косовский), или *имплицитной* (Б. А. Плотников), значимостью. Эти названия указывают на одну из сторон данной значимости: она предполагает выбор той или иной единицы из совокупности однородных, способных заместить одну и ту же позицию в речевой цепи. Однако отношения между такими однородными единицами в речи явно не выражены. Они имплицитно, ассоциативно входят в структуру нашего языкового знания, или, как принято говорить в некоторых публикациях, составляют языковую компетентность того или иного языкового коллектива. Например, в предложении *Высшие учебные заведения страны должны готовить творчески мыслящих специалистов* позицию подлежащего могут заместить слова *университеты, институты, академии* (например, *сельхозакадемия*), *вузы*; позицию сказуемого *должны готовить* могут заместить сочетания *должны обучать, выпускать* и т. п.

При сопоставлении разных языков, а также при переводе из одного языка на другой довольно часты случаи, когда слова, имеющие одно и то же значение, различаются парадигматической значимостью. Так, русскому слову *масло* соответствуют два украинских слова — *масло* и *олія*. Ср. в русском языке: *масло* — 'продукт питания, добываемый из сливок, сметаны, семян растений' (масло коровье, масло подсолнечное, миндальное, льняное, маковое и т. п.) (см. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля); в украинском языке: *мас-*

¹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 146.

ло — 'продукт питания, добываемый из сливок или сметаны'¹; *олия* — 'жировое жидкое вещество, добываемое из растений (преимущественно из семян или плодов)' («продукт питания, добываемый из семян или плодов некоторых растений (преимущественно из подсолнухов)» — СУМ, т. 5: 690).

Различная парадигматическая значимость одного и того же слова в родственных языках может вызывать недоразумения при общении носителей даже близкородственных языков. Ср.: в русском языке слово *любовь* обладает достаточно широкой парадигматической значимостью: 1) 'горячее сердечное чувство к лицу другого пола' (*Я васлюбил так искренне, так нежно...* А. Пушкин); 2) 'чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, симпатии, родства и т. п.' (*любить* родителей, учителей, художника); 3) 'склонность, пристрастие, интерес к чему-либо' (любить искусство, цветы, зиму, спорт, мороженое и т. д.). В украинском, белорусском, польском и других славянских языках это слово отличается более узкой значимостью, поскольку для выражения первого значения в этих языках имеется другое слово: укр. *кохання*, блр. *каханне*, польск. *miłość*. Ср. укр.: *кохатидружину*, но *любить свою професію*; польск.: *kochać się nawzajem* — 'любить друг друга', но *miłość ojczyzny* — 'любовь к родине', *zamiłowanie do muzyki* — 'любовь к музыке'.

Таким образом, значимость этих слов определяется их значениями, модифицированными их связями с другими словам в конкретной языковой системе.

Сочетаемость свойства языковых единиц, или их способность совместно с другими единицами языка входить в соответствующие синтагмы, находят свое отражение в синтагматических значениях этих единиц, называемых еще *синтаксическими* (Б. И. Косовский), или *валентностью* языковых единиц. Так, в нашем предложении связь слов *должны готовить — специалистов* обусловлена категориальными свойствами глагола (его процессуальным значением, отнесенностью к классу переходных глаголов и принадлежностью к семантической группе «подготавливать, обучать»). Слова могут быть одновалентными, двухвалентными, трехвалентными; лексически ограниченными (связанными) и лексически неограниченными. Ср.: студент *сдал* экзамен на «отлично»; *летнее солнце*, но **квадратное солнце*². Способность языковых единиц участвовать в образовании фразеологических обо-

¹ См.: Словник української мови (СУМ). Т. 4. С. 639: «*масло* — продукт питания, изготавливаемый сбиванием сливок или сметаны».

² Звездочка указывает на недопустимость сочетания.

ротов, а также свойства, приобретенные ими в составе этих оборотов, называются нами *фразеоморфологической значимостью*. «Фразеоморфологическая значимость представляет собой пересечение лексико-семантических и грамматических связей фразеологических компонентов»¹. Специфика значимости этого типа обуславливается разными свойствами фраземы: а) денотативной ситуацией фразеоморфологизации; б) воздействием на фразеологические компоненты образной структуры фраземы; в) уровнем фразеологической абстракции. Таким образом, фразеоморфологическая значимость, с одной стороны, служит важным фактором формирования фразеологического значения. Ср. лексические, грамматические значения компонентов фразем в их свободном и фразеологически связанном употреблении: *идти своей дорогой (своим путем)* — 'поступать, действовать независимо, самостоятельно'; *за (под) семью замками* — 1) 'под надежной охраной; под строгим наблюдением держать, сидеть и т. д.'; 2) 'где-то далеко, в самом затаенном месте прятать, таить и т. п.'; 3) 'в любом месте, где угодно, достать, обнаружить и т. п.'; *за семью печатями (быть, являться, казаться, становиться и т. п.)* (книжн.) — 'быть чем-то совершенно недоступным для понимания, осмысления; оставаться недостижимым'. Разная фразеоморфологическая значимость компонентов предопределяет разные значения фразем, разные их парадигматические, синтагматические и деривационные связи.

Деривационные значимости языковых единиц обуславливаются их деривационной историей, их этимологией. Ср.:

коло (др.-р) → кольцо(о) →	колеч-к-о (ц//ч) кольцо- св -ой	кольцева- ни [j-э] за -кольцевать → за-кольцо- вов-ыва -ть (е//о) о -кольцевать → о-кольцо- вов-ыва -ть (е//о) → о-кольцовывать- ся
	кольцо- ева -ть	

Свойства языковых единиц, обусловленные сферой их употребления, представляют собой *стилевые* и *стилистические* значимости. Ср.: *град* — *город*, *глава* — *голова*.

Свойства языковых единиц, предопределяемые их частотностью в речи, составляют содержание *статистической* значимости.

¹ *Алефиренко Н.Ф.* Фразеоморфологическое взаимодействие языковых уровней: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1989. С. 14.

Итак, из вышеизложенного вытекает, что значимость языковых единиц представляет собой широкий спектр связей и отношений, существующих между элементами языковой системы, — парадигматических, синтагматических, фразеобразовательных, деривационных, статистических, стилевых и др.

Однако ответа требует поставленный ранее вопрос: каково же соотношение понятий «значение» и «значимость»? Это могут быть привативные отношения (отношения включения), при которых «значимость» входит в состав «значения». Существуют также суждения, согласно которым между понятиями «значение» и «значимость» следует усматривать дизъюнктивные отношения, при которых они нигде не пересекаются, поскольку представляют собой различные уровни обобщения, разные аспекты знания языка.

К первой точке зрения приближается С. Д. Кацнельсон. Он пишет: «Значимость для нас не некая новая содержательная единица, надстраиваемая над реальным содержанием слов и грамматических форм и призванная заменить собой это держание как якобы "внеязычное"»¹. Подобное понимание этой проблемы находим и у Ф. де Соссюра: значимость в концептуальном аспекте есть элемент значения². Вторая точка зрения частично разделяется М. В. Никитиным. Он категорически заявляет: «Значение и значимость — понятия разных планов. Значимость языковой единицы определяется совокупностью ее парадигматических отношений к функционально однородным единицам. Тем самым значимость обнаруживается не только у значащих единиц языка»³. Однако в отличие от тех сторонников второй точки зрения, которые нигде не видят плоскостей пересечения значений и значимостей, М. В. Никитин усматривает между ними определенную связь. Чем больше значений (точнее, компонентов значений) у языковой единицы, тем шире ее значимость и наоборот. Чем специальное значение слова, тем уже его значимость и наоборот. Например, доминанта синонимического ряда имеет более широкую значимость, чем остальные его члены. Однако непреложного закона здесь нет. Два слова могут иметь одинаковое значение, но разные значимости. Ср.: а) *иностранец* — *иноземец* (приподн.), *чужестранец* (устар.), *чужеземец* (устар.); б) *медведь* — *косопалыймишка* (разг., ласк.-фам.), *мишка* (обих.-разг.), *косопалый* (обих.-разг.; шутол.), *топтыгин* (разг. в) *представительный* —

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. С. 20.

² См.: Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 146.

³ Никитин М. В. К определению и типологии значений в естественном языке // Учен. зап. Владим. пед. ин-та. Сер. иностр. яз. 1970. Т. 24. Вып. 4. С. 189.

видный, внушительный, солидный, презентабельный, авантажный (разг.); г) *пренебрегать* — *манкировать, negliжировать* (уст.); д) *чуждый кому* — *далекый кому* или от кого.

В итоге своих рассуждений М. В. Никитин делает заключение, что значимость не может быть исключительно концептуальной единицей, поскольку представляет собой совокупный объем ее функций, которые приходятся на ее долю от общего объема функций однородных единиц в пределах соответствующего семантического поля. Значимость, вместе с тем, — содержательный элемент языковой семантики или, как говорит Ю. С. Степанов¹, относительное значение слова — выделенная ему часть семантического поля, детерминируемая распределением значений между конституирующими это поле словами.

1.4. ЗНАЧЕНИЕ И КОНЦЕПТ

Соотношение значения и смысла, как мы пытались показать, онтологически связано с особенностями вербализации понятий и представлений, с процессами их взаимодействий и взаимопереходов при порождении речи и при ее восприятии, осмыслении и понимании. В связи с этим возникает необходимость различать единичные и общие понятия, или концепты. Пожалуй, наиболее остро эту необходимость обосновал еще в 1928 г. С. А. Аскольдов. Однако и накануне третьего тысячелетия мы должны согласиться с его замечанием о том, что «общее понятие, как содержание акта сознания, остается до сих пор весьма загадочной величиной — почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре...»². Такое положение дел в семасиологии поддерживается главным образом тем, что вербализация «общих понятий» обычно рассматривается на примере слов, где обобщение однородных предметов, их свойств и признаков сомнений не вызывает: *дерево* — слово, выражающее понятие о самых разных породах деревьев (соснах, кленах, березах и т. д.). Сложнее определить те мыслительные обобщения, которые легли в основу значений таких слов, как *Заволжье, судьба, перепутье, лукоморье, хлебосольный, баклушничать*. Одни слова в этом ряду выражают мыслительные обобщения, которые поддаются логическому осмыслению (*Заволжье, судьба*), другие вызывают поэтические образы (...и шестикрылый серафим на *перепутье* мне явил-

¹ См.: Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 74.

² Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267.

ся; *Улукоморья дуб зеленый...*), третьи лишены поэтической образности, но способны создавать художественные впечатления (*хлебосольный, баклушничать*). Все эти мыслительные обобщения называют концептом. Его неоднородная многоликость очевидна. Однако во избежание чрезмерного дробления всевозможных мыслительных обобщений различают познавательные и художественные концепты.

Познавательный концепт — это мыслительное образование, замещающее в сознании неопределенное множество однородных предметов (как, например, в значении слова *дерево* или в словах *посуда* (< чашка, тарелка, блюдо), *мебель* (< стол, стул, кресло, диван). Концепт в таких случаях выступает заместителем реальных предметов, действий, признаков или свойств объектов познания. Концепт-заместитель может быть не только конкретным, но и схематичным, отвлеченным и даже потенциальным, а сама замещаемая в сознании множественная предметность — реальной или идеальной, воображаемой (*человек, хлеб, любовь, власть, грех, счастье*). По словам С. А. Аскольдова, «к концептам не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, т. е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений»¹.

Художественный концепт — это мыслительное образование, которое не имеет жестко детерминированной связи с реальной действительностью и *не подчинено* законам логики. Ингредиенты художественного концепта объединяются в единое общее представление благодаря ассоциативным связям ингерентного и адгерентного характера. Причем художественная ценность таких концептов находится в прямой зависимости от адгерентно-ассоциативных механизмов их структурирования (культурных, исторических, фольклорных, психоэтнических и т. п.). Благодаря своей художественной ценности концепты данного типа значительно информативнее познавательных, поскольку помимо понятия индуцируют в нашем сознании дополнительные ассоциации. Таковы «птица-тройка» у Н. В. Гоголя, «вещий» Олег у А. С. Пушкина. Они информативно и художественно богаче познавательных концептов «тройка», т. е. «русская езда тройкою», и «знающий». Следует согласиться с А. Аскольдовым, что «художественный концепт не есть образ», но трудно не видеть его связей с образным восприятием, аксеологической основой художественного концепта служит, разумеется, не конкретное, а общее понятие, содержанием которого выступает не абстрактное обобщение, а «нечто родовое» в ряду

¹ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 274.

представлений о познаваемом предмете или его признаках, от которых общее понятие окончательно не абстрагировалось. Связи его с этими признаками еще живы, поэтому при восприятии художественного концепта признаки-представления, актуализируясь, способны порождать в нашем сознании различные художественные образы, различные потому, что художественные концепты не только «намеки на возможные знания» (С. А. Аскольдов), но и «отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. п.»¹. Концепты, по убеждению Д. С. Лихачева, реализуют свои потенциальные смыслы в рамках определенного контекста — литературного, культурного, исторического, социального, профессионального и т. п. Совокупность концептов, создаваемых лексиконом отдельного человека, образует концептосферу личности. Совокупность устойчивых концептов, индуцируемая словарным составом языка в целом, образует концептосферу национального языка, которая, по Д. С. Лихачеву, в сущности является концептосферой национальной культуры, или «сжатым... алгебраическим выражением всей культуры нации»². Данное понимание, имеющее основополагающее значение для исследования проблемы соотношения концепта и семантики слова (фразеологизма), получает дальнейшее развитие в трудах Ю. С. Степанова: концепт как сгусток культуры в сознании человека³ существует в слове и словосочетании⁴. Слово и словосочетание — главная форма концепта.

Однако такие суждения следует принимать, на наш взгляд, только как методологически исходные установки для семасиологического осмысления данной проблемы. Нуждаются в разъяснении прежде всего вопросы о том, как соотносится концепт с константами семантического треугольника: 1) какое содержание вкладывается в термин «слово», когда утверждается, что «концепт... существует в слове...»; 2) как соотносятся в слове концепт и понятие; 3) в чем сущность замещающей функции концепта и слова.

Во-первых, отметим, что понятие «слово» в его отношениях с концептом используется в рассматриваемых исследованиях неоднозначно: а) как *звуковая структура*, воспринимаемая или представляемая

¹ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 282.

² Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 31.

³ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40.

⁴ Там же. С. 73.

говорящими и слушающими (Аскольдов 1997: 276), и тогда говорится о связи слова с его значением, о родстве слова и значения, о слове, которое «стало знаком его значения» (Там же: 277); б) слово как *единство звуковой и семантической структуры* (Лихачев 1993; Степанов 1997: 42). При первом подходе, соответствующем в современной лингвосомиотике унилатеральной теории словесного знака, понятия «значения» и «концепт» оказываются внешними коррелятами слова, что не согласуется с положениями Д. С. Лихачева о том, что язык является «неким концентратом культуры», «сжатым ... алгебраическим выражением всей культуры нации». Второй, билатеральный, подход позволяет рассматривать концепт в его отношениях к внутренней (семантической) структуре слова. Здесь становится понятным представление концепта как заместителя понятия в индивидуальном и коллективном сознании (Д. С. Лихачев) или даже как особой формы существования обыденного сознания¹. С изложенным выше следует решать второй вопрос — о заместительной функции концепта и слова. По С. А. Аскольдову, концепт выступает в процессе мысли заместителем или множества однопорядковых предметов, или некоторых его сторон. Д. С. Лихачев, рассматривая природу художественных концептов, говорит об их способности замещать не только и не столько логически оформленное множество предметов (явлений), но нечто большее, характеризующееся ассоциативной запредельностью и как бы предполагающее его интерпретацию, домысливание в поисках по части целого. В этом отношении концепт оказывается шире значения. Ср. значение и концепт в словах *незнакомка* или *блокада*. Кроме словарных значений 'та, кого не знаю' и 'окружение, обложение города войском противника', эти слова могут представлять разные концепты. Они зависят от уровня культуры и жизненного опыта языковой личности (знание творчества А. Блока, например; является ли субъект речи ленинградцем и т. п.).

Наконец, как соотносятся концепт и понятие со значением слова (фразеологизма)? Это главный вопрос рассматриваемой триады, и возникает он, разумеется, только при условии разграничения соотносимых образований². По мнению С. А. Аскольдова, концепт является мысленным образованием, замещающим некоторую множественную предметность, совершенно свободную от рамок логического определения³, в виде понятия. Концепт, обозначенный словом, представляет

¹ См.: Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

² Синонимическое употребление их см.: Худяков А.А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 97.

³ См.: Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 275.

собой, следовательно, не понятие, а «общее представление». Значение такого слова, как можно предположить, не обладая понятийным ядром, не соотносится с отдельным референтом, а проецируется на четко неопределенное, «рассеянное» денотативное пространство. В отличие от С. А. Аскольдова Д. С. Лихачев полагает, что концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно. При этом концепт служит, по Д. С. Лихачеву, своего рода «алгебраическим» выражением значения, т. е. замещает значение не во всем его объеме, а схематично и избирательно, что облегчает общение между людьми с разным уровнем культуры и жизненного опыта. Концепт, по мнению ученого, не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с народным и личным опытом человека. Какое из словарных значений замещается концептом, определяется из вербального или ситуативного контекста.

Особенно важную роль играет концептное замещение фразеологических значений. Нередко концепт выступает мысленным содержанием, когнитивным аналогом фразеологического значения. Например: *родиться в сорочке {рубашке}* — 'быть удачливым, счастливым во всем (о человеке, которому сопутствует удача, счастье, которому везет)'; *закидывать (забрасывать) удочку (удочки)* — 'осторожно намекать на что-либо с намерением разузнать обстановку, предварительно выяснить что-либо'; *демянова уха* — 'что-либо назойливо предлагаемое, навязываемое кому-либо в неумеренном количестве'. Значения этих фразеологизмов выражают не понятия, а концепты — общие представления о некоторой денотативной ситуации. Поэтому их дефиниции носят описательный характер, в скобках иногда дается характеристика речевой ситуации, в которой данный фразеологизм употребляется. Некоторые значения обогащаются ассоциациями, порождаемыми мифологическими, историческими или литературными знаниями, как в случае со значением-концептом последнего фразеологизма, соотносимым с басней И. А. Крылова «Демьянова уха». Такие фразеологические значения представляют собой совокупность определенным образом структурированных ассоциативно-смысловых обертонов в своего рода лингвокреативной симфонии концептосферы русского языка. Сложная архитектура фразеологического значения обуславливается его внутренней формой и многослойной структурой выражаемого концепта, компонентами которой, по Ю. С. Степанову, являются «все то, что принадлежит строению понятия», «исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история, современ-

ные ассоциации, оценки и т. д.»¹. И все же ни лексическое, ни тем более фразеологическое значение не может быть тождественно содержанию концепта, познавательного или художественного. И не только потому, что это категории разных наук², но главным образом потому, что концепт принадлежит когнитивному сознанию, а значение — языковому.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения А. П. Бабушкина, предлагающего когнитивной семасиологии достаточно четкое определение концепта «как любой дискретной содержательной единицы коллективного сознания, отражающей предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата»³. В отличие от понятия концепт представляет собой «широкую» неотфильтрованную и даже в некотором роде интуитивно сформированную образную единицу когнитивного сознания в виде схемы, фрейма, сценария или инсайта⁴. Поэтому в семантическом треугольнике концепт соотносится лишь с той частью сигнификата языкового значения, которая представляет его объем, т. е. экстенсионал — множество денотатов, которые можно подвести под соответствующее понятие. Этим и объясняется, на наш взгляд, семантическая специфика разнотипных номинативных единиц: одни из них вербализуют знания в форме понятий, другие — в форме концептов, третьи — широкий спектр различных сочетаний понятийных и концептуальных форм когнитивного сознания.

Как порождение лингвокреативного мышления лексическое значение включает в себе вторично трансформированное содержание соответствующего концепта; фразеологическое значение — косвенно-производный продукт его смыслового преобразования, его ассоциативно-образное моделирование в процессе вербализации нового знания на базе понятий и представлений, уже закрепленных в языковых значениях (ср.: *за тридцать земель, быть (чувствовать себя) на седьмом небе, развесистая клюква, зарубить на носу* и др.).

Следует отметить, что характер соотношения языкового значения и концепта определяется, как правило, типом номинации. В знаках первичной номинации значение, по словам Ю. С. Степанова, стремится к понятию как своему пределу⁵, поэтому такое значение выра-

1 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. С. 41.

2 Там же. С. 40.

3 Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж; Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. С. 29.

4 Там же. С. 19.

5 См.: Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 11.

жает познавательный концепт, замещающий понятийную общность однопорядковых объектов типа *хлеб, радость, справедливость, закон*. Значение знаков вторичной номинации стремится к представлению, которое является его пределом, поэтому такое значение выражает художественный концепт, замещающий, по С. А. Аскольдову, «общее представление»¹ как «сросток возможных образных формирований»², по-разному реализуемых в процессе лингвокреативного мышления. Ср.: *знающий, способный и нелантем щих хлебаю* — 'понимаю толк в чем-либо, разбираюсь не хуже других', *не льком шит* — 'не хуже других', *не обсевок в поле* — 'такой же, как и все; не хуже других', *сами с усами* — 'не хуже, не глупее других'. В основе этих фразеологических значений лежит, следовательно, один и тот же концепт; и как «сросток возможных образных формирований» он по-разному представлен значениями синонимичных фразеологизмов. Такое соотношение концепта и значения не является отличительной особенностью фразеологической семантики, в той или иной мере оно присуще и лексическим средствам вторичной номинации — метафорическим, метонимическим и др.

Поэтому в отношении таких номинативных единиц вполне справедливо утверждение В. И. Карасика о том, что «концепт значительно шире, чем лексическое значение»³, реализующее какую-то часть (сторону) художественного концепта. Значение слова или фразеологизма представляет лишь один (или несколько) из аспектов концепта — многомерного этнопсихического образования. Однако значение не сводимо к концепту. Концепт выступает лишь мысленным субстратом значения, на котором лингвокреативное мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера. И в этом плане значение единиц вторичной номинации шире выражаемого концепта. Вот почему следует говорить не о подмене значения слова концептом⁴, а о реализации в значении определенных признаков, образных потенций концепта. Речь в данных рассуждениях идет, разумеется, о роли концепта в формировании значения. При восприятии же значения слушающим (читающим) происходит обратный процесс его декодирования с целью «схватить» сущность выражаемого концепта. В этом отношении концепт может «подменять»

¹ Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 270.

² Там же. С. 275.

³ Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 6.

⁴ См.: Бунеева Е.С. Концептологическая модель признака старшинства // Карасик В.И. Указ. соч. С. 36.

значение, облегчая тем самым взаимопонимание общающихся, так как снимаются различия в понимании значения.

Итак, в семантическом треугольнике концепт соотносится с сигнификатом значения: его центральная часть (ядро) образует интенционал — содержание понятия, а периферию — импликационал — ассоциативно-образный макрокомпонент значения, включающий различные коннотации (первичные и вторичные, обязательные и факультативные, эксплицитные и имплицитные).

1.5. ЗНАЧЕНИЕ, ФУНКЦИИ И УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА

Изложенные выше толкования языкового значения можно свести к трем формулам: а) значение — «микрокосм человеческого сознания»; б) значение — форма языкового знания о типизированных (однородных, серийных) объектах действительности; в) значение — форма языкового знания о конкретном объекте именованного.

Выделенные парадигмы охватывают три аспекта значения как социологизированной формы этноязыкового знания. По теории Й. Домбровского, такого рода значение представляет собой «застывший смысл, переведенный из живой ситуации, из повседневной жизненной практики в систему данного инaktuального языка»¹. Однако поскольку способом существования, проявления и актуализации языка является речь, то средством реализации языковых значений служат конкретные употребления слов в речи, которая «всегда целенаправлена и ситуативно привязана»² говорящими. Значения в языке, наоборот, ситуативно не обусловлены. Целенаправленность речи состоит в том, что любое употребление слова ориентировано на собеседника и рассчитано на его адекватное понимание. Иными словами, реализация языкового значения в речи во многом зависит от ситуации общения. Смысл употребления слова зависит также от функции, которую оно выполняет в том или ином речевом образовании.

Со времен Аристотеля «функция» языковых единиц понимается как их *назначение* или *роль* в речи. Это понимание, обогащенное теоретическим осмыслением лингвистами Пражской школы, прочно вошло в современный лингвистический обиход. И все же остается открытым вопрос о характере функций и о том, как они связаны с формирова-

¹ Домбровский Й. Знак и смысл // Вопросы языкознания. 1973. № 6.

² Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. С. 238.

нием и реализацией значения. Требуется также уточнения и вопрос о соотношении понятий «функция» и «употребление».

Прежде всего необходимо выяснить, какие функции языковых единиц детерминируют их значения. Л. М. Васильев, преследуя эту цель, называет четыре функции: репрезентативную, синтаксическую, конструктивную и стилиобразующую¹. Почему именно эти четыре функции? Отсутствие даже такой общепризнанной функции, как номинативная, можно объяснить лишь тем, что она поглощается репрезентативной. Для понимания сущности значения знаков особую ценность приобретают классификации функций, предложенные А. А. Залевской, Д. Г. Богушевичем, Ф. М. Березиным и Б. Н. Головиным². Разработанные ими классификации предназначаются для упорядочения одного какого-либо аспекта представления языковых знаний: психолингвистического, таксономического или семиотического. Однако, несмотря на различия в подходах к созданию теории знаковых функций, современная семасиология позволяет сформулировать суть соотношения функции и значения языкового знака. Функция знака определяет семантическое своеобразие той или иной единицы языка. В нашем представлении соотношение функции и значения языкового знака выглядит следующим образом.

Репрезентативная функция знака реализуется через его обозначение, т. е. через именование познаваемого объекта. В процессе реализации этой функции происходит отбор и вербализация наиболее важных для человека признаков отражаемого предмета, которые станут элементарными смыслами языкового значения.

Номинативная функция знака связана с познавательной-классифицирующей работой сознания. В процессе номинации происходит обобщение ранее обособленных, но наиболее существенных признаков именуемого объекта и тем самым формируется понятийное ядро значения. Для имен собственных целесообразно выделить номинативно-репрезентативную функцию.

Дейктическая функция состоит в обособлении и выделении отдельного из общего, когда возникает необходимость указать на конкретный предмет в ряду однородных образований.

¹ Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. С. 78-81.

² Залевская А. А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992. С. 69; Богушевич Д. Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Минск: Вышэйш. шк., 1985. С. 36; Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. С. 119.

Экспрессивная функция знака выражает состояние сознания, содержащее социологизированные модально-оценочные отношения социума к предмету именованию.

Интерпретирующая функция знака связана с активной ролью языка в познании мира. При помощи языковых средств осуществляются фиксация, переработка, осмысление отраженного в сознании объекта именования. В результате такого лингвокреативного мышления языковое значение перерастает рамки понятийного отражения предмета, обогащая его различными ассоциативно-образными смыслами.

Прагматическая функция знака состоит в способности знака воздействовать на человека, точнее, в использовании знака говорящим с целью воздействия на слушающего.

Выделенные функции выражают различные типы отношений знака к внеязыковому миру через соответствующие элементы сознания. Причем разные типы словесных знаков отличаются только им присущими доминантными функциями. Так, например, номинативная функция является господствующей для значения знаменательных слов, обозначающих конкретные предметы типа *чашка, бокал, чайник, тарелка*; номинативно-репрезентативная — для семантики имен собственных: *Альпы, Днепр, Дмитрий, Коломна*; дейктическая — для значения указательных, притяжательных, возвратных, относительных местоимений; экспрессивная и прагматическая функции — для знаков не прямой и косвенно-производной номинации типа *чистая совесть, грязная деда, рвать метать, седьмая вода на киселе*; интерпретирующая функция присуща всем номинативным единицам — в меньшей степени конкретным существительным, в большей мере — абстрактным и особенно знакам косвенно-производной номинации, значения которых возникают преимущественно в результате лингвокреативной интерпретации признаков именуемого объекта.

«По отношению друг к другу знаки языка выполняют три основные функции — различительную, конструктивную и классифицирующую»¹. Названные внутриязыковые функции рассматривались В. Н. Головиным с точки зрения таксонимии «фонема — морфема — слово — словосочетание — высказывание». В нашем исследовании эти функции показаны в их отношении к формированию внутриязыковых значений (с. 50).

Итак, функции языковых знаков — внешне- и внутриязыковые — можно, в известном смысле, рассматривать как их значения, если, уточ-

¹ Березин Ф.М., Головин Б.Н. Указ. соч. С. 119.

ним, под функцией понимать назначение материально-идеального знака служить орудием речемыслительной деятельности.

Реализуется значение знака при его функциональном употреблении. Поэтому *значение* знака можно интерпретировать как одно из его *функциональных употреблений* с целью отражения в сознании именуемого объекта. Поскольку функциональное употребление знака имеет своей целью отражение в сознании говорящих предмета сообщения, то в значении знака сочетаются две функции — именованная и отражения. Ср. у В. Н. Мигирова: «Значение — это выполняемая знаком функция отображать (замещать, представлять) в речи референт, а также функция образа знака замещать образ референта в мозгу в процессе мышления и познания»¹.

В этом смысле значение знака как элемента языковой системы, или системное значение², представляет собой обобщенную совокупность всех употреблений слова. Однако значение слова, употребленного в конкретном речевом акте, т. е. актуальное значение, не тождественно значению системному (языковому, инактуальному). Объясняется это, во-первых, тем, что при конкретном функциональном употреблении реализуется лишь одна из сторон системного значения, часть его компонентов остается неактуализированной; во-вторых, тем, что речь, будучи «целенаправленной и ситуативно привязанной», видоизменяет системное значение различными смысловыми приращениями ситуативного и ассоциативного характера³. В. В. Виноградов так писал о речевых модификациях системного значения: «Употребление — это лишь возможное применение одного из значений слов, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, в нем скрыто много смысловых возможностей слова»⁴. Необычность употребления слова, то есть умышленное нарушение его смысловой дистрибуции, приводит нередко (хотя не всегда) к яркой речевой образности. Так, например, употребляются однокорневые слова *мазила*, *мазок*, *мазильщик*, *замазать* в статье о лыжниках на белой олимпиаде Нагано, напечатанной в газете «Комсомольская правда» 20 февраля 1998 г.: 1) Главный «мазила»

¹ Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы знаковой теории фонологии и грамматики. Кишинев: Штиинца, 1978. С. 24.

² См.: Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

³ См.: Алефиренко Н.Ф. Соотношение значения и смысла в современной семантике // Семантика и уровни ее реализации. Краснодар, 1994. С. 4-7.

⁴ Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 182.

попадает в яблочко; 2) Лариса Лазутина после своих побед тоже не забыла отдать должное главному «мазильщику» сборной; 3) Имя Александра Воронина упоминается на всех пресс-конференциях, где побеждают наши лыжники, — и неудивительно, ведь в каждой из этих медалей есть и его *мазок*; 4) В первой гонке, которую выиграла Данилова, провалилась Елена Вяльбе. Пошли разговоры, что нашу главную звезду специально «замазали».

В статье идет речь о том, что перед соревнованиями лыжи спортсменов специально смазывают, чтобы придать им легкое скольжение. Эту непростую работу выполняет в сборной А. Воронин — «мазила», «мазильщик», его «мазок» — его работа, его заслуга; специально «замазали» звезду — неправильно смазали лыжи, чтобы не допустить первенства Е. Вяльбе. Употребление, по данным И. А. Стернина, может перерасти в переносное значение (не обязательно образное, но экспрессивное).

Употребление слова видоизменяет его системное значение потому, что включается в речемыслительную деятельность субъектов общения (говорящего и слушающего). «Тут важно усвоить, — подчеркивал А. Ф. Лосев, — что кроме сообщающего субъекта и воспринимающего этот субъект объекта есть еще нечто другое, нечто среднее между тем и другим»¹. Употребление слова в речевом акте — «это арена встречи мыслящего и чувствующего субъекта с мыслящим и чувствующим объектом»². Поэтому актуальное значение слова есть порождение коммуникативного акта.

«Всякий акт употребления языка, — пишет Б. М. Гаспаров, — будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в разговоре — представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта»³. В конкретном речевом употреблении слова лексическое значение обогащается новыми смысловыми нюансами, оно как бы вбирает в себя и коммуникативные намерения говорящего, и взаимоотношения его с конкретными или воображаемыми адресатами, и речеситуативные обстоятельства, и стилистический климат эпохи и множество самых разных адгерентно-ассоциативных и ингерентно-ассоциативных образований.

¹ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

² Там же. С. 19.

³ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 10.

1.6. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

Значение и смысл как основополагающие категории семантики относятся к «вечным» проблемам не только семасиологии — дисциплины лингвистической, но и таких наук, как когнитология, психо-семантика, этнолингвистика, лингвокультурология и др. Неиссякаемость этой проблемы обуславливается разными факторами: а) многоаспектностью речемыслительного содержания единиц языка и речи; б) генетическим функциональным взаимодействием значения и смысла (между собой и со смежными категориями — понятием, значимостью, функцией, знанием, сознанием когнитивным и сознанием языковым); в) неоднозначным толкованием их концептуального содержания и т. п. Все это не может не стимулировать продолжающиеся дискуссии в отечественной и зарубежной семасиологии (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, А. Г. Волков, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева; А. Вежицка, Дж. Лакофф, В. Леман, Ч. Филлмор, У. Л. Чейф и др.).

Камнем преткновения в теории лингвистической семантики следует считать прежде всего обособленное изучение категорий значения и смысла. Создание целостной программы развития современной семантической теории предполагает нахождение и осмысление тех свойств, благодаря которым эти категории являются семантическими.

Объединяющим эти категории свойством служит их способность хранить внегенетическую информацию. И в этом отношении значение и смысл представляют собой важнейшие элементы таких речемыслительных дихотомий, как «социальная и языковая память», «когнитивное и языковое сознание».

По определению Я. К. Ребане, «социальная память — это хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования *сознания* каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного *познания*»¹. Правомерность объединения рассматриваемых семасиологических категорий в рамках выделенных дихотомий может быть обоснована тем, что язык, наряду с элементами материальной культуры и общественными отношениями, является, пожалуй, важнейшим и наиболее универсальным носителем социальной памяти, или внегенетической информации,

¹ Ребане Я. К. Информация и социальная память: К проблеме социальной детерминации познания // Вопр. философии. 1982. № 8. С. 46.

которая в преобразованном и коммуникативно значимом виде служит содержанием языковой памяти.

В связи с этим адекватное понимание значения и смысла во многом зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие «информация», как соотносится оно с понятием «отражение». Одни ученые считают информацию свойством материи, другие — свойством сознания или неким «третьим», как в представлении, например, Г. Клауса. Ему вполне резонно возражает М. Янков, опираясь на суждение Г. Фогеля о том, что главное в информации — это семантика, которая не имеет места вне сознания¹. Однако для нас в данном случае особую ценность приобретает вывод М. Янкова о том, что *когнитивное сознание* нельзя свести без остатка к информационным процессам и их результатам, поскольку в информации кодируется лишь объективное содержание сознания, получаемое в процессе отражения внеязыкового мира. Следовательно, семантическая информация выходит за пределы отражения. Еще более глубокими оказываются различия между информацией и языковым сознанием.

Дело в том, что лингвокреативное мышление, формирующее собственно языковое сознание, оказывает самое активное воздействие на процесс познания, снабжая и обогащая его информацией из предыдущего опыта, апперцептивно (по А. А. Потебне) зафиксированного в языковых значениях и определяющего способ осмысления познаваемого объекта. Сущность языкового сознания в его творческом, интерпретирующем характере. «Действительность,— писал Л. С. Выготский,— преломляется через слово; слово становится важнейшим фактором, преломляющим действительность; слово — важнейший процесс, опосредующий отражение действительности»². Лингвокреативное мышление оперирует главным образом теми ассоциациями, которые возникают на базе уже сложившейся в языке системы смысловых связей и отношений. Особенностью лингвокреативного мышления является формирование такого (языкового) сознания, которое стремится не к полноте отражения действительности, а к целенаправленной, коммуникативно значимой фиксации той информации, которая необходима для речемыслительной деятельности соответствующего этноязыкового коллектива. Иными словами, при «вторичном» (лингвокреативном) отражении из отдельных, избирательно отобранных элементов когнитивного сознания в общении конструируются различные

¹ См.: Янков М. Материя и информация. М., 1979. С. 289.

² Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М.: Просвещение, 1982. Т. 2. С. 22.

речемыслительные комбинации, которые непосредственно с обозначаемым объектом не соотносятся, так как являются результатом вторичного осмысления и лингвокреативной интерпретации изначальных свойств и признаков отражаемого. Ср. прямые и переносные значения слова *гореть*: 1) 'поддаваться действию огня, уничтожать огнем' (*Горели леса — огонь охватил сотни десятин*. М. Горький); 2) 'излучать свет, светиться' (*Вечер. В домах горят огни*); 3) перен. 'быть в жару, в болезненном состоянии' (*Бред. Голова ее горела...*); 4) перен. 'испытывать какое-либо сильное чувство' (*Гореть желанием*); 5) перен. 'отдаваться полностью чему-нибудь (какому-нибудь делу, идее)' (*Гореть на работе*). В процессе переосмысления глагол *гореть* видоизменяет в своем значении категориальную сему «процессуальность»: сема «действие» трансформируется в сему «состояние».

Более глубоким семантическим преобразованиям глагол *гореть* подвергается в составе фразеологизмов, где он приобретает фразеологически связанное значение: *кровь горит* (*кипит, бродит, играет*) в ком — 1) 'кто-либо ощущает в себе избыток сил, энергии'; 2) 'кто-либо испытывает сильное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т. п.'; откуда (из-за чего) *сыр-бор загорелся* (*горит*) — по какой причине, почему началось что-либо, происходит что-либо»; *на воре шапка горит* — 'кто-либо невольно или случайно сам обнаруживает, выдает то, что больше всего хочет скрыть'; *не горит* у кого — 'нет никаких причин спешить, торопиться; успеется'; *горит в руках* чьиху кого — 'выполняется быстро, ловко, успешно; спорится'; *земля горит под ногами* кого, чьими, у кого — 'кто-либо вынужден быстро, стремительно убежать'. Рассматриваемые примеры без особых дополнительных изысканий служат весьма убедительным свидетельством тому, насколько значительным может оказаться разрыв не только между когнитивной и языковой семантикой, но и между типами языковой семантики, соотносимыми с первичным и вторичным (т. е. непрямым и косвенно-производным) знакообозначениями¹. Это, во-первых, подтверждает справедливость утверждений Г. Фогеля о том, что семантическая информация является содержанием сознания; во-вторых, показывает, что, распределяясь между двумя семантическими категориями — значением и смыслом, — эта информация подвергается переработке средствами лингвокреативного мышления, превращая тем самым когнитивные знания в знания языковые — способ существования языкового сознания.

¹*, См.: *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1994.

Таким образом, для осмысления в пределах языковой памяти соотношения значения и смысла целесообразно выделить из предыдущих суждений следующие положения: а) содержанием семантических категорий является информация, основными носителями которой выступают языковые знаки; б) источником когнитивной информации служит отражение в нашем сознании познаваемых объектов; в) языковая семантика в целом и семантические категории в частности — средства объективации общественного и индивидуального сознания; г) особенностью языкового сознания является его рефлексивность, или способность к отражению отражения, к объективации не только познавательной информации, но и субъективно-оценочного отношения к обозначаемым фрагментам действительности, способность не только отражать, но и «творить мир» как некоторую «целокупность» (И. Кант) и культурно-историческую «целесообразность».

Понятие «языковое сознание» вошло в активный лингвистический обиход лишь в последние два десятилетия, хотя мысль о необходимости его выделения осеняла многие выдающиеся умы прошлого (В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, И. Л. Вайсгербер, Р. О. Якобсон и др.). При всем разнообразии подходов, к раскрытию содержания этого понятия названных лингвистов объединяло общее убеждение в том, что язык не может быть чем-то внешним, индифферентным по отношению к сознанию, что язык выступает активным средством его практической самореализации (действительным сознанием). Однако в дальнейшем общность исходных позиций разрушается, и в результате возникают не только различные, но и взаимоисключающие семасиологические теории¹. И все же, несмотря на известные противоречия, современная семасиология дает основания полагать, что «когнитивное сознание», «языковое сознание», «значение» и «смысл» — понятия нетождественные. Хотя сознание, или понятийное мышление, опирается на язык, оно не сводится к сумме языковых значений. Дело в том, что языковые значения динамичны: в процессе совместной речемыслительной деятельности говорящего и слушающего происходит их изменение и обогащение, развитие. Различительные свойства элементов когнитивного сознания (понятий и представлений) и элементов *языкового* сознания (значений) объясняются также «двуликостью» последних. «Значение, — пишет М. П. Муравицкая, — определяется отношением знака к обозначаемому пред-

¹ См. подробнее в работе: *Алефиренко Н.Ф.* Методологические проблемы теории взаимодействия сознания, значения и смысла // *Языковая личность: проблемы значения и смысла.* Волгоград, 1994. С. 6–8.

мету и местом в данной конкретной исторически сформировавшейся семиологической категориальной системе языка»¹. Язык, следовательно, не создавая особого мира, особой картины мира, обладает способностью своеобразно представлять когнитивные структуры, «языков-ляя» их, преобразовывать в значения — структуры уже языкового сознания, вплетая при этом смысловые нити вторичной, лингвокреативной, деятельности в отражательную основу многовекового и динамичного культурно-исторического полотна. В языковом сознании формируется в конечном итоге национально-субъективный образ мира, преимущественно модально-оценочный и пристрастный, но не автономный, а как составная часть более широкого обыденного сознания. Такое сознание, в отличие от научного, не нацелено на выделение и уяснение противоречий между явлениями, на раскрытие их сущности. Научное сознание объективируется в значениях языковых знаков особого рода — терминов. Если значения слов лишь стремятся к своему пределу — понятиям, то терминозначения уже находятся в пределах понятия, хотя и не утрачивают генетической связи со значениями общеупотребительных слов, которые «выступают не просто фактом мотивации соответствующих терминов, но семантической основой их существования»². Живой такая связь бывает, главным образом, в значениях терминов, возникших на базе слов определенного национального языка. Ср., например, значения философских терминов русского языка: *время* — 'одна из основных объективных форм существования материи, проявляющаяся в длительности бытия'; *причина* — 'явление, обуславливающее или порождающее другое явление'. В подобных случаях общеупотребительное слово, приобретая философско-категориальное значение, становится термином. Иначе говоря, терминологическое значение сосуществует с другими значениями полисеманта как один из его лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Вместе с другими ЛСВ он входит в смысловую структуру слова и реализуется в речи однозначно.

Несколько по-другому процессы взаимоотношения значения и смысла происходят в интернациональной терминологии. Значение терминов этой группы переосмыслению подвергается чаще всего в области сигнификата по мере изменения самого понятия, обусловленного динамикой научного познания соответствующего явления, а в сфере общественно-политической терминологии — изменениями со-

¹ Муравицкая М.П. Методологические проблемы семасиологии // Методологические проблемы языкознания. Киев, 1988. С. 62.

² Харитонова Т.Л. Джерела філософської термінології. Київ: Наук. думка, 1992. С. 26.

циально-исторических условий его бытования. Весьма ярким примером тому может быть соотношение значения и смысла термина *демократия*, представленное не в лингвистическом исследовании, а в газетной публикации, рассказывающей о симпозиуме «Демократические перемены в сегодняшнем мире» (Тунис, 1992 г.). «Если кто-то из читателей считает, что ныне, в конце XX века, политики и обществоведы... под словом *демократия* понимают одно и то же, то он ошибается» («Известия». 1992. № 23). И автор — С. Филатов — приводит несколько выдержек из выступлений участников симпозиума, демонстрирующих смысловой спектр значения слова *демократия* (гр. *dēmokratia* < *dēmos* 'народ' + *kratos* 'власть') 'народовластие': *демократия* — это «правление народа», «поиски всеобщей ответственности в осуществлении власти», «консенсус», «плюрализм», «политико-культурный феномен Запада», «гарантия индивидуальных прав и свобод», «противоположность тоталитаризму», «отношение правителей к управляемым» и др. Автор передает далее свое восприятие услышанного. «...Усиливалось смешанное чувство: с одной стороны, крепло осознание демократии как *универсальной ценности человечества*, а с другой — одновременно выросстал справедливый вопрос: есть ли пределы смыслового многообразия слова и понятия «*демократия*»?

Постепенно, говорится в статье, вырисовывалась некая емкая, но отличающаяся научной точностью, но зато впитавшая в себя мнения большинства участников симпозиума формула: *демократия* — это определенная форма правления, основанная на соблюдении прав человека и свободе личности.

Данный пример достаточно убедительно показывает, как структурирование объективно-общественных смыслов (их иерархия, установление между ними закономерных связей) формирует значение слова. Сформированное таким образом значение, разумеется, не останется неизблемым. В определенных вербальных и ситуативных контекстах оно будет реализовываться с теми или иными смысловыми доминантами. И как бы интуитивно автор приходит к выводу, который научно обоснован в психолингвистической теории значения: услышав слово «*демократия*», нужно разобраться, кто его произносит и с какими намерениями.

В отличие от научного, обыденное сознание отражает не понятия, а общенародные, стереотипные представления о мире. Будучи вербализованными, они не только воспрепятствуют, но и стимулируют лингвокреативные процессы мышления к порождению коммуникативно значимых смыслов ассоциативно-образного характера, что приводит в одних случаях к образованию переносных значений слова, в других —

к смысловой модификации системного (в том числе и переносного) значения. В первом случае возникают многозначные слова. Их преобладающее большинство в любом языке. Ср.: рус. *лихорадка* — прямое значение 'болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом', и перен. 1) 'возбужденное состояние, сильное волнение'; 2) 'тревожное возбуждение, ажиотаж'; *англ. jockey* — прямое значение 'жокей, наездник' и перен. 'обманщик, плут'. Смысловое преобразование прямых значений может происходить двумя способами: а) путем погашения или редуцирования одних смысловых элементов и актуализации других, как в значении слова *лихорадка*; б) путем ассоциативно-смыслового преобразования прямого значения, как в слове *jockey*. В обеих разновидностях метафорическое смыслообразование дополняет, изменяет и трансформирует отражательное содержание обыденного сознания, вводя его в новые связи и отношения с соответствующими элементами собственно языкового сознания.

Однако образовавшиеся метафорические значения, хотя и стали системными, не лишились своего экспрессивно-смыслового динамизма — главным образом благодаря важнейшему свойству значения — его *диффузности*¹, т. е. «скользящему» переходу смысловых компонентов значения от интенциональных к импликациональным, и наоборот. Один и тот же ЛСВ многозначного слова как результат его метафоризации в речи может подвергаться различным смысловым модификациям. «Экспрессивно-смысловая основа поэтической метафоры, — отмечает В. В. Виноградов, — является не только диффузной, но и переменчивой. Одна и та же метафора получает разные смыслы в зависимости от контекста»². Ср. у М. Цветаевой:

Звезда над люлькой — и звезда над гробом!
А посредине — голубым сугробом —
Большая жизнь. — Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..

В данном контексте метафорическое значение слова *звезда* подвергается трехэтапной смысловой модификации: а) *звезда* — светящееся небесное тело; б) *звезда* — судьба; в) *звезда* — дорогой и «светлый» человек (обращение к смертельно больной дочери). Традиционная для русской поэзии метафора в поэтической речи М. Цветаевой получает

¹ И. А. Стернин называет шесть причин диффузности значения; см.: *Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 19–21.*

² *Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963. С. 158.*

неординарное смысловое наполнение¹. Благодаря лингвокреативному взаимоотношению значения и смысла мир человека, обладающего развитым языком, как бы удваивается. «Человек,— утверждает А. Р. Лурия,— имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами»². Именно такому удвоению мира способствует функциональное единство обыденного и языкового сознания, обуславливающее, в свою очередь, сущность и характер взаимного воздействия значения и смысла.

Обыденное и языковое сознание взаимодействуют, хотя первичным, вне сомнения, является отражение внешнего мира в когнитивных формах. В языковом же сознании реальная действительность отражается в преобразованном, преломленном виде, в форме языковых значений, являющихся вторичными, нередко трансмутационными образованиями по отношению к формам обыденного сознания.

Однако значения языковых знаков, несмотря на их вторичность и производность, некоторые ученые языковой категорией не считают. «Значение,— утверждает А. Г. Волков,— категория внеязыковая и невыводимая непосредственно из знаковой структуры языка: языковой знак, следовательно, не включает в себя значение, которое является фактом сознания»³. При таком подходе к семантическим категориям значение не только выводится за рамки знака, но и за пределы языка, превращая его в некую формально-знаковую структуру. Вместе с этим не отрицается, что такая формальная структура служит выражению мысли. Весьма запутанное суждение! Непонятно, как формальная структура, исключая фиксацию в ней содержания сознания, может вообще служить средством общения, хранить и передавать информацию.

Устранить подобное противоречие можно, лишь разграничив языковые смыслы и языковые значения. Прежде всего языковое значение и смысл различаются как постоянная и переменная категории сознания. Языковое значение является инвариантным (стабильным, устойчивым и поэтому общим для всего этноязыкового коллектива) содержанием языкового сознания. Оно как постоянная величина языкового сознания обладает системным (И. А. Стернин), нормативным, унифицированным (Д. В. Ольшанский) и социально-историческим

¹ См.: Чекалина Н.Г. Художественно-изобразительная архитектоника лирических произведений М. И. Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. С. 18.

² Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 37.

³ Волков А.Г. Язык как система знаков. М., 1966. С. 69.

характером. Следовательно, ученые, выделившие данные свойства, возвращают значению слова статус языковой категории. Однако не раскрытым (и поэтому дискуссионным) остается статус смыслового содержания слова. В литературе на этот счет можно встретить не только разные, но и противоположные точки зрения.

Согласно одной из них смысл слова — категория речевой семантики. Развивая потебнианские традиции, сторонники этой концепции в современной семасиологии языковому значению («ближайшее значение», по Потебне) противопоставляют смысловое содержание (смысл) слова («дальнейшее значение», в терминологии Потебни) — величину ситуативно и контекстуально обусловленную (А. В. Бондарко). Действительно, речевая ситуация и контекст способны обострить, уточнить семантические акценты слова, выделить необходимые для данного общения, то есть коммуникативно значимые, смыслы. Вот как рассуждает по этому поводу герой романа Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы»¹:

«Я никак не могу забыть Вашего “звоните” брошенного мне со ступеньки трамвайного вагона.

Для незнакомого такое “звоните” — это разрешение на продолжение знакомства. Для меня, знающего Вас, это “звоните” — всего лишь “до свидания”, к сожалению, ни на какое свидание не намекает.

Если бы Вы сказали “позвоните” — это было бы не только Ваше разрешение, но и Ваше желание. Две буквы, а какая разница. “Позвоните” не говорится в первый день знакомства».

Значения глагола *звонить/позвонить* в данном отрывке реализуются общими условиями осуществления коммуникативного акта, которые Т. Слама-Казаку называет **глобальным контекстом** (le contexte total)², а В. Я. Мыркин — **коммуникативным**. «Коммуникативный контекст, — пишет В. Я. Мыркин, — это организация средств, организация частных контекстов и опора на частные контексты, вербальные и невербальные, для выражения (равно и восприятия) смысла речи»³. Это так называемый «широкий контекст». Содержание этого понятия, разъясняет Н. Ю. Шведова, соответствует «как тому, что называют указательным минимумом, так и тому, что служит языковым окружением, языковой обстановкой вообще»⁴. Данные определения, хотя и формируют

¹ Роман-газета. 1990. № 12. С. 36.

² См.: *Slama-Cazacu T. Langage et contexte*. S-Gravenhage, 1961. P. 215–216.

³ *Мыркин В. Я. Язык – речь – контекст – смысл*. Архангельск: Изд-во Поморск. междунар. пед. ун-та, 1994. С. 50–51.

⁴ *Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста*. М.: Наука, 1982. С. 144.

общее представление о широком контексте как условии реализации значения, побуждают к размышлениям о природе такого контекста и о его механизмах, реализующих системные значения.

В широком контексте следует различать вербальный и ситуативный контексты.

Вербальный (собственнолингвистический) **контекст** представляет собой указательный минимум синтагматического и парадигматического характера, при помощи которого реализуется то или иное значение. Традиционно под вербальным контекстом понимают лексическое окружение номинативной единицы (слова или фразеологизма). Вербальный контекст, в свою очередь, целесообразно подразделять на языковой и речевой контексты.

Языковой контекст — это такое лексико-грамматическое окружение (указательный минимум) номинативной единицы, которое ограничивает потенциальный спектр всех возможных реализаций ее языкового значения исключительно благодаря своим системно обусловленным свойствам. Взаимодействуя с единицами такого окружения, слово или фразеологизм подвергается своеобразному синтагматическому и парадигматическому фильтру, в результате которого в его семантической структуре погашаются одни и актуализируются другие смысловые элементы. Причем в таком взаимодействии принимают участие и лексические, и грамматические семы. В вышеприведенном примере с окружением взаимодействуют лексическое значение глагола *звонить* кому 'вызывать звонком телефонного аппарата к телефону, говорить по телефону' и грамматические значения несовершенного и совершенного вида, значение императива в сочетании с местоимениями: не могу забыть *Вашего «звоните»*, такое «звоните», это «звоните». Грамматическим условием реализации значения слова наряду с другими элементами контекста может выступать синтаксическая функция данного слова: такое «звоните» — это разрешение; сказали «позвоните»; «позвоните» не говорится... (глагол выступает в функции подлежащего или прямого дополнения). Поскольку в языковом контексте все элементы сцеплены синтагматической и парадигматической связью, то такого рода контекст является прежде всего грамматически организованным единством¹.

Речевой контекст — это неординарное лексико-грамматическое окружение (указательный минимум) номинативной единицы, которое видоизменяет системное значение, нарушая узальную смысловую дистрибуцию слова. В результате системное значение слова под-

¹ См.: Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. С. 45.

вергается семантико-стилистическому варьированию или экспрессивно-образным (коннотативным) наслоениям. Ср.: «— Да где там! Ты и слов-то таких не знаешь. Ты привык языком-то, как оглоблей, *ломить*... Самого, дурака, с малых лет поленом *учили*, ты думаешь, и всегда так надо» (В. Шукшин). Глагол *ломить* приобретает в данном речевом контексте несистемное значение 'говорить грубо, болтать' (привык к грубой речи). Налицо нарушение лексической сочетаемости: *ломитьязыком*. Подобным механизмом несистемной реализации значения обладает и речевой контекст глагола *учить* (*учить поленом*), который употребляется здесь в значении 'бить' с негативным оценочным наслоением.

Не менее важную роль в создании широкого, или коммуникативного, контекста играет вторая его составляющая — *ситуативный контекст*, или речевая обстановка, в которой осуществляется общение. Ситуативный контекст — это «предметное» окружение, по В. Я. Мыркину, включающее субъектно-объектные и обстоятельственные ориентиры (указание на субъектов речи, на место, время, условия и др. факторы общения). Такого рода контекст выполняет уточняющую, конкретизирующую функцию описательно или при помощи местоимений и наречий (*он, там, здесь, вчера, сегодня, то, это* и т. п.). Ярким примером ситуативного контекста может служить рассматривавшийся ранее отрывок из романа А. Рыбакова («звоните», брошенного мне со ступеньки трамвайного вагона, «звоните» для незнакомого и для «знающего Вас» и т. п.).

Следует отметить, что типология контекстов, реализующих в речи системное значение номинативных единиц, может быть пополнена. В. Я. Мыркин, например, называет еще параязыковой контекст, контекст культуры и личностный контекст¹; своеобразная типология контекстов предлагается В. И. Кодуховым² и Г. В. Колшанским³. Однако в любой аранжировке типов контекстов соотношение понятий «значение» и «смысл» оказывается не только неоднозначным, но и противоречивым. К тому же наблюдается тенденция рассматривать соотношение этих понятий лишь в одном направлении: от значения — к смыслу (значение в системе языка и его речевая реализация). Однако, надо полагать, этим взаимоотношение значения и смысла не исчерпывается. Обратим внимание, что, на наш взгляд, значение и смысл связаны не отношением одного с другим, а *взаимоотношением*.

¹ См.: Мыркин В.Я. Указ. соч. С. 52-53.

² См.: Кодухов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст. Л., 1973. С. 21-23.

³ См.: Колшанский Г.В. Указ. соч. С. 29-30.

Кроме представленного выше отношения реализации значения в речевых смыслах, существуют, по данным психолингвистики, и генетические отношения, когда значение S рассматривается как результат вербализации смысловых структур, отражающих различные свойства и признаки познаваемого объекта номинации.

Смысл и значение образуют содержательную (или, как говорят психолингвисты, внутреннюю) сторону языкового знака, являясь его означаемым. Причем первичным компонентом означаемого, по данным А. Н. Леонтьева, выступает смысл как создаваемое в деятельности человека отношение. Ученый выделил две генетические фазы смысла: а) «биологический смысл... как смысл предмета, удовлетворяющего данную потребность»¹; б) «разумный смысл» как общественную по своей природе единицу человеческой психики².

Значение языкового знака формируется в процессе интегрирования «разумных смыслов» (далее — *смысл*, без определения *разумный*). Структура смысла двучленна: один из его аспектов — объективно-общественный смысл, другой — субъективно-личностный.

Объективно-общественный смысл определяется тем общим, что данное слово значит для всего этноязыкового коллектива (его предметная отнесенность и сфера употребления). *Субъективно-личностный* смысл определяется отношением человека к осознаваемым предметам действительности и является, следовательно, своеобразной призмой преломления объективно-общественного смысла в индивидуальном сознании говорящих. Если объективно-общественный смысл, отмечает И. А. Зимняя, «присваивается» индивидуумом, то субъективно-личностное отношение формируется в процессе общения и реализуется в определенных ситуативно-контекстуальных условиях.

Закодированные в означаемом языкового знака объективно-общественные смыслы, фиксирующие в нашем сознании свойства и признаки денотата, а также их связи и отношения с уже имеющимися языковыми знаниями, определяют собой сущность значения языкового знака. С другой стороны, значение существует и реализуется в живой речи, в которой «значение является только камнем в здании смысла»³. Отсюда вся сложность диалектического взаимоотношения смысла и значения: смысл выражается в значении языкового знака, а значение выступает конструктивным элементом речевого смысла. Иными словами, «значение выражается в смысле», ибо «весь процесс речи опреде-

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 207.

² См.: Леонтьев А. Н. Указ. соч. С. 211.

³ Выготский Л. С. Указ. соч. С. 305.

ляется смысловыми отношениями между значениями слов»¹. Речевой смысл, помимо субъективно-личностного отношения (его А. Н. Леонтьев называл просто «личностный смысл») к слову или фразеологизму, включает в себя еще и мотивацию соответствующего высказывания (И. А. Зимняя). Поэтому смысл имеет сложную и неоднородную структуру, включающую смысл биологический и смысл разумный.

Разумный смысл — смысл **сознательный**, продукт психического отражения, которое, как утверждают психолингвисты, всегда «пристрастно». Однако «в нем есть (1) то, что соотнесено с *объективными* связями, отношениями, взаимодействиями, что входит в общественное сознание и закреплено в языке, и (2) то, что зависит от *отношения* данного субъекта к отраженному предмету»² (выделено нами. — *Н.А.*). Первая составляющая получила название «объективно-общественный смысл», а вторая — «субъективно-личностный». Объективно-общественный смысл формируется сочетанием референции, денотации и сигнификации с системными (синтагматико-парадигматическими и эпидигматическими) свойствами слова.

Субъективно-личностный смысл определяется коннотацией слова и мотивацией высказывания, в которое входит данное слово. Смысловые отношения между значениями слов и мотивация высказывания образуют речевой, или коммуникативный, смысл.

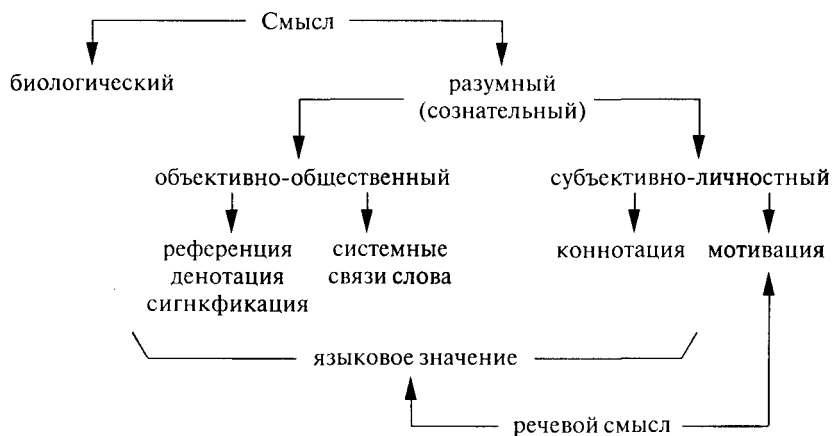

Рис. 5

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 380.

² Леонтьев А.А. «Единицы» и уровни деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2. С. 5.

Данная схема, представляющая собой психолингвистическую концепцию соотношения значения и смысла в работах И. А. Зимней¹, показывает, что рассматриваемые семантические категории находятся в тесном взаимодействии. Языковое значение как продукт вторичного отражения мира включает в себя языковые и неязыковые знания. Содержанием неязыковых знаний является осмысленная совокупность результатов отражения познаваемого предмета именовании на уровнях его референции, денотации и сигнификации в сочетании с коннотативными смыслами языкового и речевого характера. Осмысленные результаты отражения есть не что иное как оязыковленные «разумные» смыслы, в составе которых можно выделить объективно-общественные (референтные, денотативные, сигнификативные) смыслы и смыслы субъективно-личностные (коннотативные), одна из частей которых обрела языковой (узуальный) статус, а другая, оставаясь окказиональной, речевой, выражает личностное отношение побудительного мотива порождения речевого акта к коммуникативной цели, которую преследует говорящий и в соответствии с которой строит свое высказывание, производит соответствующими речевыми средствами (лексическими, грамматическими, интонационными) его актуальное членение на тему и рему. «...Смысл, — писал А. Н. Леонтьев, — создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено как на свой непосредственный результат. Другими словами, сознательный смысл выражает отношение мотива к цели...»². В связи с этим понятия «значение» и «смысл» закрепляются соответственно за постоянной и переменной частями содержания языковых знаков. *Значение* рассматривается как неизменяемая, общая для всего языкового коллектива сторона содержания знака, которая и обеспечивает, собственно, взаимопонимание говорящего и слушающего в процессе их речевого общения.

Смысл же — это актуализированное в речи языковое значение³ в сочетании со всевозможными видами неязыкового содержания. При образовании смысла на языковое значение могут наслаиваться энцик-

¹ См.: *Зимняя И.А.* Вербальное мышление (психологический аспект) // Исследования речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 72—80.

² См.: *Мельников Г.П.* О типах дуализмов языкового знака // НДВШ. Филол. науки. 1971. № 5. С. 58.

³ Л. К. Жаналина называет смыслом только невербализованную часть понятийного содержания, концептуальную информацию, не имеющую языкового воплощения. См.: *Жаналина Л.К.* Языковое значение и смысл // Семантика языковых единиц: Докл. V Междунар. конф. М., 1996. С. 15.

лопедические и ситуативные знания о предметах номинации, речевые коннотации, невербальные образы сознания и т. п. Видимо, поэтому Г. П. Мельников под смыслом понимает ситуативную характеристику языковых знаков в контексте¹, что, по нашему мнению, справедливо лишь по отношению к смыслу, образуемому в ситуативном контексте (см. с. 79).

Таким образом, языковой знак, с одной стороны, обладает значением, являющимся инвариантным, узуальным и обязательным аспектом его плана содержания, а с другой стороны, употребляясь в конкретном речевом акте, языковой знак приобретает вполне конкретный, нередко уникальный смысл, который в его плане содержания оказывается величиной вариативной, окказиональной. Сравним значение и смысл слова *богиня*. В. И. Даль так определяет его значение: «языческое или баснословное божество». В романе Анатолия Жукова «Судить Адама!» это слово употребляется в разных смыслах:

1. «Это была не просто гигантская рыба, это была сама воплощенная мечта рыболова, его достигнутый безразмерный идеал...

— А ведь это наяда,— сказал он [сын.— *Н. А.*]. — Ну, батяня, отмолил ты шуточку.

— Какая еще наяда?

— Речная *богиня*, сказочная»².

2. «— Молодцы, грамотеи! Но слушайте сюда и проникайтесь. Это не Лукерья какая-нибудь, не рыба, это — *мечта* всей жизни, *сказка*, изумрудно-янтарная *наяда*, *уникальное явление природы*. Понятно теперь? Ее закон охраняет.

— Понятно. Кто это такая наяда?

— Понял, называется. В Древней Греции так звали нимф, *богинь* ручьев, речек и озер. Русалки, по-нашему.

— Русалки не такие. Русалки — девушки с рыбьими хвостами»³.

Смысл слова *богиня* разъясняется глобальным контекстом; в устах героя романа оно приобретает окказиональный характер: *богиня* — *русалка* — *рыба* — *наяда* — *мечта* — *сказка*.

Окказиональный смысл служит образным средством репрезентации воображаемого предмета во всей его неповторимости.

Однако анализ позиционной семантики даже одного слова (*богиня*) наводит на мысль, что смыслы слова могут быть не только окказиональными. Прежде всего языковое значение представляет собой сис-

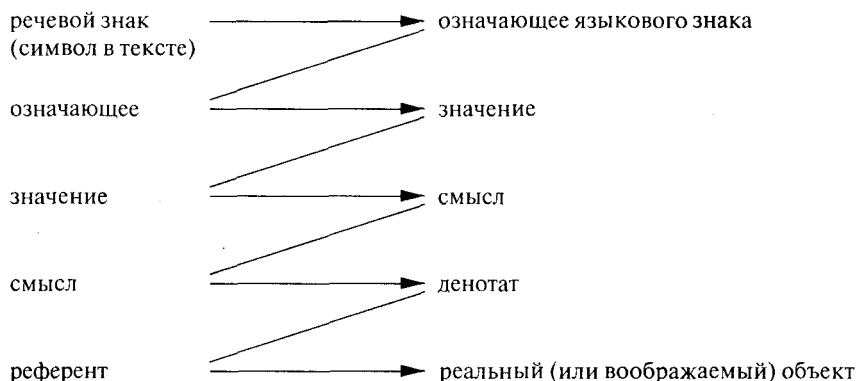
¹ Леонтьев А. Н. Указ. соч. С. 299.

² См.: Жуков А. Судить Адама! // Роман-газета. 1990. № 7. С. 10.

³ Там же. С. 11.

тому узуальных смыслов. В отличие от ситуативного (оказионального) смысла, создаваемого в процессе конкретной речевой коммуникации, узуальный смысл как исторически и социально обусловленная величина не создается в конкретном речевом акте, а воспроизводится в нашем языковом сознании как готовые элементы значения в содержании воспринимаемого текста.

Восприятие и понимание (осмысление) — единый процесс: «...Мы воспринимаем речь на основе ее понимания и понимаем на основе восприятия»¹. При восприятии текста, согласно Г. П. Мельникову, по символам текста опознаются значения, по значениям — узуальные смыслы, а по узуальным смыслам раскрываются смыслы оказиональные, ситуативные². Итак, речевой знак (или символ текста, по Г. П. Мельникову) является означающим для знака языкового, языковой знак служит означающим для значения, значение — для смысла, а смысл выступает означающим для денотата (типového обобщенного предмета), служащего означающим для референта. Правда, для полной ясности следует одностороннее понимание языкового знака перевести на билатеральное. Тогда термин «языковой знак» в этом ряду необходимо заменить термином «означающее».

Представленная схема соотношения понятий «значение» и «смысл» удачно, на наш взгляд, интерпретируется некоторыми учеными в плане раскрытия механизма взаимопонимания между коммуникантами: го-

¹ Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М., 1969. С. 113.

² См.: Мельников Г. П. О принципиальных возможностях передачи содержания текста при машинном переводе на современных ЭВМ // Теория и практика научно-технической информации. М., 1974. С. 80.

ворящий преобразует смысл (мысль о денотате) в значение, а *слушающий* воспринимает сообщение путем перевода значения в смысловое содержание (т. е. путем осмысливания значения). Поэтому нам представляется принципиально важным вывод А. В. Бондарко о том, что «значение и смысл представляют собой не разные и независимые объекты, а разные стороны, аспекты, формы существования мыслительных (мыслительно-языковых и мыслительно-речевых) единиц, которые оказываются способными к взаимным переходам, к перекодированию»¹.

Интересны суждения В. А. Звегинцева о взаимоотношении значения и смысла. Смысл, по его мнению, возможен только благодаря значению. Значения существуют не сами по себе, а для обобщения смыслового содержания, которое, в свою очередь, представляет собой результат эвристического (творческого) мышления.

Итак, в понимании взаимодетерминированности (взаимозависимости) значения и смысла исследователи обычно единодушны. Однако сущность смысла, т. е. его внутреннее свойство и строение, интерпретируется ими по-разному. В понимании В. А. Звегинцева *смысл* — целостное, монолитное образование, не делимое на составные части², а А. В. Бондарко, наоборот, считает смысл таким целостным образованием, в составе которого возможно выделение минимальных смысловых элементов, между которыми устанавливаются структурные связи и отношения. Именно благодаря структурализации элементарных смыслов и становится возможным их обобщенная репрезентация значением как исторически и социально устойчивого вида связи между языковой и внеязыковой действительностью. В отличие от речевых значений (смыслового содержания) значение языковых знаков некоторые ученые называют системным. Такое понимание соотношения значения и смысла содержится в трудах И. А. Стернина, в которых развивается интегральный подход к значению. Согласно этой концепции значение включает определенное множество минимальных смысловых элементов — обязательных и факультативных, основных (производящих) и производных, абстрактных и конкретных, — с разных сторон отражающих в сознании обозначаемые предметы и явления. Структурно организованная совокупность элементарных смыслов, репрезентируемая определенным звукорядом (звучащим словом), образует семантическую структуру слова, т. е. внутреннюю структуру систем-

¹ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. С. 39.

² Звегинцев В. А. Смысл и значение // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. С. 97; *Он же*. Язык и лингвистическая теория. М., 1973. С. 169.

ного значения. Различные комбинации элементарных смыслов объективно-общественного (референтных, денотативных, сигнификативных) и узуально-коннотативного характера приводят к лексико-семантическому варьированию. Ср.: *красивый* — 1) 'приятный на вид, отличающийся гармоничностью, правильностью линий, сочетанием красок, благозвучностью' (черты лица ее были *красивы* и правильны; красивый романс); 2) 'полный внутреннего содержания; высококравственный' (*красивый* поступок); 3) 'привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный' (...люди, подобные Мечiku, подлинные свои чувства ... прикрывают большими и *красивыми* словами. А. Фадеев). Лексико-семантические варианты реализуются и обнаруживаются в вербальном контексте. Поэтому дефиниция значения языкового знака становится возможной лишь в результате изучения достаточно большого количества его речевых (контекстных) реализаций.

Следует согласиться с Г. В. Колшанским, что «каждое значение слова заранее ориентировано на строго определенные условия его употребления. Разнообразие контекстов покрывает все случаи, требующие уточнения значения слова»¹. Отсюда делается вывод: контекст не является способом порождения или преобразования значений; он — свойство и форма их существования. Порождение и преобразование значений детерминируются познавательной деятельностью человека. Поскольку познание окружающего нас мира безгранично, то изменение и совершенствование наших знаний о нем, связанное с обнаружением новых признаков и свойств объектов познания, приводит, естественно, к изменению значений и связанным с ним семантическим процессам.

Итак, *языковое значение* — это вербализованный продукт отражения действительности в сознании человека: исторически и социально закрепленная связь между акустическим образом слова и образом наименованного объекта (предмета, действия, признака)². *Речевой смысл* — личностно ориентированное преломление системного значения в языковом сознании общающихся.

¹ Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. С. 47.

² См.: Алефиренко Н.Ф. Семантическая и смысловая структуры языковых единиц // Семасиологические аспекты значения. Волгоград, 1997. С. 3—8.

Раздел 2

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

2.1. СИСТЕМА МЫШЛЕНИЯ И СИСТЕМА ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ КОДИРОВАНИЯ И ДЕКОДИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ

Исходным в разработке проблемы объективации концептов в языке и речи является положение о том, что на определенном этапе познания действительности система мышления и система языка рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друга друга кода¹.

По утверждению С. Д. Кацнельсона, «система мышления дублируется системой языка, которая, повторяя основные структурные особенности первой системы, вместе с тем существенно отличается от нее»². Принципиально соглашаясь с этим суждением, полагаю, что некоторые его составляющие нуждаются в дополнительных размышлениях. Прежде всего, как мне представляется, система языка не столько дублирует систему мышления, сколько находится с ней в отношении *функционального дополнения*. С одной стороны, мышление, будучи способом получения и организации знания, для отображения действительности нуждается в необходимых для этого опосредствующих средствах — различного рода знаковых системах. Дело в том, что в процессе мышления действительность отображается в мозгу посредством знаков (в современной психологии, вслед за Ж. Пиаже, А. Валлоном и Л. С. Выготским, мышление рассматривается как знаковый дериват внешней —

¹ Существуют разные определения кода, которые, однако, можно свести к следующему: код — это способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов (условных обозначений) и правил их комбинации. Кодирование — преобразование информации в код (представление объекта познания в соответствующую конфигурацию условных обозначений согласно правилам, допускающим обратный переход: от конфигурации условных обозначений к представляемому объекту).

² Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 471.

предметной — деятельности), а сам мыслительный процесс осуществляется в виде чередования образов знаков, отображающих (точнее — кодирующих) образы познаваемых объектов. Наиболее совершенным и поэтому важнейшим знаковым опосредователем мышления является язык. С другой стороны, на высших стадиях мышления (на стадии понятийного мышления) система языка обеспечивает механизмы сознания категориями элементарного мышления, без которых невозможен не только процесс понимания речи, но и процесс формирования мысли. Как система систем (фонологической, лексической, грамматической) язык является сложным кодовым образованием, способным самостоятельно анализировать познаваемые объекты и выражать их признаки, свойства и отношения. При этом не только подводить предмет под ту или иную категорию, но и определять его значимость в пространственно-временном континууме, ставить в нужные отношения к другим предметам. Итак, назначение единиц языковой системы — обозначая, обобщать знания о предмете номинации и, абстрагируясь от референта (объекта, не получившего еще своего имени), подводить соответствующие предметы под определенные категории. В итоге слово оказывается не только средством референции, но и, выполняя функцию обобщения (функции денотации и сигнификации), становится «клеточкой мышления».

Основная задача, которая стоит перед современной когнитивной семантикой, — эксплицировать некоторые «скрытые» механизмы вербализации мыслительных структур в процессе познания мира. Первым шагом для ее достижения должно быть принятие в качестве аксиомы того, что в процессе познания (в результате взаимодействия систем восприятия, представления и порождения информации) происходит отражение и воспроизведение в сознании познаваемых фрагментов действительности.

Первичным в познании является процесс *восприятия*, представляющий собой систему перцептивных и опознавательных действий, имеющих, по данным Т. П. Зинченко, сложную операциональную структуру, в которую входят: а) обнаружение объекта; б) различение, или собственно восприятие: выделение в объекте отдельных признаков, формирование перцептивного образа; в) идентификация (отождествление объекта с эталоном, записанным в памяти; г) опознание знакомых объектов¹. Получение, накопление и объективизация знаний осуществляется при участии соответствующих знаковых систем, важнейшей из которых является язык. При этом мы исходим из того,

¹ Зинченко Т.П. Опознание и кодирование. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. С. 8–9.

что познание человеком действительности преследует по крайней мере две цели: а) узнавание окружающих объектов и б) понимание связей, в которых они находятся. Узнавание проявляется в виде воспроизведения предмета (явления, действия, ситуации) и его репрезентации — *символического акта создания образа-обозначения*¹. В единстве выделенные мыслительные действия образуют то, что в современной науке называют когнитивными структурами. Объективной основой узнавания окружающих предметов является их сходство в рамках соотношения единичного и общего. Понимание межпредметных связей опирается на осмысление роли каждого из участников этой связи. Первое предполагает в процессе познания категоризацию объектов на основе их адгерентных ассоциаций, а второе — их дифференциацию путем выделения ингерентно-ассоциативных признаков тех объектов, которые подводятся под одну и ту же категорию.

Единство ингерентных и адгерентных ассоциаций образует некое целостное смысловое образование, именуемое в исследованиях последних лет концептом, являющимся источником семантической структуры языкового знака, которая формируется в процессе языковой объективации концепта. Средствами такой объективации могут выступать слово, фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения и даже текст, если в нем раскрывается сущность какого-либо концепта. Чаще всего в современной когнитивной лингвистике в качестве средств вербализации концептов рассматриваются слово и фразеологизм. Синтаксические концепты впервые обстоятельно исследуются Г. Я. Волохиной и З. Д. Поповой². И все же наиболее рельефно проблема вербализации концептов вырисовывается в процессе исследования их объективации словесными знаками.

Синергетика концепта и слова

Проблема соотношения концепта и словесного знака обусловлена, как мне представляется, синергетикой речемыслительной деятельности. В этом плане впечатляет своей философской глубиной формула П. Флоренского: «Слово синергетично». «Слово больше себя самого. И притом, больше — двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем есть и субъект познания, и объект познания»³. Слово представляет со-

¹ Ушакова Т.Н. Природные основания речезыковой способности (анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 2000. С. 16.

² Волохина Г.Я., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

³ Флоренский У.А. У водоразделов мысли // Символ. Париж, 1992. Т. 28. Ч. 2.

бой своеобразный синергетический образ взаимодействия этих двух полюсов, индуцированный в сознании субъекта. Слово порождается в пределах субъекта как интерполент его взаимодействия с объектом. Такое синергетическое двуединство объясняется взаимопредполагающим сосуществованием двух основных речемыслительных категорий — концепта и слова. «В слове уравниваются и приходят к единству две накопившиеся энергии... Оно не есть уже ни та или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире... Но нельзя сказать: «оно само по себе». Без того или без другого из соединяемых полюсов (без *концепта* и *лексического значения*.— *Н.А.*) оно вовсе не есть». Дело, видимо, в том, что энергетикой обладают и психические процессы (доказано Зигмундом Фрейдом, Пьером Жане и др.), и языковые значения, если под энергией понимать «всеобщее свойство реальности»¹. Принимая это положение, следует согласиться и с тем, что энергия такого рода связана с *источником* и *общим законом* энергетики. Ее источником служит взаимодействие субъекта со средой и субъектно-объектные отношения, а основным законом — закон сохранения, в рамках которого энергетика психических процессов и энергетика языкового значения оказываются взаимопревращаемыми, что и служит основным механизмом смысловой синергетики языкового знака.

2.2. КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

Лингвокогнитивное понимание механизма взаимодействия концепта и слова осложнено их смысловой неоднозначностью. Термин *концепт* и соответственно его содержание чаще всего соотносят с латинским *conceptus*. Это приводит к отождествлению его с понятием. На уровень когнитивного осмысления концепта как мыслительной структуры, связанной с отражением в сознании первосущности явлений познаваемого мира, выводит его соотношение с паронимическим *conceptum*.

При таком понимании концепт — это действительно мыслительный образ достаточно широкого структурного диапазона: а) по горизонтальной оси — от обобщенных наглядных образов до логических понятий; б) по оси вертикальной — с разной степенью эксплицирования его глубинных смысловых слоев.

¹ Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000. С.42.

В таком его употреблении концепт (как элемент языкового сознания) является первичной оперативной единицей когнитивной семантики — семантический эмбрион, или смысловой ген значения языкового знака, напоминающий *парен*¹ (вещество без структуры), некий первозданный кисель, служащий «строительным материалом» для всех познавательных структур. Будучи элементами сознания, понятие (*conceptus*) и концепт (*conceptum*) служат смысловым и конструктивным ядром любого концептуального пространства, в том числе и языкового сознания. Это выражается в том, что они замыкают на себе всю систему смысловых координат сознания в его парадигматических, синтагматических и этнокультурных связях.

Для того чтобы понять характер взаимодействия сознания и языка как практического осуществления сознания, необходимо выйти за пределы отдельной человеческой головы, за пределы телесной организации человека в мир его культуры². Действительно, любой речемыслительный акт, хотя и осуществляется нервно-мозговой системой отдельного человека, всё же находится в пределах определенного социально-культурного пространства, протекает в рамках соответствующего семантического поля. Более того, речемыслительный акт становится фактом практического сознания, которое вследствие своего объективирования языком превращается в языковое сознание. Результатом такого превращения (= языковое сознание) является «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств»³, «выражение состояния сознания в вербальной форме», что предполагает активное «воздействие на сознание с помощью речи»⁴.

Существует уровневый и полевой принципы структурирования языкового сознания. Достаточно убедительной для многих исследователей является уровневая модель (Ю. Н. Караулов, В. Н. Мейзерский, П. Я. Гальперин, Г. П. Щедровицкий, Г. А. Чупина и др.), в частности та, которая соответствует нашему представлению о механизме вербализации концептов, опирающемся на кодирование и перекодирование информации с одного кода на другой⁵. В этом отношении заслуживает особого внимания трехуровневая модель языкового сознания,

¹ Лат. *paren* — «рождающий, производящий, создающий, добывающий».

² Жоль К. К. Язык как практическое сознание: Философский анализ. Киев: Вища школа, 1990. С. 12.

³ Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Институт языкознания. М., 2000. С. 26.

⁴ Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Там же. С. 22.

⁵ См.: Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. СПб., 2002. № 2. С. 69.

выделяющая в нем: а) лексико-семантический код (тезаурус), б) грамматический код (языковую компетенцию, по Н. Хомскому) и в) коммуникативный код. Согласно полемому принципу в языковом сознании выделяется ядро и периферия. Его ядро составляют слова, которые в ассоциативно-вербальной сети объективируют базовые концепты, периферию — различного рода субконцепты.

Возможность рассмотрения языкового сознания как особого когнитивного феномена обусловлена тем, что язык служит эталоном для идентификации познаваемого предмета (или явления) и квалификации его социальной значимости. Из этого вытекает крайне важный для когнитивной семантики вывод: языковое сознание — э т о п о л и г о н, а языковые знаки — с р е д с т в о для смыслопорождающей деятельности в процессе решения познавательных задач в целях дальнейшего освоения окружающего мира. Дело в том, что, обозначая предмет, слово, по утверждению ¹, выделяет в нем соответствующие *свойства, ставит его в нужные отношения* к другим предметам, *относит его к известным категориям.*

В целом, смыслопорождающая роль знаков как элементов языкового сознания состоит в том, что они являются средством осуществления интериоризации, превращения внешнего во внутреннее, то есть «вращения» образов познаваемых (внешних) объектов внутрь уже имеющейся нервно-мозговой системы. Суть такого «вращения» заключается в том, что образы внешнего мира не просто расширяют уже имеющееся культурно-смысловое пространство, но, что для когнитивной семантики особенно важно, активно воздействуют на ранее сложившуюся понятийную систему, стимулируя тем самым ее развитие. Это, как установил П. К. Анохин, обеспечивает так называемое опережающее отражение. Взаимодействие внешних явлений (« $A > B > C > D$ »), закономерно обнаруживающееся с той или иной периодичностью, отражается в нервно-мозговой системе (« $a > b > c > d$ ») со скоростью, превосходящей скорость протекания событий во внешнем мире. Между внешними событиями и аналогами в нервно-мозговой системе человека устанавливается симметричная зависимость:

$$(1) \langle A \rangle B \langle C \rangle D$$

$$(2) \langle a \rangle b \langle c \rangle d.$$

Это выражается в том, что воздействие внешнего фактора A из внешнего событийного ряда (1) активизирует всю цепную реакцию внутреннего ряда зависимостей (2), не дожидаясь завершения факторов B , C , D .

¹ См.: Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 50.

В процессе опережающего отражения порождаются новые смысловые элементы, требующие своей локализации в языковом сознании и семиотизации в виде сем семантической структуры языкового знака. Значение языкового знака является, таким образом, выражением специфической формы языкового сознания, в которой фиксируется и представляется культурно-исторический опыт народа.

Язык, таким образом, служит не внешним атрибутом сознания, а сам выступает действительным сознанием, способным к опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в познаваемом мире.

В процессе семиотизации познаваемых объектов развитию и трансформации подвергается сама структура сознания, то есть его внутренние связи и отношения, изменяются и сами процессы, в нем протекающие. В конечном счете структурированное знание, будучи содержанием сознания, требует своей вербализации и, закрепляясь в языке, предопределяет изменение и развитие семантической структуры языкового знака. Вместе с тем трудно согласиться с утверждением А. Р. Лурия о том, что «слово — особая форма отражения действительности»¹. Отражательная функция, следует подчеркнуть, реализуется не языковыми, а мыслительными механизмами. Результаты же отражения представлены нашему сознанию когнитивными структурами. Это определяется двумя положениями вытекающими из основного закона материалистического миропонимания: (1) вне отображаемого и разных уровней отражения в принципе ничего не существует; (2) формы отражения материальны, если, разумеется, под отражением понимать нейро-физиологическое воспроизведение предметов окружающего мира и происходящих в нем событий в форме некоего изоморфного отпечатка.

Из данных постулатов отражения действительности, содержащихся в современной теории познания, вытекает, что язык как идеальная (психическая) система не может выполнять отражательной функции. Кроме того, никто, кажется, уже и не оспаривает, что языковая действительность вторична, что существует она только наряду с внеязыковым миром. С другой стороны, слово — не ярлык, обозначающий отдельный предмет (действие, признак, качество или свойство) — оно, как и язык в целом, — важнейшее средство (орудие) познания. Из слова рождается не только удвоение мира, но и возможность накапливать, сохранять и передавать информацию от одного поколения к другому.

¹ Там же. С.40.

Наряду с познанием базовыми для исследования проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста выступают категории мышления, информации, знания, сознания и значения.

Мышление — продукт особым образом организованной материи — мозга; это опосредованное и обобщенное отражение действительности, дающее знания (добывающее информацию) о существенных свойствах, связях и отношениях предметов и явлений. Поскольку находить и устанавливать соответствующие связи и отношения — основные функции субъекта познания, то мышление предстает еще в одном ракурсе: как активный процесс взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом, сущность которого состоит в постоянном анализе и синтезе воспринимаемых фрагментов реального мира с целью отражения объективного мира сначала в предметно-чувственных образах, а затем в суждениях, понятиях, теориях и т. д.

В связи с таким пониманием сущности мышления особую значимость приобретает классификация типов мышления в работах Б. А. Серебренникова. Ученый различает авербельные и вербальные типы мышления: *наглядное*, ориентирующее человека в конкретной обстановке; *образное*, допускающее внеситуативность; *практическое*, составляющее неотъемлемую часть действия; *лингвокреативное*, поддерживающее необходимый баланс между языком и действительностью; *авербально-понятийное*; *поисковое*, реализующееся в научной работе и частично основывающееся на авербальном мышлении¹. Результатом мышления является *мысль* — изоморфный отпечаток в мозгу того или иного объекта отражения через установление связей и отношений предметов и явлений окружающей нас действительности. Иными словами, мышление является способом получения, переработки и организации информации.

Информация — это сведения о фактах, событиях, процессах; данные, сведения, знания, приходящие к человеку по разным каналам, кодируемые, обрабатываемые, перерабатываемые в текущем сознании и передаваемые в процессе коммуникации соответствующими языковыми структурами. Знание — продукт общественной, предметно-практической и мыслительной деятельности людей. И во всей совокупности результатов названных видов отражательной деятельности является содержанием и способом существования сознания. Сознание — высшая, понятийная, и поэтому специфическая форма отражения человеком действительности, результат соотнесения знаний с действительностью и отношения самого человека к этой действительности. В связи

¹ *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. С. 188.

с этим важно помнить о том, что сознание — не только отражение, но и отношение к действительности (эмоции, оценочные суждения и волевые побуждения). Таким образом, структурными элементами сознания помимо мышления являются чувства, эмоции, волевые и другие некогнитивные феномены¹.

Итак, познание, мышление, сознание и язык являются разными способами и формами отражения объективной действительности. Познание — *процесс* отражения, мышление — *способ* отражения, сознание — *форма* отражения, язык — *орудие* познания, обязательное условие развития мышления, реальная форма сознания. И в этом отношении «язык снабжает механизмы сознания категориями элементарного мышления, без которых невозможен не только процесс понимания отдельных предложений, но и процесс формирования мысли и, следовательно, процесс актуализации знаний»².

2.3. ЭТАПЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И УРОВНИ ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

В концепции И. М. Сеченова первая ступень познавательного процесса представляет собой становление предметной мысли, которая «служит чувственным отражением внешних предметов и их зависимостей»³. Примечательно, что даже на первой стадии своего развития компоненты мысли получают отдельное оформление, хотя еще и не в завершенном виде. Фрагменты мыслительной структуры на этом этапе обычно связаны между собой одним из трех типов отношений: (а) по сходству, (б) пространственными отношениями (как члены неподвижной пространственной группы) или (в) преемственностью во времени (как члены последовательного ряда)⁴.

Вторая ступень представляет собой становление отвлеченного мышления, когда происходит преобразование предметно-чувственных образных структур в разного рода абстракции, обладающие всеми свойствами знака. Поэтому И. М. Сеченов назвал такое преобразование символизацией (= возникновение знака), а Л. С. Выготский — сигнификацией. Для когнитивной лингвистики важным в теории И. М. Се-

¹ См.: Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.

² Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. С. 480.

³ Сеченов И. М. Элементы мысли // Избр. философские и психологические произведения. М., 1947. С. 467.

⁴ Там же. С. 378.

ненова является различие внутренней и внешней символизации. Первая осуществляется в собственном мыслительном аспекте, а вторая — в речевом. При этом оба процесса протекают параллельно. Речь, использующая систему условных языковых знаков, на этой стадии развития мысли становится необходимым условием мыслительного отражения действительности. По утверждению А. Р. Лурия¹, слово, обладающее предметной отнесенностью и значением, является *основой системы кодов, которые обеспечивают перевод в новое измерение*, позволяет совершить скачок от чувственного к рациональному, то есть к возможности как обозначать вещи, так и оперировать вещами в совершенно новом, «рациональном» плане. С этого момента начинается собственно речемыслительная деятельность человека, использующая две системы — (а) систему когнитивных структур для внутренней репрезентации (б) системы мыслительных категорий². Как показывают данные психо- и нейролингвистики, выделенные системы находятся в отношении корреляций, что и позволяет осуществлять перекодирование информации из одной системы в другую. Поскольку символизация, или порождение знака, процесс двусторонний (с одной стороны, формируется план выражения знака, означающее, а с другой — его план содержания, означаемое), то термином *символизация* И. М. Сеченов стал называть возникновение плана выражения знака, а процесс становления смыслового содержания обозначил термином *идеализация*. Оба процесса тесно взаимосвязаны. «По мере символизации,— пишет И. М. Сеченов,— чувственные продукты исходных инстанций становятся все более и более способными принимать форму мыслей или идейных состояний. Оттого символизацию впечатлений называют также идеализацией их»³. Из приведенных рассуждений И. М. Сеченова вытекает, что идеализация является процессом преобразования данных опыта в «собственность знака» (В. фон Гумбольдт), и, в конечном итоге, процессом возникновения самого знака. По утверждению ученого, подобные преобразования сопровождают все ступени мышления, начиная с предметного. Они служат средством переработки исходной (чувственной) информации и перекодирования ее в абстрактные когнитивные структуры. Физиологической основой этого процесса служит вторая сигнальная система, благодаря которой дискретность исходной мысли получает свое завершение.

Для выяснения работы механизма перекодирования информации из одной системы в другую необходимо определить основные опера-

¹ Лурия А.Р. Язык и сознание. С. 52.

² Carroll J. Language and Thought. New Jersey, 1965. P. 81.

³ Сеченов И.М. Элементы мысли. С. 494.

тивные единицы языка и мышления и понять закономерности (правила) их функционального взаимодействия.

В сфере внешней символизации, разумеется, должна выступать некая вербальная единица. Но какая? Языковая или речевая? В. А. Звегинцев считает, что в этом качестве выступает *слово как единица речи*¹, видимо, имея в виду репрезентативную функцию словоформы, ее назначение выражать референциональные смыслы в структуре предложения-высказывания. Если же под внешней символизацией понимать вербальное кодирование мыслительных структур в сознании человека, формирование с их помощью семиотической модели мира, то тогда такой единицей следует признать *слово как единицу языка*. Необходимость разграничения слова как единицы речи и слова как единицы языка обуславливается принципиальным разграничением в системе внутренней символизации единицы мышления и единицы сознания. Единицей мышления является *смысл*, выражающий ценностное отношение человека к познаваемой реальности, движение мысли от озадаченного сознания к сознанию, решившему задачу². В результате, «...смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено как на свой непосредственный результат. Другими словами, сознательный смысл выражает отношение мотива к цели... Смысл — это всегда смысл чего-то. Не существует «чистых смыслов»³. Суждения, высказанные здесь А. Н. Леонтьевым, открывают новую грань категории смысла: в нем сосуществуют и «уживаются» два, казалось бы, несовместимые свойства — способность отражать объективные отношения в реальном мире и субъективного понимания отношения мотива к цели. Это проливает свет на то, почему смысл, в интерпретации Г. Г. Шпета, придает слову б ы т и й н ы й характер. Если развести *мышление* как процесс отражения действительности в сознании человека и *мысль* как продукт мыслительной деятельности (мышления), тогда можно принять точку зрения В. А. Звегинцева, согласно которой «единицей мысли является понятие, которое <...> есть внутренняя репрезентация определенного класса опыта»⁴. Иными словами,

¹ Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 17.

² Здесь необходимо отметить, что А. Н. Леонтьев установил две генетические фазы смысла: (а) биологический смысл (смысл предмета, удовлетворяющего данную потребность, и (б) разумный смысл» (общественную по своей природе «единицу человеческой психики»). Понятно, что объектом лингвокогнитивного исследования является «разумный смысл».

³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 299.

⁴ Звегинцев В. А. Значение и смысл в деятельности общения // Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 176.

понятие представляет собой внутреннюю репрезентацию обобщенного и определенным способом структурированного смыслового (эмпирического, опытного) содержания. Единицей сознания служит языковое значение. Как объективно-историческое явление, оно служит идеальной, духовной формой выкристаллизованного общественного опыта, закрепленной за тем или иным языковым знаком (М. В. Никитин, В. А. Звегинцев, А. М. Кузнецов, Э. Д. Сулейменова). В этом отношении наиболее точно определила специфику значения и смысла И. М. Кобозева: «Концепт *значение* в обыденном русском языке связан с презумпцией существования знаковой системы, элементом которой или текстом на языке которой выступает носитель значения. Концепт *смысл* такой презумпции не имеет, следовательно, он не конвенционален»¹.

Итак, с м ы с л — категория личностная, ситуативная; смысл подвижен и изменчив от человека к человеку, от текста к тексту; з н а ч е н и е — категория общественная, стабильная, постоянная часть содержания языкового знака. Еще более масштабно подходит к определению значения А. В. Бондарко: «Говоря о з н а ч е н и и, мы имеем в виду содержание единиц и категорий данного языка, *включенное в его систему и отражающее ее особенности*, план содержания языковых знаков»² (выделено нами. — *Н.А.*). Носителями смысла являются не только языковые формы, но и другие «субъекты» речепорождающего процесса (мотив, коммуникативное намерение, замысел, внутреннее программирование (смысловое синтаксирование), субъектно-предикативно-объектные отношения и ситуация общения). При такой интерпретации смысл предстает как исключительно речевой. Согласно точке зрения Г. П. Мельникова, смысл понимается гораздо шире. Ученый различает (а) абстрактный социально значимый смысл, который заготавливается заранее (до речевого общения) и лишь воспроизводится всеми по памяти, и (б) ситуативные конкретные смыслы, которые творчески создаются в момент номинации говорящими. Первые он называет узальными, а вторые — окказиональными³. Однако, заметим, и первая и вторая разновидности смыслов к языковым сущностям не относятся.

Как можно судить из противопоставлений (языковое — неязыковое), значение, в отличие от смысла, принадлежит языку. Пожалуй,

¹ Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 312–313.

² Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 102.

³ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 83.

наиболее лаконично и емко такое понимание соотношения этих двух категорий представлено в формуле В. А. Звегинцева: «значение — *внутри* языка, смысл — *вне* языка» (выделено нами. — *Н. А.*)¹ Принимая такое понимание соотношения смысла и значения в принципе, нельзя не отметить, что они составляют целостное, хотя и противопоставленное единство, которое обеспечивается механизмами перекодирования информации из сферы внутренней символизации в сферу внешней символизации. Продолжая развивать мысль, обозначенную предложенной формулой, В. А. Звегинцев пишет: «Значения не существуют сами по себе, а ради смысла, и более того — подвергаются формированию через посредство смысла ввиду ... их способности преобразовываться в смысл в составе предложения»². Подобный подход к истолкованию взаимоотношения двух категорий находим и у А. В. Бондарко³, для которого особенно существенной представляется мысль о том, что смысл перекодируется говорящим в значения, а воспринятые слушающим значения переходят в смысл.

Несколько своеобразно эта точка зрения развивается в работах И. М. Кобозевой. Она различает значение и смысл по их отношению к интенционалу: значение — *инвариант* интенционала, представленный словарным толкованием; смысл слова — *вариант* его интенционала, *интерпретация* слова, основанная на внутренней форме, что позволяет рассматривать смысл слова как его *коннотацию*⁴.

Теперь путь от мысли к слову, который у Л. С. Выготского лежит через значение⁵, можно изобразить в виде многочленного ряда, конституирующего разные стадии развития и существования концепта: *предмет*, взятый в его ценностных отношениях с другими предметами, точнее, *предметно-чувственный образ* > *смысл*¹ (протовербальный) > *понятие* > *значение слова* > *словоформа* > *смысл*² (речевой). Поскольку смыслом начинается и заканчивается путь от мысли к слову (в некотором отношении этапы вербализации концепта), то можно предположить, что смыслы существуют (или, по Г. И. Богину, бытийствуют) не в речевых и не в языковых структурах, а в концептуальных системах.

Для когнитивной лингвистики особую значимость приобретает понимание того, что в процессе мыслительной деятельности происходит образование двух семиотических моделей: для построения ло-

¹ Звегинцев В.А. Значение и смысл в деятельности общения. С. 176.

² Там же.

³ См.: Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. С. 126.

⁴ Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл. С. 313–318.

⁵ Выготский Л.С. Собр. сочинений: В 6-и т. М., 1982. Т. 2. С. 356.

гической модели мира в качестве знаков используются понятия, а для языковой модели мира — знаки языковые. Знаки языковые — средство объективации понятий. Их, собственно, а не сами понятия, как полагает В. А. Звегинцев¹, и следует считать универсальным средством познания, накопления и хранения информации. Речевые же знаки служат средством передачи информации в ходе общения людей. Однако сам семиотический процесс передачи информации (процесс перехода языковых знаков в речевые) также оказывается включенным в когнитивно-коммуникативную деятельность.

В этой связи нельзя не вспомнить Ч. Пирса: «Знак не есть знак, если он не переводит себя в другой знак, в котором он получает более полное развитие»². Стимулом для такого перевода единиц из одного семиотического кода в другой является тот уже всеми признанный факт, что «мысль симультанна, а речь — сукцессивна. Мысль — облако, проливающееся дождем слов»³. Симультанность (нелинейность, синергетичность) мысли и сукцессивность (линейность) речи используют при переводе знаков когнитивных структур в знаки речевые операцию анализа, а при обратном переводе — операцию синтеза. Процесс перехода от мысли к речи, разъясняет Л. С. Выготский, представляет собой чрезвычайно сложный процесс анализа (расчленения) мысли и ее синтеза (воссоздания) в словах. А это, как известно, главное условие всех форм мыслительной деятельности, которая предполагает осмысление новых связей и отношений предмета мысли, а значит, и обогащение уже существующих когнитивных образований. В этом плане семиотические системы, обеспечивающие мыслительную и речевую деятельность (или, в их единстве, как писал С. Д. Кацнельсон, — речемыслительную деятельность), способны порождать новые смыслы. Это объясняет в ряду прочих и то свойство знака, благодаря которому он признается обязательным «участником» познавательной деятельности человека.

Итак, знания, форматированные в концепт, в процессе речемыслительной деятельности могут быть представлены разными способами: *д е н о т а т ы* — знанием языка, *с о д е р ж а н и я* — воспроизведением предикаций в рамках пропозиций, *с м ы с л ы* — рефлексией в действиях восстановления ранее познанных реалий, их связей и отношений в рамках того или иного события, той или иной ситуации. Рефлексия — не только процесс, сопутствующий смыслообразованию:

¹ *Звегинцев В. А.* Значение и смысл в деятельности общения. С. 228.

² *Peirce C.S.* Elements of Logic // Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press. 1960. Vol. 2. P. 170.

³ *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 2. С. 356.

смыслообразование есть момент остановки, «фиксации», ее объективации, ее превращения в одну из своих ипостасей.

2.4. ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Как доказывают психологи (теория деятельности А. Н. Леонтьева, теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, когнитивная эпистемология Ж. Пиаже), мыслительные структуры представляют собой сокращенные действия, опирающиеся на определенные знаковые опосредователи (языкового и неязыкового характера). Для когнитивной семантики это положение крайне важно, поскольку позволяет преодолеть метафизическое противопоставление внешней (практической) деятельности и деятельности внутренней, осуществляющей дискурсивное (словесно-логическое) познание.

«Движение знания,— писал П. В. Копнин,— неосуществимо без иррационального момента, который интуитивен, свернут и до определенного момента остается логически неоправданным. Однако по мере превращения иррационального в рациональное становится дискурсивным. Это превращение предполагает не только рассудочное, но и разумное мышление, создающее новые логические формы»¹.

Дискурсивное мышление противопоставляется практическому на том основании, что первое использует знаки, а второе якобы знаковых опосредователей не имеет. При таком понимании взаимоотношения мышления и языка ни о какой синергетике речемышления, разумеется, не может быть и речи. В рамках нового, деятельностного, подхода разрабатывается теория *п о л и м о р ф н о с т и* мышления, согласно которой мышление на любом этапе познания опирается на знаковые опосредователи. Каждая форма мышления, надо полагать, «отдает предпочтение» одному из типов знаковых опосредователей: предметно-практическое мышление — *символам*, образное — *наглядным образам*, адискурсивное — *языковым знакам*. Подчеркну, что это лишь тенденция, так как выявленные предпочтения весьма условны. Дискурсивное мышление даже в процессе освоения вербальной информации не обходится лишь языковыми знаками. Для адекватного понимания механизмов вербализации концептов следует различать не только знаковые опосредователи полиморфного мышления, но и характер протекания самих когнитивных процессов: понятийное мыш-

¹ Копнин П.В. О рациональном и иррациональном // Вопросы философии. 1968. №5. С. 121.

ление — процесс, протекающий от живого созерцания в рамках предметной деятельности к абстрактному мышлению, а практическое — от абстрактного мышления к предметной деятельности. Оба типа когнитивной деятельности в качестве оперативной единицы используют концепт.

На уровне практического мышления концепт, по С. Д. Кацнельсону, представляет собой ноэму — обобщенный образ объекта, содержащий в себе минимум сведений об объекте, необходимый для его опознания (идентификации) и различения. По Гуссерлю¹, ядром ноэмы выступает смысл, а если смысл истолковывать более широко — как грани понимаемого («*Besstimmtheiten — spezifische Weise*»), то сама ноэма оказывается равнозначной смыслу. На уровне развитого (абстрактного) мышления в качестве ноэмы выступает «формальное понятие». Функциональная роль ноэмы на этом уровне состоит в способности служить приводным ремнем к «содержательным понятиям».

На уровне мыслительной синтагматики концепты приобретают пропозициональные функции, превращаются в своего рода схемы образования пропозиций².

На первых двух эволюционных уровнях мышления концепт (в ходе интериоризации) предвывает лексическое значение слова, а на уровне мыслительной синтагматики (в ходе дискурсивного мышления) путем экстериоризации он способен порождать новые концепты или перерождать уже существующие. При этом интериоризация и экстериоризация оказываются не столько простым переводом внешнего во внутреннее и наоборот, сколько лингвокреативными процессами.

Словесная вербализация концептов возможна только на основе предметно-практического мышления. Как писал Ж. Пиаже, никакое знание не есть результат чистого восприятия, «поскольку всегда направляется и структурируется схемами действия». Знание, по Ж. Пиаже, берет начало от действия, а всякое действие, которое повторяется или генерализуется через применение к новым объектам, порождает тем самым концептосхему, своего рода практический концепт.

Экспериментальные исследования А. Н. Соколова, посвященные проблеме взаимодействия внутренней речи и мышления, показывают, что вербализация концепта-образа требует «дополнительного психического акта — нужно как-то домыслить, сконцентрировать, связать в одну точку», в один ассоциирующий образ все свойства и признаки

¹ *Føllesdal D. Husserl's Notion of Noema//Husserl, Intentionality and Cognitive Science. Cambridge (Mass.), 1982.*

² *Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. С. 470.*

познаваемого объекта. При этом «образы, если они действительно становились средством закрепления, не могли не расширять своего первоначального значения, становясь носителями общего смысла»¹. Основным способом синергетической концентрации знания в образ служат не простые *ассоциации* между предметами мысли, а своего рода *ассимиляция* объектов посредством схем, выработанных тем или иным этнокультурным восприятием мира.

Ассимилятивные образы становятся неязыковыми знаками для обозначения концептов. Они лишь сходны со словесными знаками, но образуют особую сферу речемыслительной деятельности — внутреннюю речь.

¹ Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967. С. 92—93.

Раздел 3

ПРОТОВЕРБАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЪЕКТИВИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА: ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ

3.1. ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ И ЗНАКООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА

Длительное время считалось, что внутренняя речь (ВР) — это «речь про себя», то есть речь с усеченным концом, без моторного завершения. Более глубокие смысловые пласты этого понятия были вскрыты Л. С. Выготским, Н. И. Жинкиным, А. Р. Лурия и их учениками и последователями. Это — 1) планирование и контроль речевых действий (что сближает ВР с мышлением); 2) внутреннее проговаривание (скрытые артикуляции в процессе ВР были обнаружены А. Н. Соколовым); 3) этап внутреннего программирования высказывания. Для осмысления процессов вербализации концепта эти уточнения важны тем, что все три пласта ВР оказываются результатом интериоризации внешней речи, или, по Л. С. Выготскому, внутреннего слова, которое «как бы вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя почти безгранично рамки своего значения»¹. В рамках ВР происходит не только интенсивное формирование концепта, но проецируется способ его вербализации, поскольку (а) «во внутренней речи слово гораздо более нагружено смыслом, чем во внешней» (Л. С. Выготский), (б) оно служит для говорящего условной номинацией цепочки ассоциаций, способом синтезирования смыслов, (в) в нем формируется в свернутом виде предикативное содержание будущего высказывания, его рема (А. Р. Лурия), (г) внутренне слово — средство перевода неких образов на естественный язык (Е. С. Кубрякова). В этом, собственно, и следует искать протовербальные механизмы вербализации концепта на основе расширения и обогащения денотативной базы будущего языкового знака.

Протовербальные знаки внутренней речи являются носителями даже не расширенного значения, как полагал А. Н. Соколов, а нового

¹ *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. Т. 2. С. 350.

или, по крайней мере, значительно более информативного плана содержания, исходящего от более широкой денотативной схемы концепта. Денотативные схемы подобного рода фокусируют эмпирические знания о предмете номинации и его связях и отношениях с другими элементами дискурсивного сознания во внутренней речи, имеющей, по данным А. Р. Лурия, решающее значение для перекодирования замысла в развернутую речь и для создания порождающей схемы развернутого речевого высказывания. Внутренняя речь (и это в теории А. Р. Лурия у нас вызывает особый интерес) является «механизмом, превращающим внутренние субъективные *смыслы* в систему внешних развернутых речевых *значений*»¹. Субъективные смыслы, напомним, воплощаются в предметно-чувственных образах.

Внутренняя речь призвана перевести план содержания таких образов из сукцессивно (линейно) представленных фрагментов дискурсивного сознания в симультанную (нелинейную, целостную) структуру, также обладающую предметной наглядностью и поэтому названную Н. И. Жинкиным универсально-предметным кодом (УПК). УПК является одной из простейших форм репрезентации концепта.

Знакопорождающая энергия концепта (в таком его понимании), хотя, разумеется, и в разной степени, служит конструктивным стимулом зарождения, развития и формирования всех компонентов семантической структуры знака — экстенционального, контенционального и интенционального. При этом следует помнить, что названные компоненты значения имеют разную концептуальную природу — протOVERбальную или вербально-логическую.

ПротOVERбальные компоненты семантической структуры знака представляют те элементы сознания, которые отражают естественные связи и отношения предмета в окружающей его действительности. Содержанием таких компонентов являются *мыслительные импликации* из соответствующего *объекта познания* как его информационная функция². Вербально-логические компоненты служат носителями тех элементов сознания, которые не связаны с отражением реального положения дел в объективном мире. Между предметами познаваемого мира в этом случае нет какой-либо видимой природной связи, но в сознании человека устанавливается их знаковая связь, позволяющая оперировать даже образами тех предметов, которые лишены импликационной взаимозависимости. Их содержанием является *условно за-*

¹ Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 10.

² См.: Алефиренко Н. Ф. ПротOVERбальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация // Филологические науки. 2002. № 5. С. 72.

крепленная за языковым знаком кодифицированная мысль как ее знаковая функция.

Итак, по принципу отражательной адекватности компоненты семантической структуры языкового знака подразделяются на протOVERбальные и вербальные.

По наличию или отсутствию субъективной оценки в семантической структуре знака можно выделить также когнитивные и прагматические компоненты. Это закономерно связано со структурной природой самого сознания, которое «представляет собой скоординированное единство когнитивных и прагматических структур»¹. Первый компонент представляет в языковом значении объективное смысловое содержание когнитивных структур, которое отражает фрагменты реального или ирреального мира в полном отвлечении от субъективных оценок эмоциональных переживаний и коммуникативной перспективы. Второй компонент как бы дополняет первый субъективно-оценочным отношением человека к денотатам и денотативным ситуациям, порождая тем самым в семантической структуре слова субъективно-оценочные смыслы и содержательные эффекты прагматической природы.

Когнитивный компонент содержит контенциональные и экстенциональные смыслы (контенционал и экстенционал языкового знака). **Контенционал** значения языкового знака, вербализуя содержание концепта, представляет собой определенным образом структурированную совокупность отраженных в концепте признаков, а **экс-тенционал** — множество однородных предметных образов, или класс денотатов, с которыми соотносится данный концепт. Под структурированностью контенционала понимается возможность выделения в нем **интенционала** — содержательного ядра языкового значения (устойчивой и постоянной конфигурации семантических признаков, служащей для распознавания и идентификации предмета именованного) и **импликационала** — периферии семантических признаков, представленных в значении языкового знака факультативно (их наличие или отсутствие не влияет на результаты идентификации предмета номинации).

Интенционал, поскольку он управляет речемыслительными операциями по классификации, систематизации и именованию денотатов, структурирован родовидовыми отношениями семантических признаков. В связи с этим в семантической структуре языковых знаков выделяют *архисему* (семантический признак родового характера) и *дифференциальные семы* (семантические признаки видовой зависимости).

¹ Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 30.

Семантические признаки интенционала могут с большей или меньшей степенью вероятности порождать (точнее, имплицировать) периферийные семантические признаки, образующие импликационал языкового значения. Смыслорождающим источником в таком случае выступает механизм ассоциации. По степени предсказуемости и вероятности появления периферийных (ассоциативных) семантических признаков различают облигаторный (обязательный) и слабовероятностный импликационал. Соответственно в семантической структуре знака можно выделить *потенциальные, вероятностные и факультативные семы*. Будучи периферийным содержанием языкового значения, импликационал, с одной стороны, связан с интенционалом (им, собственно, и имплицироваются периферийные семантические признаки), а с другой, — с прагматическим компонентом значения, от которого исходят субъективные (оценочные, модальные и образные) смыслы. Последние в семантической структуре знака представлены *коннотативными семами*.

Такое разграничение смысловых аспектов когнитивного компонента языкового значения объясняется достаточно просто: «все, что существует в отраженном сознанием мире, распадается на две категории — вещи и признаки»¹. Выделенные категории взаимно предполагают друг друга. Вещь, или предмет, — это любая реалья, обладающая некоторыми признаками, признаки — это атрибуты вещей, по которым они отождествляются или различаются. Признаки в свою очередь подразделяются на свойства и отношения. *Свойства* — собственные признаки предмета, которые ему присущи независимо от его отношений с другими реальями, поэтому они этими отношениями и не обуславливаются. *Отношения* выражают связи предметов, т. е. это признаки, которые одновременно определяются несколькими предметами (в логике их называют *аргументами* — участниками отношения). Признаки вне вещей (сами по себе) не существуют. Свойство — признак, составляющий отличительную особенность того или иного концепта. Поэтому в процессе вербализации концепта в его семантической структуре слова образуются так называемые дифференциальные семы. Такими для слова *клен* являются семы «широкие листья» и «резной рисунок листа», для слова *дуб* — «крепкая древесина» и «желуди», для слова *сосна* — «вечнозеленое дерево», «длинные иглы» и «округлые шишки». Причем, входя в состав интенционала, такие семы являются, как правило, денотативными. Выделение предметов, их признаков (свойств и отношений) в когнитивной семантике отнюдь не является результатом зависимости от психологических или логических ка-

¹ Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. С. 32.

тегорий. Для когнитивной лингвистики они крайне важны, так как предполагают особые средства своей языковой объективации. Вещи, или предметы, и признаки (свойства и отношения) вызвали необходимость соответствующего деления знаменательных слов и частей речи на две категории: (1) имена аргументов (имена существительные, субстантивные слова, в частности местоимения-существительные, а также субстантивированные части речи) и (2) предикаты, или признаковые слова (имена прилагательные, глаголы, наречия, отчасти инфинитивы, местоимения-прилагательные)¹.

Деление языковых знаков на имена (предметные слова) и предикаты (признаковые слова) обусловлено, в частности, спецификой их экстенционала и интенционала. Экстенционал *предметного* слова — это его отношение к классу предметов, образуемому предметным понятием (денотатом). Экстенционал *призрачного* слова — его отношение к классу предметов (объектов действительности, обладающих признаком, отраженным в значении предиката (И.Б. Шатуновский). Значение предметного имени соотносится с понятием о классе однородных предметов. Значение призрачных слов соотносится не с классом признаков, а тоже с классом денотатов, который, однако, отличается от первого тем, что выделяется он на основе не предметного, а призрачного понятия, «которое само по себе является и своим интенционалом и своим экстенционалом»². Если денотат предметных имен опирается на парадигматику имени (заключен в самом имени), то денотат предикатных слов синтагматичен (обнаруживается путем сочетаемостного анализа призрачного слова. Так, денотат призрачного слова *небольшой*, в определении Л. О. Чернейко, — целый класс денотатов, имена которых могут принимать прилагательное *небольшой* в качестве предиката (это «всякий объект, параметры которого меньше стандарта, существующего для того или иного класса объектов»³. Границы денотатов экстенционала в данном случае размыты. Однако они могут быть более определенными, если экстенционал призрачного слова приближается к 1 (*проливной дождь*). В конечном итоге предметные и призрачные слова отличаются друг от друга экстенционалом (объемом денотатов) и контенционалом (содержанием) своих значений.

Имена как знаки референциональной отнесенности, служащие средством выделения предметов, характеризуют экстенционал. Предикаты предназначены для характеристики предмета путем выделе-

¹ Уфимцева А.А. Лексическое значение М.: Наука, 1986.

² Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. С. 494.

³ Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С. 40.

ния признаков, свойств и отношений тех предметов, которые обозначены именами. В этом отношении проявляется семантическая специфика абстрактных имен. Она обусловливается тем, что (в отличие от конкретных имен) их предметность не опирается на какой бы то ни было класс объектов. В этом они сближаются с признаковыми словами (глаголами и прилагательными). Этим, видимо, и объясняется то обстоятельство, что абстрактные существительные крайне редко используются исследователями для анализа предметности — классемы имен существительных.

Экстенциональный компонент значения формируется в процессе категоризации вербализуемых объектов в процессе обобщения их предметных признаков (свойств, действий и отношений), т. е. подведения концептов под ту или иную категорию. В результате в семантической структуре слова появляется родовой признак, по которому обозначаемый предмет соотносится с тем или иным классом, формирующим смысловой объем концепта (*клен* — дерево, *ищейка* — собака, *истребитель* — самолет, *ехать* — передвигаться, *мирный* — спокойный). Сам концепт находится на начальной фазе своего развития, представляя собой, по словам С. А. Аскольдова, «туманное нечто»¹. В семантической структуре слова данный признак представлен архисемой, которая лишь отсылает пользователя знаком к той или иной категории, но еще не конкретизирует лексическое значение слова. Для этого в процессе речемышления должен сформироваться концепт с более определенными признаками, указывающими на дифференциальные свойства предмета номинации, по которым он отличается от других объектов, подводимых под соответствующую категорию: *ищейка* — «служебная собака с тонким чутьем, используемая для поиска чего-либо», *истребитель* — «боевой самолет для истребления авиации и беспилотных средств противника», *ехать* — «двигаться куда-нибудь при помощи каких-нибудь средств передвижения» (поездом, теплоходом, на лошади и т. п.), *мирный* — «обладающий мирным и покорным нравом». Однако вербализация дифференцирующих признаков концепта приводит к формированию собственно лексического значения. Оба аспекта когнитивного компонента языкового значения достаточно вариативны. Однако при любом диапазоне контенсионального варьирования сохраняется некий смысловой инвариант — постоянное сигнификативное ядро, наиболее устойчивый элемент контенсонала, благодаря которому категориальные признаки обозначаемого предмета не размываются и слово удерживается в узуальных родовидовых рамках.

¹ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под общей ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 268.

Совокупность вербализованных свойств, которыми характеризуется объект номинации и отличается от других объектов, подводимых под данную категорию, составляет *интенсивная значения* языкового знака, фиксирующий содержательное ядро концепта. Ср.: *ищейка* и *легавая* 'порода собак, тренируемых для охоты на пернатую дичь', *истребитель* и *бомбардировщик* 'бомбардировочный самолет, предназначенный для уничтожения наземных объектов противника', *смирный* и *покорный* 'послухный, уступчивый', *покорный* 'ведущий себя тихо, не беспокоящий, не раздражающий'. Интенционал и экстенционал языкового знака находятся, как справедливо заметил М. В. Никитин, в обратной зависимости: чем богаче интенционал (чем больше признаков он содержит), тем беднее экстенционал (объем денотатов, представляемых данным концептом). Ср.: *дерево* и *яблоня*. Концепт, выражаемый первым словом, обладает более широким, чем у второго, экстенционалом, поскольку под категорию «дерево» подводятся не только яблони, но и груши, сливы, персики, вишни и т. д. В этом проявляется обобщающая функция концепта, что вполне оправдывает определение, данное этому феномену С. А. Аскольдовым: концепт есть «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»¹. Зато концепт, объективируемый вторым словом, содержит более богатый интенционал (яблоня, как и любое другое названное выше плодовое дерево, характеризуется большим набором признаков, чем просто «дерево»).

Формируя экстенционал и интенционал лексического значения, концепт развивается сам, преобразуя тем самым свои смысловые ингредиенты в такие смыслогенерирующие феномены словопорождения, как этимон, внутренняя форма слова и собственно компоненты лексического значения (семемы) — интегрирующие и дифференцирующие семы.

Итак, что же является источником поэтической энергетике языковых знаков вообще и знаков вторичной номинации в частности — предметно-образительный код (универсальный предметный код — УПК), образ предмета, предметный остов структуры слова или внутренняя форма слова?

Прежде всего попытаемся понять, как соотносятся между собой данные когнитивные образования и каковы их возможности в формировании образности языковых знаков.

¹ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. С. 269.

3.2. ПРЕДМЕТНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ КОД И ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Предметно-изобразительный код как нейрофизиологический субстрат мышления представляет собой систему чувственно-предметных средств, кодирующую информацию о познаваемом в виде пространственно-временных структур мозга. Иными словами, это своеобразная модель той смысловой схемы, которая заключена в исходной мысли. Она представляет еще невербализованную мысль. Поэтому он имеет еще и другие названия: «язык мозга» (К. Прибрам, И. Ф. Вардуть), «универсальный предметный код» (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), «язык пространственно-временных гештальтов» (Л. М. Веккер), «язык субъективной реальности» (Д. И. Дубровский), «язык чувственного познания» (Н. И. Губанов, С. М. Шалютин). Как и любой язык, УПК обладает своими оперативными единицами. Однако вопрос об их природе и сущности остается в современной когнитивной лингвистике открытым. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин полагают, что нейрофизиологическими единицами УПК являются наглядно-чувственные образы, схемы, картины и представления. А по определению Н. И. Жинкина, из этого ряда следует исключить образ. Предметно-изобразительный код, утверждает ученый, — скорее не конкретный образ, а образная схема, выполняющая роль посредника между языковым знаком и обозначаемым предметом. «Не образ» — потому, что УПК не представляет собой целостной и законченной картинки.

На наш взгляд, в УПК присутствует и то, и другое. Будучи предметно-изобразительным кодом, УПК действительно представляет собой образную схему, смысловой центр которой представлен наглядным образом. Это, надо полагать, сжатая, контурно представленная схема, по которой осуществляется интериоризация (семиотическое преобразование предмета номинации). Ее когнитивная сущность состоит в том, что в речемыслительном процессе денотативная структура (обобщенное отражение предмета) преобразуется в семантическую структуру знака (в языковое значение), а при восприятии языкового знака, наоборот, семантическая структура (означаемое знака) преобразуется (а если точнее — переводится) в денотативную структуру номинируемого объекта. УПК, таким образом, обеспечивает возможность взаимопонимания между общающимися. Основывается оно на адекватном кодировании объекта номинации в языке и декодировании языкового знака в речи. Такой предметный код назван универсальным потому, что в некотором роде совмещает в себе два дискретных кода интеллекта — речемыслительный (семантическую структуру языкового зна-

ка) и когнитивный (предметный образ). Хотя УПК и не образ, его все же роднит с ним целостность структуры, которая служит своеобразным «мостиком» между относительно самостоятельными кодами (языковым и когнитивным). При порождении речи УПК интегрирует отдельные элементы предметного смысла, служащие мыслительным субстратом для формирования семной структуры слова, а при декодировании языкового знака его означаемое членится на дискретные элементы денотативного отражения.

Итак, в рамках предметно-изобразительного кода (а) формируется замысел речи — самый общий нерасчлененный смысл высказывания, который реализуется на ступени смыслообразования (Т. В. Ахутина), (б) осуществляется первичная «семантическая запись» мысли. В процессе речепорождения несловесный предметно-изобразительный код перекодируется в языковую структуру. При восприятии речи, наоборот, вербальные структуры преобразуются в универсальный предметно-изобразительный код.

Образный компонент концепта и семантическая структура слова

Образный компонент концепта представляет собой отражение в сознании познаваемых объектов на протовербальном и собственно языковом уровне.

Для адекватного понимания роли образа в формировании семантической структуры слова необходимо помнить, что он может существовать в разных ипостасях. В крайнем случае, достоверно известно о таких трех его проявлениях, как: 1) образ реалий внешнего мира, возникающий при их непосредственном воздействии на органы чувств человека, и в этом своем статусе он — основной источник знаний; 2) образ объективного мира, отражающий то, что существует объективно, независимо от человека и его сознания; 3) и даже как ощущение, которое, наряду с объективными образами, может выступать и как субъективный образ. Из первого положения следует сделать заключение о том, что хотя предметно-чувственный образ рождается и существует вне языка, он — первичный источник вербализуемых знаний, которые перекодируются в семантической структуре языкового знака в виде ее остенсивного (наглядно-образного) смыслового компонента¹. Второе и третье положение, на первый взгляд, не совместимы и поэтому требуют соответствующих разъяснений. Действительно, как совместить

¹ Об остенсивном определении языкового значения см.: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику/ Пер. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978. С. 432.

два разных свойства: объективность и субъективность образа? Видимо, только через своеобразное понимание его субъективности.

Обратимся к психологии образа, где субъективность понимается не только как антоним объективности. Субъективность образа, полагают психологи, означает также его принадлежность субъекту — социализованному индивиду, включенному во всеобщую взаимосвязь явлений объективной действительности. В этом смысле стоит прислушаться к Б. Расселу, уверявшему, «что личный мир каждого из нас гораздо больше похож на общественный мир, чем это есть на самом деле». Это тем более справедливо по отношению к вербализованному миру, поскольку «наиболее личное в опыте индивидуума стремится испариться в процессе выражения этого опыта в языке»¹. Субъективность образа имеет, разумеется, разные проявления. Однако общим для них является то, что образное отражение действительности во всех его проявлениях обуславливается социально значимостью самого человека. Вместе с тем субъективность образа в качестве обязательного компонента включает в себя фактор пристрастности познаваемого субъекта. И этот неоспоримый факт порождает главную отличительную черту образа — его зависимость от потребностей, мотивов, целей, установок, эмоций и т.д. Выделенные положения служат основой изучения не только ощущения, но всех познавательных процессов, таких как восприятие, представление и мышление, поскольку все они характеризуются отражательной природой. В силу предметности психического образа отражаемые в нем предметы и явления выступают его содержанием, которое и формирует семантическую структуру языкового знака. Семантическая структура знака формируется в процессе эволюции самого образа. Дело в том, что образ, лежащий в основе языкового значения, не является моментальным и консервативным снимком познаваемого предмета. Возникновение и совершенствование образа — процесс временной, благодаря которому отражение становится все более корректным и адекватным познаваемому объекту. Познание, как гласит известная аксиома, безгранично. С увеличением объема наших знаний о том или ином объекте действительности меняется и денотативный аспект языкового значения, в котором фиксируются познанные признаки, свойства и качества данного объекта. В результате меняется экстенционал языкового знака. Следовательно, нужно согласиться с Б. А. Плотниковым, приобретаемые знания служат достаточно мобильным связующим звеном между предметом знакообозначения и денотативным компонентом языкового значения. Дело в том, что в дено-

¹ Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. Киев; М., 2001. С. 15.

тативном компоненте значения предметы именованя получают не просто зеркальное отражение, а подвергается в процессе вербализации концепта лингвокреативному воздействию со стороны сознания различных ранее приобретенных смысловых элементов. В результате денотативный компонент языкового значения лишь соотносится с предметом, но не тождествен ему.

На каждом новом витке познания обнаруживаются все новые свойства и признаки предмета, уточняются те, которые человеку уже известны. В результате происходит реконструкция и обновление образа. Процесс совершенствования образа не лишен противоречий, которые образуются ощущением разных модальностей, интеграцией и дифференциацией признаков познаваемых предметов, чувственными и рациональными формами познания, осознаваемыми и неосознаваемыми фазами познания, перцептивными¹ и мнемическими² образами, а также между образами ощущения, представления и воображения, психическими образами и понятиями. В процессе преодоления подобных противоречий в структуре образа расширяется и углубляется смысловое содержание соответствующего концепта — когнитивной базы семантической структуры языкового знака.

Идеальный образ познаваемого предмета возникает в процессе превращения самой деятельности человека в особый предмет, манипулирование которым до определенного времени не изменяет реального предмета. Изменение же самого идеального образа осуществляется путем его опредмечивания в языковых значениях, то есть тогда, когда им оперируют как самостоятельно существующим, отделившимся от реалии «предмета» мысли. Опредмечивание идеального образа происходит через «тело» языкового знака, которое, оставаясь самим собой, в то же время оказывается «идеальным бытием» другого тела, его значением. Иными словами, значение слова выступает в качестве опосредующего звена между познающим субъектом (точнее, индивидуальным сознанием) и познаваемым объектом. Система языковых значений представляет собой языковое сознание, которое, объективируя идеальные образы реального мира, является, чуть ли не в прямом смысле, «мозговым центром» культуры³, что полностью соответствует

¹ Лат. *perceptio* — восприятие; перцептивный образ — непосредственное отражение объективной действительности органами чувств.

² Гр. *mnēmē* - память, мнемический образ - хранящаяся в памяти модель отражения действительности. Образная память — это фиксация и последующее воспроизведение образов, возникших при восприятии.

³ См.: *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. С. 189.

главному постулату философии культуры Э. В. Ильенкова: сознание является функцией идеального.

Главным условием появления идеальных образов оказывается в конечном итоге коммуникативно-прагматическая деятельность человека, необходимость передачи от поколения к поколению и наследования общественно-исторического опыта. Для этого всю совокупность значений и практически усвоенных навыков, умений и способностей необходимо создать и соответствующим образом вербализовать их общественно значимые эталоны¹. Возникновение же самой такой необходимости предполагает существование особой сферы общественной жизни, которая бы «отвечала» за создание и оформление таких эталонов. Таковым и является феномен культуры.

Концепт и языковой образ

Языковой образ — это вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета². Он отличается от представления, которое может быть частичным, отрывочным и неполным, своей целостностью и смысловой содержательностью, формируемой восприятием, памятью, воображением и накопленными впечатлениями. Образ служит тем основанием, над которым надстраиваются символ и знак. Если образ соотносим с объектом любой природы, то символу, легко преодолевающему «земное притяжение», сопутствуют «высокие смыслы», как правило, экстралингвистического характера. И в этом их культурная ценность. Воплощение образа в знаке не прямой номинации (метафоре, в широком понимании, и идиоме) связано с лингво-креативным мышлением, поскольку метафоры способны порождать новые концепты в создаваемой языковой картине мира. Как утверждает Н. Д. Арутюнова, «образ психологичен, метафора семантична, символ функционален»³. Языковой образ не тождествен чувственно-предметному образу: первый можно «увидеть» только внутренним взором, второй — отражение в нашем сознании реального предмета. В лингвокультурологии анализируются прежде всего языковые образы⁴ — продукты «наглядного обобщения» и отбора куль-

¹ Эталоны — это идеальные формы орудий, вещей; реального общения, т. е. формы вещей вне вещей.

² *Ольховиков Д.Б.* «Образность» как категория филологического описания текста // *Res linguistica: К 60-летию проф. В. П. Нерознака*. М.: Academia, 2000. С. 338.

³ *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 338.

⁴ *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филол. науки*. М., 2001. № 1. С. 65.

турно значимых событий и ситуаций. Особенно они важны для понимания дискурсивной идиоматики: образы отдельных выражений, соприкоснувшись с другими образами дискурса, тут же сливаются в единую целостную и модально окрашенную картину, требующую ассоциативно-вербального воплощения в лаконичном сочетании ключевых для данного дискурса слов-концептов. Примерами тому может служить идиома *внести свою лепту* в о ч т о. Возникла идиома на слиянии образов яркого библейского дискурса. В одной из евангельских притч рассказывается про бедную вдову, которая во время сбора пожертвований в храме положила в денежную чашу, рядом с богатыми дарами знатных людей, все, что у нее было, — две жалкие лепты (*лепта* — самая мелкая древняя монетка — грошик; «лептос» по-гречески — «тоненький, мелкий»). Но Богу, говорится в притче, эти лепты вдовицы были дороже всех остальных даров. Не зря «*лептой вдовицы*» называют всякое скромное пожертвование, сделанное от чистого сердца. Так предметный образ лепты в сочетании с такими ключевыми концептами (для этого небольшого фрагмента дискурса), как «доброта», «щедрость», «жертвенность», сформировали значение идиомы «принять посильное, пусть и небольшое, участие в каком-либо общем деле». Его созидали разные механизмы лингвокреативного мышления: символические, метафорические и образные.

Образ как продукт восприятия и понимания мира — категория сознания¹. Будучи включенным в речемыслительный процесс, он превращается в *языковой образ* — категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений. В этом плане весьма ценными для лингвокогнитивного осмысления знаков вторичной номинации могут оказаться понятия «образное поле» и «образ» (в интерпретации Н. А. Илюхиной²).

Образное поле представляет собой совокупность образных средств, которые обозначают один и тот же денотат. Ср. метафоры (и образы, стоящие за ними), которыми в недавнем прошлом именовали в средствах массовой информации первого президента России Б. Н. Ельцина: *царь, добрый царь, царь Борис; партийный волк (вышел из партии), глав-*

¹ Павлѐнис Р.И. Проблема смысла. М., 1983; Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.

² Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семиологического анализа: Автореф. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. С. 13-14.

ный герой, дирижер, игрок, удельный князь и др.¹ Языковой образ — совокупность образных средств языка, обозначающих один и тот же сигнификат. Причем, если образное поле создают, как правило, знаки вторичной номинации (вспомним: они сохраняют мотивированность единицами прямой номинации), то языковой образ создается знаками косвенно-производной сигнификации. Так, концепт «успех» представляют фразеологизмы *идти в ногу {вверх}*, *пожинать лавры*, *вкушать (пожинать) плоды ч е г о*, *далеко пойти*, *почивать на лаврах* («благоденствовать после успеха») и др. Такое понимание языкового образа не является, на наш взгляд, бесспорным, поскольку в нем не разграничиваются два смежных понятия: образ и средства его манифестации. Однако если его понимание свести к ассоциативно-образному ряду, отражающему вариативность этнокультурной манифестации концепта, то оно оказывается достаточно эффективным приемом лингвокультурного описания образного слова (идиомы). При этом для языковой объективации явлений культуры важным оказывается способность когнитивных подвергаться в языковом сознании «переплавке», переосмыслению и обобщению. Слово, по данным Дж. Диза, рождает не только указание на объект номинации, но и неизбежно вызывает в нашем сознании ряд дополнительных (ассоциативных) связей, включающих в свой состав элементы близких с ним слов по наглядной ситуации, по прежнему опыту². Ассоциативные связи языкового образа с другими элементами сознания позволяют ему высвечивать не один «кадр», а их синкретическую совокупность, т. е. некоторую обобщенно-целостную картину мира. Языковыми средствами ее репрезентации служат идиоматика, тролы и устойчивые стилистические фигуры. Ср.: *Киев — мать городов русских*; *дерево жизни*; *правая рука*; (варить, готовить, напечь) *как (будто, словно, точно, ровно) на маланьину свадьбу*; *ни богу свечка ни черту кочерга*; *пуп земли* (библейзм); (быть, чувствовать себя) *на седьмом небе* и т. п. Подобные языковые образования как этнокультурные феномены являются результатом интеллектуально-эмоционального отражения действительности, под которым следует понимать не только совокупность естественных и общественных отношений, но и социокультурную сеть смысловых связей, высвечивающих любое конкретное явление или предмет как узел всеобщих отношений человеческого бытия³.

¹ Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 119-120.

² Deese J. On the Structure of Associative Meaning// Psych. Rev., 1962. V. 69.

³ Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 14.

Сами же смысловые связи в таком случае представляют собой результат устойчивых, социально значимых и многослойных адгерентно-ассоциативных отношений между элементами отраженной в языковом образе ситуации. Это дает возможность образным единицам языка стереоскопически представлять всю смысловую эволюцию соответствующего концепта, «траекторию его культурного развития» в парадоксальном сочетании всеобщего и особенного, субъективного и объективного видения мира (Дж. Фрейзер, Э. Тэйлор, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс и др.). Ведь миф, по определению М. И. Стеблин-Каменского, — это одновременно и созданное фантазией и познанная реальность, и вымысел и правда. Это не просто образы, возникшие в сознании отдельного человека, а образы, закрепленные в слове и ставшие достоянием всего этнокультурного коллектива¹.

Пространственно-образное мышление, порождая внутреннюю форму знака непрямого номинации, формирует его экспрессивно-образное значение. При этом «одновременное видение двух картин», о чем так настойчиво говорят психологи, становится еще более многослойным. Пространственно-образной когниции свойственно целостное восприятие и холистическая стратегия обработки поступающей информации. Пространственно-образное мышление напоминает в этом плане компьютер, работающий с несколькими входами параллельно. На дисплее такого «компьютера» появляется такое пространственно-образное изображение, в фокусе которого удерживаются возникшие на разных входах и уровнях обработки информации многоаспектные контекстуальные связи между различными смыслами образа и даже между целыми образами-гештальтами. В результате возникает некий концепт, представляющий в нашем сознании образ того фрагмента действительности, который объективируется знаком непрямого номинации. Такой концепт представляет собой не жестко структурированное логическими связями образование, а представление о номинируемом объекте на основе многозначного культурного контекста, мозаичной или даже калейдоскопической картины с множественными «размытыми» связями и отношениями. Такого рода мозаичное представление невозможно вербализовать с помощью прямономинативного кода, опирающегося на логико-вербальное мышление. Поэтому пространственно-образное мышление «ищет» такие знаково-символические средства, при помощи которых можно было бы объективировать когнитивную информацию во всей многослойности культурно-контекстуальных связей представляемого концепта. Для этих целей наиболее приспособленными являются знаки непрямого именованья —

¹ Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976. С. 87.

вторичного и косвенно-производного характера. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что кодированное с их помощью когнитивное содержание опирается одновременно на две системы обработки информации — логико-вербальную и пространственно-образную. Сами же когнитивные типы мышления при этом утрачивают прежнюю автономность и как бы приспособляются друг к другу: логико-вербальное мышление приобретает способность к параллельной обработке информации, исходящей от нескольких объектов (предмета мысли и эталона сопоставления), а пространственно-образное мышление конструирует гештальт-структуру на основе логико-вербального кода. Поэтому так сложна и многоступенчата экспрессивно-образная семантика знаков непрямой номинации:

а) на субстратном уровне ее формирует пространственно-образное мышление сенсорно-перцептивного типа: *ласточка* — 'маленькая, быстро летающая птица';

б) на суперстратном — знаково-символическое: *ласточка* — 'символ весны';

в) на сукцессивном — вербально-логическое: *ласточка* — метафора, значение которой определяется сукцессивно, горизонтальным контекстом: 1) *Она играла для него на пианино, пела его любимые песни, порхала перед ним, как ласточка...* (А. Марлинский); 2) *Как ласточка, я совью себе гнездо на чужбине, как для ласточки, весна будет моим отечеством, я брошу с себя все печали...* (А. Марлинский);

г) на симультанном — снова пространственно-образное, но уже не сенсорно-перцептивного, а лингвокреативного типа, совмещающего в себе адгерентные и ингерентные ассоциации: *ласточка* — символ первых признаков чего-либо: [*Пушкинский театр*] был *первой ласточкой* в области организации частных театральных предприятий (Ю. Юрьев).

В итоге, языковой знак становится ведущим механизмом и фокусом для целой сети вызываемых им образов и «коннотативно связанных» с ним слов, которые говорящий или воспринимающий задерживает в своем языковом сознании с тем, чтобы из всей сети ассоциативно-образных значений выбрать нужное для данной коммуникативно-когнитивной ситуации смысловое содержание.

Языковой образ как смыслопорождающий феномен

Выделенные типы когнитивного мышления не могут существовать вне конкретного исторического и культурного пространства. Более того, тот или иной когнитивный тип мышления способствует формированию культуры определенного типа. Поскольку когнитивная эволюция представляет собой многоэтапный и длительный переход от

правополушарного (образного) мышления к левополушарному (лого-вербальному), то это не могло не привести к перестройке ценностно-смысловой стратегии моделирования внешнего и внутреннего мира человека в рамках определенного этнокультурного сообщества. Это выражается в том, что значения знаков непрямой номинации, кодирующих архаическое мышление людей, по доминирующему когнитивному типу мышления преимущественно правополушарное, пространственно-образное (видимо, именно оно было главным способом восприятия и понимания мира).

При этом следует помнить, что словесный образ или внутренняя форма номинанта фиксирует в структуре концепта не все признаки и свойства денотата. При формировании тела и значения языкового знака из множества признаков предмета отбираются только те, которые наиболее значимы для жизнедеятельности человека. При таком подходе становится приемлемым для лингвокультурологии утверждение В. В. Мантатова о том, что знаковые операции составляют некоторую форму, «инобытие предметно-практических действий» и что появление знаков в известной мере освобождает мышление от материальной ограниченности; тем самым семиотические образования служат развитию конструктивных свойств разума¹. Как показывает анализ знаков косвенно-производной номинации, денотативные значения чаще всего связаны с обозначением явлений из сферы практической деятельности, орудий или предметов. Ср.: *гнаться за двумя зайцами* 'делать одновременно несколько дел', *(довести) до белого каления* 'до крайнего раздражения', *задавать тон* 'показывать пример в чем-либо, являться образцом для других', *зеленая улица* 'свободный путь, без препятствий и задержек, благоприятные условия для осуществления чего-либо', *хлеб-соль* 'угощение, забота, попечение'. В таких случаях, однако, предметно-технологическая основа семантизации составляет лишь одну, хотя и весьма важную грань процесса семиотизации.

Обычно выделяют три основных уровня формирования смыслового содержания образа², которые, как нам представляется, проецируют смысловую структуру соответствующего языкового знака. Это (а) уровень сенсорно-перцептивных процессов, (б) уровень представлений и (в) уровень понятийного мышления.

Базовым является **сенсорно-перцептивное отражение**. Исходными формами сенсорно-перцептивных процессов служат ощущение и восприятие, получаемые от непосредственного воздействия предметов и

¹ Мантатов В. В. Образ, знак, условность. М.: Высш. школа, 1980. С. 6-7.

² См.: Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

явлений окружающего мира на наши органы чувств. Формирующийся образ оказывается «навязанным нашему уму извне» (И. М. Сеченов). В процессе вербализации сенсорно-перцептивного образа отраженные свойства и признаки предметов объективной действительности еще не приобретают статус сем — мельчайших смысловых элементов языкового значения, поскольку сама ментальная презентация такого образа еще недифференцирована, размыта, синкретична. Косвенно об этом свидетельствуют исследования детской речи, согласно которым значения первых слов — это целостные образы памяти, всплывающие в сознании ребенка, когда он произносит или воспринимает знакомое слово. В зрелом возрасте «размытость» сенсорно-перцептивного отражения проявляется в виде «семантических полей» и «вербальных сетей»¹.

Вместе с тем специалисты-психологи утверждают, что сенсорно-перцептивная сфера представляет собой богатейшую совокупность разнообразных по модальности ощущений — зрительных, слуховых, вкусовых, кинестетических и т. д.² Между всеми сенсорными модальностями устанавливаются многообразные (постоянные и переменные) связи. Первые объективируются в актуальных, а вторые в потенциальных смысловых структурах. Одни из них оказываются более важными для жизнедеятельности человека и становятся когнитивной базой для формирования в языковом значении денотативных и сигнификативных сем, другие — менее значимыми, проецируя тем самым в значении слов и фразеологизмов коннотативные семы.

Уровень представлений — вторичный феномен образного отражения, поскольку возникает он без непосредственного воздействия предметов на органы чувств человека. К данному уровню относятся образная память и воображение. Образную память рассматривают как способность к воспроизведению образов, возникших при непосредственном восприятии. Воображение — более сложный психический процесс творческого характера, в результате которого создаются новые образы путем трансформации и/или комбинации тех, которые сохранились в образной памяти. По своему содержанию, пишут психологи, образ-представление так же предметен, как и сенсорно-перцептивный образ. Однако в отличие от него он не имеет однозначной предметной отнесенности. Образ-представление — сугубо психический феномен. Поэтому он уступает сенсорно-перцептивному образу по четкости и

¹ Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191.

² См.: Пиаже Ж. Избр. психологические труды. М., 1969; Зинченко В.П. Проблема внешнего и внутреннего и становление образа мира // Мир психологии. 1998. № 1.

яркости изображения познаваемого объекта, характеризуется меньшей устойчивостью и полнотой. Но, несмотря на это, формирование образа-представления — новая ступень прогрессивной линии развития когнитивных процессов (Б. Ф. Ломов). На данном этапе возникают элементарные обобщения и абстракции. В связи с многократным восприятием одной и той же категории становится возможной рейтинговая избирательность свойств их признаков. В значении слова фиксируются лишь те, которые обладают особо актуальной для человека ценностно-смысловой значимостью. Так в семантической структуре языкового знака возникает смысловая перспектива: в структуре образа-представления предмет обособляется от фона: одни свойства и признаки познаваемого объекта становятся более выразительными, другие редуцируются, а в семантической структуре языкового знака всё более четко дифференцируются предметно-понятийное ядро и периферия. Образ-представление, подвергаясь схематизации, становится панорамным: то, что воспринималось линейно и последовательно, теперь приобретает одновременную и целостную картинку, а сукцессивное содержание сенсорно-перцептивного образа перерастает в симультанный образ. В нем происходит «сжатие» информации, которая, в свою очередь, предполагает делимитации в семантической структуре языкового знака сигнификативных и фоновых смыслов, что позволяет говорить о структуре образа¹.

Для формирования семантической структуры языкового знака уровень представлений имеет решающее значение. На этом этапе происходит обособление образов-эталонов «когнитивных карт», концептуальных моделей, наглядных схем и других когнитивных образований, на базе которых, собственно, и структурируется многомерное содержание языкового знака. Благодаря этим свойствам представление в современных психологических исследованиях рассматривается в качестве начальной формы абстрактного мышления, что предполагает участие в его осуществлении лингвосемиотических средств. На чем основываются эти предположения?

В качестве первого аргумента может быть использован тот факт, что в представлении всегда имеется чувственная сторона, т. е. образ воспринимавшегося ранее предмета, который в данный момент уже не воздействует на наши органы чувств. А это не что иное, как отвлечение от конкретного объекта познания. Вторым аргументом служит возможность выражать образы-представления словесными знаками: словесно описать представление, передать его другим людям, вызвать у собеседника то или иное представление, помня при этом, что пред-

¹ *Василюк Ф.Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5—19.

ставления, актуализируемые словом, у разных людей могут и не совпадать¹. Объясняется это тем, что вербализация образов-представлений носит творческий характер. Особенно заметной данная особенность вербализации представлений становится на этапе воображения, объединяющего и преобразующего представления в целостные картины новых образов (А. Г. Спиркин).

Итак, исследование процессов вербализации образов-представлений позволяет сформулировать следующие положения:

1) Представления могут быть объективированы языковыми знаками, но не все представления выражены словесно.

2) При помощи языковых средств можно вызвать образ-представление, ранее сложившийся в общественном сознании данного этноязыкового коллектива.

3) Совокупность вербализованных представлений может стать базой формирования нового представления о предмете, никогда ранее не воспринимавшемся.

Уровень понятийного мышления представляет рациональный способ познания мира, когда индивидуально приобретенный опыт включается в общечеловеческий арсенал знаний. Его оперативными единицами являются понятия и логические приемы, позволяющие человеку оперировать вербализованными абстракциями и обобщениями. Если на уровне представлений *общее* и *особенное* выражается в образе через *единичное*, то в языковом знаке, выражающем понятие, *единичное* и *особенное* представляется через *общее*, конкретное — через абстрактное. Отсюда вытекает важнейший для нашей проблемы вывод: понятиями и приемами понятийного мышления овладевают через язык. И все же когнитивная функция языка понятийным мышлением не ограничивается: слово пронизывает все уровни психического отражения, все этапы становления концепта. На этапе возникновения сенсорно-перцептивного образа благодаря языковому знаку восприятие обретает осмысленность и категориальность. На этапе формирования представления вербализация образа развивает в нем такие свойства, как обобщенность, дифференцированность и устойчивость. Образ-представление становится сосредоточием довербальных и вербальных смыслов, что и позволяет его рассматривать как переходную форму между чувственным и рациональным познанием. Однако вернемся к уровню понятийного мышления.

На первый взгляд, выделение понятийного уровня как этапа становления концепта не имеет под собой достаточных оснований. В первых, мы настоятельно проводим мысль о необходимости разгра-

¹ Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата, 1989.

ничения понятия (*conceptus*) и концепта (*conceptum*). Во-вторых, когнитивная основа и научного и наивного понятия — логическая, рациональная; когнитивная основа концепта — сублогическая¹. И все же, как убеждает анализ нашего материала, понятийное мышление — обязательная, хотя, разумеется, и не завершающая фаза формирования концепта, поскольку именно наивное понятие как совокупность релевантных признаков выполняет функцию различителя имен и тех классов предметов (денотатов), которые ими обозначаются. Содержание наивного понятия, индуцируя различные ассоциации, участвует также в создании прагматической составляющей концепта и соответственно прагматической ауры слова, вербализующего данный концепт. Одним из надежных приемов обнаружения содержания наивного понятия и прагматического содержания концепта служит сочетаемостный анализ слова, поскольку в лексической сочетаемости отражаются и рациональные и эмотивно-оценочные аспекты отражения мира, объективированные через концепт в значении языкового знака. Ср.: 1) *Художественная проза* — художественная речь, которая в отличие от поэзии лишена ритмической организации и рифмы и 2) *проза жизни* — будничная, повседневная жизнь, также лишенная «поэзии» (красоты и прелести жизни, возбуждающих чувство очарования). Во втором случае слово «проза» представляет уже не понятие, а концепт, в структуре которого наивное понятие является источником коннотативной части его содержания. Причем если составляющие его прагматические признаки в словосочетании *художественная проза* были факультативными, то во втором сочетании они отражают смысловое ядро концепта, бывший интенционал стал выполнять фоновую функцию (превратился в его внутреннюю форму).

Вербализация концепта на данном уровне имеет двунаправленный характер: с одной стороны, происходит вербализация образа (трансформация образа в слово), а с другой — продолжается формирование обобщенного образа путем *конкретизации* наивного понятия и *спецификации* познаваемого объекта (А. В. Беляева, Б. Ф. Ломов, В. Н. Носуленко). В этом слово опирается на самые разные ассоциативные структуры, хранящиеся в образной памяти человека. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что «ассоциативное поле шире семантического»². Процессы конкретизации и спецификации в свою очередь базируются на системе полимодальных связей. Эти процессы нередко сопровождаются интермодальными переходами смысловых компонен-

¹ Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени М., 1997. С. 287.

² Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 174.

тов образа (переходами из одной модальности в другую). В этом проявляется способность человека к интермодальным ассоциациям, способность слова быть первым интермодальным символом (Г. Бенедетти), способность языкового знака быть универсальным «перекодирующим» образной информации.

Названные уровни формирования понятия в сочетании с элементами дискурсивного мышления, актуализирующего в той или иной степени образные ресурсы отражения, способны трансформировать сам концепт, обогащая его смысловое содержание за счет уже элементов языкового сознания. Вербализованный концепт, взаимодействуя с элементами устойчивых контекстов своего употребления, обогащает свой ментальный образ различными дискурсивными представлениями. «Я утверждаю, — заключает Ж. Пиаже, — что ментальный образ вначале не что иное, как интериоризированная имитация, порождающая затем представление»¹.

Итак, на каждом уровне психического отражения возникают свои специфические образные явления и осуществляются присущие только им трансформации образных структур. Образы, появляющиеся на том или ином уровне отражения, в той или иной степени взаимодействуют со словом, формируя и видоизменяя его семантическую структуру. Вербализованные на разных отражательных уровнях образы служат естественными и необходимыми компонентами концепта. При этом в разных когнитивно-коммуникативных ситуациях обращают на себя внимание несколько аспектов вербализации образа-концепта. Среди них: *структурный* (становление иерархических отношений между смысловыми элементами концепта), *содержательный* (оперирование не прямыми обозначениями свойств и признаков отражаемого предмета или явления, а опосредованными номинациями), *референтный* (отнесенность концепта к соответствующему фрагменту познаваемой действительности) и *интеракционный* (порождение новых смысловых компонентов в процессе перевода образов из одной модальности в другую).

Тип и характер знания о референте зависит, как правило, от двух перцептивных факторов: целостности или расчлененности его восприятия. Первый фактор обуславливается интеграцией признаков и свойств референта, а второй — их дифференциацией. Хотя, если быть корректным, мыслительный анализ присутствует и при целостном восприятии референта, правда, это происходит тогда, когда мы подыскиваем ему название. Дело в том, что подбор названия осуществ-

¹ Piaget J. Schemas d'actions et de l'apprentissage du langage // Théories du langage. Théories de l'apprentissage. Paris, 1979. P. 249.

вляется путем выделения признака номинации. А это уже попытка перекодирования одной когнитивной структуры в другую: смысловое содержание конкретного перцептивно-сенсорного образа, или концепта-образа, трансформировать в первичное (и поэтому — наивное, обыденное) понятие об объекте именованного. Такая перекодировка происходит мгновенно, в виде скачка. Как только наше сознание зафиксировало выделенный признак, предмет познания получит имя, приложимое к любому члену родового класса {*книга* — это не только мой первый букварь, но и любой другой (твой, его, ее; разных изданий, авторов и т. д.), а за самим именем закрепится знаковая функция — внутренняя форма его значения («переплетенные листы с печатным текстом»). В том случае, если внутренняя форма утрачивается, словесный знак соотносится уже с денотатом как с обобщенно-целостным объектом. При этом образ конкретного предмета, подводимого под соответствующую категорию, полностью из нашего сознания не «испаряется»: он остается в сознании индивида в качестве денотативного прототипа. Для одного это действительно «Букварь», для другого — «Сказки Пушкина». Образ референта, знание о нем относится теперь к развернутому понятию как часть к целому. Такое отношение включения объясняется тем, что обыденное понятие (понятие-концепт) как расчлененное и не жестко структурированное знание о предмете именованного включает в себя и знание об интегративных признаках денотата, и знание его дифференциальных признаков, и знание свойств родового класса, а также знания о его связях с другими предметами объективной действительности.

Итак, значение — это функциональное назначение знака, а концепт-понятие, или обыденное, наивное понятие, — знание о референте.

В ходе такой многоуровневой вербализации концепта порождается с и м в о л и ч е с к а я функция речевого мышления, сущность которой заключается в удалении друг от друга означающего и означаемого, в результате чего означающее соотносится уже не с отдельным, конкретным означаемым, а с некоторым их множеством, совокупностью однородных объектов.

Символизм концепта и семантическая структура слова

Сущность символа, хотя и в завуалированной форме, достаточно емко определил А. Ф. Лосев: «символ есть арена встречи обозначающего и обозначаемого, которые не имеют ничего общего между собой»¹. Символ — это образ знаковой природы, в своей основе услов-

¹ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 226.

ный, или знак, мыслимый как образ, в котором видимое, конкретное, событийное выступает лишь неким иероглифом, сигнализирующим о некотором таинственном предмете номинации, служащем знаменем иной действительности (Вяч. Иванов). Отсюда его лингвокультурологический смысл: улавливание связей, соотношений этого и иного миров, рассмотрение их в единстве как воплощения целостности мировоззрения, стремление «во врёменном увидеть вечное» (А. Белый). Символизируемые объекты по своей сущности ментальные структуры — концепты второго порядка, или концепты-концептов¹, не имеющие видимого предметного основания {*жаворонок* — символ раннего пробуждения, *сова* — символ ночной жизнедеятельности, *жар-птица* — символ недосыгаемый мечты, *черная роза* — символ печали, *красная роза* — символ любви). Символ представляет концепт, родственной образу (не случайно говорят о символических образах). Он национально специфичен и мотивирован той смысловой связью, которая устанавливается между предметными и абстрактными элементами его содержания². И в этом отношении символ сродни знакам непрямого номинации (выделяют даже метафорические и метонимические символы). А главное его отличительное свойство — способность представлять древние образы (архетипы, по К. Г. Юнгу), за которыми предстают картины «коллективного бессознательного» творения.

Символическая вербализация концепта опирается на «переосмысление и модификацию уже существующих знаковых отношений между различными видами эмпирических сущностей»³. Результатом такого переосмысления является интенциональное внедрение концепта в структуру предметно-чувственного пространства и установление функциональной связи между объектом реальной действительности и абстрактной по своей сущности когнитивной структурой.

¹ *Кравченко А.В.* Знак, значение, знание. Иркутск, 2001. С. 105; *Шелестюк Е.В.* Символ versus троп: сравнительный анализ семантики // Филол. науки. 2001. № 6. С. 50.

² *Карпенко М.А.* Становление концепции словесного символа в восточнославянском языкознании (М. А. Максимович, Н. И. Костомаров, А. А. Потёбня) // Русистика. Вып. 1. Киев: ИПЦ «Київський університет», 2001. С. 46.

³ *Кравченко А.В.* Знак, значение, знание. С. 107.

4.1. ПРЕДМЕТНЫЙ ОСТОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Понятие предметного остова до сих пор в когнитивной семантике не использовалось. Позаимствовав его у Г. Г. Шпета, попытаемся с его помощью понять, какую роль выполняет внутренняя форма слова в процессах вербализации концепта. Прежде всего необходимо сказать, что предметный остов входит во внутреннюю форму слова. Однако какое содержание он представляет — языковое или внеязыковое?

Чтобы ответить на этот вопрос, важно уяснить, что «чистый предметный остов», введенный в науку Г. Г. Шпетом, с одной стороны, несколько отличается от УПК, а с другой — от внутренней формы слова. Если УПК — посредник между познаваемым объектом и языковым знаком, то предметный остов — элемент словесной структуры, точнее, смысловой структуры слова или фразеологизма. Предметный остов языкового знака не дан, а задан, — считает В. П. Зинченко. Он может быть реализован в языковом знаке, в котором, собственно, ему и сообщается некий смысл, включающий в себя образ действия, моторную программу и т. п.

Итак, предметный остов языкового знака — это, конечно, образ, но образ амодальный, образ уже осуществившегося или будущего предметного действия. Такой образ может приобрести то или иное словесное выражение. Так, намерение пригрозить кому-либо обычно обретает предметный остов-образ, в пределах которого кодируется амодальное содержание: «адресат может быть (или будет) наказан, проучен». Это чистая амодальная программа будущего предметного действия. При этом зрительный образ еще не сформирован. Он формируется в дискурсивной деятельности вместе с выбором той или иной словесной структуры. Ср.: *показать, где раки зимуют кому; костей не собрать; спустить (содрать) шкуру с кого; стереть в порошок кого*. До

словесного облачения предметный остов остается стержневым элементом мысли: человек знает умом, что он хочет сделать, какое воздействие произвести, но не может то, что знает умом, собрать в зрительный образ. Виртуальная, желаемая реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий в свою очередь образ словесный¹. На этом этапе предметный остов превращается в «живую» внутреннюю форму слова, в которой динамика предметного действия сообщает слову почти осязаемую поэтическую (образную) энергию. Без этой энергии слово не может «жечь сердца людей». А слово в функции вторичной номинации еще и приращивает, умножает свою поэтическую энергию, чтобы затем сторицей вернуть ее действию.

4.2. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА КАК СПОСОБ КОНЦЕПТООБРАЗОВАНИЯ

Внутренняя форма слова как элемент языковой семантики — понятие более емкое и широкое, чем предметный остов и УПК — элементы когнитивной структуры. При этом все они служат этапными, узловыми механизмами формирования образной семантики языковых знаков: **УПК** > *предметный остов* > *внутренняя форма* > *словесный образ*. Здесь, однако, следует сделать еще одно важное уточнение: УПК и предметный остов структуры слова — хотя и глубинные, но все же *элементы семантической структуры слова*, поскольку противопоставляются вещи — референту слова.

«Следовательно, если объект знакообозначения условно назвать *внешней* формой речемышления, а актуальное значение языкового знака — *оптической* формой, то лежащие между ними логические формы следует считать *внутренними* и по отношению к первым, и по отношению ко вторым»². По убеждению Г. Г. Шпета, внутренняя форма языкового знака должна рассматриваться с точки зрения двух его взаимосвязанных функций — номинативной и семасиологической. В рамках первой внутренняя форма вскрывает свою *номинативную* предметность, а в рамках второй — предметность *смысловую*.

Номинативная предметность внутренней формы языковых знаков традиционно вызывала особый интерес в отечественной науке о языке. Ф. И. Буслаев впервые сформулировал очень распространенное

¹ *Илюхина Н.А.* Образ как объект и модель семиологического анализа: Автореф. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. С. 15.

² *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. М., 1989. С. 400.

ныне положение о том, что источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всех бросается в глаза и глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображения». Сущностные свойства этого признака как эпидигматического звена деривационной памяти языковых значений были обобщены в понятии «внутренней формы» (В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, В. Вундт), получившем оригинальное, собственно лингвистическое толкование в трудах А. А. Потебни. Ученый опирается на понятие апперцепции — обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека. Под прошлым опытом понимают все знания, взгляды, интересы, эмоциональное отношение данной личности. И не только. Опираясь на Г. Штейнталья, С. Д. Кацнельсон пишет: «Апперципируя внутреннее, слово апперципирует тем самым и внешний объект. Если восприятие нашло выражение в звуковом рефлексе, то как восприятие, так и воспроизведенный в памяти образ апперципируется этим рефлексом, и этот рефлекс представляет находящийся внутри образ, или интериоризованный <...> предмет»¹. Эти мысли представляются нам особо ценными для понимания семантики знаков вторичной номинации, поскольку их значения формируются опосредованно, путем использования того коллективного опыта народа, который закодирован в соответствующих знаках первичного именованного. Таким посредником между значением знака вторичной номинации и значением его производящего и выступает внутренняя форма. Из этого следует, что содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили ее генетическим источником. Ср.: *лить воду на мельницу чью*, кого — 'косвенно помогать, содействовать кому-л. своими поступками, доводами'; *держаться под своим крыльшком* кого — 'опекать, оберегать, помогать и покровительственно относиться к кому-либо'; *наводить/навести тень на плетень* — 'намеренно вносить неясность, сбивать с толку'. В первом случае внутренней формой служит образное представление о «механизме» работы водяных мельниц, во втором — о заботливом отношении птиц к своим детенышам, в третьем — о теневом отражении предметов. Кроме денотативных сем лексических компонентов в создании внутренней формы принимают также участие и грамматические семы первично-денотативного характера, которые, выражая определенные отношения между предметами, воспроизводят в нашем воображении целые денотативные ситуации, в контурном виде предопределяющие характер и основные направле-

¹ Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 39.

ния формирования семантической структуры слова и, соответственно, его понимания участниками коммуникативного акта.

Такое понимание внутренней формы требует, разумеется, всестороннего обоснования, поскольку существующие в современной науке взгляды на этот счет не отличаются ни убедительностью, ни единообразием. В лексикологии внутреннюю форму слова истолковывают как признак именуемого объекта, по которому предмет получает свое название. Во фразеологии она получает еще более противоречивую интерпретацию. Так, В. П. Жуков, А. М. Бабкин, Г. П. Помигуйев внутреннюю форму фразеологизма рассматривают как словесный образ, на основе которого он возникает. В. В. Виноградов, Л. И. Ройзензон, А. М. Мелерович под внутренней формой фразеологизма понимают его семантическую мотивированность. В. Н. Телия усматривает во внутренней форме «мотивирующее основание коннотации». В. М. Мокиенко, А. В. Кунин и М. И. Сидоренко внутреннюю форму отождествляют с этимологическим содержанием фразеологизма. А. И. Федоров внутреннюю форму приравнивает к «конкретному», а Р. Н. Попов — к «образному представлению». Н. Н. Кириллова видит во внутренней форме «префразеологический», «логико-семантический» аспект обозначаемой ситуации.

Итак, большинство исследователей выводят внутреннюю форму за пределы семантической структуры слова в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий. Сам по себе такой подход к интерпретации анализируемого понятия не вызывает возражений, однако представляется нам односторонним. Внутренняя форма — результат сложных речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных психических форм отражения номинируемой действительности. На наш взгляд, сущность внутренней формы номинативных единиц обуславливается вторичностью их семиозиса, предполагающего активное участие в возникновении всех смыслообразующих компонентов — лексических и грамматических — в их ономаσιологическом и семасиологическом взаимодействии.

1. *Ономаσιологическая* трактовка внутренней формы языкового знака берет начало в наиболее ранней потебнианской концепции, согласно которой внутренняя форма рассматривается, как правило, с психологической точки зрения. В этом случае психической основой внутренней формы считаются представления о том или ином дистинктивном признаке — источнике номинации. Именно такое представление, полагает А.А. Потебня, «создает непрременную стихию словесных образований» и, следовательно, их смыслообразующие возможности при возникновении единиц вторичного именования: *небо с (в) овчинку кажется*

к о м у 'становится тяжело, не по себе от страха, ужаса, боли и т. п.'; (истребить) *огнем и мечом* к о г о 'крайне сурово, бесчеловечно, безжалостно, беспощадно истребляя'; *укорачивать язык* к о м у 'заставить кого-л. замолчать, не дать говорить дерзости, лишнее'¹. Как показывает анализ, внутренняя форма единиц с уже сформировавшимся значением выполняет своего рода дешифрующие функции: *гносеологическую*, поскольку служит средством познания наименованных идиомами фрагментов внеязыковой действительности, *и репрезентирующую* — как символ ономастического образа.

Итак, внутренняя форма как эпидигматический компонент, источник и стимулятор языковой номинации выступает важным регулирующим фактором формирования языкового значения и его речевой реализации. Однако статус внутренней формы в системе других конструктивных элементов семантической структуры номинативных единиц остается в науке весьма дискуссионным. Копья ломаются, как правило, вокруг одного принципиального вопроса: внутренняя форма — синхронный компонент значения или его культурно-исторический стимулятор?

Сторонники ономастического подхода, вслед за В. В. Виноградовым и Б. А. Лариным, считают внутренней формой конкретные представления о предметах, явлениях или событиях, которые, будучи в свое время актуальными, обладая такими признаками и свойствами, как и другие реалии, послужили основой для соответствующих образных обобщений. В. В. Виноградов, анализируя семантические свойства фразеологизмов, утверждал, что у них «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы» и поэтому они «легко расшифровываются как образные выражения»². В приведенном рассуждении бросается в глаза стремление к отождествлению внутренней формы фразем и их генетических образов. Особенно четко эта мысль развивается в трудах В. П. Жукова. «Под внутренней формой, — пишет автор, — мы понимаем ... словесный образ, который положен в основу наименования той или иной фразеологической единицы»³. Отсюда и дефиниция фразеологической образности. Образным признается такое фразеологическое значение, которое связано с расшифровкой внутреннего образа (внутренней формы) соответствующей фраземы.

В нашем представлении внутренняя форма не может отождествляться с его генетическим образом уже потому, что она выступает лишь

¹ См.: *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2. С. 19.

² *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. М., 1981. С. 251.

³ *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978. С. 19.

одним, хотя и наиболее выразительным, его признаком, символизирующим собой всю многогранность дискурсивно-когнитивного образа. Исходным пунктом такого понимания внутренней формы фразем служит положение А. А. Потебни о том, что внутренняя форма выражает отношение содержания мысли к сознанию. Она — «не образ предмета, а образ образа»¹. Иными словами, внутренняя форма и образ находятся в гипонимических отношениях. Внутренняя форма идиомы — это «центр образа, один из его признаков, доминирующий над всеми другими»². Доказательством неадекватности рассматриваемых понятий служит также тот неоспоримый факт, что внутренняя форма обладает также и необразные знаки.

С другой стороны, утрата внутренней формы не всегда переводит знаки в разряд безобразных. В таких случаях образность создается двуединым «видением двух картин», проектируемых — первичной денотативной ситуацией, закодированной прямыми номинативными значениями контекста, и вторичной денотативной ситуацией, репрезентируемой обобщенно-переносной семантикой³. Так, идиому *собаку съест* безобразной не назовешь, хотя ее внутренняя форма в современном русском языке утрачена. Образность этой фраземы возникает вследствие подсознательного сопоставления буквальных значений лексических компонентов в их свободно-синтаксическом употреблении и значением идиомы «приобрести опыт, стать мастером». При этом буквальные значения фразеобразующей базы не являются прямой мотивацией семантики идиомы, поскольку между идиомой и ее деривационной базой нет опосредованной связи — внутренней формы.

Существенная роль в осмыслении внутренней формы принадлежит культурно-историческому фону образования знаков вторичной номинации: *бояться как черт ладана* кого, чего 'испытывать сильный страх перед кем-л./чем-л.'; *заговаривать зубы* кому 'сбивать с толку кого-л. посторонними разговорами, намеренно отвлекать внимание от чего-л. важного, вводить в заблуждение, обманывать'; *ни за сизо перышко* 'совершенно зря'. Кроме этого, анализ внутренней формы должен органически сочетаться с изучением смысловых трансформаций, происходящих в семантической системе языка, подвергающейся в связи с развитием абстрактного мышления постоянному обновлению. В связи с этим весьма перспективными, на наш взгляд, явля-

¹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 147.

² Там же. С. 146.

³ Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71.

ются семасиологические концепции внутренней формы языковых знаков.

2. Основы *семасиологического* осмысления внутренней формы языковых единиц были заложены А. А. Потебней во второй период его лингвистической деятельности. Ученый предложил различать языковые и внеязыковые знания о соответствующем объекте номинации, назвав первые «ближайшими», а вторые — «дальнейшими» значениями¹. «Ближайшее значение» у Потебни служит, по существу, конструктивным моментом в развитии «дальнейшего значения» — совокупности энциклопедических (внеязыковых) знаний о номинируемом фрагменте реальной действительности, фиксируемых сознанием в виде понятий и образов. «Ближайшее значение», будучи знаком «дальнейшего значения», облегчает процесс мышления, освобождает его от лишних деталей, т. е. выступает формой связи старого (производящего) и нового (производного) в значении идиом: *сломать {свернуть} себе шею {голову}* на чем — 1) 'получить увечье, погибнуть', 2) 'потерпеть полную неудачу в чем-л.'; *свить {себе} гнездо* 'устроить свою семейную жизнь, создать домашний уют'.

Открытый А. А. Потебней элемент языковой семантики («ближайшее значение») назван им формальным, поскольку он «является формой другого содержания»². Иными словами, «ближайшее значение» служит внутренней формой репрезентации дальнейшего значения, способом языковой объективации интеллектуально-эмоционального содержания.

Итак, внутренняя форма языкового знака рассматривается нами как синхронный эпидигматический компонент их семантической структуры, служащий идиоэтнической основой косвенно-производной номинации, т. е. отражающий тот денотативный признак, по которому и был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности. Согласно современной лингвистической терминологии, репрезентированные в языковой семантике признаки наименованного предмета (явления, ситуации) называются *семами*, а их структурно-иерархическая совокупность — *семемой*. Поэтому имеются все основания признать семный статус и внутренней формы языкового знака. Ср., например, сему «ограниченность» в семантической структуре идиомы *руки коротки у кого* 'нет права, возможности, силы что-л. сделать, предпринять', сему «основание, сущность» в семантике фраземы *смотреть {глядеть} в корень* чего 'входить, вникать в сущность

¹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 20.

² Там же. С. 22.

чего-л.' и т. п. Однако признание за внутренней формой семного статуса ставит перед исследователями новые вопросы, и прежде всего о том, к какому ярусу языкового значения она относится — денотативному, сигнификативному или коннотативному? Г. П. Помигуев, например, утверждает, что внутренняя форма имеет денотативную природу, поскольку в безобразно-мотивированных единицах коннотативные значения совсем деактуализированы, а В. Н. Телия относит внутреннюю форму к коннотативному компоненту языкового значения. Коннотация включает в себя, по ее мнению, несколько элементов, среди которых внутренняя форма является «крипосмыслом», играющим роль темы, а экспрессивная окраска, создаваемая оценкой, эмоциональным отношением или стилистической отмеченностью, — роль ремы¹. На наш же взгляд, внутренняя форма, находя свою объективацию в интенционале значения, имеет сигнификативную природу, т. е. представляет собой эпидигматическую связь между денотатом и коннотацией, существующую в виде обобщенно-абстрагированного признака того понятия или представления о денотате, который формирует определенные ассоциативно-образные коннотации. Такой обобщенно-абстрагированный признак содержит в себе деривационную память об источниках лингвосемиозиса номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера. Благодаря этому свойству внутренняя форма представляет не отдельный предмет, а целые денотативные ситуации: *поставить снога голову* ч т о 'рассматривать что-либо неправильно, искаженно, не так, как надо'; *пятое колесо в телеге (в колеснице)* 'лишний, ненужный в каком-л. деле человек'; *последняя спица в колесе, отставной козы барабанщик* 'человек, играющий самую ничтожную, незначительную роль в жизни, в обществе, в каком-л. деле' (ср. еще: *сбоку припека* 'лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-л. или чему-л.'). Как показывают наблюдения, внутренняя форма знаков вторичной номинации по сравнению с внутренней формой словесных знаков прямой номинации значительно информативнее, поскольку, во-первых, проецирует в семантике идиомы не только свойства и признаки элементов денотативной ситуации, но и отношения между ними, а во-вторых, преломляет и конкретизирует сфокусированные в ней субъективные смыслы.

Во внутренней форме знаков вторичной номинации оказываются взаимосвязанными номинативный, предикативный и действенный аспекты смыслообразования. В зародыше такая внутренняя форма содержит в себе и коннотативный, и оценочный, и семантический компо-

¹ Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 48.

ненты. Поэтому внутренняя форма не сводится ни к концепту, ни к эмосеме, ни к этимологическому значению. Это своего рода речемыслительный кентавр, фокусирующий в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта. И в этом отношении чрезвычайно важным представляется суждение Г. Г. Шпета о том, что внутренняя форма номинативных единиц не исчерпывается логическими, т. е. смысловыми, формами. Логические формы образуют лишь семасиологическое ядро знака, которое как бы обволакивается формами синтагматическими. Именно сложное сплетение синтагматического и ближайшего логического (смыслового) слоя образует сложные и не всегда уловимые контуры внутренней формы. Причем синтагматические формы знаков не прямой номинации шире логических и целиком в последние не укладываются. Перефразируя Н. Заболоцкого, можно сказать, что под поверхностью каждого такого знака (особенно фразеологизма) шевелится бездонная смысловая мгла. Своеобразие синтагматических форм состоит в том, что они сначала предполагают, а затем модифицируют логические формы. Для понимания внутренней формы знаков не прямой номинации существенно замечание Г. Г. Шпета об игре синтагм и логических форм между собою. Последние, по его мнению, служат лишь основанием для такой игры. Эмпирические синтагмы образуются капризом языка, составляют его улыбку и гримасы, поскольку эти формы игривы, вольны, подвижны и динамичны¹. Ср.: *и [даже] бровью [глазом, ухом, усом] не ведет / невел 'кто-либо ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-либо или к чему-либо, сохраняя спокойствие, проявляя самообладание, сдержанность', хоть отбавляй, <хоть> пруд пруди, яблоку негде (некуда) упасть, конца-краю {края} не видно {не видеть, нет} ч е м у 'очень много, в огромном количестве'*. Внутренняя форма знаков непрямого именования взаимодействует не только с внутренними формами знаков первичной номинации, но и с внутренними формами действия и образа. Слова в составе фразеологизма, например, своими внутренними формами проникают в действие, становятся его внутренней формой. Это делает действие осмысленным и эвристическим. Вот почему внутренняя форма знака меньше всего напоминает оболочку, она, напротив, предстает как стимул переработки и преобразования первоначальной информации, кодируемой в языковом знаке не прямой номинации. Столь важную преобразующую функцию внутренней форме сообщают предметный остов знака и образ номинируемого действия (опредмеченного или глагольного).

¹ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. М., 1989. С. 407-409.

Как речемыслительный «эмбрион» и внутренняя программа (схема) внутренняя форма, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником типичных системно нерелевантных ассоциаций, лингвокреативным стимулом оживления целой цепи социально значимых связей, коннотаций и представлений — всей смысловой гаммы образной палитры языкового знака, и прежде всего знаков вторичной номинации.

Внутренняя форма слова уподобляет концепт ближайшему родовому значению: *истребитель* — «тот, который истребляет». И в этом качестве он представляет в нашем языковом сознании суть категоризации соответствующего объекта познания и именованя.

Не последнюю роль в интенсификации коннотативных сем языкового значения играют внутренняя форма как центр этимологического образа и те экстралингвистические смыслы концепта, которые остались в процессе косвенно-производной номинации необъективированными. Так, коннотация фраземы *с кондачка* создается не столько ее внутренней формой (она находится на периферии нашего языкового сознания), сколько теми смыслами концепта, которые остались невербализованными. О них нам сообщает в своем словаре В. И. Даль: «Скандак, скандачек — пляска, один из приемов выступления народной мужской пляски: пяткой в землю, носком вверх. Скандачка с носка». По такому начальному вступлению сразу видно лихого и оригинального в танце молодца. Однако тогда, согласно внутренней форме, выражение должно было иметь значение «ловко, умело». Откуда же пошло его нынешнее значение — «несерьезно, легкомысленно, без понимания дела»? — Его истоки, видимо, скрыты в протOVERBальной смысловой ауре концепта: «зачин» в такой пляске, или скандачок, обычно непредсказуем, поскольку всегда выстраивается на полной импровизации, когда сам танцор еще не знает, какие кренделя он «выкинет» через секунду. Все в его движениях как бы наобум. В этом особая значимость этнокультурной коннотации концепта для переосмысления внутренней формы языкового знака, в частности знака не прямой номинации.

Следовательно, предметный остов в структуре внутренней формы в сочетании со смысловым восприятием объекта номинации представляет собой когнитивную базу любого языкового знака и в этом плане связан с этимолом слова.

Этимон — это первая речемыслительная ступень в процессе порождения слова и его значения. Это своего рода мыслительный конструкт, в котором находит выражение то, как представлен нашему сознанию концепт в результате сопоставления всех форм его репрезентации в экстенционале. Так, для слова *истребитель* этимолом выступает пер-

вичный конструкт концепта «истребляющий, уничтожающий», схваченный по сущностным признакам *образ*; он уже понятен и даже эквивалентен понятию, но существует еще в другой, «зачаточной» системе смысловых измерений (В. В. Колесов). Таким смысловым и эмбриональным ядром этимона и является внутренняя форма слова.

При таком понимании, внутренняя форма слова *истребитель* — это некий его процессуально-инвариантный смысл, по-разному актуализируемый в образном пространстве данного концептуального поля: а) тот, кто истребляет кого- или что-н. (*истребитель грызунов*), б) самолет-истребитель, в) летчик истребительной авиации. Процессуально-инвариантный смысл подвергается вербализации на разных уровнях семиотизации — денотативном, сигнификативном и коннотативном.

Как видим, кроме предметно-логического содержания, значение языкового знака (особенно значение знака непрямого обозначения) содержит информацию о субъективном понимании тех отношений, в которых находятся объект номинации и языковой знак. Значение таких знаков «зависит от того смыслового света, который на него падает от обозначаемого <...> предмета»¹. Лосевская метафора «смысловый свет», падающий от предмета номинации, по отношению к значениям знаков непрямого именованья имеет особое этнокультурное содержание, полученное в результате ценностно-ориентированной интерпретации знаний не только о предмете знакообозначения, но и о той денотативной ситуации, частью которой он является. Такое этнокультурное содержание означаемого знака представляет: а) не объективированную в знаке часть концепта — когнитивного субстрата значения; б) экстралингвистические знания, расширяющие и углубляющие первичные представления об объекте познания; в) этноязыковые смыслы, косвенно исходящие от знаков первичной номинации, послуживших деривационной базой для вторичного лингвосемиозиса; г) коммуникативно-прагматические смыслы, рожденные в процессе взаимодействия языковых значений в соответствующих речевых и ситуативных контекстах.

4.3. ФОРМЫ СЕМИОТИЗАЦИИ КОНЦЕПТА

Каждый из названных выше уровней отображает соответствующую форму воплощения концепта: образную, понятийную и символическую.

Образное воплощение концепта связано с формированием денотативного макрокомпонента семантической структуры слова, пред-

¹ Лосев А.Ф. Философия имени. М.:Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 75.

ставленного переносными значениями слова (метафорическими, метонимическими и т. п.). Ср.: *земля* — 'почва, поверхность' (прямое значение) и *земля* — а) 'страна, государство', б) 'любая большая территория', в) 'территория с угодьями, находящаяся в чьем-либо владении'. Концепт-образ на первой стадии формируется как структура, представляющая непосредственные, предметно-образные формы отражения предметов и действий с ними. В этой ипостаси концепт объективируется в семантической структуре слова в виде предметного остова (Г. Г. Шпет). Затем на его основе будут сформированы более отвлеченные смысловые слои концепта, вербализуемые языковыми знаками прямо-номинативного и символического характера.

Понятийная реализация концепта — когнитивная база для формирования сигнификативного макрокомпонента лексического значения: *Земля* — 'планета'; *земля* — 'суша (в противоположность водному или воздушному пространству)'; *земля* — 'федеративная (административно-территориальная) единица в Германии и Австрии'. Понятие выступает инвариантом лексического значения, как постоянное содержание слова, которое не зависит от системы языка и не подлжит этноязыковому варьированию. Языковое же значение, наоборот, модифицирует сигнификативную информацию за счет смысловых приращений со стороны грамматической, словообразовательной и синтаксической информации. Понятие и значение языкового знака взаимосвязаны между собой так же, как сознание и язык. Они едины, но не тождественны: понятие может быть выражено не только одним словом (*свобода, весна, сон*), но и словосочетанием (*педагогический университет, коленчатый вал, Большая Медведица*). С другой стороны, слова, одинаковые по звуковому составу (слова-омонимы), могут выражать разные понятия (ср.: *роман* — 'большая форма эпической прозы' и *роман* — 'любовные отношения', *рысь* — 'способ бега лошади' и *рысь* — 'хищник из семейства кошачьих'). Синонимы, разные по звуковому составу слова, выражают тождественные понятия: *понимать, соображать, смыслить* (разг.), *разуметь* (прост.). И все же слово, как установлено психологами, — средство формирования понятия, основной способ его материализации. Слово, объективирующее предмет, не только, называя, замещает предметы, не только вызывает близкие ассоциации — оно способно «анализировать предметы, вникать глубже в свойства предметов, абстрагировать и обобщать их признаки». Тем самым слово вводит соответствующий предмет номинации «в систему сложных связей и отношений»¹.

¹ Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 45.

Таким образом, на основе выделенных признаков и свойств обозначаемые предметы обобщаются и подводятся под определенную категорию (осуществляется процесс категоризации познаваемых предметов и явлений). Так, слово *учительница* обозначает прежде всего лицо, которое обучает чему-нибудь, и относит говорящего или слушающего к конкретной личности, например, к своей первой школьной учительнице. Кроме этого, слово выделяет в данном объекте номинации интегрирующие признаки, по которым обозначают любую другую учительницу, вне зависимости от того, кого и чему она обучает, какими личностными качествами обладает. Более того, слово анализирует объект номинации, о чем свидетельствует его морфемный состав. Прежде всего, корень слова *уч-* указывает на (об)учение, подводя этим признаком обозначаемое под определенную категорию лиц, имеющих дело с преподаванием, обучением кого-либо (преподаватель, учитель, воспитатель). Глагольный суффикс *-и-* указывает на действие (ср. *учить, ходить, говорить* и т. п.), суффикс *-тель-* обозначает лицо по действию, занятию, указанным производящим словом, суффикс *-ниц(а)* выражает значение лица женского пола. Причем последующая и предыдущая категоризации уточняют друг друга, если языковые средства, их представляющие, неоднозначны. Так, суффикс *-тель* может подводить предмет еще и под категорию «устройства и приспособления» (ср.: *выключатель, проигрыватель, накопитель*), суффикс *-ниц-* устраняет эту двусмысленность, указывая налицо, по действию, названному производящим словом (ср.: *учительница* и *писательница, читательница, исполнительница*). С другой стороны, суффикс *-ниц-*, не имеющий предшествующего *-тель-*, может подводить предмет под категорию «предмет по его отношению к другому предмету, названному производящим словом» (*яичница*) или «сосуд (вместилище) предмета, названного производящим словом» (*горчичница, салатница, чернильница*).

Наконец, флексия указывает на возможные отношения и связи данного объекта номинации с другими объектами: *учительниц-а* выражает просто факт существования данной субкатегории и субъект действия, словоформа *учительниц-у* означает, что она является объектом какого-то действия (*вижу учительницу*), словоформа *учительниц-ы* — possessивность, притяжательность (*книга учительницы*), словоформа *учительниц-ей* — орудийность (*работать учительниц-ей*). Флексия, как свидетельствуют примеры, служит оперативным когнитивным средством репрезентации функциональных свойств объективируемого концепта. Она позволяет не только осуществить категоризацию называемого объекта, но и указать на форму его взаимодействия с другими элементами данного концептуального пространства.

Слово, как показывает анализ, называя что-либо, отражает систему связей и отношений, в которые именуемый «объект» входит. Тем самым в слове фиксируется не только индивидуальный опыт человека, но и, что еще более важно, система социально значимых знаний о статусе и функциях номинируемого предмета. В нашем случае *словотельница* относит предмет коммуникативно-когнитивного процесса к категории лиц женского пола, которые занимаются преподавательской деятельностью.

Таким образом, вербализуя концепт, слово (а) фиксирует выделяемые в концептуализованном предмете действительности свойства и признаки, (б) выражает его связи и отношения с другими объектами концептосферы, (в) относит его к той или иной категории. В процессе вербализации концепт становится содержательно более объемным и глубоким, поскольку язык дает возможность человеку выходить за рамки своего собственного опыта и получать дополнительные сведения о познаваемом объекте вербально-логическими средствами.

Однако понятие при всем этом остается внеязыковым явлением (формой логического мышления), которое лишь соотносимо с языковым значением, но не тождественно ему. Как отражение определенного класса предметов понятие относится к системе мыслительных единиц.

Символическая ипостась концепта служит когнитивной основой развития коннотативного макрокомпонента в структуре лексического значения, напрямую связанной с лингвокультурным сознанием народа, поскольку культура — это представленный в символе синтез образа и понятия, вершина лингвокреативных возможностей обыденного сознания (В. В. Колесов). Так, в русском обыденном сознании *земля* — воплощение мягкости, щедрости и открытости. Она, как живая, способна рождать. Поэтому ее охраняют, у нее просят сил, питания, спасения и прощения. В русской народной культуре *земля* — мать-кормилица.

На уровне обыденного сознания концепты-символы, обладая этнокультурным содержанием, в разных языках только соотносимы, но не тождественны. Это объясняется тем, что культурные концепты — продукты духовных исканий, хождения по мукам, средство самовыражения. В конечном итоге, они исключительно символичны.

В процессе своего становления культурные концепты преодолевают сложный и многоэтапный путь смыслового насыщения и превращения из «туманного нечто» (С. А. Аскольдов) к культурному символу. Это, пожалуй, главное звено в механизме вербализации культурного концепта. Происходит это за счет возникновения в культурном кон-

цепте новых смысловых элементов, которые порождаются на основе дифференцированной человеческой деятельности. В связи с этим важно подчеркнуть, что источником новых смысловых элементов является не только собственно когнитивная, но и другие виды деятельности человека (производственная, эмоциональная и т. п.). Философы полагают, что чем более дифференцирована деятельность, тем более филигранно она моделирует познаваемый мир, выделяя в нем те объекты, которые в силу той или иной ценности для жизнедеятельности человека становятся *носителями смысла*¹. Механизмы их вербализации пока остаются непознанными. Общеизвестно лишь, что новые смыслы возникают постоянно и что их дальнейшая судьба связана с речемыслительной деятельностью человека. Можно считать доказанным только то, что смыслы возникают в деятельностью пространстве, однако как они вербализуются, насколько самостоятельны и в какие отношения вступают с системообразующими единицами языкового строя, какое влияние оказывают на них или сами испытывают на себе «давление» системы языка — это те вопросы, которые остаются для нас открытыми.

Итак, пока с определенной долей уверенности можно утверждать, что на этапе словесной символизации концепта происходит окончательное обособление дифференциальных признаков концептуального содержания, которые могут весьма существенно видоизменять соответствующее сигнификативное содержание слова и формировать этнокультурную специфику концепта, обуславливая этноязыковое своеобразие семантики вербализующей его языковой единицы. С другой стороны, лексическое значение слова представляет концепт сквозь призму того или иного языка, оно пребывает под постоянным «давлением» синхронического и диахронического содержания системы языка. И в результате смысловое содержание концепта не только обогащается, но и удваивается. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что его мир *удваивается*», — писал известный нейролингвист А. Р. Лурия². Действительно, невербализованные концепты, у которых смысловое содержание практически тождественно конкретно-чувственному образу, хранящемуся в сознании в виде предметно-изобразительного кода, ограничивают мыслительные акты человека личностными смыслами, созданными его собственным опытом. Вербализованные же концепты позволяют выйти

¹ См.: Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наук. думка, 1988. С. 149. Павлѐнис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.

² Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 39.

за пределы непосредственно воспринимаемых объектов и оперировать предметами, которыми ранее не приходилось манипулировать. Объективированные в языке концепты, удваивая мир, открывают возможность оперировать предметами даже в их отсутствие.

4.4. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА

Поэтапная эволюция концепта неразрывно связана с семантическим развитием именуемого его слова, что непосредственно обуславливается спецификой когнитивной деятельности. «Процесс познания, — пишет Р. Солсо, — можно разложить на ряд этапов, каждый из которых представляет собой некую гипотетическую единицу, включающую набор уникальных операций, выполняемых над входной информацией. Предполагается, что реакция на события (...) является результатом серии таких этапов и операций (например, восприятие, кодирование информации, воспроизведение информации из памяти, формирование понятий, суждение и формирование высказывания). На каждый этап поступает информация для данного этапа операции»¹.

На первом этапе вербализации концепта происходит его осмысление: соотнесение в нашем сознании смыслового содержания концепта с этимоном соответствующего слова. В. В. Налимов, например, утверждает, что наше восприятие мира начинается с распознавания образа, а выбрав его, мы подыскиваем соответствующий ему этимон. Это объясняется тем, что этимон (гр. *etymon* — «истина») — результат многовековых исканий истины, запечатленных обыденным языковым сознанием, то, что проверено практикой, опытом как адекватное отображение в сознании того, что существует объективно. Так, изначальное содержание концепта «земля» как «туманное нечто» соотносится с этимоном *земля* (**zemja*, родственно литовскому *žėmė* 'земля', *žemas* 'низкий', прус. *semmai* 'низкий', греч. *χαμηλός* 'низкий'). Иными словами, это то, что находится внизу, под ногами. Этимон данного слова, как и любого другого, — результат, разумеется, этимологического анализа, поскольку уже не находится в светлом поле современного языкового сознания. Однако он вполне реальный, хотя и реликтовый (остаточный) элемент в лексическом значении слова, представляющий собой начальный пункт семантической эволюции концепта. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в некоторых значениях этого слова и

¹ Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. С. 31—32.

сейчас сохраняется сема «низ» (ср. *спустить* (кого-, что-л.) *на землю* — «вниз»). В украинском языке *земля* употребляется еще и в значении «долівка» (< *dil* 'низ'; долина) — 'земляной пол, вымазанный глиной'. Уже на первом этапе вербализация концепта приобретает некую этноязыковую специфику, которая возрастает и становится в итоге доминирующим фактором на этапе его образной вербализации.

На втором этапе вербализации концепта формируется внутренняя форма слова — смысловой центр концепта-образа. Им становится один из признаков этимологического содержания концепта. В нашем примере таковым является — «низ». Ср. с фраземой *земной поклон* — а) «глубокий, низкий поклон до земли»; б) *кому* «глубокая благодарность». Для русского языкового сознания образное восприятие мира является доминантным. Поэтому его этнокультурную основу составляют языковые знаки, представляющие смысловое содержание концептов на уровне их образного и символического воплощения. В русской философской традиции всегда считалось, что понятие омертвляет вещь; вещь уходит на периферию сознания, поскольку она уже осмыслена и переведена в распоряжение логического мышления.

На третьем этапе вербализации концепта происходит метонимическая концентрация образа: а) «почва, верхний слой коры нашей планеты», б) «рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты». В результате такой смысловой концентрации возникает образное понятие (обыденное, донаучное), которое в свою очередь стимулирует формирование символического значения слова. Таковым у слова *земля* является значение «материк» (*На корабле увидели землю. Желание уехать на большую землю*).

Объект знакообозначения создает вещное, называемое содержание, а УПК и предметный остов — предметное, подразумеваемое, логическое содержание слова. В е щ н о е (называемое) содержание фиксирует результаты эмпирического восприятия объекта в «глухонемой, бессловесной плоти», а п р е д м е т н о е, подразумеваемое, содержание — в динамике его осмысления. Для него характерно «движение», «живое отражение» со всеми его интеллектуально-эмоциональными противоречиями. Вот почему предметный остов слова, представляя внеязыковое содержание, входит все же в состав внутренней формы слова, которая обеспечивает понимание слова, возбуждает наглядное восприятие номинируемого предмета, порождает его осмысленный и динамичный (поэтому «живой») образ.

Вербализованный образ имеет уже зримые контуры движения (переходов, преобразования) смыслов, в результате чего амодальные схемы УПК преобразуются в модально-оценочные и ценностно-смысло-

вые структуры. Динамизм смыслового восприятия (живое движение смыслов) не позволяет образному смысловому содержанию концепта застыть и превратиться в жестко структурированное понятие. Только живое движение смыслов в пределах того или иного концепта обеспечивает внутреннюю свободу лингвокреативному мышлению, порождающему культурные концепты и репрезентирующие их единицы языка. Ср.: *неприступный* (человек) и *на козе не подъехать* к кому 'невозможно найти подход; не знаешь, как подступиться к кому-либо'. Образная структура, представляющая чванливого человека, сформировалась, видимо, в речи шутов и скоморохов, в особых коммуникативно-прагматических ситуациях, создаваемых ими. Веселя своих господ гуслиями, бубенцами, наряжаясь для забавы козой, журавлем, медведем, «потешные люди», весельчаки умели за игрищами решать свои дела. В их репертуар входила и езда на козлах или свиньях. Но иной раз скоморохи встречались с таким дурным настроением высокопоставленной особы, что на него даже «коза» не оказывала влияния, не веселила. Многоаспектное действие в процессе его осмысления обогащается и, в конечном счете, опредмечивается, формируя предметный остов языкового знака. Однако в составе внутренней формы идиомы предметный остов сохраняет некий генетический след — опредмеченность действия. Такое действие, как утверждает В. П. Зинченко, содержит в себе также элементы памяти и предвидения: *без предвидения* (без цели) оно не может начаться, *без памяти* оно не может закончиться, без оценки и контроля оно лишь случайно может быть эффективным. Действие не только связывает между собой настоящее, прошлое и будущее, но и создает собственное время — *д л е н и е*¹. Видимо, такого рода движение смыслов в особом временном поле и создает модально-оценочную ценность языкового знака, ощущение его внутреннего динамизма и объемной стереотипичности. Иными словами, без действия, зафиксированного в предметном остове идиомы, невозможны зарождение и развитие ее эмотивной экспрессивности. В связи с этим уместно вспомнить М. К. Мамардашвили, толкующего Декарта: «Страсть в отношении к чему-либо есть всегда действие в каком-либо другом смысле»². Сходные мысли ранее были высказаны В. фон Гумбольдтом, считавшим, что «деятельная сторона — она же страдательная, и наоборот. Нечто целиком страдательное немислимо. К страдательности (восприятию внешнего воздействия) относится, по меньшей мере, соприкосновение. Однако к тому, что не обладает спо-

¹ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.

² Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993. С. 321.

собностью к действию, нельзя прикоснуться, его можно лишь пройти насквозь, ибо оно — ничто. Поэтому страдательность можно рассматривать как ответное действие <...> мы видим всегда взаимное соответствие воздействия и восприятия в любом человеке. Деятельнее всего дух, но он и самый возбудимый, а сердце, которое больше всего восприимчиво к любым впечатлениям, отвечает на них с живой энергией»¹. Сложные взаимоотношения модально-оценочной эмотивности и действия, объективированного в предметном осто́ве языкового знака, создают ее смысловую синергетику. Если переформулировать известные философские постулаты, то можно сказать, что на начальных этапах прямой номинации *с т р а с т ь* следует рассматривать как *внешнюю форму*, а *д е й с т в и е* — как внутреннюю форму слова. На уровне же не прямой номинации — наоборот: *действие* внешняя, а *страсть* — внутренняя форма номинатива. В психолингвистике генетическая связь страсти и действия была раскрыта А. Н. Леонтьевым, утверждавшим, что мотивом деятельности является предмет, отвечающий потребности субъекта². Смысловую синергетику языкового знака как раз и генерирует единство субъектного, объектного и деятельностного начала, то единство, которое создает внутреннюю форму языкового знака — логическую, конструктивную, лингвокреативную. Когнитивная природа внутренней формы обеспечивает знакам языка выполнение ряда функций: конструирующей, конструктивной, полагающей, созидательной и сообщающей. Это делает ее формой живого, противоречивого действия³, а сам языковой знак, особенно вторичного и косвенно-производного именованья, — «глаголом», способным «жечь сердца людей».

Преобразуемость концепта (в разных формах его воплощения) в смысловые элементы лексического значения слова свидетельствует о том, что образ, понятие и символ представляют собой *я в л е н и я*, поскольку являют концепт как некую *с у щ н о с т ь*.

На четвертом этапе формирования концепта и его вербализации появляется установка на миф, то есть действие символа в парадигме данной культуры. В рамках славянской культурно-исторической парадигмы символическая ипостась концепта антропоморфна, а сами слова-символы — чувственные знаки, обозначающие «нечто такое, что не может быть сообщено рассудочным путем...», они информируют

¹ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 148.

² Леонтьев Л. Н. Избр. психологические произведения. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 100.

³ Наличие в семантике языковых знаков вторичного и косвенного именованья субъектных сем отличает «живое» действие от механического, «живое» слово от бесстрастного, «мертвого».

«не о том, что «есть» мир, а о том, что он значит для живущего в нем существа»¹. На этом эволюционном этапе концепт предполагает формирование более глубокой семантики слова, чем его непосредственное и очевидное значение. Дело в том, что символ, по А. Ф. Лосеву, «живет антитезой логического и алогического, сознательного и бессознательного, вечно устойчивого, понятного и — вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности»². Этим, собственно, и объясняется тот факт, что символическое значение слова больше, чем его непосредственный и очевидный смысл. При помощи символического значения слова переживаемая человеком реальность входит в мир человеческих отношений и превращается в мифологему. Мифологическое начало вербализуемой концептосхемы играет важную роль в структурировании лексического значения слова, поскольку сама структура мифа обладает креативной силой, способной порождать знаковые структуры. Миф являет собой своеобразную ткань-матрицу, узлами на которой служат мифообразующие знаки, наиболее существенными свойствами которых выступают символизм, синкретизм, поливалентность (полисемичность), амбивалентность и изоморфизм. *Символизм* в мифе соотносит предмет познания с множеством смыслов, что служит когнитивным основанием для развития *поливалентности* слова (лексической полисемии). *Синкретизм* мифообразующих знаков порождается понятийной целостностью вербализуемого концепта. Кроме того, синкретизм мифообразующего знака обуславливает их *амбивалентность* (способность вступать в разные, даже антонимические, смысловые связи и отношения с другими знаками), что обуславливает их смыслопорождающий потенциал. Принцип *изоморфизма* обуславливает в мифологическом символе взаимную соотнесенность, эквивалентность и тождественность его элементов. Как видим, миф-символ как форма воплощения концепта имеет слоистую и противоречивую структуру (Е. М. Мелетинский), проецирующую такую же многоуровневую организацию лексического значения слова.

Согласно теории А. Ф. Лосева, миф есть проявление и выражение эйдоса — живой, целостной картины объекта знакообозначения во всей его диалектичности и антиномичности, в отличие от понятийного познания, выступающего как проявление логоса — формально-логического представления знания.

Следовательно, концепт-символ, превращаясь в мифологему, формирует в слове достаточно широкий смысловой спектр импликацио-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. М.; Прага, 1923. С. 324.

² Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 93.

нала его семантической структуры, включающий и сложный образ, и мотив, и идею, и даже жизненную ситуацию. Поэтому такой концепт-символ, расширяя сферу приложения знака, делая его «больше самого себя» (П. Флоренский), способен порождать многозначность слова. Очищение концепта от символических смыслов разрушает этнокультурное своеобразие слова, превращает концепт (*conceptum*) в понятие (*conceptus*), а общеупотребительное слово — в термин. Ср. *Земля* — «третья от Солнца планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца и вокруг своей оси».

Таким образом, этапы развития концепта генетически связаны с формированием смыслового содержания основных макрокомпонентов семантической структуры слова. С другой стороны, концепт развивается в трех измерениях. При этом он только постоянно меняет форму своего воплощения в *образе, понятии и символе*¹. Образ — первичная форма воплощения концепта в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой он становится явлением, приобретает определенное оформление.

На этапе становления отношения идеи к знаку (понятийного ядра) концепт из совокупности аморфных признаков превращается в структурированное образование, а слово, его вербализующее, обретает терминологический статус. Однако это лишь момент в формировании семантической структуры слова, период концентрации основных смысловых элементов, конституирующих сигнификативное ядро лексического значения, вокруг которого продолжается процесс наращивания окооядерных, заядерных и периферийных смысловых элементов. Особенно интенсивно этот процесс осуществляется на символическом этапе развития концепта, когда доминирует отношение знака к предмету. Здесь происходит удвоение референта на предмет и идею, что, собственно, и возвращает слово в лоно национально-языкового и этнокультурного сознания. Так, *березка* как поэтический символ России одновременно соотносится с референтом-предметом (дерево) и референтом-идеей (страна). Причем доминирующим для слова-символа является референт-идея, а референт-предмет выполняет при этом фоновую роль.

На каждом новом этапе содержательного насыщения концепта происходит расширение смыслового пространства слова. В процессе развития концепта образ, представляющий его на начальной фазе, перерождается в понятие, которое затем превращается в символ с более или менее выраженной образностью. На первый взгляд, такое пре-

¹ Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова». СПб.: Златоуст, 1999. С. 56.

вращение может показаться абсурдным. Однако современные психологические исследования показывают, что «все уровни иерархии когнитивных процессов, включая высший уровень понятийного мышления, содержат *элементы непосредственно чувственного образного отражения* реальности»¹ (выделено нами. — Н. А.). Однако эти чувственно-образные элементы все же являются *вторичными, опосредованными и производными* по отношению к исходной форме непосредственного сенсорно-перцептивного отражения. Это обуславливает их главное свойство надпонятийных концептов: они сохраняют основную природу и структуру чувственных образов, имеющих пространственно-временную и предметную организацию.

Вместе с новой формой воплощения концепта и на каждом этапе семантического развития слова, его вербализующего, корректируется само содержание когнитивной структуры. «Углубление смысловой перспективы слова»² стимулируется четвертым измерением концепта, которое обычно остается в имплицитном состоянии, так как не имеет конкретного воплощения и реально как бы не существует. Его можно лишь вообразить как мысленный конструктор, воссоздавая цепочку структурно-смысловых метаморфоз по косвенным признакам. Дело в том, что концепт как вечность и четвертое измерение существует вне времени и пространства. Поэтому он и вне системы. Концепт находится над системой, поскольку служит ее базисом, или своего рода «внутренней формой», удерживающей все три системообразующие измерения (парадигматику, синтагматику и эпидигматику) и тем самым формирующей в процессе лингвокреативного мышления концепт в его четвертом измерении.

Таким образом, концепт, с одной стороны, — исходный пункт порождения значения языкового знака, а с другой, — завершающий когнитивный этап смыслового насыщения слова. Опосредованно образ, понятие и символ в своем триединстве позволяют осмыслить концепт на завершающей стадии его вербализации, так как в семантической структуре слова находят свое отражение смысловые компоненты всех этапов развития концепта, хотя сам концепт не является когнитивным аналогом ни референта, ни денотата. Когнитивное содержание концепта непосредственно материально не выражается, не представлено, по выражению В. В. Колесова, в явленной форме. Если образы, не располагаясь в пространстве, сопряжены с денотатом, символы, представляя чистое пространство, сопряжены с референтом, а поня-

¹ Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000. С 384.

² Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова». С. 70.

тия фокусируют в себе пространственно-временные координаты предмета мысли, то концепт как «чистое бытие», существуя вне времени и пространства, недоступен эмпирическому осмыслению. Если образ требует словесного описания, понятие — определения (дефиниции), то символ — толкования, поскольку он лишен образной конкретности и понятийной (отвлеченной) структурированности, его постижение предполагает вживание в объект знакообозначения (*медведь* — символ партии «Единая Россия», *голубь* — символ мира, *березка* — поэтический символ России, *лист клена* — символ Канады). По словам П. Флоренского, символ требует медитации над ним. И в этом его ценностно-смысловое (этнокультурное) своеобразие.

Как показывает анализ, концепт, являясь многослойным ментальным образованием, включающим в свою структуру образную, понятийную и символическую составляющую, проецирует в семантической структуре слова достаточно широкий спектр своего смыслового содержания экстенционального и интенционального характера. *Экстенционал* языкового значения — результат увеличения предметно-понятийного объема концепта. Он включает в себя главным образом архисему и интегративные для класса однородных наименований денотативные семы. *Интенционал* языкового значения — продукт смыслового насыщения вербализуемого концепта через этнокультурную интерпретацию соответствующего образа, понятия и символа. Поэтому интенционал значения составляют главным образом дифференциальные семы денотативного и коннотативного характера, которыми приращивается языковая семантика на последнем этапе развития концепта. Все это происходит под воздействием сложных когнитивно-дискурсивных процессов. Концепт-образ порождает первичные денотативные семы дифференцирующего плана, б) концепт-понятие в результате категоризации новых объектов действительности стимулирует появление в семантике слова денотативных сем интегрального характера, в) концепт-символ генерирует в лексическом значении различные этнокультурные коннотации (актуально и потенциально воспроизводимые в языковом сознании коннотативные семы). Под воздействием дискурсивного мышления вербализованные образы и символы проецируют расширение смысловой синтагматики, предполагая наличие соответствующего агенса: *образ и символ* — чего, вербализованное *понятие* — чего, о чем. Концепт же, как источник всеобщего смысла, в распространении какими-либо элементами семантической синтагматики не нуждается.

Итак, семантическая структура языкового знака включает в себе знание смыслового содержания всех когнитивных слоев концепта.

Пожалуй, наибольшее количество противоречивых суждений высказывается о формах представления знаний о референте. Это связано с тем, что предметно-чувственный образ (образ референта) может рождаться и без участия языкового знака: а) в форме целесообразной деятельности, когда действия с референтом производятся в соответствии с его природными свойствами (именно благодаря наличию этой формы существования знания о референте появилось известное положение о том, что критерием истины служит практика); б) в форме типизированного представления на начальном этапе любого познавательного акта; в) в знаковой (протовербальной и вербальной) форме представления знания о референте. Когнитивная лингвистика непосредственно занимается осмыслением знаковой формы объективации знаний о референтах. Со времен Л. С. Выготского знаки рассматриваются как психическое орудие, которое, как известно, выполняет в познании важную функцию — служит средством отображения референта и репрезентации знания о нем. По сути, такое назначение знака и является его значением.

Раздел 5

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

5.1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ЕГО КОМПОНЕНТЫ

К концу XIX века понимание лексического значения как целостного и неделимого образования решительно пересматривается. Ученые стремятся разложить значение слова на его составляющие. И реализуют эту задачу, разумеется, разными путями, выделяя разное количество таких компонентов, по-разному их интерпретируя. И все же все справедливо отталкиваются при этом от основной функции слова, его способности быть средством обобщенного и опосредованного представления (обозначения) реальной действительности и внутреннего мира человека. Это — номинативная функция слова.

Однако для выделения компонентов лексического значения слова необходимо четко представлять себе объект номинации. Что это — отдельный конкретный предмет, класс предметов или понятие?

Обычно объектом номинации является и первое, и второе, и третье. Например, в русском языке слово *стул* служит: 1) обозначением конкретного предмета; 2) названием типизированного представления всевозможных стульев в отличие от таких классов предметов, как *табурет* или *кресло*; 3) оно называет и понятие с его отличительными признаками — тип мебели со спинкой для сидения одного человека».

Таким образом, предметом номинации и обозначения одновременно могут быть: а) конкретный объект наименования — референт; б) класс однородных предметов — денотат; в) дифференциальные, наиболее существенные для данного класса предметов признаки, точнее, их совокупность — сигнификат.

Денотату соответствует еще термин «номинат» и понятие «экстенционал», под которым принято понимать номинативную сторону языковой единицы, или «объем понятия», или «предметную отнесенность» (см. словари лингвистических терминов).

Сигнификат приравнивается к понятию «интенционал», который определяется как «качества или свойства, составляющие внутреннее содержание слова...» (О. С. Ахманова).

Из этих толкований следует, что денотат и сигнификат — понятия соотносимые как две стороны языкового знака, внешняя и внутренняя: денотативный — «обозначающий, означающий», а сигнификативный — «значащий, значимый»¹.

Соотношение звучащего слова (С), предмета номинации (референта) (А), типизированного, или серийного, предмета (денотата) (А₁) и понятия о нем (сигнификата) (А₂) может быть представлено схематически:

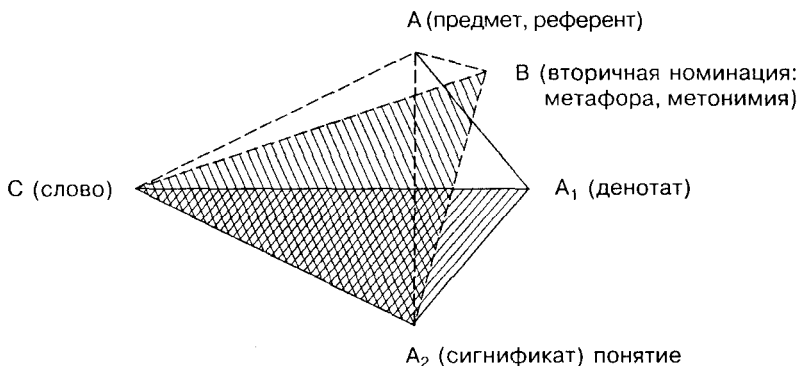

Рис. 6

Н. И. Балашов и А. А. Уфимцева интерпретируют эти отношения следующим образом: предмет А получает свое наименование опосредованно через соотношение слова С с представлением о классе предметов (денотате) — А₁, и с понятием о нем А₂ — сигнификате.

Пунктирная линия СА раскрывает условную, опосредованную (но не прямую) связь слова с обозначаемым предметом, а пунктирная линия AA₂ указывает на то, что связь предмета с понятием (сигнификатом) опосредована денотатом (А₁). Заштрихованная плоскость SA₁A₂ условно выражает те отношения, которые лежат в основе языкового значения, в том числе и значения слова.

В процессе словоупотребления предметная отнесенность слова и его понятийная отнесенность могут не совпадать. В таком случае происходит сдвиг в предметной отнесенности слова, в результате которого данный словесный знак становится именем другого предмета или

¹ См.: Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. С. 91.

его значение подвергается преобразованию. В этом сущность вторичной номинации — метафоры и метонимии.

Изучение смысловых отношений между компонентами удвоенного треугольника, манифестирующего знаковое значение слова (рис. 6), приводит к необходимости различать две семантические функции — а) функцию обозначения, или референции, и б) функцию выражения смысла. Однако такое вполне оправданное различие порождает необходимость терминологического разграничения таких фундаментальных понятий, как «референция», «денотация», «смысл» и «значение».

Чаще всего терминологическая путаница сопровождается использованием двух первых понятий — «референция» (референт) и «денотация» (денотат).

Референция

«Референт» и «денотат» — понятия логические, их содержание наиболее глубоко раскрыто в трудах Г. Фреге и Б. Рассела. Лингвистические аспекты этих понятий плодотворно исследуются Н. Д. Арутюновой и Е. С. Кубряковой и др. И все же пока приходится констатировать, что единства взглядов на эту проблему еще не достигнуто. Сравним два источника.

1. Денотат (от лат. *denotare* — отличать, обозначать) — предмет или явление окружающей нас действительности, с которым соотносится данная языковая единица. Референт (от лат. *referens, referentis* — сообщающий) — предмет мысли, отражающий предмет или явление объективной действительности и образующий то понятийное содержание, с которым соотносится данная языковая единица¹. Как видно, авторы приведенных дефиниций под денотатом понимают единичный (конкретный) предмет обозначения, а под референтом — класс таких однородных предметов.

2. «Так как *денотат* и *референт* являются терминами одного гносеологического ряда, целесообразно их разграничение для обозначения реалий. *Денотат, денотация, денотативное значение* — для апеллятивов (нарицательных имен), в значении которых зафиксировано абстрагированное, обобщенное отражение реальных предметов. Этими терминами выражаются свойства и признаки обозначаемых предметов. Термины *референт, референция, референциальное значение* — для собственных имен, значение которых определяется экстралингвистической информацией. Денотативное значение фиксируется в толковых и дву-

¹ Розенталь Д.Э., Тележкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 92, 363.

язычных словарях, а референциальное — в ономастиконах и в энциклопедических словарях¹.

Полагаем, что ближе к истине вторая точка зрения, хотя и выражена она применительно к узкой области семасиологии — антропоники. Референт — это *конкретный* предмет номинации. Например: *Дойна* — женское имя (молд.). Денотат — *обобщенный* класс предметов. Например: *дойна* — молдавская лирическая песня. Ср.: *Аурика* — женское имя и «*Аурика*» — стиральная машина.

Исходя из такого понимания референта, референция — это отнесение словесного знака к *конкретному* объекту номинации. Однако в современной лингвистике наблюдается тенденция к расширительному толкованию понятия «референция». Так, Н. Д. Арутюнова пишет, что референция — это отнесение языковых выражений к внеязыковым объектам (денотатам, номинатам, десигнатам, референтам) и, шире, соединение мысли и реальности посредством языка². Однако такое широкое понимание понятия «референция» поглощает, на наш взгляд, смежные понятия (денотация, сигнификация). И все же в любом случае теорию референции интересует «возвращение» языка к действительности, ее «волнует» вопрос о том, как значимые единицы языка прилагаются к миру, благодаря чему они могут идентифицировать (различать) предметы³. Существуют три теории референции — семантическая, номинативная и дейктическая.

Однако в любом случае термином «референция» называют обозначение «вещей», рассматриваемых с точки зрения «называния», «именования» их словами. *Отношение между словами и вещами* (референтами) *есть отношение референции*. Референтные отношения условно представлены на рис. 6 пунктирной линией SA. По мнению Джона Лайонза, «слова соотносятся с вещами (а не «обозначают» и не «именуют» их)⁴, как это представляли себе древнегреческие философы Сократ, Платон, Гераклит и Демокрит. Классическим воплощением принципа прямой связи словесного знака и обозначаемого им предмета стала теория австрийской лингвистической школы «Слова и вещи» (Мёрингер, Шухардт, Байст, Вагнер и др.). Исследовать слова, связанные с домами, лошадьми, культурными растениями, предметами домашне-

¹ См.: Косничяну М.А. Соотношение между денотативным и референциальным значениями в антропонимии // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 51.

² См.: Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. 8. С. 5.

³ Там же. С. 11.

⁴ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. С. 428.

го обихода, — значит, по убеждениям Гуго Шухардта, «говорить об истории строительного искусства, приручения лошадей, культуры виноградарства, кузнечного и гончарного производства, а еще правильнее об истории того, кто строит, приручает животных, сажает лозу, куст и изготавливает гончарные изделия», то есть ученый проводит «полный параллелизм между историей вещей и историей слов»¹. Не разделяя взглядов австрийской школы о полном параллелизме между словами и вещами, мы все же считаем референцию важнейшим аспектом формирования значения слова, который может быть назван *ономасиологическим* (культурно-историческим), противопоставив его *семасиологическому*. При ономасиологическом подходе значение рассматривается в направлении от предмета (вещи) к слову, а при семасиологическом — наоборот, от слова к предмету (вещи). Названные подходы являются двуедиными, поскольку «референтность любого языкового знака может быть истолкована только как отношение отображения речемыслительного феномена к предметному миру, а не как особая соотношенность знака (формы) и объекта»². Речемыслительными феноменами являются различные обобщения в нашем сознании однородных предметов (явлений), их классификации. Сущность нашего языкового сознания определяется тем, что оно закрепляет в словах такие свойства и признаки, которые принадлежат не только отдельно взятым предметам, но и всему классу предметов, в котором они объединяются в отличие от класса других предметов. Например, словом *мудрец* называют не только конкретного человека, но любого «способного рассуждать», «с богатой интуицией», «быстро соображающего», «с большим ОПЫТОМ».

Итак, семантика имеет тесную связь с обозначением реальных предметов (референтов), однако связь эта опосредована их обобщенным отражением в сознании — денотатами.

Денотация

В современной семасиологии понятие «денотация» не имеет четкого определения. Это — соотношенность словесного знака с предметным миром. «Денотативный» означает «связанный» с предметным рядом, или просто с категорией предметности, оформленной языковыми средствами. Ср.: слова *зелень*, *пение*, *храбрость* означают признаки или процессы, а оформлены как предметные сущности.

¹ См.: Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. С. 203.

² Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 9.

Расплывчатость этого понятия обусловлена, в частности, неоднозначностью самого термина «денотат». С одной стороны, его отождествляют с понятием «референт». Ср.: А. Чёрч: «Вещь (или любой другой объект номинации), обозначаемая языковым знаком, называется денотатом»; Ю. Н. Караулов: «Денотат — предмет или явление реальной действительности». Т. П. Ломтев различает предмет семантический и предмет реальный¹. Семантический предмет — это отражение реального предмета (вещи), или денотата. И семантический предмет, и предмет реальный являются означаемыми словесного знака. Однако первый представляет собой отражение, а второй — отражаемое, т. е. денотат. Семантический предмет слова *дядя*, например, — это лицо мужского пола, относящееся к первому поколению кровных или некровных родителей, связанных с поколением рожденных боковой линией родства. Денотат же слова *дядя* — это *брат отца* (или *матери*) или *муж тетки*. Итак, по мнению Т. П. Ломтева, денотат — это означаемое в виде отдельного реального предмета или реальное свойство реального предмета². Даже не продолжая список подобных определений, можно увидеть между ними явные противоречия: для А. Чёрча денотатом является любая вещь (предмет), обозначаемая словом; для Ю. Н. Караулова это просто предмет реальной действительности; в рассуждениях Т. П. Ломтева денотат — реальный предмет, который, судя по рассматриваемому примеру, может быть не только конкретным, но и серийным, типизированным, обобщенным, так, например, словом *дядя* обозначается не только конкретное лицо, но и вообще брат всех возможных родителей или мужа всех возможных сестер родителей. Иными словами, здесь налицо отождествление денотата с референтом.

Согласно второй концепции содержанием понятия «денотат» является обобщенный, серийный, типизированный образ наименованного предмета (явления, признака, свойства). Однако и здесь имеются весьма существенные для теории языкового значения разногласия. Так, Ю. М. Скребнев, например, утверждает, что «...целесообразно считать денотатом "доязыковое", невербализованное, еще не соотнесенное с определенным языковым знаком представление о предмете действительности — мысленный образ тех или иных сторон, признаков, свойств предмета, отраженных сознанием»³. При таком понимании денотативные признаки означаемого выводятся за пределы языкового значения, поскольку признаются «доязыковыми», невербализован-

¹ См.: Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 261.

² Там же. С. 263.

³ Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. С. 15.

ными. Этой точке зрения противостоит концепция М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, где денотат трактуется как реалия внешнего мира, отраженная и закреплённая мышлением в значении слова. Позиция ученых предельно ясна: «Реалии, не имеющие языкового обозначения, не являются денотатами, поскольку они не стали предметом мышления и не имеют знака в языке»¹.

Значит, сущность словесного знака предопределяется не тем, что он обозначает какой-то предмет и соотносится с ним, а тем, что знак манифестирует некоторый обобщающий (типизированный) результат познавательной деятельности человека. Причем в значении слова отображается не весь предмет, не вся совокупность его признаков, а только те признаки или свойства, которые связаны с различением данного объекта номинации от других, и прежде всего смежных. Ср.: *река, ручей, озеро, океан, пруд, море, залив, пролив*.

В денотативном аспекте (компоненте) лексического значения закрепляются, таким образом, результаты познавательной деятельности человека, связанные с преобразованием признаков реального предмета в идеальную сущность. Вот почему А. А. Уфимцева собственно денотат называет *идеальным* денотатом, в отличие от *материального* денотата, или, лучше, референта. В этом, по существу, и заключается различение денотата и референта. Но считать проблему денотата исчерпанной было бы преждевременным. Разъяснений требуют, по крайней мере, два вопроса: 1) как понимать *обобщаемость* денотатом признаков реальных предметов номинации? 2) всегда ли денотатом является реальный предмет (тип однородных реальных предметов)?

Первый вопрос заключает в себе проблему разграничения денотата и понятия, поскольку понятие тоже (точнее, прежде всего) обобщает. Думается, специфика первого в характере обобщения (идеализации).

Денотат является обобщением признаков предметов номинации в том смысле, что оказывается результатом типизированного представления предмета, явления, действия в значении слова. Денотат — это предмет-тип, получивший языковое выражение. Существование денотативного компонента в значении слова объясняется предметностью мышления, его обращенностью к реальному миру.

По степени и характеру обобщения можно выделить несколько типов денотатов:

— обобщенный образ нескольких однородных предметов (например, слово *авторучка* соотносится с несколькими предметами, обладаю-

¹ Копыленко М. М., Попова З. Д. Об употреблении термина «денотат» // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981. С. 6.

щими известной общностью; это наливные и шариковые ручки, одно- и многостержневые, одно- и многоцветные, многоцветного использования и одноразовые);

— обобщенный образ предметов, принадлежащих к одной тематической группе по одному из признаков (например, слово *осадки* обобщает и дождь, и снег, и град; слово *игрушка* обобщает и куклы, и кубики, и мячики; слово *птица* — обобщенное имя и воробья, и дрозда, и пеночки, и соловья, и снегиря);

- обобщенный образ ранее сделанных обобщений (например, слово *машина* содержит в себе обобщение, заключенное в словах *автомобиль, комбайн, механизм* (часовой, например), *стиральная машина* и др.).

И все же при всем многообразии денотатов их отличительной чертой является способность отражаться в нашем сознании в виде представлений (в отличие от сигнификатов, репрезентирующих понятия).

Второй вопрос — всегда ли денотатом оказывается реальный предмет? — содержит проблему типологии денотатов, в частности, всплывает на поверхность вопрос о том, имеются ли денотаты у слов, не являющихся обозначением конкретных реалий, типа *любовь, страх, фея*?

Некоторые ученые считают средневековым реализмом отнесение к денотатам наряду с физическими объектами «идеальных предметов» (И. Н. Бродский). Но если речь идет о реальном существовании отношений и связей между предметами, пусть даже эти связи и отношения являются мысленными (идеальными) сущностями, то такое понимание не противоречит диалектическому материализму и совсем уж не в духе средневекового реализма.

Сторонники «физического» подхода к денотатам в подтверждение своих суждений говорят обычно об именах мифических персонажей. Но даже такие, нереальные, существа не вызывают сомнений у их оппонентов, что у слов, обозначающих идеальные предметы, денотаты все же имеются, хотя они и специфичны. Более того, только при учете их специфики представляется возможным более глубокое осмысление теории языкового значения (М. М. Копыленко, З. Д. Попова).

Действительно, ни Одиссей, ни Полифем, ни Пегас, ни Зевс физических соответствий в объективном мире не имели, их денотаты — плод человеческого воображения, «идеальные предметы», однако они материализованы в картинах и скульптурах, в текстах художественных произведений и поэтому являются социально значимыми. Такова же специфика денотатов у слов, называющих сказочных персонажей (Конек-Горбунук, Иванушка-дурачок) и обозначающих мифические существа (ангелы, феи, домовые, русалки) и под.

Референция и денотация в аспекте когнитивной семантики

Несмотря на все попытки разграничить понятия «референт» и «денотат», в современной семасиологии понимание их соотношения остается спорным. Для дальнейшего исследования их сущности следует, как представляется, исходить из того, что *референт* служит для обозначения реалии на протOVERBАЛЬНОМ уровне, а *денотат* называет оязыковленный образ предмета. На таком разграничении уже в который раз приходится настаивать, так как и в современных исследованиях нередко эти понятия отождествляются. Ср.: «денотат, или референт — это обозначаемая вещь» и их производные: «Мыслительная операция соотнесения обозначающего слова с тем, что им обозначается, т. е. его денотатом, или референтом, называется референцией»¹ (денотацией, предметным соотношением, или предметной отнесенностью) (выделено нами. — Н. А.). Так же рассуждает Б. А. Плотников: «Предметом, или денотатом, лежащим в основе плана содержания языковой единицы, может быть *отдельная* воспринимаемая *реалия* (*луна, шапка Мономаха* и т. п.), *явление* (*река течет, солнце светит* и т. п.), *свойства и признаки реалий* (*голубой, круглый, греть, бежать* и т. п.), *классы однородных вещей* (*стол, дерево, дом, книга* и т. п.)»². Особенно нуждаются в таком разграничении исследования в области когнитивной лингвистики, когда ставится задача изучить механизмы вербализации концептов на разных этапах их формирования и перекодирования. Важно помнить, что референт существует до его вербализации, то есть он подлежит чувственному познанию и вне знакообозначения. С другой стороны, референт, строго говоря, — единица не только протOVERBАЛЬНОГО познания. Такое понимание референта справедливо лишь тогда, когда рассматривается его отношение к знаковой системе языка, но не по отношению к речевой реализации языкового знака. В системе языка знак, выражая понятие, соотносится с денотатом. В речи же происходит актуализация понятия и выделение одного из множества предметных образов, подводимых под это понятие, и соотнесение его с конкретным предметом мысли — референтом. Поэтому права А. А. Уфимцева, говоря, что денотат — это «предметная отнесенность знака в системе», а референт — это конкретный «"предмет" референции в речевом акте»³. Референт, таким образом, — это не «класс или его часть»⁴, а конкрет-

¹ Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 38.

² Плотников Б. А. Основы семасиологии. Минск: Вышэйшая школа, 1984. С. 9.

³ Уфимцева А. А. Лексическое значение. М.: Наука, 1986. С. 106.

⁴ Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 494.

ный предмет, выделяемый в результате актуализации понятия и обозначаемый в высказывании речевым знаком (класс — главный отличительный признак денотации). Это тем более справедливо, что ранее С. Д. Кацнельсон сам неоднократно настаивал на необходимости отграничения референта от денотата.

Следовательно, референт — это подразумеваемый в высказывании объект, где последний обозначен (в экстенсionales) или охарактеризован (в интенсionales). Поэтому изучение закономерностей языковой объективации референта преследует две основные цели: выявить и понять, что существует до вербализации познаваемого предмета и что появляется с ее помощью. В связи с этим следует различать объективную и субъективную формы отражения — формы воспроизведения оригинала в виде имитирующего объекта, условного знака или определенного состояния нервных клеток мозга (изоморфных отпечатков оригинала). В речи познаваемые предметы и явления как отдельные и конкретные феномены (референты) представлены условными и имитирующими знаками, которые являются объективной формой бытования языка. Эту же точку зрения отстаивал в своих работах и С. Д. Кацнельсон: «Референт, в отличие от денотата и сигнификата, относится не к имени как дискретной единице *языка*, а к имени *в речи*, точнее говоря к имени в составе предложения»¹ (выделено нами.— *Н.А.*). Акустические образы знаков, которым в языковом сознании соответствуют обобщенные представления об однородных предметах (о денотате), служат в своей совокупности субъективной формой существования языка.

Коннотация

Впервые в науку о языке термин «коннотация»² введен Леонардом Блумфилдом³, позаимствовавшим его у психолога Дж. Ст. Милля⁴. Содержание понятия «коннотация» получило в современной семасиологии, по сравнению с изначальным, весьма расширительное и неоднозначное толкование. И это при том, что оно всегда так или иначе связано с экспрессивной окраской номинативных единиц языка. Такое положение дел с изучением этого феномена объясняется стадией собирания и накопления фактического материала о способах создания в различных языках своеобразного «добавочного» значения слов и вы-

¹ Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. С. 394.

² Коннотация (лат. *con* 'вместе с', *notatio* 'обозначение') — 'добавочное, сопутствующее значение'.

³ См.: Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

⁴ См.: Mill J. St. Of Names // Theory of Meaning. Prentis-Hall, 1970.

ражений, которое придает им экспрессивность, национально-языковое своеобразие, культурологическую ценность и вызывает в связи с этим определенный прагматический эффект, или, иными словами, эффект речевого воздействия. Ср.: *скупой* — 'человек, проявляющий жадность' — *скупец*, *скряга* — разг., неодобр., усилит.; *жадина* — обих.-разг., неодобр., усилит.; *скопидом* — разг., неодобр.; *жадюга* — прост., презр., усилит.; *скаред* — обих.-разг., неодобр.; *скареда* — обих.-разг., неодобр.; *сквалыга* — прост., презр.; *сквалыжник* — прост., презр.; *скупердяй* — груб.-прост., презр.; *жила* — груб.-прост., презр.; *жмот* — груб.-прост., презр.

Нетрудно увидеть за общим денотатом дополнительные смысловые, экспрессивные, эмоциональные и стилистические особенности каждого из перечисленных выше слов. Кроме этого, многие из них выражают отношение к объекту номинации, например, презрительное, и различного рода оценки, например, неодобрение. А фразеологические обороты способны нести в себе еще и ассоциативно-образную информацию. Ср.: *обманывать* ~ 'сознательно, намеренно вводить кого-либо в заблуждение, говорить неправду' и фразеологизмы *втирать очки* КОМУ (неодобр., разг.), *обводить вокруг (кругом) пальца* КОГО (разг.), *водить за нос* КОГО (прост.), *морочить голову* кому (разг.), *брать на пушку* КОГО (прост.), *заговаривать зубы* кому (разг.), *отводить глаза* кому (разг.), *замазывать глаза* кому чем (груб.-прост.), *заправлять арапа* <к о м у > (прост.), *пускать пыль в глаза* кому (разг.), *играть в прятки (в жмурки)* с кем (*разг.*), *играть в кошки-мышки* с кем (разг.), *метать пелли* (разг.), *вкручивать баки* кому (прост.). Действительно, такие фразеологизмы передают и, соответственно, вызывают богатейшую гамму человеческих эмоций именно благодаря своему ассоциативно-образному происхождению. Не лишены этих свойств и некоторые слова как средства вторичной номинации: *кляча*, *козел*, *шляпа*, *медведь*, *тащиться*, *плестись* и др. (о человеке). Эти и подобные им свойства слов и выражений обычно и объединяются многими исследователями в понятие «коннотация». При этом в качестве основных признаков коннотации называют:

- а) признак дополнительности к денотативному аспекту значения;
- б) вторичность коннотации по отношению к денотации;
- в) выражение эмоциональной, экспрессивной и оценочной информации.

Однако названные признаки не могут служить достаточным основанием для уяснения лингвистического статуса коннотации, который предполагает прежде всего определение характера отношения коннотации к семантической структуре слова или фразеологизма. Но имен-

но это и является наиболее уязвимым местом современной семантической теории. Пока во взглядах семасиологов в определении языковой природы коннотации преобладают расхождения. Вот лишь наиболее известные утверждения:

— коннотация — составная часть семантического содержания номинативных единиц (Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. Н. Телия, В. И. Шаховский);

— коннотация не является составной частью языковой семантики (Ю. Д. Апресян, Н. Г. Комлев, Д. Н. Шмелев);

— коннотация — это окраска, семантические оттенки языковых единиц (Э. С. Азнаурова);

— коннотация — элемент сигнификата (О. С. Ахманова);

— коннотация — компонент импликационала, составляющая ассоциативно-образного рисунка слова и фразеологизма (В. Н. Телия);

— коннотация — потенциальная ассоциативная энергия слова (В. В. Виноградов);

— коннотация — это стилистическое значение (И. В. Арнольд, А. В. Филиппов).

Еще бóльшая пропасть между различными точками зрения на сущность коннотации образуется при ее лингвистической интерпретации. Это относится прежде всего а) к семиотической теории коннотации, разрабатываемой Л. Ельмслевым и Р. Бартом; б) к психолингвистической теории, представленной именами таких ученых, как А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Р. Роммевейт, М. С. Портер и др.; в) к философской теории коннотации (В. П. Алстон); г) к стилистической теории коннотации (Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд).

Семиотический подход к пониманию коннотации ориентирует нас на прагматику речевой деятельности (на выбор «субкода» и отношение говорящего к языковым знакам).

Психолингвистический подход основывается на понятиях ассоциативной и эмоциональной структур речемыслительных процессов, в частности на их национально-культурологических аспектах. В соответствии с этим коннотация определяется как «ореол», «атмосфера», «призма», «дымка», которые «наслаиваются», «прикрепляются», «обволакивают», «пронизывают» и под. предметно-логическое значение слова. В результате такого разноцветья метафорических определений «коннотация, — по справедливому замечанию В. И. Шаховского, — по-прежнему остается привлекательной, но не пойманной жар-птицей для современной семасиологии»¹.

¹ Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983. С. 13.

Если не поймать, то хотя бы приблизиться на обозримом расстоянии к этой мифической жар-птице может только собственно лингвистический подход к проблеме коннотации слов и устойчивых выражений. Хотя не следует отказываться и от опыта семиотического и психолингвистического осмысления коннотации. Лингвистическая интерпретация только углубит понимание языковой природы коннотации слов и фразеологических оборотов, обострит ее несомненный антропометрический характер. Особенно ценными в этом плане являются исследования В. Н. Телия и В. И. Шаховского. В. Н. Телия первой среди исследователей указала на семантическую сущность коннотации, которая узуально или окказионально входит в семантику языковых единиц и выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего к обозначаемой действительности. Ср.: глагол *превзойти* — 'обнаружить превосходство над кем-, чем-либо' — со слабо выраженной экспрессивностью и его синонимические экспрессивы — *затмить* усилит., *забить* разг., *перещеголять* разг., *переплюнуть* прост., *перекрыть* прост., *перешибить* прост., *заткнуть за пояс* к о г о, разг., *утереть нос* к о м у, разг. При этом эмотивно-оценочное отношение говорящего получает, как видим, стилистическую маркированность, т. е. выраженную стилистическую окрашенность и прагматическую значимость.

Лингводидактическую конкретизацию такого понимания коннотации находим в работе В. И. Шаховского: «Коннотация — это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодированно выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение»¹.

В. И. Шаховский разъясняет, что коннотативный аспект значения представляет собой некоторую совокупность семантических микрокомпонентов, посредством которых реализуется эмотивная функция слова. Иными словами, такие семантические микрокомпоненты являются с е м а м и, точнее, коннотативными семами. Однако вопрос в том, какую совокупность сем следует относить к коннотации.

Представители «широкого» понимания коннотации включают сюда эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические микрокомпоненты (семи) значения. Сторонники «узкого» понимания коннотации не все указанные микрокомпоненты значения считают коннотативными, но и между ними существуют серьезные разногласия. Вот лишь некоторые суждения.

А. В. Филиппов, например, видит содержание коннотативного аспекта значения только в двуединстве эмоционального и стилистиче-

¹ Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения... С. 14.

ского микрокомпонента¹. Оценочность и экспрессивность по сути своей не коннотативны, — считает автор.

Свою точку зрения А. В. Филиппов аргументирует тем, что 1) оценочность — это прагматический компонент понятия, определенный аспект денотации, а не коннотации, а 2) экспрессивность вообще находится за пределами семантической структуры слова, поскольку всегда окказионально связана с «удачным» отклонением от нормы, возникает лишь в процессе речи, почему и не может считаться языковым явлением.

Такую же позицию занимает В. И. Шаховский: «Оценочный и экспрессивный компоненты не являются собственно коннотативными, они — компоненты денотации». Однако точка зрения А. В. Филиппова не находит поддержки в работах Э. Г. Ризель. Она считает, что стилистический микрокомпонент значения и коннотация — понятия несовместимые. Ее аргументы сводятся к тому, что стилистический микрокомпонент — это действительно составная часть семантической структуры слова, а коннотации частью лексической семантики не являются (они лишь реакции на денотативные и стилистические компоненты значения)².

Диссонансом этому утверждению звучит вывод Л. Е. Кругликовой, считающей, что «эмоциональный и оценочный компоненты входят в семантическую структуру, а стилистический — нет»³. В качестве аргументов выдвигаются следующие положения:

1. Эмоциональная окраска и экспрессивность — свойства единиц языка, а функционально-стилистические характеристики они получают в связи с употреблением их в речи. Ср.: *лошадь* и *кляча*, *застать* кого-либо и *застукать* кого-либо, *закусить* и *перехватить*, *заморить червячка*. Вторые члены оппозиции носят разговорный или грубо-просторечный характер (например, *застукать*).

2. Изменение эмоциональной окраски и экспрессивности может привести к изменению лексического значения. Изменение стилистического микрокомпонента такого эффекта не имеет. Так, слово *сочинитель* в начале XIX века было синонимом к словам *писатель*, *автор*, *литератор*, *творец*, т. е. имело положительную окраску. Позже оно приобрело презрительно-ироническую окраску: *сочинитель* — «выдумщик, фантазер».

¹ Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 60.

² См.: Ризель Э. Г. К вопросу о коннотации // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978. Вып. 125. С. 10-18.

³ Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988.

3. Функционально-стилистическая окраска слова не оказывает существенного влияния (в отличие от эмоционального и экспрессивно-го микрокомпонентов) на понятийное содержание слова. Ср.: *газированная вода* и *газировка* (разг.), где однокорневые слова одинаковы по значению.

Точка зрения Л. Е. Кругликовой противопоставлена позиции и А. В. Филиппова и Э. Г. Ризель. Не совпадает она и с мнением В. И. Шаховского, который признаки коннотации в широком понимании (эмотивная, оценочная, экспрессивная и стилистическая окраска) квалифицирует следующим образом. Оценка и экспрессия, по его мнению, — микрокомпоненты денотативного аспекта значения. И вот почему. Основной экспрессивности является интенсивность — категория понятийная, служащая отражением степени проявления какого-либо признака предмета номинации¹. Поэтому ее необходимо считать частью денотации слова. Ср.: *значительно — несравненно, несравнимо, неизмеримо, стократ*. Слова правой части обычно представляются в словарях с пометой *усилит*.

Другой конструктивной основой экспрессивности является живое, наглядное представление о предмете номинации, т. е. образность слова. Многие номинативные единицы являются экспрессивными именно потому, что содержат в себе семантический микрокомпонент, способный вызвать наглядное представление, создать картину. Это развивает, разумеется, прагматическую, т. е. воздействующую, силу слова. Ср.: *кричать — орать, вопить, горланить, надрываться, драть горло, кричать (орать) во все горло, кричать (орать, вопить) благим матом*.

Итак, по мнению В. И. Шаховского, интенсивность и образность связаны с отражением предметов номинации. Поэтому экспрессивность, основанием которой они служат, — свойство денотации слова². При этом он отличает экспрессивность как семасиологическую категорию, присущую слову в системе языка (свойство узуальное), от экспрессивности стилистической, которая является индивидуально-авторским созданием, формируемым при помощи языковых средств и стилистических приемов. В данном случае нас интересует экспрессивность как семасиологическая категория — микрокомпонент денотативного аспекта значения. Однако в учебниках и учебных пособиях по лексикологии нередко речь идет о так называемой эмоционально-экспрессивной окраске лексического значения. Правомерно ли такое термино-

¹ См.: Грднева Т.В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.

² Ср.: экспрессивность — свойство коннотации; см.: Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 108.

употребление? Если да, то как быть с определением места этого микрокомпонента в лексическом значении? Каков он — денотативен или коннотативен?

Прежде всего следует сказать, что преимущественное большинство исследователей не отрицает возможности наличия эмосемы в составе значения слов и фразеологизмов. Эмоциональная сема выражает конкретное чувство говорящего от восприятия предмета номинации. Это может быть чувство симпатии, любования, восхищения или, наоборот, пренебрежения, презрения, отвращения. Ср.: *одевать* — *облекать* (приподн. или шутол.), *облачать* (высок. или шутол.), *обряжать* (прост.), *рядить* (прост.); *обжора* — *чревоугодник*, *объедала* (*обьедало*), *прорва* (груб.-прост., презр.). Еще очевиднее эмосема присутствует в значении фразеологических оборотов: быть (чувствовать себя) *на седьмом небе* (разг.) — «испытывать большую радость, наслаждение, счастье»; *человек с большой буквы* — «настоящий человек; человек, вызывающий восхищение и уважение». Эти фразеологизмы отражают эмоциональное состояние человека, испытывающего чувство восхищения, восторга, радости. Другие фразеологизмы выражают пренебрежение, презрение: *гроша медного (ломаного) не стоит* — «не иметь никакой ценности, никуда не годиться»; *нести (городить) окоlesiцу (чепуху, чушь)* — «говорить или писать глупости»; *шишка на ровном месте* — «человек, который завышает самооценку, свои возможности, на самом деле незначительный, не имеющий влияния, веса»; *ворона в павлиньих перьях* (разг.) — «человек, тщетно старающийся казаться более важным, значительным, чем есть на самом деле». Наличие в составе микрокомпонентов значения слов и фразеологизмов эмосемы окрашивает экспрессивность этих единиц различными эмотивными оттенками, т. е. на экспрессивность наслаивается эмоциональность. Однако эти категории, будучи диалектически взаимосвязанными, принадлежат все же к разным аспектам значения: экспрессивность — к денотации, а эмотивность — к коннотации. Особенно глубокий смысл в этом отношении приобретает умозаключение В. И. Шаховского: «В том, что эмотивность — коннотативна, а экспрессия — денотативна, и что всякая эмотивность экспрессивна, нет противоречия, так как эти категории связаны: все эмотивные единицы обязательно имеют в денотате экспрессивные семы, но не все экспрессивы предполагают наличие эмотивной коннотации»¹.

Эмоциональные семы в значении слов и фразеологических оборотов теснейшим образом связаны с оценочными семами. Порой их весьма трудно различать. В связи с этим зачастую прибегают к их объеди-

¹ Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения... С. 32.

ненному, дефисному названию типа «эмотивно-оценочный» или «эмоционально-оценочный» компонент значения. Однако природа оценочной семы понимается в семасиологии далеко не однозначно.

Первая точка зрения. Поскольку коннотация отражает не признаки денотата, а определенное отношение говорящего к нему, а также характеризует ситуацию общения, то оценочность является коннотативной семой; ср.: *растяпа, верхогляд, отродье* (отрицательная оценка) и *орел, сокол, голубь* (положительная оценка)¹.

Вторая точка зрения основывается на понимании оценочности как одного из видов модальности. Экспрессивы же (основа коннотации) имеют двухмодальное значение: первое — собственно оценочное — характеризует предмет номинации (денотат), второе — эмотивно-оценочное, мотивированное а) «переживанием» (человеком) того образа, который представлен внутренней формой слова или фразеологизма, или б) эмоциональной реакцией говорящего на необычное означаемое².

Поэтому первое можно назвать денотативно-оценочной, а второе — эмотивно-оценочной модальностью. Второе значение относится к области коннотации. Эта мысль вполне определенно сформулирована В. Н. Телия: «Этот эмотивно-оценочный компонент вместе с основанием оценки (внутренней формой), а также стилистической маркировкой и образуют коннотацию»³.

Третья точка зрения. Оценочные семы значения являются понятийными, поскольку отражаемые ими признаки присущи обозначаемому предмету. В связи с этим оценочные семы следует квалифицировать денотативными⁴, как, например, услов *пройдоха, проныра* — «очень хитрый человек, умеющий устраивать свои дела не совсем благовидными способами», *обыватель* — «человек с ограниченным кругозором, живущий мелкими, личными интересами» (пренебр.), *ехидничать* — «говорить насмешливо, язвительно, злорадно». Оценочная сема обычно по природе своей рациональна, хотя наличие эмосемы может придавать ей эмоциональную окраску. Однако это не лишает ее денотативного статуса. С другой стороны, ее наличие стимулирует развитие на почве денотации коннотативных сем.

Думается, что третья точка зрения наиболее близка к истине.

¹ См.: *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 57.

² См.: *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. С. 25-26.

³ Там же. С. 20.

⁴ См.: *Шаховский В.И.* Эмотивный компонент значения... С. 33.

Завершая разговор об оценочном микрокомпоненте значения, следует заметить, что в лексическом составе любого языка преобладают единицы отрицательной оценки, поскольку все хорошее считается нормой.

Итак, из всего спектра микрокомпонентов значения номинативных единиц, которые традиционно считаются коннотативными, таковыми являются только эмотивность (эмосема) и ассоциативно-образный комплекс, которые получают, как правило, соответствующую стилистическую отмеченность (маркированность).

Коннотация — это тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи. Например: 1) *знаменитость* — «человек, прославившийся в какой-либо сфере деятельности»; *звезда* — «то же о деятелях искусства, спорта и т. п.»; *светило* — «то же преимущ. о деятелях науки, медицины и т. п.»; 2) *осмелеть* — «преодолев боязнь, страх, стать смелым или более смелым», *расхрабриться* — то же, но разг., шутилрон.; 3) *делать из мухи слона* (разг.) — сгущать краски, возводить в квадрат (книж.); 4) *до последней капли крови* (высок.), *до последнего дыхания* (*издыхания*) (высок.). Обязательным микрокомпонентом этих номинативных единиц является эмотивность (эмосема), вспомогательная роль принадлежит ассоциативно-образному и стилистическому микрокомпонентам. Однако их наличие усиливает коннотацию, отдаляя ее от денотативного компонента значения. Учитывая различную степень связи изначального денотата с производными от него аспектами значения, некоторые исследователи предлагают градацию семного состава слов и выражений.

Классификация микрокомпонентов (сем) значения номинативных единиц учитывает не только специфику, но и зависимость денотации и коннотации. Зависимость двух аспектов значения обуславливается производностью сем от первичной денотативной семы.

Первичная денотативная сема (D_1) представляет обозначаемый предмет непосредственно, прямо. Так формируется первичное значение слова. Например: *библиотека* — «учреждение, собирающее и хранящее книги для общественного пользования»; *белый* — «имеющий цвет снега, молока, мела (противоп. — *черный*); *сесть* — «принять сидячее положение». Такое значение называется прямономинативным.

Вторичная денотативная сема (D_2) имеет переносный характер. Она является производной от семы D_1 и поэтому отражает некоторый объект путем его соотнесения с денотатом, представленным в D_1 . Это оказывается возможным благодаря наличию общих признаков (свойств) для

первичного и вторичного предмета номинации. Ср.: *библиотека* — «собрание книг и помещение, где они хранятся» (D_1) и «название серии книг определенной тематики» (D_2) (*Библиотека* приключений, Школьная *библиотека*, *Библиотека* учителя-словесника, *Библиотека* филолога); *белый* — «светлый» (*Белый* хлеб), «контрреволюционный» (Белая армия); *сесть* — а) «войдя, поместиться где-нибудь (для поездки)» (*Сесть* на пароход); б) «опуститься с высоты, прекратив полет» (Птичка *села* на ветку). Важнейшим признаком семы D_2 является ее мотивированность семой D_1 , производность от нее. Такие семы — основа производно-номинативного значения слова.

Остальные семы в значении слов принято считать коннотативными. Их, как правило, распределяют по трем группам (М. М. Копыленко, З. Д. Попова, И. А. Стернин). В основательской классификации — степень отдаленности коннотации (зависимости ее) от денотативной семы.

Коннотативная сема первой степени (K_1) мотивируется денотативной семой, сохраняя с ней логическую связь. Ср.: белые *ночи* — «ночи на севере, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние», т. е. светлые ночи, ночи без непроглядной темноты. Иными словами, коннотативная сема (K_1) логически связана с денотативной семой (D_2), мотивируется ею. Подобные свойства обнаруживает коннотативная сема слова *сесть* во фразеологическом обороте *сесть на шею* кому-либо — «находясь на чьем-либо иждивении, попечении, тяготить, обременять кого-либо» или во фразеологизме *посадить на мель* кого, что — «поставить кого-либо в очень затруднительное положение». Данная коннотативная сема логически связана с денотативной семой D_2 .

Коннотативная сема второй степени (K_2) логическую связь с денотацией утратила, поэтому является немотивированной, хотя в прошлом такая связь существовала. Ср.: *довести до белого каления* — «вывести из себя, довести до полного отчаяния, до полной потери самообладания»; *сидеть в печенках* кого — «крайне раздражать, надоедать кому-либо». Главным признаком этого типа сем служит тот факт, что изначально слова *белый*, *сесть* коннотативных сем не содержат. Коннотативные семы второй степени (K_2) вычлениются в словах *чулок*, *калач*, *шуба*, *собака*, *червячок*, употребляемых в качестве лексических компонентов фразеологических оборотов *синий чулок* (неодобр.) — «женщина, лишенная обаяния и поглощенная книжными, учеными интересами», *тертый калач* (разг.) — «очень опытный, много испытывавший на своем веку человек, которого трудно провести», *шубы не сошьешь* из чего (разг., шутол.) — «никакой пользы не получишь от чего-либо», *собаку съел* на чем, в чем (разг., одобр.) — «приобрел большой опыт, основательные знания в чем-либо», *заморить червячка* (прост.) — «слегка, наскоро утолить голод». Очевидно, что сема «ученая женщина» не содержится в

значении слова *чулок*, сема «человек» — в значении слова *калач*, сема «польза» отсутствует в значении слова *шуба*, семы «опыт, дело» не найдены в значении слова *собака*, а слово *червячок* не имеет никакой логической связи с семой «голод».

На наш взгляд, коннотативная сема K_2 имеет ассоциативно-образную природу. То или иное слово приобретает сему K_2 не за счет собственных семиологических (знаковых) ресурсов, не за счет прямоминативных свойств, не за счет денотации, а в результате синтагматических (линейных) связей этого слова с другими лексическими компонентами фразеологического оборота. K_2 — результат взаимодействия импликационалов, объединенных во фразеологизме слов.

Наконец, коннотативная сема третьей степени (K_3) содержится в значении слов, окончательно утративших денотативную соотносительность. Например, коннотации слов *зги*, *баклуши*, *лясы*, *кулички*, *стрекач*, *шерочка*, *машерочка*, *хляби* во фразеологических оборотах: *ни зги не видно* — «совсем ничего не видно»; *бить баклуши* — «праздно проводить время, бездельничать»; *точить лясы (балясы)* — «заниматься пустой болтовней, пустословить»; *у черта на куличках* — «очень далеко, в отдаленных, глухих местах»; *давать (задавать) стрекача (стречка)* — «пускаться наутек, стремительно, поспешно убежать; удирать»; *шерочка с машерочкой* (шутл.) — «о женщинах, танцующих в одной паре, обычно из-за отсутствия мужчин» (от обычного обращения институток друг к другу *ma chère* — «моя дорогая» (см.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4.), *разверзлись (отверзлись) хляби небесные* (шутл.) — «пошел сильный, проливной дождь». Таких коннотативных сем (K_3) в языке очень мало в силу того, что лексем, их представляющие, употребляются лишь в составе идиом. С денотативными семами их связывает только историческая судьба этих слов, которая раскрывается при помощи этимологического анализа.

Представленная классификация сем должна учитываться в сопоставительной лексикологии: слова, эквивалентные по семе D_1 , могут различаться по семам D_2 , K_1 , K_2 . Об этом необходимо помнить при переводах текстов с одного языка на другой.

Наличие в лингвистике различных толкований коннотации свидетельствует о многогранности этого понятия, о его многоликости. Все это находит отражение в предлагаемых классификациях коннотации.

Функциональная типология коннотации. Л. А. Сергеева выделяет три типа коннотации — содержательный, или характерологический, экспрессивно-оценочный и нормативный¹.

¹ См.: Сергеева Л.А. Коннотативное значение как объект лингвистического анализа // Исследования по семантике: Общие вопросы семантики. Уфа, 1983. С. 116.

1) Характерологическая коннотация содержит информацию о таких свойствах обозначаемых объектов, которые не получают прямого выражения в значении слова и фразеологизма. Дело в том, что такие свойства не являются внешними. Они скрыты от глаз и при первом знакомстве с предметом, как правило, остаются незамеченными. Подобные свойства обозначаемые предметы обнаруживают лишь в процессе их использования в практике. Поскольку же практика — критерий истины, то эти свойства предметов обозначения могут считаться вполне объективными и закономерными. Так, например, значение слова *заяц* содержит в своем импликационале коннотативный признак «трусливый», *собака* — «преданный», *курица* — «слабовольность, глупость», *медведь* — «неуклюжий», *лев* — «сильный». Такие коннотации имеют скрытый, потенциальный характер и ассоциативно-образное происхождение. Использование их в сравнительных оборотах (*труслив, как заяц; собачья преданность*) — яркое свидетельство выполнения ими характерологических функций.

2) Экспрессивно-оценочные коннотации тесно связаны с характерологическими в том случае, когда последние выражают наряду с качественными еще и количественные признаки (что служит основой экспрессии): *львиная доля, кот заплакал*. Зачастую такие коннотации содержат оценочную сему: *голодный как волк, собачий холод*, где в значении слова *волк* актуализируется оценочная (ранее скрытая, потенциальная) сема «сильно», в слове *собачий* — «сильный»; она несет добавочную информацию, которая даже в пределах одного языка в силу своей субъективности может быть диаметрально противоположной. Ср.: *собачья должность, нособачья преданность*.

3) Нормативная коннотация отличается сугубо коммуникативной обусловленностью, отражая «правила игры» со знаками в пределах системы языка¹. Это коннотация функционального стиля: *муза, десница, пенаты; нерукотворный, златокудрый; влачить, ниспослать* и др. «поэтизмы» книжного употребления; *добрый молодец, кручина, пригожий, чисто поле, лебедушка* и др. слова народно-поэтического речетворчества; *зачетка* (разг.), *башковитый* (разг.); *проныра* (прост.), *взъерепениться* (прост.), *раскисать* (разг., усилит.), *кваситься* (прост.), *произойти — страстись* (обих.-разг.); коннотация эвфемизма: *не сочиняйте* (вместо *не врете*), *в интересном положении* (вместо *беременна*); коннотация контекста: ср.: *офицер, генерал, дружинник* в контексте советского и дореволюционного периода нашей истории.

¹ Сергеева Л.А. Указ. соч. С. 117; см. также: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. Вып. 1. С. 369—373.

Произведенная таким образом классификация коннотации позволила Л. А. Сергеевой заключить, что выбор того или иного способа знакообозначения обуславливается (1) или специфическими особенностями самого предмета номинации (характерологическая коннотация), или (2) коммуникативными задачами речи (экспрессивно-оценочная коннотация), или (3) структурными особенностями самого языка (коннотация стиля, коннотация контекста и т. п.).

Содержательная типология коннотации В. И. Говердовского. Понимая коннотацию как явление динамическое, стремящееся от окказиональности к узуальности, В. И. Говердовский считает коннотацию промежуточным звеном между употреблением и значением. В связи с этим одни коннотации в его классификации приближаются к употреблению слова, другие — к значению. Исследователь выделяет пять типов коннотации: контекстный, тематический, историко-культурный, историко-языковой и экспрессивно-оценочный¹.

Контекстуальные и экспрессивно-оценочные коннотации у него совпадают с таковыми в классификации Л. А. Сергеевой. Историко-культурная коннотация представлена, например, в значении слов *красный* — *белый* («револ. — контрревол.»), историко-языковая коннотация — в словах *сказитель*, *символизм*, *бородач*.

5.2. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

На характер лексического значения (ЛЗ) слова, как было показано в предыдущих разделах, воздействуют разные факторы его формирования — объекты знакообозначения (т. е. реальная действительность), психические процессы, сопровождающие номинацию (чувства человека, особенности восприятия окружающего мира, его оценка и т. п.), и собственно языковые отношения между словами (парадигматические, синтагматические и эпидигматические). Все это порождает многоликость ЛЗ, которую обычно пытаются отразить в многочисленных классификациях.

Теоретически обоснованная типология ЛЗ впервые была осуществлена в 1953 г. академиком В. В. Виноградовым в общеизвестной статье «Основные типы лексических значений»². Предложенная им типо-

¹ См.: *Говердовский В. И.* Опыт функционально-типологического описания коннотации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

² См.: *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162—189; или: *Вопр. языкознания.* 1953. № 5. С. 3—29.

логия ЛЗ основывалась на двух принципах: а) номинативном, в основании которого лежит фиксация характера отношений значения к объектам знакообозначения, и б) синтагматическом, учитывающем сочетаемостные свойства слов в предложении.

Номинативный принцип классификации лексических значений

Применение первого классификационного принципа позволяет выделить три типа лексических значений:

— прямое номинативное значение: *зеленый* — «один из цветов солнечного спектра, средний между желтым и голубым», *хлеб* — «пищевой продукт разной формы, выпекаемый из муки»;

— производно-номинативное значение: *зеленый* — «недозревший, неспелый» (о фруктах, плодах, злаках), *хлеб* — «зерно, из которого делают муку»;

— экспрессивно-стилистическое значение: ср.: *запрещать* и *возбранять* (высок.), *заказывать* (прост.), *заповедовать* (устар.); *невежда* — *неуч* (разг., пренебр., усилит.), *профан* (неодобр.).

Прямые номинативные значения, по определению В. В. Виноградова, «как бы непосредственно направленные на "предметы", действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание»¹, легче всего выделяются в ряду других ЛЗ. Этот тип ЛЗ наиболее устойчив и независим, то есть не ограничен в своей реализации рамками фразеологических сочетаний или определенного рода синтаксической конструкции. Употребление слова с прямономинативным значением регулируется логическими связями и отношениями самого обозначаемого предмета с другими предметами (явлениями), признаками, свойствами и процессами в действительном мире. Например: *музей* — «учреждение, занимающееся собиранием, хранением и выставкой памятников старины, искусства и т. п.»; *плоский* — «ровный, без возвышений и углублений, с прямой и гладкой поверхностью», *таять* — «превращаться в жидкое состояние под воздействием тепла». Иногда слово может иметь несколько² прямономинативных, или свободных, значений. Ср.: *музыка* — 1) «искусство, отражающее действительность в звуках художественных образов, а также сами произведения этого искус-

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 171.

² Между ними существуют логическая связь и отношения производности; их утрата приводит к образованию омонимии: *вид*₁ — «наружность, внешний облик», *вид*₂ — «разновидность, тип»; *затопить*₁ — «разжечь», *затопить*₂ — «залить, погрузить на дно».

ства» (Услышав ее пение, я больше прежнего полюбила *музыку*. Н. Г. Чернышевский); 2) «исполнение произведений этого искусства на инструментах» (Вдруг донеслись до меня звуки *музыки*. И. С. Тургенев); *согласиться* — 1) на что — «дать согласие, позволение, разрешение», 2) с кем-чем — «выразить свое единомыслие, общую точку зрения с кем-, чем-либо; признать правильным». Поскольку такие ЛЗ с понятиями и его признаками соотносятся непосредственно, их называют еще основными, первичными и устойчивыми в силу того, что они менее всего обусловлены сочетаемостными свойствами слова. Наиболее убедительное обоснование получили подобные суждения, пожалуй, в трудах ученых Пражской лингвистической школы, утверждавших, что каждая единица языка обладает своей основной функцией, для выполнения которой, собственно, эта единица и создана. Ежи Курилович основную функцию назвал первичной¹. Отсюда значение слова, употребляемого в первичной функции, может называться первичным или прямономинативным. ЛЗ этого типа содержит в своем составе исключительно (или преимущественно) первичные денотативные семы (Д). Они могут служить производящей основой для различных видов семантической деривации, в результате которой образуются вторичные, производно-номинативные ЛЗ.

Но м и н а т и в н о - п р о и з в о д н ы е (или производно-номинативные) з н а ч е н и я, во-первых, образуются на почве прямономинативных (свободно-номинативных) значений, во-вторых, будучи производными, они сохраняют в современном языке мотивированную связь с первичной номинацией² и поэтому соотносятся с прямым номинативным значением. Например, слово *земля* имеет два прямых номинативных значения: 1) «третья от Солнца планета, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг Солнца» (Окружность *Земли*); 2) «суша (в отличие от водной поверхности)» (Мать с младенцем спасена; *Землю* чувствует она. А. С. Пушкин). Остальные значения по отношению к основным являются производными: 3) «страна, государство» (Это — моя родина, моя родная *земля*, мое отечество, в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе. А. Н. Толстой); 4) «территория с угодьями, находящаяся в чьем-либо владении» (Здесь начинается *земля* крестьян-арендаторов); 5) только ед. ч. «верхний слой земной коры; почва» (*Земля* полтавская плодородная — чернозем). Как убеждают примеры, производно-номинативные значения могут быть уже, специализированнее, чем основное, прямономинативное. Одна-

¹ См.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 59, 182 и др.

² См.: Москвин В. П. Русская метафора. Волгоград: Перемена, 1997. С. 15.

ко связь с прямым номинативным значением у них всегда ощутима для носителей современного языка, жива, не требует особых научных изысканий. В семном составе ЛЗ этого типа преобладают вторичные денотативные семы (Д₂).

Экспрессивно-стилистическое значение слова — это особый тип ЛЗ; оно выражается не прямо, «не непосредственно, а через то семантически основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность»¹. Так, например, слова *затасканный*, *заезженный* являются разговорными синонимами с пренебрежительно-усилительным значением, а *затрёпанный* — синоним с презрительно-усилительным значением к слову *избитый* — «надоевший и опошленный частым употреблением». Употребляются такие экспрессивно-синонимические слова прежде всего для выражения значения опорного слова *избитый* в соответствующем стилистическом контексте, то есть в разговорном стиле.

Экспрессивно-стилистическое значение, таким образом, обладает несколькими свойствами: а) оно не способно к «самовыражению», поэтому реализуется только с опорой на прямономинативное значение; б) его обязательным микрокомпонентом является экспрессивность, объединяющая в себе семы «интенсивность» и «оценочность» — признаки по природе своей субстанциональные, денотативные, что еще раз доказывает логическую связь экспрессивно-стилистического значения с прямономинативным; в) слово, обладающее этим типом значения, всегда синонимично по отношению к слову с прямым номинативным значением; г) экспрессивно-синонимическое значение слова характеризуется стилистической маркированностью (окрашенностью), так как, по справедливому замечанию Шарля Балли, отклонение от нейтральных для данного стиля способов выражения мысли всегда оказывается стилистически значимым². В словарных статьях этот тип значения представляется обычно с помощью помет: книжн., высок., разг., шутол., прост., груб.-прост., ирон., презр., пренебр., неодобр., усилит., фам., торж. Например: *обмануть* — «поступить недобросовестно, нечестно по отношению к кому-либо» — *провести* (разг.), *обвести* (прост.), *надуть* (прост.), *обойти* (разг.), *объехать* (прост.), *одурачить* (разг.), *обдурить* (прост.), *оболванить* (прост. презр.), *околпачить* (прост.), *обжужить* (прост.), *нагреть* (прост.), *объегорить* (прост., пренебр.), *облапошить* (прост., пренебр.), *обмишулить* (груб.-прост.), *обмишулить* (груб.-прост.), *обвести вокруг (кругом) пальца* (прост.), *обуть на обе ноги*

¹ *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений. С. 173.

² См.: *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Иностран. лит., 1961.

(или *власти*) (груб. прост.). Нетрудно заметить, что экспрессивно-синонимические значения соотносятся со стилистически нейтральным словом (доминантой синонимического ряда) неодинаково: а) покрывая понятийное содержание доминанты, синонимы различаются семантикой «интенсивность» (то есть по степени экспрессивности значения); б) экспрессивно-стилистические синонимы различаются наличием или отсутствием семы «оценочность», исходящей из понятийного содержания слова. Во втором случае экспрессивно-стилистический синоним «включает» в себя значение доминанты, однако помимо этого выражает еще и «оценочность», что делает его более емким, содержательным и, как следствие, стилистически маркированным, то есть относящимся к определенному функциональному стилю. Ср.: *гореть* — «излучать свет» — *пылать* (усилит.), *полыхать* (разг., усилит.), *пламенеть* (высок.). Экспрессивно-стилистическая маркированность ЛЗ рассматриваемого типа является не коннотативно, а денотативно обусловленной. Поэтому этот тип значения, как и два предыдущие, следует считать одной из разновидностей прямых ЛЗ. На их основе могут развиваться переносные значения слов.

Синтагматический принцип классификации лексических значений

В отличие от типологии ЛЗ по способу номинации данная классификация осуществляется с позиции речевой реализации значения, точнее, с точки зрения различного рода ограничений на лексическую сочетаемость. Под эту категорию обычно подводятся слова с переносными значениями, реализующимися только в определенных лексических или синтаксических условиях. По этому критерию ЛЗ слов делятся на свободные и несвободные. Свободными называют прямые номинативные значения, которые способны самостоятельно обозначать предметы внеязыкового мира. Несвободные значения такой самостоятельности лишены. Их реализация возможна только в сочетании данного слова с другими языковыми средствами. К несвободным ЛЗ В. В. Виноградов относил: а) фразеологически связанное значение и б) синтаксически обусловленное значение слова.

Фразеологически связанным значением слова называется такое значение, которое реализуется только путем сочетания данной словоформы со строго определенными словами. В связи с тем, что предметно-логическая связь с денотатом у таких слов крайне ослаблена или совсем утрачена, лексическая сочетаемость в таких случаях обуславливается не экстралингвистическими, а внутренними закономерностями лексико-семантической системы. Будучи лишенным «глубокого и устойчивого понятийного центра», фразеологически связанное

значение, по определению В. В. Виноградова, «рассеянное», «склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями»¹. Так, имя прилагательном *заячья* значение «трусливый, робкий» реализует только в сочетании со словом *душа*: *заячья душа* — «трусливый, робкий человек»; ФЕ *делать кислую мину* содержит имя прилагательное *кислая*, выражающее только в этом фразеологическом обороте значение «недовольство», «огорчение» (ср. значение всего фразеологизма: «выражать свое неудовольствие, огорчение и т. п.»); значение «нужда, безденежье, несчастье» словом *черный* реализуется только в сочетании со словом *день* (ср.: *черный день* — «трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастья»). В последнем фразеологическом обороте связанное значение имеет также и слово *день* «время, период». Его «рассеянность», утрата «четкости изображения» (ср. прямое номинативное значение слова *день* — «часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера») обнаруживается при употреблении этого слова и в других фразеологических оборотах: *завтрашний день* — «ближайшее будущее», *вчерашний день* — «прошлое». В последних двух примерах значение «время, период» присутствует имплицитно, в скрытом виде. Анализ показывает, что значения этого типа имеют сложную природу. В силу этого возникает вопрос: допустимо ли все многообразие ЛЗ, реализуемых словом в условиях его особой сочетаемости, подводить под понятие «фразеологически связанное значение»? Вопрос этот остается открытым, а сам термин «фразеологически связанное значение» в трудах разных ученых наполняется разным содержанием². Между тем определение фразеологически связанного значения требует, как полагал В. В. Виноградов, особо тонкого и скрупулезного анализа, что крайне важно для теории и практики лексикографии. Дело в том, что, с одной стороны, «необходимо отличать фразеологически связанное, несвободное значение слова от употребления слова в нескольких фразеологических единствах, близких по смыслу»³, а с другой стороны, его следует отличать от мнимых «значений», которые являются микрокомпонентами значения фразеологизма и отдельным словом не выражаются. Так, анализируя словарную статью слова *курс* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, автор «Основных типов лексических значений» считает, что употребление этого слова в таких выражениях, как *быть в курсе* чего, *держат* кого *в курсе*

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений. С. 182.

² См.: Дидковская В. Г. О разновидностях фразеологически связанного значения в современном русском языке // Фразеологизм и слово: Сб. науч. тр. Новгород, 1996. С. 177.

³ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений. С. 182.

чего, *войти в курс* чего, *вести* кого *в курс* чего, ошибочно называть значением, пусть даже фразеологически связанным, — «осведомленность, знание последних фактов и достижений в какой-нибудь области». Такого значения у слова *курс*, разумеется, нет. В. В. Виноградов усматривает формирование фразеологических оборотов, в которых это значение (точнее, сема) выделяется на базе прямого номинативного значения слова *курс* — «течение», «направление движения». Однако, несмотря на указания ученого на зыбкость и неопределенность граници между фразеологически связанным значением слова и другими несистемными значениями, рассматриваемое понятие и термин, его выражающий, используются современными исследователями неоднозначно. Наиболее отдаленным от виноградовской концепции пониманием фразеологически связанного значения является теория Д. Н. Шмелева, согласно которой ЭТОТ тип значения слова должен удовлетворять следующим требованиям:

а) оно должно быть синтагматически связанным; причем эта связанность не синтаксическая, а лексическая (как сочетание конкретных слов: *окладистая борода*, *крошечный ад* (*мрак*, *тьма*), *закадычный друг*, *заклятый враг*, *скоростижно умереть* (*скончаться*), *проселочная дорога*; первый компонент словосочетания вне данных словосочетаний невозможен, он сигнализирует (предсказывает) появление другого (других) компонента (-ов);

б) фразеологически связанное значение обуславливается не семантическими, а чисто лексическими ограничениями (В. П. Жуков, В. Г. Дидковская); так, глагол *идти* значение «падать» реализует не со всеми обозначениями осадков, которые могут «выпадать», а только со словами *дождь*, *град* и *снег* (не говорят *идет ливень*, *идет роса*, а также *идут капли дождя*, *идут горошины града*, *идут хлопья снега*). Эти словосочетания Д. Н. Шмелёв¹ рассматривает как деривационно связанные: слово *идет* — многозначно, одно из его значений фразеологически связано; кроме того, оно является также и деривационно связанным по отношению к основному значению «двигаться, переступая ногами». Значение словосочетания в таком случае мотивируется не непосредственно, а опосредованно — отношением к исходному значению;

в) парадигматическая связанность словосочетания обуславливается принадлежностью одного из компонентов к соответствующим лексическим парадигмам: *двоюродный брат*, *двоюродная сестра*. Парадигматическая связанность таких словосочетаний определяется их вхождением в парадигму родовидовых отношений: *отец* — *мать* — *сын* —

¹ См.: Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. С. 259-273.

дочь — брат — сестра; дядя — тетка — племянник — племянница — двоюродный брат — двоюродная сестра;

г) комплексная связанность предполагает сочетание синтагматической, деривационной и парадигматической связанности: *бить баклуши, замолвить словечко, со скрежетом зубовым, точить лясы.*

Таким образом, фразеологически связанное значение слова, согласно теории Д. Н. Шмелева, служит категориальным признаком любой ФЕ, по которому она отличается от слова и свободного словосочетания. Это так называемое «широкое» понимание фразеологически связанного значения слова.

Так же «широко», хотя и своеобразно, его рассматривает и О. С. Ахманова: «значение, приобретаемое словами в составе данной фразеологической единицы»¹, как, например, значения компонентов *муха* — «нечто незначительное, пустячное» и *слон* — «нечто существенное, значительное» во фразеологическом обороте *делать из мухи слона* (разг., неодобр.) — «необоснованно преувеличивать что-либо». Подобное толкование фразеологически связанного значения содержится в работах М. М. Копыленко и З. Д. Поповой². Исходя из теории В. В. Виноградова, они подтверждают его точку зрения на природу ЛЗ этого типа, однако, наряду с фразеологическими сочетаниями (*куриная память, закадычный друг*), усматривают фразеологическую связанность значения слов и в составе фразеологических сращений и фразеологических единств (*до морковкина заговенья, закинуть удочку, у чёрта на куличках*). Иными словами, если, по В. В. Виноградову, фразеологически связанное значение идентифицируется с коннотативной семемой (К,) в сочетании с Д₁, то М. М. Копыленко и З. Д. Попова допускают возможность ее реализации и в сочетании с К, или К₂. Эта же мысль развивается и М. И. Фоминой³, выделяющей фразеологически связанное значение у слов с самостоятельным значением (например, *кромешный* — «полный, абсолютный, беспросветный» в сочетании со словами *ад* и *тьма*) и у слов, такой самостоятельностью значения не отличающихся (например, у слова *втирать* в значении «обманывать кого-либо» в сочетании со словом *очки*). Ю. А. Гвоздарев фразеологически связанные значения слов в сочетаниях первого типа называет эксплицитными, а в составе «семантически неразложимых единиц» — имплицитными⁴.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 164.

² См.: Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972. С. 41.

³ См.: Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 40.

⁴ См.: Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д., 1977. С. 22.

В лингвистической литературе можно также проследить стремление рассматривать фразеологически связанное значение с количественной точки зрения. Одни ученые считают, что значение этого типа может реализоваться в сочетании с любым, но строго определенным числом слов, образующим целые фразеологические серии¹. Другие авторы фразеологически связанным называют только такое ЛЗ, которое реализуется при сочетании соответствующего слова лишь со строго определенной лексической единицей (Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, И. И. Чернышева). Ср.: *держат себя в руках, держат ухо востро, держат ушки на макушке, держат язык за зубами*, где слово *держат (себя)* реализует значение «вести себя», и *чревато последствиями*, где слово *чревато* выражает значение «способно вызвать неприятности».

На наш взгляд, сущность фразеологически связанного значения слова определяется не числом слов, в сочетании с которыми оно реализуется, а узואльно ограниченной сочетаемостью данного слова, его семантической несамостоятельностью, требующей заключения соответствующего слова в строго определенный фразеологический контекст, так как самостоятельная функция обозначения им утрачена.

Наиболее обстоятельно категориальные признаки фразеологически связанного значения слова исследованы В. Н. Телия²:

1) Синсемантическая фразеологически связанного значения, то есть способность слова указывать на объект номинации только при совместной реализации с семантически ключевым словом: *слепая ярость, тупое упрямство*.

2) Указанный выше признак сопряжен со вторым признаком — несамостоятельностью знаковой функции слов с фразеологически связанным значением. Сочетание семантически ключевых слов с синсемантическими словами (с фразеологически связанным значением) затемняет знаковый характер последних, роль которых сближается с функцией служебных слов: *зеленый чай, глазное яблоко*. При этом семантически ключевое слово также не обладает знаковой полновесностью: *оказывать помощь (помочь), возлагать надежду (надеяться)*.

3) Фразеологически связанное значение слова имеет *косвенно-производный характер*. Его сущность заключается в том, что под воздействием опорного наименования в переосмысляемом слове актуализируются такие смысловые микрокомпоненты в его «предшествующем»

¹ См.: Виноградов В. В. Указ. соч. С. 181; Гвоздарев Ю. А. Указ. соч. С. 21; Он же. О термине «фразеологически связанное значение слова» // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968.

² См.: Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. С. 68.

значении, которые возникают на основе реального ассоциативного сходства первичного и вторичного предметов номинации (D_1 и D_2): *белое, мясо, грудная клетка* (сваренное мясо имеет цвет, близкий к белому; ребра напоминают по внешнему виду ограждение — клетку). Такие живые ассоциативно мотивированные связи образуют «добавочные» смыслы, экспрессивные семы.

4) Коннотативность фразеологически связанного значения слова. Этот микрокомпонент представляет собой некоторый остаток, «осколок» внутренней формы слова, удерживающий связь переосмысленного значения с опорным для него наименованием. Так, глагол *идти*, обозначающий передвижение, перемещение в пространстве, названный опорным наименованием в значении «действие», «перемещение», реализуется в таких сочетаниях, как *идти в гору* — 1) «добиваться все более высокого положения в жизни, в обществе»; 2) «успешно развиваться, совершенствоваться, улучшаться (о деле, о хозяйстве)»; *идти в ногу* с кем, с чем — «действовать единодушно, согласованно; не отставать»; *идти на поводу* у кого — «действовать несамостоятельно, слепо подчиняясь чьей-либо воле»; *идти на удочку* чью, КОГО — «поддаваться на обман»; *идти навстречу* кому, чему — «оказывать содействие, поддержку кому-либо, чему-либо»; *идти по стопам* чьим, кого — «следовать чьему-либо примеру»; *идти своей дорогой* — «поступать, действовать независимо, самостоятельно» и др. Фразеологически связанное значение слова *идти* — «действие» — содержит коннотативную сему (K_1), возникающую в нем в результате ассоциативно мотивированной связи переосмысленного значения с денотативной семой (D_1) «двигаться», «перемещаться». В. Н. Телия различает ингерентные и адгерентные ассоциации. Ингерентные ассоциации развивают новые значения одного логического порядка с опорными наименованиями, они возникают благодаря наличию в них внутренней формы, связывающей коннотативную сему (K) с денотативной семой (D). Так, например, ингерентные ассоциации лежат в основе фразеологически связанного значения слова *идти* в приведенных выше сочетаниях. Адгерентные ассоциации, возникающие по аналогии, переводят предметные признаки объектов первичной номинации в иноприродную сферу, в иную логическую плоскость. Такие коннотации присущи словам с отвлеченным значением в составе несвободных сочетаний: *сердце обросло мохом* чье, у кого — «кто-либо стал бездушным, черствым, неотзывчивым»; *сердце падает (обрывается)* у кого — «кого-либо неожиданно охватывает отчаяние, испуг, тревога»; *сердце (душа) радуется* у кого — «кого-либо охватывает радостное волнение по поводу чего-либо». Довольно часто фразеологически связанные значения, основан-

ные на адгерентных ассоциациях, обозначают недоступные непосредственному наблюдению явления. Они имеют интенциональную природу и антропоцентрическую метафоричность.

Учитывая накопленный опыт и основываясь на системной обусловленности фразеологически связанных значений, на их редуцированной денотативной отнесенности, В. Г. Дидковская разъясняет природу этого типа ЛЗ путем осмысления взаимодействия их парадигматических и синтагматических слагаемых¹. Структурными элементами исследуемой семантической категории она называет: 1) исторически связанное значение; 2) лексически связанное значение; 3) валентно ограниченное значение; 4) семантически связанное значение. На наш взгляд, синтагматико-парадигматический подход предполагает из названных только три последние составляющие структуры фразеологически связанного значения, поскольку историческим изменениям могут подвергаться все слагаемые этого типа ЛЗ. Именно они и вызывают различного рода ограничения, обособления и редукцию изначальной парадигматики и синтагматики слова, развивающего фразеологически связанное значение.

Таким образом, фразеологически связанное значение слова характеризуется:

- ограниченной лексической сочетаемостью соответствующего слова;
- синсемантичностью;
- утратой самостоятельности знакообозначения;
- косвенно-производным «происхождением»;
- коннотацией ингерентно- и адгерентно-ассоциативного происхождения.

Как носитель общественно-бытового сознания значение этого типа служит средством хранения и выражения человеческого знания об окружающем мире, о непосредственно не наблюдаемых явлениях.

Несвободные ЛЗ могут также реализоваться путем ограничения синтаксических условий употребления слова. Такие ограничения имеют, как правило, функционально-синтаксический или конструктивно обусловленный характер. Поэтому синтаксически обусловленные значения слов подразделяют на два типа: а) функционально-синтаксически ограниченные и б) конструктивно обусловленные. Однако оба типа значений слов объединяет следующее общее свойство: составной частью их семантики является синтаксическая роль слова в предложении и особенность его построения, то есть синтаксическая характеристика слова.

¹ См.: Дидковская В. Г. Указ. соч. С. 180.

Функционально-синтаксически ограниченные значения слова, по определению В. В. Виноградова, отличаются тем, что «синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику»¹. Например, слово *шляпа* выражает значение «непредприимчивый; растяпа» в том случае, когда выступает в предложении в функции сказуемого: *Другой бы на его месте карьеру сделал, а этот — шляпа!* (Ильфи Петров). Слово *шляпа* выполняет здесь не свойственную ему синтаксическую роль — роль сказуемого, или предиката. Вот почему такое значение называют еще предикативно-характеризующим. Ср.: *Ну и лиса же ты!* (*лиса* — «хитрец»); *Вот так петух!* (*петух* — «забияка, драчун»); *Даведь он перекасти-поле* (*перекасти-поле* — «человек, часто переезжающий с места на место»). Значение рассматриваемого типа в отличие от свободного номинативного (прямономинативного) формируется в процессе обобщенно-образного отражения явлений действительности, их оценки, характеристики.

Предикативно-характеризующее значение слова, употребляясь в разговорно-шутливом контексте, способно выполнять фразеобразующую роль: *гусь лапчатый* — «ловкий, хитрый, изворотливый человек», *глухая тетеря* — «тупой, глупый, бестолковый человек».

Функционально-синтаксически ограниченные значения имен существительных (обычно этим типом значения обладают слова, принадлежащие к именам существительным) предопределяются, как правило, синтаксическими функциями сказуемого безличного предложения, именной части составного сказуемого, приложения, обстоятельства времени, образа действия, а также слов, грамматически не связанных с членами предложения (обособленные определения, приложения и обращения). Например: 1) — *Ну и колючка эта ваша соседка!* — воскликнул, улыбаясь, новый пассажир; 2) Дед, *глухая тетеря*, подойди поближе, я все тебе растолкую; 3) *Ух ты, гусь лапчатый, везде преуспел!* Иногда предикативно-характеризующее значение приобретает словом и в функции других членов предложения: *Где найдешь еще такого молодца!* *Посмотрите-кана этого героя!*

Итак, будучи средством непрямого, вторичного, знакообозначения, синтаксически ограниченное значение слова представляет собой результат обобщенно-образного отражения в сознании явлений действительности предикативно-характеризующего и оценочного типа.

Конструктивно обусловленные значения слова могут обнаруживаться также в определенной лексической сочетаемости данной словофор-

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений. С. 184.

мы. В таком случае они реализуются в устойчивом типе синтаксической конструкции, например, *пенять* на кого, что, *полагаться* на кого, что, *отозваться* на что, на чем, *сетовать* на кого, что, *жаловаться* на кого, что. Необходимо учесть, что синтаксически обусловленные значения выражаются тогда, когда соответствующая конструкция строится в соответствии с грамматической категорией стержневого слова (в нашем примере категория переходности глаголов) и сочетаемостью этих словоформ со словами того или иного семантического класса или разряда. Ср.: *сетовать на судьбу (жизнь)*, *пенять на себя*.

Конструктивно обусловленные значения синсемантически, то есть они не способны выражать ЛЗ самостоятельно, вне сочетаемости с другим словом (ср. *пенять*, *полагаться*, *отозваться*, *сетовать*, *жаловаться*). Конструктивно обусловленные значения отличаются от фразеологически связанных значений прежде всего тем, что условием их реализации является не строгая лексическая избирательность в процессе сочетаемости слова, а конкретный и устойчивый тип синтаксической конструкции, в рамках которого и выражается несвободное, вторичное ЛЗ. Лексическая сочетаемость словоформы, выражающей конструктивно обусловленное значение, в пределах соответствующей синтаксической схемы (модели) обычно жестко не регламентируется.

По наблюдению акад. В. В. Виноградова, конструктивная обусловленность присуща не только свободным номинативным, но и фразеологически связанным (*выходить из себя*, *лопнуть со смеху*, *от злости*, *от зависти*) и функционально-синтаксически ограниченными значениям слов (*Север есть север*). В первом случае (фразеологически связанное значение), кроме жесткой лексической сочетаемости, в реализации синтаксически обусловленных значений принимает участие тип синтаксической конструкции (*выходить* из кого, *лопнуть* с чего, от чего), во втором случае рассматриваемый тип ЛЗ реализуется в единстве функционально-синтаксических (нетипичная синтаксическая функция слова *север*) и конструктивно-синтаксических свойств сочетаемости слов или их форм.

Конструктивная обусловленность ограничивает, сужает свободные номинативные значения слов. Ср.: *предмет* и *предмет* (чего) (насмешки, иронии, любви), *хлопотать* и *хлопотать* (о ком, о чем). К еще большим ограничениям и несвободе приводит конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения. Она, по словам В. В. Виноградова, «еще теснее замыкает его в рамки немногочисленных фразеологических сочетаний и приводит к распылению, к растворению его семантического ядра в общем целостном значении соот-

ветствующих фразеологических единиц»¹. Ср.: *(не) бросать на ветер слова* — «говорить, взвешивая все обстоятельства, все «за» и «против», *брать на буксир* кого *(на карандаш, на пушку)* — «помогать отстающему» («делать заметки», «обманным путем, добиваться желаемого»), *смотреть (глядеть) в глаза* кому — «стараться угодить кому-либо, заискивать перед кем-либо», *смотреть (глядеть) в зубы* кому — «проявлять излишнюю мягкость, деликатность в обращении», *смотреть (глядеть) в корень* — «входить, вникать в существо чего-либо», *смотреть (глядеть) в рот* кому — «угодливо, покорно слушать кого-либо». Типичная, устойчивая синтаксическая модель, или конструктивная обусловленность (см. наш пример: *смотреть (глядеть) в ...*, *брать на ...*), служит средством восполнения семантической несамостоятельности (синсемантической) связанных значений слова.

Конструктивно обусловленные значения приобретают слова при переходе из одной части речи в другую (чаще при переходе знаменательных слов в служебные): *относительно* — наречие, модальное слово → предлог; *точно* — наречие → союз и т. д. Транспозиции знаменательных слов в служебные мешают конструктивно обусловленные значения признаков и оценочных сем. Конструктивно же обусловленные значения знаменательных слов отличаются особо выразительной признаковостью и оценочностью, которые создают ассоциативно-образными связями этих слов с прямонимативными значениями. Пожалуй, наиболее ярко это свойство обнаруживается в генитивных конструкциях типа *вершина творчества (искусства)*, *солдаты революции*, *гигант мысли*, *сын гор*, *сердце страны*, *мозг ЭВМ*, *колыбель революции*, *арена жатвы*, *солнце мира (дружбы, свободы)*.

Итак, конструктивно обусловленное значение слова является результатом косвенно-производной номинации, одним из типов связанных значений слова. Условиями его реализации являются устойчивая синтаксическая модель и сочетаемость со словами той или иной ЛСГ. Его основные признаки: синсеманτικότητα (семантическая несамостоятельность), вторичность знакообозначения, метафоричность, оценочность и признаковость. Конструктивная обусловленность может сопровождать свободные номинативные значения, фразеологически связанные и функционально-синтаксически ограниченные значения слов. Конструктивно обусловленные значения обычно сохраняют свою внутреннюю форму, которая утрачивается обычно только при переходе знаменательных слов в разряд служебных.

И наконец, — о разграничении функционально-синтаксически ограниченных и конструктивно обусловленных значений. Первый тип

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений. С. 188—189.

ЛЗ возникает на уровне словоформ, а второй — на уровне ЛСВ (семемногозначного слова). Вместе с тем оба типа объединяются в синтаксически обусловленные значения.

Морфологически связанные значения слов

Синтаксически обусловленные значения слов могут порождать различные морфологические ограничения на их реализацию в речи. Так, в предложении *Она у нас герой* имя существительное *герой* выражает значение «оптимист», «не-нытик» и т. п. в функции предиката, которую выполняет именительный падеж. Косвенные падежи такого рода значений не выражают. Ср.: *Его встречали как героя; Все внимание было уделено герою; Ученики приветствовали героя; Разговор с героем; Рассказо герое.* Следовательно, выделенные выше значения реализуются только формой именительного падежа, но не всегда, а исключительно в функции предиката. Поэтому морфологическая связанность ЛЗ оказывается производной от его синтаксической обусловленности.

Какое-то время морфологически связанные значения слов в отдельный тип не выделяли. В. В. Виноградов в своей классической типологии ЛЗ заметил, однако: «Нередко различие лексических значений слова связано с разными его грамматическими формами»¹. Ср.: инфинитив *холодать* в безличном употреблении *начало {начинает} холодать* выражает значение «становится холоднее» и личные формы этого глагола в значении «зябнуть, страдать от голода». На морфологически связанные ЛЗ в английском языке указывала Н. Н. Амосова, объединяя их с синтаксической связанностью в один разряд грамматически связанных значений слова.

Необходимость теоретического осмысления морфологической связанности ЛЗ и выделения таких значений в отдельный тип исходила прежде всего от практической лексикографии, давно уже фиксирующей их в толковых словарях. Например, одно из значений существительного *краска*: «4. только ед. ч. Румянец; прилив крови к лицу. *Никто не видел краску стыда, залившую мне лицо* (А. Первенцев)» или существительного *красота*: «2. только мн. ч. Красивые, прекрасные места (в природе, в художественном произведении)»; то, что производит впечатление своим красивым видом. *Задрожавшим от волнения голосом ОН стал перечислять красоты родной страны* (Э. Казакевич)»². Одной из

¹ Виноградов В. В. Избр. труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 167.

² Лапатухин М. С., Скорлуповская Е. В., Снегова Г. П. Школьный толковый словарь русского языка. М.: Просвещение, 1981. С. 163.

причин внетипологического описания таких ЛЗ может быть их синкретизм. Пожалуй, впервые, указывая на это их свойство, данные ЛЗ выделила Б. М. Лейкина, анализируя контекстные условия реализации значений английского слова: «морфологически ограниченное значение чрезвычайно часто бывает и синтаксически ограниченным»¹. Наиболее ярко морфологическая связанность обнаруживается в значениях слов тех лексико-грамматических разрядов, которые обладают достаточно широким диапазоном словоизменительных форм (имена существительные, глаголы, имена прилагательные). В результате обособления отдельных грамматических форм за последними закрепляются особые значения. Значение, реализуемое одной (или несколькими) грамматической формой слова и не тождественное значению, выражаемому его полной морфологической парадигмой, называется морфологически связанным. Можно выделить два пути формирования морфологически связанных значений слова: а) в процессе специализации (сужения) первичного ЛЗ слова в связи с обособлением или изоляцией одной из его морфологических форм и б) в результате генерализации (расширения) ЛЗ обособившейся словоформы. Ср.: а) *глубина суждений* и *глубины морей* (но не *глубины суждений*) и б) *Эти дети — чудо!* и *Этот ребенок — чудо!* (но не *эти дети — чудеса!*). В первом случае произошла специализация ЛЗ обособившейся грамматической формы ед. числа² существительного *глубина* — «сила, степень проявления чего-либо; основательность, значительность». Ср. исходные значения этого слова: 1) «расстояние от поверхности до какой-либо точки по направлению вниз»; 2) «пространство внутрь от границы, от края чего-либо». Во втором примере наблюдается расширение ЛЗ слова *чудо* в форме ед. числа за счет значения формы мн. числа — «нечто удивительное, поразительное, восхитительное». Как показывает анализ, нередко морфологическая связанность выступает в единстве с синтаксическими ограничениями {*глубина суждений, мысли, таланта* — ед. ч. им. п. + род. п.; *дети — чудо!* — ед. ч. им. п. в синтаксической функции сказуемого), и определить, какой из двух факторов (морфологический или синтаксический) является ведущим, порой невозможно.

Изучение морфологически связанных значений слова обогащает теоретическую семантику по крайней мере в трех направлениях: а) наполняет новым содержанием понятие «связанные, несвободные зна-

¹ Лейкина Б.М. Средства грамматического контекста // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1961. Вып. 60. № 301. С. 132.

² См.: Ершова-Белицкая Л.Ф. Морфологически ограниченное значение как один из типов несвободных значений слова // Вопросы лексической и фразеологической семантики. Ростов-н/Д., 1979. С. 5.

чения»; б) пополняет имеющиеся сведения о путях развития смысловой структуры слова и в) позволяет углубить ранее полученные значения о «скрытых» механизмах взаимодействия лексической и грамматической семантики.

Современные исследователи (Л. А. Качаева, Ю. П. Солодуб и др.) предпринимают попытки уточнить и совершенствовать виноградовскую типологию ЛЗ. Основная сложность в решении поставленной задачи состоит в отсутствии единого классифицирующего принципа. Поэтому приходится учитывать все факторы и условия реализации ЛЗ. В результате типология ЛЗ приобретает следующий вид:

I. С точки зрения функций и деривационно-смысловых связей слов ЛЗ подразделяются на три группы: 1) номинативно-непроизводные {голова человека, зеленые листья}; 2) производные: а) номинативно-производные {голова поезда, зеленые плоды — «несозревшие»}, б) переносные значения (производно-характеризующие, экспрессивно-производные: *зеленый* специалист — «очень молодой, неопытный», *тряпка* — «бесхарактерный, слабовольный»); 3) экспрессивно-синонимические {башка, голова}.

II. С точки зрения синтагматической свободы/несвободы: 1) синтагматически (контекстуально) независимые ЛЗ: *изредка* — «иногда, время от времени», *звезда* — «светящееся небесное тело», *слабеть* — «терять силы», *теплый* — «слегка нагретый»; 2) связанные ЛЗ: а) лексически связанные — ЛСВ многозначного слова, которые реализуются в тематически ограниченных контекстах: *тупой* — а) «недостаточно развитый» (об уме), в) «с притупленным восприятием окружающего» (о состоянии человека), у) «не резкий, приглушенный, ноющий» (о боли), 8) «глухой, не резкий, не звонкий» (о звуках); б) фразеологически связанные — реализуются лишь в ограниченных сочетаниях слов: *желтая печать/пресса* — «беспринципная, бульварно-сенсационная».

III. С точки зрения грамматической обусловленности ЛЗ: 1) ЛЗ грамматически не обусловленные: *изобилие* — «богатство, достаток», *создавать* кого, что — «производить, основывать», *лазурный* «светлосиний»; 2) грамматически обусловленные ЛЗ: а) синтаксически обусловленные {*нетух, шляпа, змея, жук, гусь, пень* в функциях сказуемого, приложения, обращения), б) конструктивно обусловленные (идеал чего — «совершенный образец чего-либо», *идеал* чей — «о том, кто является для кого-либо высшим воплощением каких-либо качеств, достоинств», в) морфологически обусловленные ЛЗ {*горизонт*, ед. ч. — «линия кажущегося соприкосновения неба с земной или водной поверхностью», но *горизонты*, мн. ч. — «круг действий, возможностей» {*горизонты науки*}.

Отсутствие единого классифицирующего принципа в данной типологии позволяет слову относиться одновременно к разным типам, группам и подгруппам (например, быть номинативно-непроизводным, синтагматически независимым и грамматически не обусловленным).

5.3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Значение языкового знака представляет собой комплексное выражение отраженного в сознании объекта номинации: в нем объективируются внешние признаки и внутренние свойства *денотата*, различные аспекты *сигнификата*, эмоционально-оценочные и экспрессивно-образные о т н о ш е н и я, составляющие сущность *коннотации*, а также системно-языковые *значимости* знака — п а р а д и г м а т и ч е с к и е (синонимические, антонимические, гипонимические, полисемические связи), с и н т а г м а т и ч е с к и е (валентностные и дистрибутивные отношения) и э п и д и г м а т и ч е с к и е (деривационно-смысловые и мотивационные — внутренняя форма — зависимость). Объективированные в языковом значении свойства и признаки номинируемого объекта, а также разного рода отношения (знак — знаки, знак — человек) образуют некую внутреннюю организацию содержания знака, его форму. «Форма, — пишет Н. И. Кондаков, — внутренняя структура, строение, связь и способ взаимодействия частей и элементов предмета или явления»¹. Иными словами, значение, которое долгое время считалось нечленимым монолитом, оказывается сложным рече-мыслительным образованием, в состав которого входят определенным образом структурированные семантические элементы², соотносимые со свойствами, признаками и отношениями обозначаемого предмета (явления). Это и послужило основанием для введения в современную семасиологию термина «семантическая структура слова».

По результатам психолингвистических исследований, само понятие «структура содержательного плана языковой единицы» предполагает компонентную природу последнего. Однако, как справедливо утверждает А. А. Леонтьев, значение не является простой суммой исходных смысловых компонентов³. Объясняется это, по мнению

¹ Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. С. 574.

² Ср.: Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филол. науки. 1997. № 2. С. 54.

³ См.: Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 7.

ученого, тем, что «значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс», «динамическая иерархия процессов»¹. Такое понимание природы значения было заложено основоположниками отечественной психолингвистики. Так, например, Л. С. Выготский говорил: «Значение не есть сумма всех тех психологических операций, которые стоят за словом. Значение есть нечто значительно более определенное — это внутренняя структура знаковой операции. Это то, что лежит между мыслью и словом»². Значение — это, по его убеждению, путь (процесс) от мысли к означающему языкового знака.

Термин «семантическая структура» получил в семасиологии достаточно устойчивое и широкое распространение. Без него трудно представить современное исследование по семасиологии. Нередко он используется не только в научных текстах, но и в названиях диссертаций, монографий, статей и докладов. Однако в этот весьма популярный термин нередко вкладывают разное содержание, что приводит к разночтениям, путанице, а иногда и к ошибочным суждениям. «Им именуются, — по наблюдениям А. А. Уфимцевой, — как метаязыковые, так и языковые единицы, как совокупность наименьших односторонних единиц содержания слова, так и результат сложения двусторонних единиц, составляющих производные и непроизводные слова»³.

Так, Г. О. Винокур и Е. С. Кубрякова используют этот термин при описании семантики производного слова, понимая ее как структуру отношения между значением производящей основы — ономаσιологическим признаком, по М. Докулилу⁴, и категориальным значением (предметность, процессуальность, признак и т. п.) того объекта, которому мы хотим дать название — ономаσιологическим базисом. Иными словами, семантика производного слова представляет собой структуру отношений между отсылочной и формирующей частями⁵. Вот как схематически представляется семантическая структура производного слова *черника*:

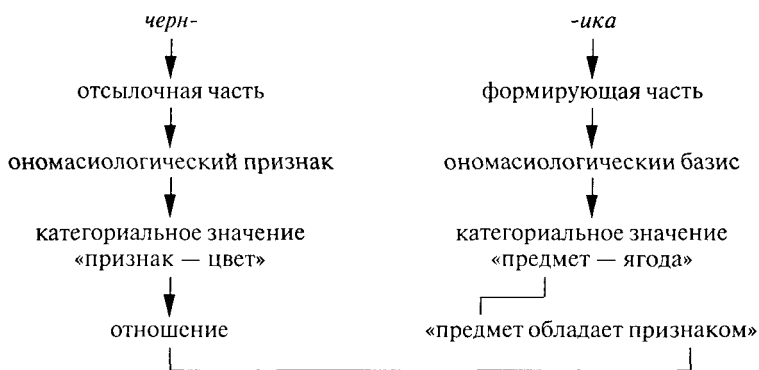
¹ Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. С. 8.

² Выготский Л.С. Из неизданных материалов// Психология грамматики. М., 1968. С. 187.

³ Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 67.

⁴ См.: Dokulil M. Tvoření slov v češtině, 1. Praha, 1962. С. 196.

⁵ См.: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. С. 108.

Смысловые отношения между отсылочной и формирующей частями в семантической структуре производного слова отражают те реальные связи, которые обнаруживаются между предметами и явлениями окружающего мира и которые необходимо вербализовать в процессе именовании того или иного объекта действительности.

Важнейшей особенностью производного слова является **расчлененность**¹ его содержательной структуры: *учитель* — «тот, кто учит», *писатель* — «тот, кто пишет», *мыслитель* — «тот, кто мыслит». Здесь содержится прямое указание на «действие» (*учи-*, *писа-*, *мысли-*) и «лицо, его осуществляющее» (*-тель*).

В отличие от производных **непроизводные** слова именуют предметы, действия и признаки **нерасчлененно, интегративно**. Ср.: *стол*, *вода*, *ходить*, *стоять*, *высокий*, *ясно*. Однако интегративность номинации непроизводных слов не исключает возможности моделирования их семантической структуры, хотя и не все ее компоненты находят в них формальное выражение. Ср.: *вор* — «тот, кто крадет», где сема «тот, кто» формально не выражена. И все же семный состав этого слова аналогичен семному составу производных слов типа *борец*, *певец*, *изобретатель* и т. п.

Второе значение термина «семантическая структура» — содержание полисемантического слова. Семантическая структура полисеманта представляет собой определенным образом организованную совокупность словозначений (М. В. Никитин).

Содержательная структура полисеманта представляет собой сетку взаимообусловленных смысловых элементов, находящихся друг с другом в достаточно сложных иерархических отношениях. Так считает

¹ См.: Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 96.

большинство ученых, выделяющих основные и второстепенные, прямые и переносные, свободные и фразеологически связанные значения. Между этими типами значений существует определенная взаимосвязь: основное значение чаще всего бывает прямым, стилистически нейтральным и свободным, а второстепенные — переносными, стилистически маркированными и фразеологически связанными (В. П. Конецкая, В. В. Левицкий, М. П. Муравицкая).

Другие исследователи применение данной типологии значений к изучению полисемантов не считают целесообразным, поскольку для выделения названных выше семасиологических категорий в науке нет, по их мнению, объективных лингвистических критериев (К. А. Аллендорф, Л. К. Жукова, В. А. Звегинцев и др.). Они убеждены в том, что существуют только равноправные лексико-семантические варианты слова (ЛСВ), иерархические отношения между которыми фактами языка не подтверждаются. Подобные суждения представляются, однако, небесспорными.

В работах В. В. Левицкого, например, экспериментальными методами доказано, что деление значений полисеманта на основные и второстепенные является реальностью языкового сознания говорящего¹, иерархическая связь между ЛСВ, следовательно, является не только плодом теоретизирования семасиологов.

В. В. Левицкий предлагает различать (а) функционально-семантическую и (б) деривационно-семантическую иерархию ЛСВ полисеманта². Иерархическая зависимость первого типа означает, что главный ЛСВ выполняет большую по объему и функциональной значимости семантическую нагрузку, чем второстепенные ЛСВ. Иерархическая зависимость второго типа означает, что одни ЛСВ образованы на базе других, т. е. являются производными, вторичными. Причем «производность вторичных номинативных значений, — предостерегал В. В. Виноградов, — нельзя смешивать с метафоричностью и образностью. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть названы номинативно-производными значениями»³.

По аналогии с морфологической структурой слова, состоящей из суммы сл о в о ф о р м, семантическая структура полисеманта, по М. В. Никитину, состоит из совокупности сл о в о з н а ч е н и й, между

¹ См.: *Левицкий В.В., Стернин И.А.* Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 58.

² См.: *Левицкий В.В.* Смысловая структура слова и методы ее изучения // *Методологические проблемы языкознания.* Киев: Наук. думка, 1988. С. 77.

³ *Виноградов В. В.* Избр. труды: Лексикология и лексикография. С. 172.

которыми существуют импликациональные, классификационные и семиотические связи, обуславливающие метонимический, метафорический и вторичный (производно-номинативный) характер данных словозначений.

Итак, существование иерархических связей между ЛСВ полисеманта уже сомнению не подлежит. В настоящее время ведутся поиски объективных (точных) методов их выявления.

В последние десятилетия термин «семантическая структура слова» широко используется применительно не только к полисемантам; им обозначают внутреннюю организацию отдельных словозначений (ЛСВ) и содержательную структуру моносемичных слов. В таком случае имеется в виду семный состав языкового значения¹. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать однопорядковыми отношения между ЛСВ полисеманта и отношения между семами отдельно взятого ЛСВ или значения моносемичного слова? Проблема осложняется еще и тем, что и те и другие отношения без какого-либо различия обозначаются двумя терминами — «семантическая структура слова» и «смысловая структура слова»².

В нашем понимании эти термины следует разграничивать в соответствии с пониманием базовых категорий — семантика и смысл. Понятие «семантика» является родовым; им целесообразно обозначать все, что входит в сферу содержания языковых знаков. Его видовые конкретизаторы — «значение» и «смысл».

Таким образом, термин «семантическая структура» охватывает и языковые, и речевые значения слов, а термин «смысловая структура» следует применять для обозначения структуры взаимодействия тех «предметных» смыслов, из которых формируется системное значение, и структуры речевых смыслов.

В семантической структуре слова (фразеологизма) вычленяется ядро (постоянная, наиболее устойчивая часть содержания), и периферия (переменная, относительно динамичная его часть, изменяющаяся в той или иной степени под воздействием контекста). Ядерную зону семантической структуры образуют два макрокомпонента — грамматический и предметно-понятийный. Грамматический макрокомпонент семантической структуры представляет собой единство категориального (предметность, признаковость, квантитативность, процессуальность и др.) и частнограмматического (различного рода классифицирующие и релятивные разновидности) значений³.

¹ См.: *Кругликова Л.Е.* Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988.

² См.: *Уфимцева А.А.* Указ. соч. С. 68—70.

³ См.: *Карасик В.И.* Категориальные признаки в значении слова. М., 1988. С. 88—89.

Предметно-понятийный макрокомпонент составляют денотативное, или собственно дескриптивное, значение и значение сигнификативное. Данный макрокомпонент представляет объективное содержание знака. В практике семантического анализа денотативные и сигнификативные составляющие этого макрокомпонента, как правило, трудноразличимы, поскольку представляют собой разные уровни семиологической абстракции: признаки денотата обобщаются в понятие о предмете номинации. Поэтому их обычно называют одним термином «денотативный компонент значения».

Третьим макрокомпонентом семантической структуры является коннотация, в состав которой входят оценочный, эмотивный, экспрессивный и стилистический элементы¹. Надо помнить, однако, что далеко не все ученые включают коннотацию в семантическую структуру номинативных единиц. Так, И. Р. Гальперин считает, что коннотация лишь сопутствует лексическому значению и поэтому находится вне его структуры. Коннотация в таком понимании предстает как некий смысловой ореол, парящий над лексическим значением, а само лексическое значение сводится исключительно к «вещественному, предметному» содержанию. Это никак не вписывается в изложенную ранее концепцию речемыслительной и лингвокреативной природы значения языковых единиц, где взаимодействуют элементы когнитивного и языкового сознания — результаты логического и чувственного познания. Логическое закреплено в предметно-понятийном ядре значения, а чувственное, пропущенное сквозь призму языкового сознания, — в коннотации. Поэтому наряду с денотацией мы выделяем прагмалингвистический макроэлемент семантической структуры — социально и исторически закрепленные в ней оценки, эмоции познающего субъекта, а также знания о стилистической принадлежности слова. Ср.: *змея, хануга, стилиага, возноситься, лепта, круто*. Особенно очевидной семантическая природа коннотации оказывается в метафоре и фразеологическом обороте: *заяц* (о человеке) — «трус», *осел* (о человеке) — «глупец»; *ловить рыбу в мутной воде* — «с выгодой для себя использовать чьи-либо затруднения, неурядицы, доверчивость и т. п.».

Коннотация этого типа номинативных единиц, вытеснив денотацию на периферию, становится доминантным макроэлементом их семантической структуры. Однако такое понимание коннотации относится лишь к ее языковому, словарному, типу, который значительно отличается от коннотации речевой.

¹ Ср. иную структуру значения: *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 40.

Есть все основания полагать, что именно неразличение языковой и речевой коннотаций служит той основной причиной, по которой до сих пор ведутся острые дискуссии о сущности и структуре коннотации. Одним из первых в таких спорах всегда оказывается вопрос о том, является ли коннотация компонентом семантической структуры номинативных единиц. Затем участнику дискуссии непременно приходится определять компонентный состав и структуру коннотации¹.

В поисках ответа на первый вопрос оппоненты распределились по двум весьма банальным группам: а) тех, кто считает коннотацию макрокомпонентом системного значения, и б) тех, кто вкладывает в термин «коннотация» изначальное, этимологическое его содержание — «со значение, сопровождающее системное значение слова» — и поэтому рассматривает ее как нечто внешнее, находящееся за пределами семантической структуры.

Особенно широк спектр мнений по компонентному составу коннотации. Единство различных подходов здесь отмечается лишь в одном: коннотация — это сложный макрокомпонент семантики слова (фразеологизма), в состав которого входит несколько микрокомпонентов. Однако сколько их, какие они и в какой зависимости они находятся — это те вопросы, при решении которых продолжают ломаться копыя и в устных дискуссиях, и на страницах научных изданий.

Как правило, в качестве возможных микрокомпонентов коннотации рассматривают эмотивный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты (И. В. Арнольд, В. А. Булдаков, И. А. Стернин). Данная точка зрения приверженцев «широкого» понимания коннотации, ее разновидность, представлена в работе В. К. Харченко: вместо стилистического компонента она усматривает в структуре коннотации образность. Согласиться с таким пониманием коннотации весьма не просто, поскольку образность, в нашем понимании, — это отражательный эффект в семантике слова, проявляющийся в двуедином видении двух картин, индуцируемых прямой и косвенно-производной номинацией. В их создании принимают участие все компоненты семантической структуры. Поэтому нам близка позиция О. В. Загоровской, которая выводит образность за рамки коннотации, ограничив ее тремя составляющими — эмотивностью, оценочностью и стилистическим компонентом². Нередко в последней триаде стилистический компо-

¹ См.: *Вострякова Н.А.* Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

² См.: *Загоровская О.В.* Образный компонент в значении слова // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака.* Воронеж, 1983. С. 48.

нент заменяют экспрессивным¹, что по сути мало что меняет: ведь и стилистический, и экспрессивный компоненты скорее относятся к сфере употребления знака, чем к его языковой семантике.

Пожалуй, наиболее «узкое» понимание коннотации содержат работы В. И. Шаховского², где экспрессия и оценочность квалифицируются денотативными компонентами, а в качестве ядра коннотации рассматривается эмотивность. Психолингвистический эксперимент Е. Ю. Мягковой не позволяет, однако, вывести оценочность за пределы коннотации, поскольку эмотивность и оценочность взаимодействуют³.

Спектр мнений по сущности коннотации этим, разумеется, не исчерпывается. Дискуссии ведутся и о сущности, и об иерархии структурных компонентов коннотации.

Полагаем, что приблизиться к истине поможет разграничение языковой и речевой семантики, языковой и речевой коннотации. Набор компонентов языковой и речевой коннотации не тождествен. Опыт исследования фразеологической и метафорической семантики позволяет выделить в структуре языковой коннотации эмотивный, оценочный и стилистический компоненты (элементы стилистики языка), а в составе речевой коннотации — экспрессивный, образный и стилистический компоненты (элементы стилистики речи)⁴. Такое разграничение, конечно, весьма условно, если помнить крылатую формулу: в языке нет ничего такого, чего бы не было в речи. Речевая коннотация — источник возникновения коннотации языковой. С точки зрения употребления знака, речевая коннотация — коммуникативно значимая реализация языковой коннотации с тем или иным набором ее смысловых компонентов.

Итак, семантическая структура слова включает в себя три макрокомпонента: грамматический, предметно-понятийный и коннотативный, каждый из которых содержит семы разной степени производности (первичные денотативные, вторичные денотативные, первичные коннотативные, вторичные коннотативные; актуальные и по-

¹ См.: Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 21.

² См.: Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983. С. 12-14.

³ См.: Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: Опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 92.

⁴ О разграничении стилистики языка и стилистики речи см.: Ижакевич Г. П. Взаимодействие стилистики языка и стилистики речи // Язык и речь. Тбилиси, 1977. С. 148.

тенциальные). Все это позволяет моделировать иерархически обусловленную семантическую структуру слова (фразеологизма). Специальным средством такого комбинаторного моделирования служит методика компонентного анализа и компонентного синтеза¹. Ее оперативной единицей выступает сема.

Сема — это минимальный выделяемый смысловой элемент содержательной структуры слова (фразеологизма).

Обычно выделяют три функции семы.

Первая функция семы обнаруживается в связи с пониманием значения как структурно упорядоченного набора сем. Семы выступают, таким образом, составными элементами значения, конституируют его. Поэтому эта функция семы называется конституирующей или конститутивной. Ее существование не требует доказательств. Это семасиологическая аксиома.

Вторая функция семы связана с тем, что семы несут смыслоразличительные признаки слова. В значении (семеме) слова *отец*, например, Т. П. Ломтев² выделял пять дифференциальных элементов, которые образуют «смысл имени»: а) «лицо мужского пола», б) «родитель», в) «прямой родитель», г) «кровный родитель», д) «родитель в первом поколении».

В чем же заключается смыслоразличительная, или дифференцирующая, функция семы?

Дело в том, что замена первого дифференциального признака (а) дифференциальным элементом (семой) «лицо женского пола» приведет к образованию смыслового содержания слова *мать*. Замена второго дифференциального признака («родитель») (б) семой «рожденный» образует смысловое содержание слова *сын*. Замена семы «прямой родитель» (в) семой «косвенный родитель» образует смысловое содержание слова *дядя*. Замена четвертого дифференциального признака (г) семой «родитель по его брачным связям» образует смысловое содержание слова *отчим*. Замена пятого дифференциального признака «родитель в первом поколении» (д) семой «родитель во втором поколении» образует смысловое содержание слова *дед*. Поскольку таким образом указывается место слова в ЛСГ, эта функция получила название классифицирующей функции семы в плане парадигматических связей слова.

Третья функция семы определяется тем, что минимальные смысловые элементы значения служат средством соединения, сред-

¹ См.: *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы фразеоморфологической комбинаторики // Русское языкознание. Киев: Либідь, 1992.

² См.: *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 290-291.

ством сочетания слов на синтагматической оси. Это функция избирательности связей слова в синтагматике, или функция выражения лексической валентности, сочетаемостная функция семы. Она теснейшим образом связана с классифицирующей функцией. Слова сочетаются потому, что их семемы содержат одинаковые и/или сходные по смыслу семы. Ср.: *наполнить корзину*: сочетание этих двух слов возможно постольку, поскольку первое выражает значение «сделать полным, занять целиком; насыпать» (какое-либо пространство, какую-нибудь емкость), а второе слово — *корзина* — «емкость для сохранения и переноса чего-либо». Например: 1. *Наполнить корзину грибами*. 2. *Воздух был наполнен благовонием от засыхающих степных трав* (С. Аксаков).

Выделение трех взаимосвязанных функций семы в составе той или иной семемы позволяет изучать лексическое значение путем выявления употребления слова в разных контекстах, то есть в условиях разной сочетаемости, раскрывающей те или иные аспекты лексического значения слова. Особенно эффективна эта методика при изучении многозначных слов.

Спорным в современной семасиологии является определение основополагающих свойств семы. Во-первых, дискуссионным остается вопрос о том, элементом какой области плана содержания языковых знаков выступает сема — минимальным элементом значения или минимальным элементом смысла; сема, иначе говоря, — это семантический или смысловой элемент плана содержания знака? Во-вторых, необходимо получить ответ на вопрос о том, соотносятся ли семы как элементы плана содержания с элементами плана выражения (морфами, например)?

Ответ на первый вопрос подготовлен ходом вышеизложенных рассуждений, в которых элементарное значение, или семема, интерпретировано как совокупность структурно упорядоченных смыслов¹. Такими элементарными смыслами как раз и являются семы. Однако авторы многих весьма серьезных исследований считают сему элементом значения (семантическим компонентом)².

Нетвлингвистике однозначного решения и второй проблемы. Большинство исследователей склонно видеть в семе не соотносимую с планом выражения единицу. Так, в семеме слова *успех* семы «удача», «достижение», «победа», «общественное признание» не закреплены за элементами плана выражения. То же наблюдаем и в слове *усовершенствование*, семема которого содержит не соотносимые с планом выраже-

¹ См.: Ломтев Т.П. Указ. соч. С. 272.

² См.: Васильев Л.М. Указ. соч. С. 15; Никитин М.В. Указ. соч. С. 60; Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. С. 38.

ния семы «улучшение», «повышение уровня чего-либо» (знаний, мастерства, например)», «позитивные изменения». Однако это свойство семы не может быть признано универсальным. Некоторые семы выражаются морфами. Ср., например, семы, репрезентируемые аффиксальной морфемой (префиксом) *под-* (*подо-*, *подь-*) в словах 1) *подбросить*, *подпрыгнуть* — «направленность действия снизу вверх», 2) *подъехать*, *подползти* ~ «приближение к кому- или чему-либо», 3) *подлить*, *подсыпать* — «добавление чего-либо», 4) *подсохнуть*, *подмокнуть* — «совершение действия не в полную меру», 5) *подглядеть*, *подкараулить* — «совершение действия тайком, исподтишка», 6) *подпевать*, *поддакивать* — «совершение действия как повторения или сопровождения другого действия».

Это первая группа сем, выражаемых приставкой *под-*. Объединяет их некая категориальная сема «совершение действия». Вслед за французским семасиологом Б. Потье, ее еще называют архисемой, или свержсемой (В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, И. А. Стернин и др.). Она является непременным смысловым элементом всех приведенных выше слов. Но в каждом отдельно взятом слове архисема конкретизируется другими семами, отражающими дифференциальные признаки каждого лексического значения: 1) *подбросить* — «кинуть», «резким движением», «выпустить из рук для полета»; 2) *подпрыгнуть* — «быстро», «оттолкнуться от точки опоры»; 3) *подъехать* — «двигаться», «перемещаться», «при помощи средств передвижения»; 4) *подползти* — «передвигаться по поверхности», «припадая всем туловищем к поверхности», «перебирая по поверхности руками и ногами» (о человеке, собаке и т. п.), «передвигаться всем туловищем» (о пресмыкающихся), «передвигаться ножками» (о насекомых); 5) *подлить* — «заставить течь жидкость»; 6) *подсыпать* — «заставить падать куда-нибудь», «постепенно выпуская», «нечто сыпучее, мелкое»; 7) *подсохнуть* — «терять влагу»; 8) *подмокнуть* — «пропитываться», «покрываться влагой, сыростью», «становиться мокрым»; 9) *подглядеть* — «смотреть», «направлять взгляд», «желание увидеть что-либо»; 10) *подкараулить* — «стеречь»; 11) *подпеть* — «издавать голосом музыкальные звуки», «исполнять голосом музыкальное произведение» (песню, оперную партию); 12) *поддакивать* — «соглашаться», «поддерживать».

Выделенные дифференциальные семы находятся с архисемой в видо-родовых отношениях. Таким образом, архисема — это общая (интегрирующая) для некоторой группы слов сема родового значения, а дифференцирующие смысловые признаки — семы видового значения. Представленные выше дифференцирующие семы репрезентированы корневыми морфами. Кроме них, можно выделить также семы, вы-

ражаемые суффиксальными морфемами (в отдельных случаях и другими средствами выражения грамматических значений; например, ударением в слове *подсы́пать* — *подсыпáть*). Это семы «одноразовость», «неповторяемость»: *подбросить, подпрыгнуть, поддакнуть*; «законченность действия» (ср.: *подъезжать* — *подъехать, подливать* — *подлить* и др.) и т. п. Нетрудно заметить, что вместе с архисемой дифференцирующие семы составляют интенционал лексического значения, то есть его ядро. Однако ими семантика слова не исчерпывается. Смысловый диапазон слова, богатство семантических оттенков зависит также от импликационала слова, то есть периферийной зоны его значения.

И м п л и к а ц и о н а л ь н ы е (п е р и ф е р и й н ы е) семы обуславливаются интенционалом лексического значения, или его архисемой и дифференцирующими семами. Импликационал также структурно организован благодаря вероятностным, причинно-следственным и иным зависимостям. В структуре импликационала можно выделить две зоны — окооядерную и периферийную.

О к о л о я д е р н у ю з о н у образуют так называемые потенциальные семы. Возникают они в результате отражения сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий предметов и их признаков. Ср.: 1) *подбросить* — *подбрасывать* — «трясти» (при езде по неровной дороге), «забросить под что-, куда-либо» (подбросить во двор), «класть, добавляя к чему-либо» (подбросить сена лошадям, подбросить ветки в костер); 2) *подпрыгнуть* — «подскочить», «резко подняться» (подпрыгнула температура); 3) *подсохнуть* — «вянуть, лишаясь воды, питательных соков» (*Засухи* были жестокие. Сухоеи. Хлеба *сохли* на корню (К. Паустовский)).

П е р и ф е р и й н а я з о н а импликационала состоит из «скрытых» сем. Их порождают различные образно-ассоциативные связи, устанавливаемые мышлением между предметами первичной и вторичной номинации. Например: 1) *подъехать* - *подъезжать* к кому «подольщаться, подольститься; подлаживаться, подластиться» (несов.: «искать сближения с кем-либо», «ради какой-нибудь выгоды»); 2) *подпеть* — *подпевать* — «поддерживать кого-либо с определенными намерениями», «одобрять чьи-либо отрицательные поступки». Таков спектр семного состава глаголов с приставкой *под-*. В сочетании с категориальной семой (архисемой) «предметность» («субстанциональность») префиксальная морфема *под-* репрезентирует иные семы, семы пространственно-иерархического характера. Ср.: *подземелье* — «расположенный под чем-либо»; *Подмосковье* — «находящийся в непосредственной близости от чего-нибудь»; *подеруппа, подвид* — «представляющий собой часть целого»; *подполковник, подпасок* — «имеющий звание ниже другого», «являющийся помощником кого-либо по должности».

Таким образом, семы в составе семемы характеризуются следующими свойствами:

а) иерархической зависимостью (архисема, дифференцирующие семы — интенционал; потенциальные и скрытые семы — импликационал);

б) соотношенностью/несоотношенностью с элементами плана выражения; по данному свойству разграничивают эксплицитные и имплицитные семы (например, семы, репрезентируемые приставкой *под-*, относятся к эксплицитным, а сема «искать сближения с кем-либо» и «ради какой-нибудь выгоды» из импликационала слова *подъезжать* к К О М У является имплицитной);

в) релевантные (основные, обязательные) и нерелевантные (неосновные) семы;

г) по парадигматическим и синтагматическим свойствам различают семы описательные, отражающие собственные свойства реалий (размеры, устройства, форму, внешний вид и т. п.), и относительные, выражающие различные отношения, реляции (пространственные, временные, функциональные и др.)¹.

3. Д. Попова и И. А. Стернин среди описательных сем различают ассертивные семы, отражающие объективные признаки денотата, и диспозициональные семы, отражающие такие признаки денотата, какими он должен обладать в идеале. Например, в слове *спортсменка* заключены ассертивные семы «лицо», «женщина», «взрослая». А в проведенном психолингвистическом эксперименте большинство опрошенных значению этого слова приписывают диспозициональные семы «стройная», «целеустремленная», «гибкая».

Кроме того, описательные семы подразделяют еще на постоянные и вероятностные, обобщающие и конкретные, парадигматические и синтагматические, актуализованные и неактуализованные; в отдельных речевых ситуациях возникают окказиональные, то есть случайные семы. Так классифицируются денотативные семы.

Коннотативные семы бывают оценочными (*сокол, растяпа*); эмоциональными (выражают восхищение, симпатию, презрение и т. д.: *дивный, грандиозный, вояка*); стилистическими (*стезя, протокол, ниспадать, акция*).

С точки зрения полевого подхода, в структуре семемы выделяют ядро — основные, постоянные, эксплицитные, яркие семы и периферию — неосновные, вероятностные, диспозициональные, скрытые семы.

¹ См.: Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 42.

5.4. СПЕЦИФИКА ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Теоретические изыскания в области семантики имени собственного представляют собой совокупность достаточно противоречивых взглядов, которые, однако, можно свести к двум научным парадигмам — лингвофилософской и речемыслительной. Оба подхода находятся на значительном удалении от существующих семантических теорий нарицательных имен и в гносеологическом, и в понятийно-категориальном отношении.

В рамках лингвофилософской парадигмы семантика онимов и апеллятивов противопоставляется логической оппозицией «единичное — общее», что обуславливает в речемыслительной парадигме необходимость осмысления природы ономастической семантики в терминах, соотносящих онимы с соответствующими номинантами (референт, денотат, сигнификат).

На первый взгляд, в таком соотнесении все достаточно ясно: онимы не обладают обобщающим значением, так как они соотносятся с единичными объектами (референтами). Поэтому некоторые ученые (например, М. А. Косничяну) полагают, что онимы обладают референциальным значением, а апеллятивы — денотативным, поскольку последние соотносятся с некоторой совокупностью однородных объектов. Однако такое решение вопроса о природе ономастической семантики вступает в противоречие по крайней мере с двумя семасиологическими аксиомами: а) «всякое слово обобщает», что в речемыслительной парадигме предполагает наличие в языковой семантике любого типа доминантности общего (обобщающего) над единичным, и б) «значение», «обозначение» и «употребление», хотя и взаимосвязанные понятия, тождественными не являются. Отсюда вытекает: оним, как и любой апеллятив, хотя и непрямо, косвенно (через конкретный объект), соотносится с денотатом. С другой стороны, такое суждение вступает в противоречие с широко распространенным мнением, что приобретение денотативного значения превращает оним в апеллятив (ср.: русские *Иваны*, немецкие *Гансы*, английские *Джоны*, американский дядюшка *Сэм*). Выйти из данного противоречия можно лишь при условии строго терминологического использования слов *денотат*, *денотативный*, *денотация* и *референт*, *референтный*, *референция*.

Взаимосвязь референтного и денотативного компонентов в семантике онима заключается в том, что онимом обозначается отдельный объект (референт), принадлежащий к определенному классу предметов, индивидуально выделяемых из этого класса (П. А. Соболева, А. В. Суперанская). Само по себе такое логико-лингвистическое

разъяснение экстралингвистических основ ономастической семантики возражений не вызывает, однако оно требует дополнительного собственно лингвистического осмысления: при помощи каких речемыслительных средств осуществляется индивидуализация объекта, являющегося денотатом онима?

Прежде всего следует иметь в виду, что выделение в речемыслительном процессе уникальных отличительных признаков объекта обозначения возможно лишь через соотнесение их с системой признаков других однотипных объектов. Иными словами, индивидуализация названного онимом объекта немислима без одновременного противопоставления его другим объектам того же класса. Поэтому в семантике онима фиксируется и тот индивидуальный признак, которым данный объект именован выделяется из совокупности других однотипных объектов (референтное значение онима), и тот групповой признак, по которому этот объект относится к соответствующему классу объектов. Ср.: оз. *Ильмень*, оз. *Эльтон*, оз. *Байкал*. Референтное значение каждого онима — это конкретный водный объект под Новгородом, восточнее Волгограда и в Сибири; денотативное значение — «озеро», т. е. общий (обобщающий) признак всех трех объектов. Оба типа ономастического значения представляют диалектическую связь отдельного и общего, конкретного и абстрактного.

Обобщающая и абстрагируемая часть ономастического значения фиксирует, однако, не только соотнесенность имени с денотатом, но и «сообщает» о присущих (или приписываемых) ему признаках, что составляет сущность сигнификативного компонента ономастической семантики. Так, единичный объект *Ильмень* отражается в нашем сознании в виде единичного индивидуального понятия, т. е. мысленного отражения как общих с другими озерами, так и индивидуальных признаков данного объекта по имени «*Ильмень*». С этим онимом связана определенная мысль (представление) об *Ильмени*, которая и выступает индивидуальным понятием, или сигнификатом, ономастического значения. Следовательно, в сигнификативном компоненте ономастического значения отражаются наши знания о существовании предмета (или явления) и тех признаках, которыми он отличается от других.

Как показывает анализ, семантическая структура онимов изоморфна семантической структуре апеллятивов, так как природу и сущность обеих определяют три основных компонента: референтный, денотативный и сигнификативный. Такое умозаключение прямо противоположно традиционному пониманию онимов как имен, не имеющих

значений вообще (Дж. Ст. Милль), «пустых», «ущербных», «асемантических» и поэтому служащих лишь знаками-метками, этикетками (В. Брёндаль, О. С. Ахманова, А. А. Уфимцева и др.). С другой стороны, при наличии типологически одинакового набора компонентов онимы и апеллятивы обладают разной семантической сущностью. Это объясняется различиями в их референтной, денотативной и сигнификативной отнесенности, а также специфичным соотношением у них языковой и речевой семантики.

Референтная отнесенность онимов является более специализированной, чем референция имен нарицательных, что обуславливается разным характером и объемом их номинативной функции. Номинативное назначение онима — выделить и назвать конкретный объект в ряду однородных, индивидуализировать его в пределах «своего» класса, «высветить» его уникальность и тем самым как бы вывести из поглощающей тени соответствующей категории (ср.: категория (класс) «озёра» → оз. *Эльтон*; категория (класс) «реки» → р. *Хопёр* и т. п.) Номинативное же назначение апеллятива — выделить и назвать обобщенный объект, интегрирующий в себе наиболее существенные признаки всей возможной совокупности (ряда) однородных (конкретных) объектов, подчеркнуть их типизированную, серийную сущность и тем самым подвести под определенную категорию (ср.: озеро ← оз. *Эльтон*, оз. *Баскунчак*; река ← р. *Хопёр*, р. *Медведица*, р. *Ахтуба*). Значения онимов и значения апеллятивов — результат двух противоположных речемыслительных процессов (дифференциации и интеграции), которые «совершаются между полюсами основных гносеологических категорий — общего и отдельного, общего и особенного...»¹. Поэтому ономастическое значение связано прежде всего с номинативно-репрезентативной функцией языка. В этом плане ономастическое значение обнаруживает сходство с так называемым дейктическим значением местоимений и некоторых других дейктических элементов языка², выполняющих функцию указания (греч. *déixis* — указание). На такое сходство обращали внимание и логики, и лингвисты (Б. Бозанкет, К. Тогебю, А. В. Суперанская, Д. И. Руденко и др.)³. Объединяют их прежде всего референтные свойства: способность (а) указывать на участников речевой ситуации, (б) служить средством идентификации объектов, (в) средством их индивидуализации, (г) свойство расширять значения контекстуально-смысловыми приращениями (свойство приобретать

¹ Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 35.

² См.: *Бюлер К.* Теория языка. М.: Прогресс, 1993. С. 216.

³ См.: *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 65–66.

значение, производное от контекста)¹. Общность выделенных референтных свойств позволяет некоторым исследователям рассматривать онимы как некую разновидность указательных местоимений (Б. Бозанкет), или «эгоцентрических слов» (Д. И. Руденко). Следовательно, сущность ономастической семантики обуславливается характером номинативной функции имени собственного. При этом ее доминирующей компонентой выступает репрезентация, которая предполагает закрепление в семантике онима большего количества дифференциальных (индивидуальных) признаков, чем в семантике апеллятива. Такое понимание референтной специфики ономастической семантики основывается на том, что репрезентативно-номинативная функция языка предшествует номинативно-классифицирующей, формирующей значение апеллятива. Именно в свете такой функционально-гносеологической интерпретации отличительной особенности ономастической семантики оказывается весьма актуальной идея о первичности онимов по отношению к именам нарицательным². Впрочем, эта мысль получает свое подтверждение в современных психолингвистических исследованиях по детской речи. Первый «речемыслительный шаг» ребенка — номинативно-репрезентативный (Это — *Петя; Ася, кот, мячик, мама*). Следующий шаг — номинативно-классифицирующий (*Мячик, кубики, кукла* — это игрушки. *Кот, лиса, заяц* — это звери. *Мама, папа, бабушка, дедушка* — это взрослые. *Петяи Ася* — дети). В результате объединения имен подобным образом за апеллятивом закрепляется групповой признак.

Итак, различия в семантике онима и апеллятива изначально предопределены типом их номинативной функции — *репрезентативно-дифференцирующему* онимов и *классифицирующему* апеллятивов. Первый обуславливает преимущественно экстралингвистический характер ономастической семантики³, а второй — собственно лингвистический. Такое различие семантики онима и апеллятива возможно, на наш взгляд, лишь в первом приближении, поскольку речь здесь может идти только о преобладании того или иного содержания. В семантике онима преобладает референтное содержание, а в апеллятивах — денотативное. Однако только преобладает, так как одно не исключает другого.

И все же следует акцентировать внимание на том, что семантику онимов и апеллятивов различает обратно пропорциональное соотно-

¹ См.: Katz J. A proper theory of names // Philosophical Studies. 1977. Vol. 31. N 1. P. 59.

² Эта идея принадлежит английскому философу и психологу XVII века Джону Локку (см.: Локк Дж. Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 103).

³ См.: Болотов В. И. Энциклопедическое значение имени собственного // Восточнославянская ономастика. М., 1979.

шение содержания и объема в их денотативных значениях. Содержательное различие обусловлено их экстенциональной спецификой: число дифференциальных признаков в денотативном значении онима больше, чем у апеллятива. И наоборот, денотативный объем (экстенционал), т. е. число объектов, подводимых под данный класс (разряд, категорию), у онимов меньше, чем у апеллятивов. Денотативное содержание ономастического значения определяется имплицитной связью онима с именем класса, к которому он принадлежит (ср.: *Иван* — мужчина, *Волга* — река, *Венера* — звезда). Действительно, реальный денотат онима фиксируется языковым сознанием лишь косвенно, находится на втором плане актуализации того или иного ономастического значения. Он как бы подразумевается говорящими, выступая своего рода «пресуппозицией», логическим условием именованного. Имплицитный характер реального денотата (класса однородных объектов) в ономастике не может не влиять на характер представления о нем (на характер сигнификата).

Сигнификативный компонент значения онима настолько специфичен, т. е. настолько отличается от сигнификата имени нарицательного, что некоторые ученые сводят его к нулю (А. В. Суперанская). Еще более категоричен в своем суждении М. В. Никитин: «...именам собственным сигнификативное значение не свойственно»¹. По этой причине в толковом словаре, по его мнению, может быть представлено только прагматическое значение онима. Указание же денотативных значений онимов переводит словарь из разряда толкового в энциклопедический. Согласиться с таким толкованием можно только в том случае, если признаем онимы единицами, лишенными значений вообще, т. е. единицами, соотносящимися с объектами реального мира, но никак не соотносящимися с результатами их отражения в сознании. Однако принять такую позицию нельзя уже потому, что она лишает онимы статуса слова как основного знака номинации, обладающего единством означающего (звучания) и означаемого (идеального содержания = обобщенного представления об объекте именованного, которым и является сигнификат). Слова же (онимы в том числе), лишенные сигнификатов, неизбежно превращаются в звуковые этикетки, «полые», «пустые обозначения», так как, по справедливому замечанию Г. В. Колшанского, отношение слова к предмету есть не значение этого слова, а лишь факт номинации, — обозначения; значение же слова определяется сигнификатом². Поскольку сигнификат оно-

¹ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. С. 33.

² См.: Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 112.

мастического значения и в самом деле существенно отличается от сигнификата имени нарицательного, возникает настоятельная необходимость эти отличия выявить.

Думается, что основная причина существующих в нашей науке разногласий по вопросу о природе ономастического значения — в изначальном определении сигнификата, ориентированном на разъяснение гносеологических основ лексического значения имени нарицательного. При этом под сигнификатом понимается совокупность классовообразующих признаков, т. е. совокупность наиболее существенных признаков ряда однородных предметов мысли, подводимых под именуемый класс. Иными словами, сигнификат в традиционном понимании — это понятие о вербализованном классе этих предметов. Такое понимание сигнификата никак не вписывалось в определение онимов как индивидуализирующих слов. Несовместимыми оказались категории отдельного, единичного и общего.

Однако это «противоречие» оказалось поверхностным. Пожалуй, первым преодолеть его попытался Л. В. Щерба: «Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от нарицательных... Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен, ибо в словаре необходимо определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный»¹.

Л. В. Щерба выразил здесь по крайней мере три важнейших суждения, которые могут служить базовыми положениями в создании современного представления о природе и сущности ономастической семантики, устранив тем самым предмет спора: обладает ли имя собственное сигнификативным значением?

1. Поскольку онимы — слова, они не могут не иметь значений как вербализованного отражения в нашем сознании объекта именованного.
2. Сигнификатом ономастического значения является единичное понятие, т. е. понятие о некоем отдельном объекте данного класса.
3. В речевом употреблении онимов сигнификативный компонент их значений может подвергаться различным смысловым модификациям.

¹ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии. М.: Наука, 1974. С. 278-279.

Принимая первое положение как аксиому речемыслительной деятельности, рассмотрим, в чем состоит своеобразие ономастического сигнификата как особого, единичного, понятия.

Прежде всего, несмотря на то, что «собственные имена гипертрофированно номинативны» (А. А. Реформатский) и в силу этого «лишены сколько-нибудь развитого обобщающего значения»¹, их употребление немислимо без соотнесения лексемы-онима с соответствующим мыслительным отражением отдельного (единичного) денотата в сознании носителей языка². Данное утверждение полностью согласуется с определением номинации в трудах Е. С. Кубряковой. «Акт номинации, — пишет она, — представляет собой речемыслительный акт, в протекании которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражательное, концептуально-логическое или образное, но деятельностьное, т. е. свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта [...] в деятельность и жизнь человека»³. Такое толкование онтологической связи номинативной и когнитивной деятельности ни у кого из современных ономастологов возражений не вызывает. Однако ориентировано оно, как правило, только на апеллятивное именование, поскольку когнитивной основой их семантики служит типичный сигнификат — совокупность наиболее существенных признаков *всего класса* однородных объектов, которые охватываются соответствующим понятием. При этом не учитывается наличие и другого типа сигнификатов, представляющего собой отражение существенных признаков *единичного* объекта именованного. Существенные признаки единичного объекта эксплицитно выражаются дескрипцией — описательной языковой конструкцией типа «тот..., который...», «такой..., что...» или типа именного словосочетания. Такие дескрипции служат своего рода дефинициями (толкованиями) значений имен собственных, а онимы — скрытыми дескрипциями. Дескрипции, таким образом, передают сигнификативное содержание ономастического значения и поэтому по отношению к именам собственным являются идентифицирующими словосочетаниями. Не случайно дескрипции используются в кроссвордах, разгадка которых состоит в их отождествлении с теми именами, которые они замещают. Ср.: *административный центр Чувашии* — Чебоксары; *самая высокая вершина Кавказских гор* — Эльбрус; *самое глубоководное озеро* — Байкал. Будучи категорией отражательной, сигнификат онима может представ-

¹ Руденко Д. И. Имя в парадигмах философии языка. Харьков: Основа, 1990. С. 238.

² Ср.: Селезнева Л. Б. Значение имени собственного и понятие // Ономастические аспекты семантики: Сб. науч. ст. Волгоград: Перемена, 1993. С. 47.

³ Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. С. 37.

лять разные совокупности существенных признаков поименованного объекта. Иными словами, одному и тому же денотату в сознании носителей языка могут соответствовать разные сигнификаты, выраженные, разумеется, разными ономастическими структурами. Ср. пресловутые примеры Г. Фреге: Венера — «светящийся небесный объект, видимый на горизонте при заходе и при восходе солнца»; Вечерняя звезда — «светящийся небесный объект, видимый на горизонте при заходе солнца»; Утренняя звезда — «светящийся небесный объект, видимый на горизонте при восходе солнца». Разные сигнификаты могут выражаться одним и тем же именем. То или иное ономастическое значение реализуется контекстом, отражающим разные стороны существования объекта именования.

Итак, референтная, денотативная и сигнификативная отнесенность онимов, отражаясь в сознании носителей того или иного языка, образует ядро ономастического значения, а его периферию — коннотативные смыслы (социально-оценочные, эмотивные, культурно-исторические, региональные, эстетические). Доля и значимость каждой составляющей в семантической структуре онима связаны с его структурой (простые однословные онимы, композиты, составные имена) и принадлежностью к определенному ономастическому разряду и местом в оппозиции: антропонимы — топонимы (гидронимы), топонимы — урбанонимы, антропонимы — зоонимы, реальные антропонимы — мифонимы (теонимы) и т. д.

Динамика соотношения денотации и коннотации онимов в языке и речи (тексте)¹ — главная проблема современной теории ономастической семантики, ибо, как справедливо подчеркивал Дж. Ст. Милль, «значение заключено не в том, что имя денотирует, а в том, что оно коннотирует»². У имен, лишенных коннотации³, строго говоря, отсутствует значение.

¹ См.: Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

² Mill J. St. Theory of Meaning. Prentis-Hall, 1970. P. 56-57.

³ Термин «коннотация» лишен здесь современного лингвистического содержания, употреблен как термин логики — «обозначение», «со-значение», «добавочное значение».

6.1. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Общим для единиц словарного состава и грамматического строя является их билатеральность, или двусторонняя структура. Иными словами, единицы обоих уровней (лексического и грамматического) содержат план содержания и план выражения. Однако характер и природа этих планов на уровне лексики и грамматики не тождественны. По крайней мере к такому заключению приходит большинство отечественных и зарубежных лингвистов. При этом различия в них проводят и по количественным, и по качественным критериям. Вслед за учеными Московской лингвистической школы (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов) некоторые современные исследователи грамматическое значение (ГЗ) усматривают в значимом остатке словоформы после вычета из нее лексического значения. В таком случае ГЗ отводится вспомогательная, сопровождающая лексическое значение роль. И все же, соглашаясь с подобными суждениями в самых общих чертах, следует отметить, что и лексическое, и грамматическое значения имеют единую гносеологическую природу, которая обнаруживается в соотносительности планов содержания единиц лексики и грамматики с внеязыковой действительностью, а также во взаимодействии формы и содержания. ГЗ, как и лексическое значение (ЛЗ), является проявлением отобразительных функций речевого мышления. На этом общем фоне просматриваются и существенные различия между ЛЗ и ГЗ.

1. Они прежде всего в характере отражения действительности. В грамматическом значении фиксируется отражение обобщенных, групповых явлений, а лексическое значение — индивидуальное, единичное. Ср.: ГЗ среднего рода обладает целая группа слов — *море, окно, лето, дело, сено, горе, поле, солнце*, вместе с тем каждое из них — носитель отдельного лексического значения.

2. В связи с этим отличием иногда рассматривают и различную степень их абстракции, то есть отвлечения от конкретных объектов действительности. Однако на этот счет в литературе высказываются весьма убедительные возражения. Так, например, М. В. Никитин считает не менее отвлеченными имена существительные с абстрактными лексическими значениями¹. Ср.: *вдохновение* — «состояние творческого подъема» (*Приветствую тебя, пустынный уголок, Приют спокойствия, трудов и вдохновенья*. А. С. Пушкин); *красота* — «совокупность качеств, которые доставляют наслаждение взору, слуху».

Как видим, степень абстрактности служит весьма зыбким критерием разграничения лексических и грамматических значений. В качестве аргумента этому утверждению может быть использован пример Б. Рассела: несмотря на то, что предлог «до» специализируется на выражении ГЗ, а глагол «предшествовать» — на репрезентации лексического значения, они выражают одно и то же.

3. Поэтому менее уязвимым нам представляется критерий разграничения ЛЗ и ГЗ по способу выражения (средствам репрезентации) содержательной абстракции этих типов значения. Если лексическое значение выражается корневыми морфемами, то ГЗ — морфемами аффиксальными. Отсюда вытекает важнейшее свойство ГЗ: оно не номинативно, существует только наряду с лексическим. Не обладают самостоятельностью и средства выражения ГЗ (аффиксальные морфемы). К тому же они вполне исчисляемы. А это порождает, в свою очередь, следующую оппозицию.

4. Незакрытый характер (неисчисляемость) ЛЗ — закрытый характер (исчисляемость) ГЗ. В связи с этим ГЗ, по мнению И. А. Мельчука, в языке обязательны, а лексические необязательны².

5. Требуется конкретизация положение М. В. Никитина о том, что ГЗ не номинированы. На наш взгляд, оно справедливо только в том случае, если понимать при этом невозможность его самостоятельного существования. Однако его признание ни в коей мере не отрицает отнесенности ГЗ к внеязыковой действительности. ГЗ выражают отраженные человеческим сознанием реальные свойства и отношения предметов³. В этом смысле ГЗ сближаются с лексическими. Их сближает отражательная природа языковой семантики.

¹ См.: *Никитин М. В.* К проблеме грамматического значения // Вопросы общего и романо-германского языкознания. Уфа, 1964. С. 41.

² См.: *Мельчук И. А.* О точных методах исследования языка. М.: Изд-во МГУ, 1961. Гл. III.

³ См.: *Гак В. Г.* О диалектико-материалистическом подходе к истолкованию фактов грамматики // Оптимизация грамматики в свете ленинской теории отражения. Кишинев: Тимпул, 1982. С. 51.

Специфическими же свойствами ГЗ является его способность выражать внутренние отношения между языковыми единицами, выполняя таким образом структурно-организующую и формально-классифицирующую функции. Хотя и в этом случае названные функции подчинены упорядочению отражательного содержания речемыслительных актов.

Таким образом, по характеру отношений ГЗ подразделяются на два типа: а) ГЗ, выражающие отношения между предметами и явлениями внеязыковой действительности (*люди* — ГЗ множественности; *лев* — *львица* — соответственно ГЗ первого слова муж. р. и ед. ч., а второго — жен. р. и ед. ч.; *балет* — ГЗ муж. р.; *улица* — ГЗ жен. р.; *смутный* — прилаг., м. р., ед. ч., им. п.; *пытаться* — глагол, непрямопереходный, возвр., несов. в.); б) ГЗ, выражающие отношения между языковыми единицами или между языковыми знаками, т. е. ГЗ, выражающие внутриязыковые отношения (напр., ГЗ падежей: *дружба*, *дружбы*, *дружбе* и т. д.; род имен прилагательных: *искренний человек*, *искренняя дружба*, *искреннее пожелание*).

Возникает вопрос: можно ли оба типа отношений считать объектами выражения ГЗ или лишь одно из них составляет сущность ГЗ?

Однозначного ответа на этот вопрос в лингвистике нет. Различные суждения, высказанные в дискуссии о природе ГЗ, сводимы к трем положениям: согласно первому, ГЗ сводится только к выражению отношений между предметами и явлениями внеязыкового мира; второе положение, наоборот, сводит ГЗ к выражению внутриязыковых отношений; третья точка зрения не считает первые две взаимоисключающими: ГЗ способно выражать отношения обоих типов (В. Г. Гак, Е. И. Шендельс).

На наш взгляд, ближе к истине те исследователи, которые обосновывают третью точку зрения, поскольку она учитывает многоаспектное содержание ГЗ. По нашему убеждению, разные аспекты отношений, представляемых ГЗ, — лишь разные способы репрезентации образительной функции языка: в первом положении внимание фиксируется на отражении в ГЗ «прямых», «первичных» отношений между объектами внеязыкового мира, а во втором — их опосредованное, «вторичное» отражение, т. е. отражение на основе уже зафиксированных в грамматическом строе отношений. Учитывая такую многослойность ГЗ, известный советский грамматист Е. И. Шендельс¹ подразделяет последние на три типа: а) объективные ГЗ, б) объективно-субъективные ГЗ и в) внутриязыковые (реляционные) ГЗ.

¹ См.: Шендельс Е.И. О грамматических значениях в плане содержания // Принципы научного анализа. М., 1959. С. 55.

1. **Объективные ГЗ** выражают отношения между предметами, существующими в реальном мире (например, грамматическое число, передающее реальную единичность или множественность: *книга — книги, дерево — деревья*; грамматический род, указывающий на реальное различие полов: *голубь — голубка, школьник — школьница*; падежные отношения, передающие реальные взаимоотношения предметов: *играть на скрипке, восход солнца*).

2. **Субъективно-объективные ГЗ** выражают отношения говорящего к предметам и явлениям реального мира (его восприятие предметов номинации, воздействие на них). Это прежде всего значение модальности, значение определенности/неопределенности (напр., в немецком языке: *der Student, das Kind* (если речь идет о конкретных, известных собеседнику лицах), но *ein Student, ein Kind* (о неизвестных лицах), ср. в англ.: *the student* — «этот студент», *the child* — «этот ребенок», но *a student, a child*, когда речь идет о лицах, неизвестных собеседнику или читателю; залоговые значения, выражающие восприятие собеседником реального отношения между деятелем, действием и объектом действия: *Художник пишет картину. Картина написана художником*; временные значения, выражающие временные отношения говорящего к моменту действия: *читаю, читал, будучи читать*).

3. **Внутриязыковые ГЗ** не соотносятся ни с предметным миром, ни с его понятийным отражением в нашем сознании. Они «обслуживают», образно говоря, только внутреннюю систему языка. Поэтому такие ГЗ не поддаются определению с точки зрения «отражательной» семантики. Таково ГЗ рода и числа имен прилагательных, рода глаголов прошедшего времени.

Рассматриваемая многослойность ГЗ — основа многозначности грамматических форм. Так, форма ед. числа имен существительных может выражать: а) реальную единичность (*Эту книгу подарил мне друг*), б) субъективно-объективное значение обобщенности (*Книга — источник знаний*), в) неисчисляемые абстрактные или вещественные понятия (*любезность, любовь, брынза, молоко, золото*). Форма мн. числа также может выражать: а) реальное множество (*Эти книги подарил мне друг*), б) субъективно-объективное значение собирательности (Гоголи — «семья ГОГОЛЬ»), в) немотивированные реляционные значения формы мн. числа, обозначающей предметы, мыслимые как единичные (*сливки, ножницы, брюки, сани*).

Предложенная Е. И. Шендельс типология ГЗ вызывает у многих авторов вполне справедливые, на наш взгляд, возражения. Касаются они главным образом сущности (природы) ГЗ.

Можно ли считать языковым значением отношение языковых форм (единиц языка) к самим себе? М. В. Никитин, например, называет

подобные утверждения бессмысленными¹. Обозначаемые языковыми единицами отношения лишь тогда отражаются нашим языковым сознанием в виде ГЗ, когда они являются объектами предметной или понятийной сфер. В случае отсутствия внеязыкового коррелята говорить о ГЗ можно лишь условно, снабжая рассуждения необходимыми оговорками, как это делают, например, М. В. Никитин и А. П. Шапкин, называя ГЗ, выражающие отношения между языковыми единицами, структурными значениями².

1. Структурные значения, в свою очередь, отражают два типа отношений между языковыми единицами. Первый из них показывает место языковой единицы в системе, в определенном классе единиц, показывает, благодаря каким дифференциальным признакам эта единица входит в тот или иной класс (разряд) или парадигму. Поэтому данный тип структурного значения грамматических единиц называется парадигматическим, или, вслед за Ф. де Соссюром, *значимостью*. Значимость единицы языка представляет собой, таким образом, совокупность условий (правил) возможных применений знака в речи.

2. Дифференциальные признаки, определяющие вхождение данной единицы в соответствующий класс, способны актуализироваться в процессе линейного взаимодействия ее с другими единицами синтагмы. Так образуется синтагматический план структурного значения, или валентность языковой единицы (М. В. Никитин называет этот тип структурного значения синтаксическим). Под валентностью понимают обычно совокупность всех сочетаемостных свойств языковой единицы (слова, морфемы, фонемы), которые обнаруживаются в конкретных речевых структурах. Отсюда соотношение понятий «валентность» и «сочетаемость»: первое отражает потенции, способности языковой единицы, а второе — их речевые реализации. И так, *валентность* — это способность языковой единицы (или группы языковых единиц) сочетаться с другими языковыми единицами того же уровня, что обуславливается их формально-семантическими свойствами. Ср., напр., двухвалентный глагол *сидеть* (*ребенок сидит, сидит в манеже*) и трехвалентный глагол *играть* (*отец играет, играет в теннис, играет с другом*).

Следовательно, значимость и валентность языковых единиц по своей природе собственно ГЗ не являются, хотя и связаны с ним теснейшим образом.

¹ См.: Никитин М.В. К проблеме грамматического значения. С. 49.

² См.: Никитин М.В. Там же. С. 43—44; Шапкин А.П. О грамматическом значении // Учен. записки / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1969. Т. 367. С. 65—66.

Осмысление этой связи предполагает анализ (расчленение) ГЗ с целью выявления его отношений к различным сферам внеязыковой действительности — предметной (денотатам) и понятийной (сигнификатам).

Сам факт соотносительности ГЗ с разными сферами внеязыкового мира свидетельствует об их неоднородности, о некоторой изоморфности¹, подобии структур грамматического и лексического значения, хотя и нет оснований искать между ними полного параллелизма.

1. Отсутствие полного параллелизма в строении ЛЗ и ГЗ обнаруживается прежде всего при определении денотативного компонента ГЗ, который в его классическом понимании связан с номинативной функцией языковых единиц. И действительно, номинация — это знаково-обозначение предметов или явлений внеязыкового мира. Сам же номинированный предмет (явление), взятый в совокупности всех однородных реалий, называется денотатом. А отражение свойств, признаков и отношений денотата в языковом значении образует в последнем так называемую денотативную зону (денотативный компонент, денотативную сему). На первый взгляд, по такой логике вещей ГЗ лишено денотативного компонента, поскольку грамматические формы, его выражающие, т. е. аффиксальные морфемы, не обладают самостоятельной номинативной функцией.

С другой стороны, приведенные ранее суждения о природе ГЗ служат достаточным основанием для утверждений о том, что ГЗ соотносятся с реальной действительностью, отражая отношения между реалиями денотативной ситуации. Вот почему, на наш взгляд, справедливее говорить не об отсутствии, а о специфике грамматического денотата. Если лексическая номинация основывается исключительно на соотносительности лексемы с денотатом и не выходит за пределы именованного, то ГЗ способно нести еще и информацию о денотате как элементе некоторой ситуации. Следовательно, целесообразно разграничивать простой денотат как объект лексической номинации и сложный денотат, или денотативную ситуацию. А это, в свою очередь, предполагает признание наряду с лексической номинацией номинации грамматической, изучение которой является первоочередной задачей языковедения. В связи с этим уместно упомянуть о работах Г. В. Колшанского, в которых предлагается расширительное толкование поня-

¹ Положение об изоморфизме единиц разных языковых уровней впервые сформулировал И. А. Бодуэн де Куртенэ (*Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 185); см. также: *Алефиренко Н. Ф. Ономазиологический изоморфизм равноуровневых единиц языка // Ономазиологические аспекты семантики: Сб. науч. ст. Волгоград: Перемена, 1993. С. 3-13.*

тий «денотат» и «номинация». «При всех разновидностях денотата, — отмечает ученый, — он остается единственной рефлексивной сущностью языкового знака, и в этом плане любая языковая единица любого уровня остается номинативной единицей в силу того, что она фиксирует нечто познанное человеком в соответствующем объекте. Номинация остается, таким образом, прежде всего общим принципом формирования понятия как значения языковых единиц»¹. При таком подходе понятия денотата и номинации не только не противоречат природе ГЗ, но и служат генетическим основанием его формирования. Историческая ретроспектива возникновения грамматических средств формирования и выражения мысли позволяет обнаружить, хотя и опосредованные, но глубинные связи ГЗ с денотативной ситуацией. Связи эти устанавливаются в результате длительного процесса абстрагирования (отвлечения от простых денотатов) и генерализации (обобщения) отношений между предметами мысли. Именно вследствие абстрагирования и генерализации и формируются грамматические категории (ГК), служащие наиболее типизированной формой отражения в сознании бытия предметов (явлений) и отношений между ними. Это может быть, например, типизированное отражение характера протекания действия через указание на время его свершения (ГК времени), или на способ его завершенности (ГК вида), или на характер отношения содержания высказываемого к действительности (ГК наклонения), на характер отношения действия к субъекту и объекту (ГК залога). Грамматические категории могут также в абстрагированном и генерализованном виде представлять классы имен: а) в связи с их делением по таким экстралингвистическим признакам, как естественный (биологический) пол (*петух — курица, тигр — тигрица, студент — студентка*) или в связи с культурно-историческими представлениями человека о мире: тотемическими², анимистическими³, антропоморфными⁴. Такое деление и классификация имен обобщены ГК рода. Понятие количества предметов и явлений внеязыковой действительности лежит в основе ГК числа. Субъектно-объектные отношения между предметами мысли обобщаются ГК падежа.

¹ См.: *Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 20.

² Тотем — объект религиозного почитания.

³ Анимизм — одухотворение явлений природы, вещей на основе религиозных верований.

⁴ Антропоморфизм — донаучное представление, будто животные, растения и явления неживой природы обладают человеческими свойствами.

Анализ названных выше ГК позволяет подразделить их на а) общеграмматические (классифицирующие) — категория частей речи и б) частные ГК (словоизменительные) — категории числа, падежа, рода, лица, вида, времени и т. п. Однако и первые, и вторые являются обобщенными ГЗ, связанными, как показал анализ, с отражением внеязыковой действительности. Связь эта заключается в том, что «грамматические категории, выражая отношения между словами, тем самым выражают отношения между предметами»¹, подлежащими номинации.

Следовательно, отражение предметов реальной действительности и отношений между ними осуществляется по двум взаимосвязанным направлениям — по линии номинации и по линии категоризации, что позволяет выделять в структуре ГЗ **денотативный компонент**. Итак, **грамматический денотат** — это выраженная языковыми средствами денотативная ситуация в ее пространственно-временном или классифицирующем измерении.

2. Нет полного изоморфизма и между **сигнификативными компонентами** ЛЗ и ГЗ, хотя наличие явного параллелизма между лексической и грамматической сигнификацией сомнений не вызывает. Прежде всего бросается в глаза параллелизм их структурной организации. Грамматическая сигнификация по аналогии с лексической состоит из ядра — понятийного содержания — и периферии — образного содержания. Первое является обязательным (обязательным), а второе — факультативным (необязательным) компонентом грамматической сигнификации. Отсутствие изоморфизма между лексической и грамматической сигнификациями объясняется, как нам представляется, их разным удельным весом в ЛЗ и ГЗ. Если ЛЗ формируется в результате более или менее «прямого» отражения в нашем сознании предметов номинации в виде понятий, обобщающих внешние реалии внеязыкового мира, то ГЗ представляет внутреннюю сторону словоформы. Соотносясь с понятиями, ГЗ не называют конкретные, отдельные предметы мысли. Они выражаются ЛЗ. В основе ГЗ лежат не «вещественные», не «предметные» понятия, а понятия логические. Поэтому **грамматический сигнификат** фиксирует не предметы и не содержание мысли, а **категорию**, под которую они подводятся². ГЗ, таким образом, оформляют «предметный» материал мысли, выраженный ЛЗ. В этом смысле грамматический сигнификат соотносится с лексическим сигнификатом как общее к частному. Вот почему «содержание

¹ Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 402.

² См.: *Стеблин-Каменский М. И.* Об основных признаках грамматического значения // *Он же.* Спорное в языкознании. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 12–13.

отдельного грамматического значения гораздо менее отчетливо выделено в нашем сознании, чем содержание отдельного лексического значения, и не может быть определено так, как может быть определено содержание отдельного лексического значения»¹. Это объясняется тем, что понятийное содержание, заключенное в ГЗ, обобщает действительность не «прямо», не извне, а изнутри, пропустив ее через призму уже сложившейся грамматической системы того или иного языка. Сигнификат ГЗ по отношению к ЛЗ вторичен. Он представляет собой своего рода надстроечную систему, организующую ЛЗ слов для построения соответствующего коммуникативно значимого высказывания. Однако сущности ЛЗ грамматический сигнификат не затрагивает. Дело в том, что «созданные самой языковой системой отношения внутри единиц образуют вторичный понятийный слой, который [...] не имеет прямого отношения к действительному миру вещей, а свойствен уже самой системе как внутренне организованному механизму»². Именно «внутренняя» ориентация грамматического сигнификата, его вторичность и надстроечность, отвлеченность от «основного» («предметного», «вещественного») материала, используемого в речемыслительных актах, и служат теми признаками, по которым он отличается от сигнификата лексического. Именно в силу специфики своего сигнификата ГЗ, по справедливому замечанию М. И. Стеблина-Каменского, «всегда как бы заслонено в нашем сознании лексическими значениями, которым оно сопутствует, и не может быть из них выделено, не потеряв своей специфики»³.

Специфика же ГЗ в том, что в отличие от ЛЗ, восходящих к предметно-понятийному отражению реальной действительности, формируются они (ГЗ) главным образом на сигнификативной основе. Это предопределяет высокую степень обобщенности и закрытый характер структуры ГЗ, организующим принципом которой служат сигнификативные оппозиции⁴. Смыслоразличительным признаком сигнификативных оппозиций служит сема — в морфологии, минимальный элемент категориального значения (значения грамматической категории). Оппозитивная структура сигнификатов ГЗ открывает возмож-

¹ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 13.

² Колянский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте. С. 19.

³ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 17.

⁴ См.: Бархударов Л.С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем // *Вопр. языкознания*. 1966. № 4. С. 97–110; Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // *Исследования по общей теории грамматики*. М.: Наука, 1968. С. 175–231.

ность плодотворного применения в морфологии метода компонентного анализа (М. Д. Степанова, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс).

3. Периферию грамматической сигнификации составляет его образное содержание, или коннотация. Учитывая «широкое» и «узкое» понимание коннотации, определим ее как «имплицитно сопутствующий образ» (Э. Г. Ризель). Применительно к грамматическому значению Е. И. Шендельс выделяет в коннотации такие признаки, как экспрессивность, интенсивность, образность, эмоциональный эффект. Усатривая закономерную зависимость коннотации от денотативного компонента ГЗ (коннотация производна от денотации, вторична), исследовательница все же считает их разнопорядковыми явлениями: коннотация, в отличие от денотации, не связана с номинацией; она «ничего не обозначает, не именуется, а переживается, воспринимается, чувствуется». В этом смысле коннотация сближается со стилистическим значением, хотя и не тождественна ему: критериями их разграничения служат: а) «наличие/отсутствие денотата» и б) «имплицитность/эксплицитность выражения».

Иной характер соотношения денотации и коннотации раскрывается в трудах В. И. Говердовского. Не отрицая вторичности коннотации, он показывает ее обратное воздействие. В процессе исторического развития коннотативные морфемы способны менять денотативное значение слова. Ср.: а) зависимость коннотации от денотации: *сотня* — *сотняга*, *штурм* — *штурмяга*, *парень* — *парняга*; б) взаимное равноценное воздействие денотации и коннотации: *трудога*, *хитряга*, *шустряга*; денотация и коннотация здесь сосуществуют, поэтому трудно в данном случае определить, какой из этих двух компонентов преобладает; в) зависимость денотации от коннотации: *бодяга*, *бродяга*, *стиляга*; коннотативная производность суффикса *-яг(a)* в этих словах полностью «растворяется» в морфологических основах. «Служебная морфема, — приходит к выводу В. И. Говердовский, — может оказывать воздействие как на само значение корневой морфемы и производить новый денотат как элемент рационального содержания, так и на созначение и производить новый коннотат как элемент эмоционального содержания, а также то и другое одновременно»¹.

Следовательно, генетическое взаимоотношение денотации и коннотации — основа возникновения коннотативного компонента ГЗ.

¹ См.: Говердовский В. И. Теоретический и практический аспекты лексической коннотации (морфологический подход): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. С. 23; Он же. Коннотемная структура слова. Харьков: Вища шк., 1989. С. 14—15; Он же. Диалектика коннотации и денотации // Вопр. языкознания. 1985. № 2. С. 74—75; Он же. О коннотативнообразующих свойствах морфем // Филол. науки. 1985. № 4.

Непосредственной базой формирования грамматических коннотаций являются отдельные семы денотативного компонента ГЗ. Коннотативнообразующую функцию денотативные семы ГЗ выполняют, разумеется, только в определенных условиях. Иными словами, коннотативность грамматической единицы заложена в денотативных семах ГЗ имплицитно, как потенциальная возможность языкового воздействия на человека с целью вызвать у него определенные переживания, образные восприятия, чувства. Актуализируются, пробуждаются «спящие» в недрах денотации коннотативные смыслы, как правило, под воздействием двух факторов — контекстуального и интенсифицирующего.

По данным Р. Х. Вольперт¹, например, в условиях благоприятного контекста денотативная сема «адресатность» оказывается способной вызвать к жизни коннотацию сближения, контакта говорящего с партнером или коннотацию причастности партнера к описываемым событиям. Иногда эти коннотации усиливаются еще и денотативной семой «вопросительность». Такие коннотации порождаются, в частности, денотативными семами ГЗ второго лица:

Ты думал о вечности?
Ты вней живешь,
 Ты ешь ее хлеб и вино ес пьешь,
 На вечные звезды ты ночью глядишь
И сам из бессмертных частиц состоишь.
 Пусть жизнь человека не очень длинна,
 Но каждому личная вечность дана,
 И пусть предстоящее скрыто во мгле —
 Ты вечен, пока ты живешь на земле.

В. Шефнер. Личная вечность

Утрачивая прямую денотативную отнесенность к конкретному субъекту действия, форма 2-го лица приобретает «обобщенно-личную» коннотацию. Это и представление при помощи местоимения *ты* лирического собеседника, осмысление им самого себя, и единение субъекта и собеседника (как в нашем примере, где субъект и собеседник не разграничиваются; обращаясь к читателю, поэт обращается одновременно и к себе), это и интимизация мысли, и эффект олицетворения при метафорических и метонимических обращениях («За-чем, ты, ива, вырастаешь Над судоходного рекой И волны мутные ласкаешь, Как будто нужен им покой?» Н. Рубцов. Ива). Глагольные фор-

¹ См.: Вольперт Р.Х. Коннотативный уровень описания грамматики. Рига: Зинатне, 1979. С. 21.

мы 2-го лица также выражают коннотацию — «единство субъекта и адресата высказывания».

Аналогичен механизм возникновения коннотативности в грамматическом значении императивности (повелительного наклонения глагола). Источниками коннотации здесь служат денотативные семы «повеление», «требование», «побуждение». На их основе при благоприятных контекстуальных условиях рождаются коннотации непринужденности, фамильярности, интимности. Фамильярность, резкое побуждение передают такие, напр., словоформы, как *давай, дуй, валяй, жги, жарь, шпась, чеши* в значении «действуй немедленно» (РГ-80, т. I: 624). Коннотация интимности создается тем, что «объектом действия, к которому субъект побуждает адресата, должен стать сам субъект»¹. Такие коннотации передают, например, императивные формы глаголов в стихотворении К. Симонова «Жди меня».

Если в качестве адресата высказывания выступают неодушевленные предметы или явления, то в ГЗ повелительного наклонения появляется коннотация «олицетворения», как, например, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина:

Свет мой, зеркальце! *скажи*
Да всю правду *доложи*...

Академик В. В. Виноградов имел в виду, видимо, именно способность императива к созданию коннотативных смыслов, когда писал, что «повелительное наклонение отличается экспрессивностью, эффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм»². К этому следует добавить, что указанная коннотация возникает лишь в определенных контекстуальных условиях.

Р. Х. Вольперт выделяет и второй способ возникновения грамматических коннотаций: количественное нагнетание денотативных сем ГЗ. Однако такая интенсификация денотативных сем достигается синтаксическими средствами (повторами, расположением членов предложения и т. п.).

Таким образом, ГЗ так же, как и ЛЗ (несмотря на отсутствие между ними полного изоморфизма), является по своей природе категорией «отражательной». В грамматическом значении объективируются, с одной стороны, предметно-понятийные реалии, точнее — обобщен-

¹ См.: *Ионова И.А.* Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 118.

² *Виноградов В.В.* Русский язык. М.:Л., 1947. С. 596.

ные и типизированные отношения между ними, а с другой — результаты психической деятельности. Первые в структуре ГЗ представлены в виде денотативных сем, а вторые — в виде коннотативных. Между лексическими и грамматическими семами обоих типов (денотацией и коннотацией) обнаруживается регулярное взаимодействие.

6.2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ

Лексическое и грамматическое значения, взаимно воздействуя друг на друга, составляют «внутреннее конструктивное единство»¹ слова. Однако такое единство не только не исключает, но и предполагает при определенных условиях возникновение между ЛЗ и ГЗ противоречий — источника их изменений и развития. Крайним проявлением таких изменений является лексико-семантический способ образования слов типа *кулак* — «богатый крестьянин», *ладья* — «шахматная фигура», *тонкий* — «проницательный, умный, вдумчивый» (*тонкий* читатель), *пленять* — «очаровывать, увлекать, подчинять чьи-л. чувства, мысли своему влиянию». Ср.: *кулак* — «сжатая кисть руки», *ладья* — «лодка», *тонкий* — «небольшой в поперечном разрезе, в объеме (противоп. — толстый)», *пленить* — «неволить, лишить свободы, взять в плен».

Чаще предпочитают говорить о лексическом влиянии на ГЗ. Оно, видимо, более зримо. Целесообразно различать внутреннюю и внешнюю сферы воздействия ЛЗ на значения грамматические.

Воздействие на ГЗ того лексического материала, который заполняет грамматическую структуру (словоформу и синтаксическую модель), называется Е. И. Шендельс *внутренней лексической обусловленностью*² изменений грамматической семантики. Такое воздействие может быть или модифицирующим, или лимитирующим (ограничительным).

Модифицирующее воздействие ЛЗ проявляется в том, что видоизменения ГЗ обуславливаются характером лексического наполнения грамматической формы, даже в пределах одной и той же синтаксической функции. Так, например, видоизменяется ГЗ род. падежа под воздействием того или иного лексического наполнения. Сравним:

кровать карельской березы — «значение материала»;
кровать моего отца — «значение принадлежности»;

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. С. 18.

² См.: Шендельс Е. И. Взаимодействие между лексическим и грамматическим значениями // Иностран. яз. в школе. 1962. № 4. С. 92.

кровать отечественного производства — «значение производителя действия»;

кровать светлого тона — «значение качества»;

кровать (из, от) гарнитура — «значение целого и части».

Значения всех падежей лексически зависимы. Падежные значения зависят также от ЛЗ управляющих слов: *лететь стрелой* — *убить стрелой*.

Значение мн. ч. также зависит от ЛСГ или от отдельного ЛЗ слова. Например, мн. ч. вещественных имен существительных выражает: а) сорта, виды (*стали, вина, соли, масла*); б) порции (с названиями съедобных предметов); в) собирательность: *семечки, сливки, бобы*.

Следует учитывать тот факт, что многозначные слова в разных ЛСВ характеризуются различительными грамматическими значениями. Ср.: *играть* — 1. «развлекаться, резвиться и т. п.»; грамм. свойства — только несов. вида, без дополнения; *Играй, прелестное дитя, Летай за бабочкой летучей*. А. С. Пушкин; 2. «изображать (ставить) на сцене, исполнять на музыкальном инструменте произведения»; грамм. свойства — с дополнением и без дополнения; *Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением*. А. П. Чехов; 3. «сверкать, блестеть, отражаясь в чём-л. (о лучах солнца, о свете и т. п.)»; грамм. свойства — перен., только несов. вида (на чем, в чем); *Над перевалом совсем близко играет крупная звезда*. А. Серафимович; 4. «быть в возбужденном состоянии, выражать чувства, душевные переживания и т. п.»; грамм. свойства — перен. (в чем) и без дополнения, только несов. вида; *Силы жизни так радостно играли в душе Назарова*. Л. Н. Толстой¹.

Регламентирующее воздействие ЛЗ проявляется в том, что выражение того или иного ГЗ зависит от наполняемости соответствующей грамматической формы ограниченной (узкой) группой слов или несколькими словами. Например, невозможность образования мн. ч. от имен существительных *singularia tantum* (*сало, зерно, лень*).

Лексические ограничения могут распространяться на употребление грамматических форм в тех или иных ГЗ. Небольшим выбором имен существительных располагает, например, винительный падеж времени, места, меры, род. падеж времени, места, образа действия.

Внешнее лексическое воздействие на ГЗ заключается в том, что на его реализацию может влиять ЛЗ слов, составляющих словесное окружение грамматической формы. Это слова, выражающие временные, модальные, числовые отношения, отношения пассивности (действие, направленное на подлежащее) или уточняющие падежные отношения.

¹ Примеры извлечены из кн.: Лапатухин М.С., Скорлуповская Е.В., Снетова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка. М., 1981. С. 127.

Как показывает анализ, не всегда представляется возможным определить доминирующий фактор семантических изменений, т. е. что на что воздействует: ЛЗ на ГЗ или наоборот. Обычно такие изменения взаимообусловлены. Однако если разграничивать ГЗ на морфологические и синтаксические, то в таком случае необходимо указывать на их разную связь с ЛЗ¹.

По отношению к морфологическим категориям лексическая семантика находится в положении зависимости, подчинения. Морфологические категории стремятся к максимальному обобщению и объединению единиц лексико-семантического уровня, хотя в процессе такой категоризации, несомненно, учитывается «сопротивление материала» в виде ограничительного воздействия тех или иных особенностей лексической семантики (например, конкретность/абстрактность, одушевленность/неодушевленность, вещественность и т. п.).

По отношению к синтаксическому значению, наоборот, единицы лексико-семантического уровня играют подчиняющую роль. Семантика синтаксической модели во многом зависит от значений наполняющих ее словоформ (Н. Н. Арват). Лексика конкретизирует значение синтаксической модели, что нередко приводит к возникновению синтаксической вариантности, устранению синтаксической омонимии или многозначности.

6.3. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В современной семасиологии спорным является не только содержание понятия «словообразовательное значение» (СЗ), но и правомерность его выделения в особый тип языкового значения. Дискутирующими сторонами обсуждаются далеко не простые вопросы. И среди них такие глобальные, как: а) отличается ли СЗ от лексического и грамматического или является разновидностью одного из них; б) если выделение СЗ правомерно, то каковы его формальные и содержательные свойства; в) каким образом в СЗ запечатлевается и фиксируется внеязыковая действительность?

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо прежде всего выяснить, в какой языковой единице СЗ объективируется, какими языковыми средствами выражается? Наиболее распространенной точкой зрения считается та, согласно которой СЗ находит свое выраже-

¹ См.: Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 42—43.

ние в производном слове¹. Производное слово — это вторичное лексическое образование, которое находится в «живых» связях и отношениях с производящей единицей (словом, основой, словосочетанием)». В наиболее общем виде СЗ представляет собой моделируемую связь между значениями производного и производящего слова. Эта связь обуславливает в конечном счете способ обозначения предмета, процесса или признака по его отношению к другому предмету, процессу или признаку (Е. С. Кубрякова).

В слове *выход*, например, отражено отношение предмета к действию, в слове *солнечный* — отношение признака к предмету, а в слове *черника* — отношение предмета к признаку. Ср.: *выход* ← *выходить*, *солнечный* ← *солнце*, *черника* ← *черный*. Подобные наблюдения помогают уяснить специфику значения производного слова. Она заключается в том, что значение производного слова раскрывается через значение исходного, отсылочного знака, посредством указания на уже имеющееся в языке наименование, которое выступает мотивирующим. Г. О. Винокур называл производные слова «мотивированными обозначениями действительности»². Поэтому при определении СЗ необходимо выяснить а) направление словообразовательной производности (что от чего образовано) и б) какие смысловые отношения существуют между мотивирующей и мотивированной единицей. Необходимость этих исследовательских шагов объясняется тем, что значение производного слова в той или иной степени предопределяется мотивирующей единицей, поскольку обязательно включает в себя ее значение. Ср.: *печкарь* — «тот, кто *печет* (хлеб)», *малиновый* — «то, что имеет цвет *малины*», «то, что сделано из *малины*», *узаконить* — «придать чему-л. силу *закона*», *ужаснуть*, *ужасать* — «привести в *ужас*». Это содержательная сторона специфики значения производного слова. Содержательная особенность производного слова получает формальное выражение: морфемная структура производного содержит исходные, мотивирующие знаки (Е. С. Кубрякова называет их базовыми) и знаки, оформляющие качественно новую семантику производного (мотивированного) слова. В силу этого производное слово, по мнению Е. С. Кубряковой, обладает двойной референцией³, т.е. а) отнесенностью к

¹ См.: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. С. 5; Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977; Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1977.

² Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // *Он же*. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

³ См.: Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 10.

объектам внеязыковой действительности, предметному миру (*учительница, обледенение, возвышенность*) и б) отнесенностью к объектам внутриязыковой действительности, к миру слов — генетическим истокам производной лексики (*уч\и\ть* → *учи-тель* → *учитель-ниц-а*, *лед* → *лед-ене-ть* → *об-леденеть* → *обледене-ни*[j-э], *высокий* → *воз-выс-и-ть* → *воз-выш-енн(ый)* → *возвышенн-ость*). Первая указывает на наличие у производного слова индивидуального лексического значения. Вторая отражает связь производных слов с уже имеющимися в языке словами. Учет двойной референции производных слов имеет принципиальное значение для понимания их семантики. Понятие двойной референции принципиально важно для уяснения природы семантики производного слова (см. рис. 7). Его отнесенность к конкретному объекту действительности (*сотрудница, земляничный, прихорашиваться*) позволяет выделять в нем индивидуальное лексическое значение и фиксировать его в словарях как самостоятельное знакообозначение. Это так называемый ономаσιологический аспект описания семантики производного слова.

Вместе с тем обращает на себя внимание особый способ толкования индивидуального лексического значения (A_1C_1B). Его содержание раскрывается при помощи мотивирующей, или производящей, единицы (ACB); путем соотнесения производного слова с предметом, наименованным мотивирующим словом.

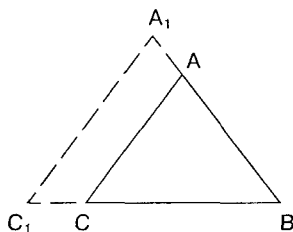

Рис. 7

Вот почему семантика производного слова (A_1C_1B) включает в качестве важнейшего смыслового компонента значение мотивирующего слова (ACB). Это значение выражается в производном слове его производящей основой (*на-рукав-ник* ← *рук-ав* ← *рук(a)*; *веснушч-ат-ый* ← *весн-ушк(a)* ← *весн(a)*; *подпис-к(a)* ← *под-писать* ← *пис\а\ть*).

Однако само выявление наличия связи между производным и производящим словами еще не раскрывает сущности значения мотивированного слова. Действительно, все три слова *закуп-а-ть*, *закуп-к(a)* и *закуп-щик* — в одинаковой мере производятся от глагола *за-купить*.

И все же каждое из этих производных выражает особое отношение к производящему слову, что и обуславливает наличие у каждого мотивированного слова своего собственного лексического значения. Иными словами, значение производного слова обуславливается двумя факторами: а) непосредственно мотивирующим словом и б) характером его связи с обозначаемым предметом или явлением действительности¹.

Характер связи производного слова с обозначаемым предметом взаимосвязан с типом словообразовательной модели (ср. *закуп-к(а)*, *обработ-к(а)*, *подков-к(а)*, *сдел-к(а)*). Эти слова имеют одно и то же словообразовательное значение. Оно отражает однотипность отношений между производными и производящими.

В наиболее обобщенном виде признаки СЗ сводятся к следующему:

1. СЗ реализуется только в пределах производного слова. Оно носит внутрисловный характер.

2. СЗ имеет формальную выраженность. Его наличие, тип обнаруживаются объективно —серией формальных доказательств.

3. СЗ обладает промежуточным характером, находится между лексическим и грамматическим значениями.

4. СЗ выражают классифицирующие и систематизирующие значения.

5. СЗ носят серийный характер.

6. СЗ связано с направлением производности и моделированием однотипных семантических отношений с мотивирующими однокорневыми единицами. Это связано с объективно существующими логическими отношениями между самими предметами первичного и производного (вторичного) знакообозначения. Ведь акт знакообозначения (наречения) начинается а) с выбора объекта наименования, б) его отнесения к одному из знакомых классов понятий и выражающих их слов, в) с мысленного сопоставления нового предмета обозначения с уже наименованными предметами².

В связи с этим в смысловой структуре производного слова выделяют две части. Одна из них представляет известное из предыдущего опыта, т. е. повторяет категориальные и лексические значения мотивирующей единицы и тем самым обеспечивает их введение в смысловую структуру производного слова. Эта часть производного слова Е. С. Кубряковой названа *о т с ы л о ч н о й*.

Ей противопоставляется *ф о р м и р у ю щ а я* (формантная) часть. Она формирует новое значение производного слова.

¹ См.: Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 14.

² См.: Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. С. 421.

*Роль словообразовательных формантов
в формировании словообразовательного значения*

Известное утверждение о том, что «сам по себе» словообразовательный формант не обладает значением, нельзя признать бесспорным. Основывается оно главным образом на том, что форманты самостоятельно в речи не употребляются. Однако может ли данный факт служить достаточным основанием для таких выводов? Ведь имеются и контраргументы. Так, например, однокорневые слова типа *зверь, зверинец, звер-ство, звер-ёныш* или *отец, отч-овств-о, отч-еств-о, отч-изн-а, отч-им, пра-отец* различаются по своим значениям прежде всего благодаря наличию в них разных аффиксов.

Рассматривать роль деривационных формантов в формировании семантики производного слова приходится на фоне весьма противоречивых суждений: с одной стороны, утверждения о наличии у аффиксов лексических значений (М. Д. Степанова), лексических и грамматических значений (Т. М. Беляева), с другой стороны, доказывающиеся асемантичность аффиксов (Э. П. Шубин, А. Бартошевич). Согласно третьей точки зрения, аффикс признается носителем словообразовательного значения (В. И. Максимов, Р. С. Манучарян) или, в иной модификации этой концепции, утверждается, что СЗ является результатом сочетания деривационного аффикса с производящей основой (Р. С. Манучарян).

На наш взгляд, трудно согласиться с тем, что деривационный аффикс асемантичен, так же как и с тем, что носителем СЗ является именно аффикс. Согласиться с утверждением об асемантичности деривационного аффикса не позволяют следующие размышления. Первое касается языковой сущности аффикса. Обычно все исследователи справедливо признают его морфемой. Весьма употребительным в связи с этим стало терминологическое сочетание «аффиксальная морфема». В таком случае, что такое морфема? Любой первокурсник, прослушавший курс «Введение в языкознание», скажет, что это — минимальная з н а ч и м а я единица языка. Заметьте — значимая! Значит — двусторонняя, имеющая план выражения и план содержания, что никак не согласуется с ее асемантичностью.

Второе возражение вызвано нарушением логики тех суждений, согласно которым а) СЗ производного слова является результатом синтетизирования (сочетания) деривационного аффикса и производящей основы; б) деривационный аффикс становится обладателем значения только в составе производного, а до вхождения в его структуру был лишен собственного значения. Первое утверждение (а) может иметь силу лишь в случае, если аффикс значим, иначе суждение о синтети-

рованном значении (СЗ) производного ложно. Второе утверждение (б) также неприемлемо, поскольку для сочетания аффикса с производящей основой он должен уже выражать какое-то значение. Без такового это сочетание немислимо: нарушается закон «внутренней валентности» (М. Д. Степанова).

Исходя из приведенных выше суждений мы делаем вывод о том, что деривационный аффикс является носителем своеобразных семантических сущностей и, как следствие этого, выразителем определенных смысловых отношений — конструктивных элементов формирования семантики производного слова. Вот почему нам представляется особо ценным замечание Г. Марчанда: «Суффикс имеет семантическую значимость, но не встречается как независимая речевая единица»¹. Его значение «серийное» и в высшей степени абстрактное. Более того, оно может быть названо синсемантическим, то есть таким, которое реализуется в составе производного слова. В связи с этим заслуживает внимания, как нам представляется, мысль Е. С. Кубряковой о том, что «значение словообразовательного аффикса (и другого форманта) не может быть установлено иначе, чем определением его доли в строении смысловой структуры однотипных производных слов, а следовательно, его роли в строении словообразовательного значения в целом»². Главным образом, эта роль заключается в указании отношений между отсылочной (ономасиологическим признаком) и формантной (ономасиологическим базисом) частями производного слова, т. е. между ассоциативными и классифицирующими актами речемыслительного процесса. Однако такое понимание роли деривационного аффикса в формировании СЗ слишком общо. Ясно здесь лишь то, что аффикс служит средством выражения (или оформления) одного из компонентов смысловой структуры производного — ономасиологического базиса или ономасиологического признака. По мнению Е. С. Кубряковой, все здесь зависит от типа производного слова. Она выделяет три семантические роли аффиксов. Первая — роль оформителя ономасиологического базиса, когда аффикс выступает как категоризатор или классификатор. Другая — роль оформителя ономасиологического признака: словообразовательный аффикс выступает как модификатор. Третья семантическая роль аффиксов сводится к оформлению определенного типа отношений между базисом и признаком; деривационные аффиксы при этом выступают как реляторы.

¹ *Marchand H.* The categories and types of present-day English word-formation // *Readings in Modern English Lexicology*. London, 1969. P. 11.

² *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. С. 135.

1. Средством категоризации слов словообразовательный формант выступает в том случае, если он, формируя ономаσιологический базис производного слова, подводит его под определенный лексико-грамматический разряд (иными словами, оформляет его как часть речи). Деривационный аффикс при этом выражает одно из общекатегориальных значений — «предметность», «действие», «признак» и т. д. Например:

рад → *рад-ость* → *радост-н(ый)* → *радостн-о*
тай-н(а) → *тайн-ств(о)* →
тайнств-енн(ый) →

<i>тайнственн-о</i>
<i>тайнственн-ость</i>

Выделенные деривационные аффиксы в силу своей предназначенности формировать наиболее общие лексико-грамматические разряды (категории) слов принято называть общекатегориальными, противопоставляя их тем самым частнокатегориальным аффиксам (И. С. Улуханов).

Общекатегориальные аффиксы соответствуют самым общим понятиям отдельных частей речи.

Частнокатегориальные аффиксы выполняют в смысловой структуре производного слова роль семантических классификаторов, т. е. служат членению общих категорий на определенные семантические разряды. Ср.: *учи-тель*, *учитель-ств(о)*; *на-работать*, *от-работать*, *переработать*, *под-работать*, *об-работать*, *раз-работать*, *про-работать*;

капитал →

	<i>капитал-ец</i>
	<i>капитал-изм</i>
	<i>капитал-ист</i>

2. Словообразовательные суффиксы и префиксы, выступающие модификаторами, оформляют отсылочную часть (участвуют в формировании ономаσιологического признака) производных слов. Модификаторами являются, как правило, оценочно-экспрессивные суффиксы или локативные, темпоральные и привативно-негативные префиксы. Например:

свист|еть →

	<i>свист-ок</i>
	<i>свист-ульк-а</i>
	<i>свист-ун</i>

седл(о) →

	<i>седель-ц-е</i>
	<i>сёдл-ышк-о</i>
	<i>седл-овин-а</i>

рыб (а) →		рыб-к-а
		рыб-оньк-а
		рыб-иц-а
		рыб-ешк-а
		рыб-чонк-а
		рыб-ищ-а
	рыб-ин-а	

рыб(а) →		рыб-ий
		рыб-н-ый
		без-рыб-н-ый

3. Реляторами являются словообразовательные форманты, указывающие на связь между ономасиологическим признаком и ономасиологическим базисом. Ими служат обычно соединительные гласные и другие соединительные элементы в сложных словах типа *свет-о-любив(ый)*, *свет-о-сигнал*, *свет-о-тьня*; *глаз-о-мер*, *дв-у-глаз-ый*, *кос-о-глаз(-ый)*.

К реляторам относятся также суффиксы относительных прилагательных: *дрозд* → *дрозд-ов-ый*, *лен* → *льн-ян-ой*, *тай-з(а)* → *таеж-н-ый*. Такие суффиксы-реляторы выражают связи между словами, т. е. связи между производящей и производной основой. Они выражают отношение к тому, что названо производящей основой:

-н- выражает «признак, обозначающий любой тип отношения к обозначаемому предмету» (*куколь-н-ый театр/цех, вид, спектакль*);

-ов-, -ск- указывают на принадлежность или обладание, причем -ов- передает отношение индивидуальной принадлежности (*отцов дом, летчикова фуражка*), а -ск- этим значением не обладает (*граждан-ск(ий), друж-еск(ий), герой-ск(ий)*).

Деривационный аффикс характеризуется известной несамостоятельностью. Его значение конкретизируется, как правило, отсылочной частью производного слова. Поэтому деривационные аффиксы способны совмещать разнородные значения, представляя собой, образно говоря, некий «слоеный пирог». Ср.: *ут-ин(ое) мясо*, *ут-ин(ая) походка*; *учитель*, *громкоговоритель*, *растворитель*; *путник*, *подрамник*.

В дериватологии нет пока единства в том, как именовать конкретное значение, выражаемое отдельным аффиксом. Одни авторы называют его словообразовательным (В. Дорошевский), по словообразовательной функции аффикса. Однако это приводит к терминологической омонимии (ср.: словообразовательное значение производного слова и словообразовательное значение аффикса).

Е. С. Кубрякова предлагает решить эту проблему по-иному: обще-категориальные значения аффиксов соотносить с грамматическим значением, а частнокатегориальные — с лексическими. По ее мнению, значение аффикса не исчерпывает СЗ производного слова. СЗ сложнее, чем значение словообразовательного форманта. Нетождественность СЗ значению словообразовательного форманта обнаруживается также и в том, что СЗ не всегда формируется с участием деривационного аффикса: Ср.: *перв-о-классник*, *лес-о-тундр(а)*, *чуть-чуть*; *дар|и|ть* → *дар*, *кл|ева|ть* → *клёв*, *учительская* (имя сущ.), *дежурный* (имя сущ.). Это наблюдается чаще всего при редупликации, словосложении, безаффиксальной транспозиции и конверсии¹.

«Сложный и иерархически упорядоченный характер СЗ сближает его с синтаксическими значениями», — указывает еще на одну существенную черту СЗ Е. С. Кубрякова². Она убеждена в том, что в конечном счете СЗ — это отражение разных типов предикативных связей, аналог отношений между двумя представлениями и т. д. Эти связи латентны, они подразумеваются, додумываются, домысливаются, как, например, в отыменных дериватах: *клей* → *кле[ж]-и-ть*, *масл(о)* → *масли-ть*, *цен(а)* → *цен-и-ть*, *шлюз* → *шлюз-ова-ть*, *штор(а)* → *за-штор-и-ть*. Итак, СЗ имеет расчлененный, сложно структурированный, внутрисловный характер.

В зависимости от характера семантики деривационных аффиксов СЗ производных в трудах И. С. Улуханова подразделяются на три типа: модификационные, мутационные и транспозиционные³.

СЗ модификационного типа содержит, кроме значения мотивирующего слова, дополнительный модифицирующий признак: *медведь* → *медвеж-онок* — «маленький (молоденький) медведь»; *хитрый* → *пре-хитрый* — «очень хитрый» (хитрющий), *стрелять* → *до-стрелять* (патроны, например) — «закончить стрелять». Модификация — это, по мнению Е. С. Кубряковой, и более радикальное изменение семантики мотивирующего слова: *гармонь* → *гармонист*, *князь* → *княжество*, *режиссер* → *режиссура*.

Производные с транспозиционными СЗ тождественны во всем объеме своих значений со значениями мотивирующих слов за исключением частеречного, категориального, признака. Ср.: *стричь* — *стриж-к(а)*, *скромн(ый)* — *скромн-ость*, *сверг(ну)ть* — *сверж-ени[ж-э]*.

¹ Транспозиция — перемещение; конверсия — способ словообразования, при котором словообразовательным средством служит парадигма слова.

² См.: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. С. 143.

³ См. также: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. С. 29-49.

Налицо грамматическая перекатегоризация мотивирующего (исходного) слова.

Дериваты с м у т а ц и о н н ы м и СЗ содержат в себе субстанцию, признак или действие, отличные от того, что выражено мотивирующими словами, однако в пределах одной и той же части речи: *дружин(a) → дружин-ник, король → корол-ев-а, лев → лев-иц-а, мет|а|ть → мет-ну-ть*.

Как показывает анализ, данная типология СЗ непосредственно учитывает семантические свойства деривационных аффиксов — их семантическую инвариантность или неинвариантность¹.

Деривационные аффиксы считаются семантически инвариантными, если все их частные (контекстные) значения сводимы к обобщенному, системному, значению. Так, в производных словах *перловка* «перловая каша», *дубленка* «пальто из дубленой кожи», *поджарка* «поджаренное мясо» словообразовательный суффикс *-к-* в сочетании с отафъективными производящими основами выражают общее понятие предметности в нескольких его разновидностях («каша», «пальто», «мясо»), Инвариантное значение суффикса *-к-* может быть определено следующим образом: указание на предмет, который имеет отношение к тому, что названо мотивирующим прилагательным.

Значение аффиксов, которое устанавливается выделением тождественных компонентов немотивирующей части значений слов с данными аффиксами, по определению И. С. Улуханова, является неинвариантным². Существенным признаком семантически неинвариантных аффиксов является тождество их системных и контекстных значений. Так, в семантической структуре всех производных глаголов с суффиксом *-е-* содержится сема «становиться (каким-нибудь или кем-нибудь)»: *прочнеть, сиротеть*. Эта сема является семантически неинвариантным значением суффикса *-е-*. В данном случае значение суффикса *-е-* устанавливается без использования лексической абстракции, к которой мы прибегали при определении семантически инвариантного суффикса *-к{а}*.

Итак, оба типа деривационных аффиксов (семантически инвариантных и семантически неинвариантных) играют весьма заметную роль в формировании СЗ производных слов. Однако всплывает вопрос об отношении деривационных аффиксов разных типов к выделенным ранее типам СЗ. На этот вопрос отвечает И. С. Улуханов: модификационные значения производных образуются с участием се-

¹ См.: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. С. 89.

² Там же.

мантически неинвариантных аффиксов, которые выражают: 1) направление действия (*объ-ехать, у-ехать, вы-ехать*); 2) степень интенсивности действия (*пере-есть, объ-есть*); 3) отношение субъекта и объекта к действию (*раста|ть|ся, знакомят|ся*); 4) доведение до какого-либо состояния (*до-резать, вы-хлопотать*) и т. п.

Семантической неинвариантностью характеризуются также аффиксы, участвующие в формировании СЗ транспозиционного типа. Это суффиксы **-ни-**, **-ств-**, **-от-**, **-изн-**: *читать — чтение, белый — белизна* (прямая транспозиция), *невежество — невежественный, салют — салютовать*, а также нулевой суффикс: *бежать — бег, ходить — ход, синий — синь*.

Семантически инвариантные суффиксы образуют производные слова со СЗ мутационного типа. Например: *школа — школьник, штука-турист — штукатуристик, писать — писатель, бороться — борец, немец — немка; нерв — нервный, гранит — гранитный, офицер — офицерский, роза — розовый*. У производных глаголов это суффиксы *-и(ть), ова(ть)/-ирова(ть)/-изирова(ть)/-изоватъ, -нича(ть)* и *-ствова(ть)*: *век-ова(ть), вальс-ирова(ть), симпат-изирова(ть), реал-изова(ть), мод-нича(ть), спсоб-ствова(ть)*.

В зависимости от своей семантической роли деривационные аффиксы подразделяются на: а) модифицирующие (уменьшительно-ласкательные суффиксы и суффиксы, обозначающие лиц женского пола: *лист → лист-ик, гимнаст → гимнаст-к-а*). Модифицирующие суффиксы переводят производящие основы в другой десигнативный класс; они являются общими для существительного, прилагательного и глагола. К модифицирующим значениям относятся: усилительное (аугментативное), уменьшительное (диминутивное), ласкательное, сравнительное и др. Ср.: *ручищ(а), руч-к(а), руч-еньк(а)*; б) квалифицирующие суффиксы десигнативного значения производящей основы не меняют: *вороб-ушек, вороб-ушк-о, вороб-к-о, вороб-ышек; графит-н-ый, графит-ов-ый*; в) классифицирующие суффиксы выполняют межкатегориальную и внутрикатегориальную классифицирующую функцию: межкатегориальная функция этих суффиксов переводит производящую основу в другую часть речи (*водить → водитель*); внутрикатегориальная функция классифицирующих суффиксов заключается в переключении производящей основы из одного семантико-словообразовательного поля в другое (*шахта → шахтер, школа → школьник*). Большинство суффиксов выполняет классифицирующую функцию. Отсюда определение: словообразовательное значение — это классификационные, модифицирующие и квалифицирующие отношения между производящей основой и деривационным аффиксом.

*Роль мотивирующего слова в формировании
словообразовательного значения производного слова*

Сформулированная выше проблема является в теории словообразования стержневой. К ее решению наметились два подхода: а) анализ СЗ с точки зрения его репрезентации в поверхностной структуре производного слова, т. е. в его морфемной организации, и б) исследование «наращения» или «приращения» смысловых элементов в семантике деривата, существующие в его СЗ в латентном, скрытом, виде. Е. С. Кубрякова предлагает именовать их *п о д р а з у м е в а е м ы м и*¹, поскольку знание производного слова предполагает своеобразный «эффект домысливания» скрытых сем.

Наиболее спорным и поэтому проблемным оказывается вопрос о скрытых смысловых элементах в СЗ. Накопленный исследовательский опыт позволяет рассматривать его в нескольких ракурсах. Это — 1) причины появления и развития скрытых смысловых элементов в СЗ производного слова, 2) типы скрытых сем, 3) взаимосвязь словообразовательных значений в семантической структуре производного и 4) удельный вес скрытых сем в семантике деривата.

Рассматриваются эти вопросы в дериватологии на разных методологических и теоретических основаниях.

Концепция Е. С. Кубряковой, например, исходит из гипотезы, что возникновение скрытых сем в СЗ производного индуцируется (возбуждается) закономерностями лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова.

Такой подход в своей основе содержит убеждение в том, что мотивирующее слово предопределяет появление производного слова всеми своими свойствами — лексическими (например, наличием определенных ЛСВ) и семантико-синтаксическими. По справедливому утверждению Е. С. Кубряковой, «действительная роль мотивирующего слова может быть понята и описана в словообразовании после того, как само слово предстанет перед нами во всем подлинном разнообразии его возможных сочетаний с другими словами ... во всем разнообразии характерных для него синтаксических функций»².

И действительно, СЗ формируется под влиянием не только всех значений мотивирующего слова, но и под влиянием всех отношений, зафиксированных в мотивирующем суждении. Ср.: 1) песни поют: отсюда «тот, кто поет песни», — *певец*; 2) песни сочиняются: отсюда «композитор, сочиняющий песни», — *песенник* (или Маруся Чурай —

¹ См.: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. С. 158.

² Там же. С. 161.

талантливая украинская *песенница*); 3) песни поют в определенном месте («место, имеющее отношение к пению»): отсюда *певческое поле*.

Возвращаясь к механизму появления скрытых значений (или сем) в СЗ, необходимо сосредоточить внимание на следующем. Отсылочная часть выделенных выше производных, с одной стороны, соотносится со всем объемом знаний, извлекаемым из мотивирующего суждения, а с другой — является сжатым, свернутым выражением мотивирующего суждения, его «кратким резюме», за кадром которого остаются многие смысловые элементы, составляющие это суждение. Поэтому они подразумеваются, домысливаются, т. е. существуют в латентном виде. Так, в слове *певец* эксплицитно выражены лишь семы «петь» и «лицо»; в имплицитном состоянии находятся семы «исполнять», «песня» и т. п.

Своеобразно проявляется в производном синтаксическая сочетаемость мотивирующего слова. Так, например, синтаксическая сочетаемость слова *водить* (пример Е. С. Кубряковой) определяется возможностью его соединения с определенным объектом действия *кого, чем*. Причем такими объектами могут служить одушевленные и неодушевленные реалии (*водить детей гулять, водить смычком по струне*). О них информирует и словарь. Однако словарь не содержит указаний на то, что в значении «двигать» и в значении «управлять» этот глагол обнаруживает разные свойства. Во втором значении глагол *водить* сочетается лишь с именами существительными, обозначающими объекты наземные и воздушные, но не находящиеся на воде. Но именно это ограничение в лексической сочетаемости глагола *водить* проявляется в его производном *вождение* (ср.: «*вождение* автомобиля, самолета», но не говорят «*вождение* ребенка»; «*водитель* автомобиля», но недопустимо сочетание «*водитель* детей»; «*вождь* народа, племени», но слово *вождь* не употребляется с неодушевленными именами существительными).

При синтаксическом подходе к словообразовательной семантике формантная часть обеспечивает приращение нового смысла, отсылочная часть, сохраняя мотивирующее значение, индуцирует представление не только о значении мотивирующего слова, но и о связанных с ним ассоциациях.

Таким образом, природа приращиваемых значений, типология и характер скрытых и домысливаемых сем в семантике производного раскрываются путем выявления сочетаемостных свойств мотивирующего слова, их влияния на «поведение» производного. Это можно объяснить тем, что формирование производного слова и, разумеется, его значения происходит не только для удовлетворения номинатив-

ных потребностей речемышления, но и для выполнения самых разнообразных словоизменительных, синтаксических и коммуникативно-прагматических функций.

Итак, признание СЗ самостоятельной семантической категорией исходит из наличия двух необходимых для этого факторов: а) особой формы его существования в виде взаимосвязанных отсылочной и формантной частей, или ономасиологического базиса и ономасиологического признака и б) способа его выражения (формула СЗ: «Химеет отношение к Y»¹): 1) *дружин-ник, корабель-ник, огород-ник, работ-ник, совет-ник*; 2) *малин-ник, ель-ник*. Как показывает анализ, СЗ является специфическим для каждого словообразовательного типа, а средством взаимосвязи ономасиологического признака и ономасиологического базиса служит аффиксальная морфема. Отсюда определение этого понятия: словообразовательное значение — это специфическое для каждого словообразовательного типа смысловое взаимодействие производных и производящих (мотивированных и мотивирующих) единиц. Такое определение СЗ заложено в трудах В. Н. Хохлачевой и П. А. Соболевой.

Принципиально иное понимание СЗ находим в работах В. И. Максимова, который сущность СЗ усматривает в семантическом воздействии деривационного аффикса на значение производного слова. Автор пишет: «...Общее значение, придаваемое суффиксом целой группе однотипных слов, следует называть словообразовательным»². Действительно, анализируемые им примеры подтверждают его размышления: *смел-ость, храбр-ость, решительн-ость*. Но можно ли отождествить с ними по СЗ слова *бесконечн-ость, конкретн-ость, неосязаем-ость*? Подумаем еще над одной группой производных с одним и тем же аффиксом: а) *парник-ов-ый, паспортник-ов-ый, сёд-ов-ый* и б) *образц-ов-ый, прав-ов-ый*; а) допустимо ли отождествление СЗ таких, например, имен существительных с суффиксом *-ник*: *бруснич-ник* (← *брусник-а*), *защитник, молитвен-ник, бумаж-ник*, («карманная сумка») и *бумаж-ник*₂ («рабочий бумажной промышленности»). Вполне очевидно, что СЗ здесь определяется не только значением соответствующих аффиксов. Поэтому нам представляется сомнительным следующее утверждение В. И. Максимова: «...Словообразовательное значение присуще не самим производным, а образующим их аффиксам»³. Из предыдущих рассуждений для нас неоспоримым фактом является формирование СЗ в

¹ X — производное; Y — производящее, мотивирующее слово.

² Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. С. 25.

³ Там же. С. 23.

едином процессе двустороннего взаимодействия производящей основы и деривационного аффикса. И поэтому для нас более убедительны суждения Г. О. Винокура о том, что «никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию»¹. Справедливость такого утверждения Г. О. Винокура основывается тем, что значения аффикса осознаются только в производном и служат образованию слов только определенного словообразовательного типа и в этом плане оказываются с в я з а н н ы м и.

В связи с синсемантическими свойствами аффикса Е. А. Земская, определяя СЗ, ведущую роль в процессе его формирования отводит семантике мотивирующего слова. Устанавливается СЗ путем выявления семантического соотношения производных и производящих (мотивированных и мотивирующих) типа *конь: конина; северюга: северюжина; белуга: белужина; верблюд: верблюжина*. СЗ производных данного словообразовательного типа в результате семантического соотнесения производных и производящих определяется следующим образом: «мясо животного, названного производящей основой»². Здесь СЗ и значение производных слов полностью отождествляются. К сожалению, в определении Е. А. Земской не разъясняется отношение смысловых компонентов СЗ к словообразовательной структуре производных.

Эту задачу пытается решить в своих работах И. С. Улуханов, который в СЗ производного (мотивированного) слова выделяет два обязательных компонента — формантную и мотивирующую часть и один факультативный компонент — дополнительные смысловые элементы, не входящие ни в мотивирующую, ни в формантную части³. Иллюстрируются эти суждения сопоставлением слов *певец* и *певун*. Мотивирующие и формантные части СЗ в этих словах тождественны. Однако СЗ этих слов нетождественны. Они различаются именно дополнительными смысловыми элементами (они заключены в квадратные скобки): *певец* — «лицо, которое [умеет] петь»; *певун* — «лицо, которое [охотной много] поет». Ср. еще: *игрок, игрун, игрец; лесник, лесничий, лесовик*.

Как видим, СЗ выявляется в производном слове, а выражается аффиксом. И действительно, в значении деривационного аффикса содержится

¹ Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. С. 425.

² Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С. 184.

³ См.: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. С. 96.

те смысловые компоненты, которые, собственно, и различают значения производных с одними и теми же мотивирующими частями. Учитывая это обстоятельство, И. С. Улуханов делает вывод: «Значение, выраженное с помощью словообразовательного форманта, можно назвать словообразовательным значением»¹. Словообразовательные аффиксы автор делит на общекатегориальные и частнокатегориальные. А Р. С. Манучарян, развивая идеи И. С. Улуханова, на общекатегориальные и частнокатегориальные делит и словообразовательные значения. Исследования И. С. Улуханова, Р. З. Мурысова и Р. С. Манучаряна² ориентируют на грамматический подход к осмыслению сущности словообразовательного значения.

Лексический подход к изучению СЗ разрабатывается в трудах В. Н. Немченко и О. П. Ермаковой.

Комплексное описание СЗ предпринято в работах И. И. Ковалика и Н. А. Янко-Триницкой³. В этот комплекс входят: а) семантика производного слова; б) взаимодействие общих сем значения производного и СЗ; в) взаимодействие категориального значения производного и СЗ; г) взаимодействие смысловых «наращений» (скрытых смыслов) с семантикой мотивирующих слов и словообразовательными значениями.

Таким образом, в современной дериватологии понятие «словообразовательное значение» получает довольно пеструю интерпретацию (от полного отрицания такового до придания ему самостоятельного статуса):

- СЗ не является самостоятельной семантической категорией (Р. С. Гинзбург);
- СЗ по своей сущности признается ономаσιологической категорией, выраженной формальными словообразовательными средствами (Милош Докулил);
- СЗ — это смысловые отношения между ономаσιологическим признаком и ономаσιологическим базисом (Е. С. Кубрякова);
- СЗ — отношение между мотивирующей (производящей) и мотивированной (производной) основами (Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, Р. З. Мурысов);
- СЗ — это значение словообразовательной модели (Л. И. Полякова), конструктивными компонентами которого является обобщен-

¹ Улуханов И.С. Указ. соч. С. 10.

² См.: Манучарян Р.С. Проблемы исследования словообразовательного значения и средств их выражения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ереван, 1975.

³ См.: Ковалик И.И. Смысловая структура производного слова // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970; Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963.

ное значение производящей основы и значения словообразовательного форманта;

— СЗ представляет собой синтез словообразовательных компонентов производного слова (И. И. Ковалик, И. Г. Милославский, Н. А. Янко-Триницкая).

Поскольку большинство определений СЗ содержит указание на взаимодействие семантики деривационных аффиксов и производящих основ, возникает необходимость разъяснить *соотношение разных языковых значений*: а) лексического, выражаемого мотивирующим словом (и производящей основой, соответственно); б) грамматического, представленного аффиксами и в) словообразовательного — результата взаимодействия конструктивных компонентов производного слова. В самом общем виде это соотношение находим в работах Б. Н. Головина: ЛЗ — индивидуально, ГЗ принадлежит классу слов (части речи), а СЗ — групповое (внутри частей речи). Рассматриваемые типы значений являются, таким образом, разными уровнями обобщения действительности, разными уровнями языковой абстракции: ЛЗ — первый уровень, СЗ — второй, ГЗ — третий.

Итак, СЗ — это типизированное семантически значимое отношение мотивированных слов, принадлежащих к одному и тому же словообразовательному типу, к мотивирующим их словам. Семантически значимые отношения между мотивированным и мотивирующим устанавливаются в процессе *взаимодействия* семантики производящей основы и семантики деривационного аффикса. Так, если мотивирующий глагол обозначает действие, производимое только человеком, то СЗ производных существительных с суффиксом *-тель* определяется как «лицо, производящее действие» (*издатель, водитель, создатель, мыслитель*). Если мотивирующий глагол выражает действие, производимое неодушевленным предметом, то СЗ производных существительных с суффиксом *-тель* определяется как «орудие действия, названного производящей основой» (*распылитель, выключатель*). Во втором случае диапазон СЗ расширяется: а) «помещение, в котором действие происходит» (*вытрезвитель, распределитель*), б) «вещество, которое используется для осуществления действия» (*краситель, растворитель*). Если действие, выражаемое мотивирующим глаголом, может производиться как человеком, так и неодушевленным предметом, то СЗ получает более обобщенную дефиницию — «имеющий отношение к действию, выраженному производящей основой», т. е. «лицо, производящее действие, и предмет, предназначенный для выполнения действия» (*истребитель, очиститель, гаситель*). Нельзя считать индифферентным к СЗ и значение деривационного аффикса. В анализируемых производных

суффикс *-тель* выражает значение «носитель процессуального признака». Сам же процессуальный признак выражается производящей (мотивирующей) основой.

Следовательно, СЗ — это синтез значений словообразовательных компонентов в производных, принадлежащих к одному и тому же словообразовательному типу.

Синтезирование СЗ происходит в результате семантически значимого отношения мотивированного к мотивирующему.

Итак, СЗ — это типизированное и семантически значимое отношение мотивирующих и мотивированных слов, это типизированное значение, которым отличаются все мотивированные слова данного словообразовательного типа от своих мотивирующих. Из сформулированного определения вытекает, что СЗ:

- 1) упорядочивает и классифицирует отражаемую в нем действительность;
- 2) создает стереотипы семантических классификаций;
- 3) соединяет в себе новый опыт со старым;
- 4) хранит человеческий опыт, зафиксированный внутренней формой мотивирующего слова.

Иными словами, осмысление СЗ подчиняется уяснению того, как членится выделенная и именованная действительность, под какие понятийные рубрики она подводится и какими языковыми средствами оформляется.

7.1. СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Носителями ГЗ являются словоформы (единицы морфологии) и синтаксические структуры (единицы синтаксиса). Специфика выражаемых ими значений как раз и обуславливает подразделение ГЗ на морфологические и синтаксические. Своеобразие синтаксического значения исходит из особенностей отношения синтаксической формы к обозначаемой действительности.

Семантика синтаксической структуры (предложения или иного синтаксического образования) представляет собой связь соответствующей языковой структуры с выражаемой денотативной ситуацией.

Выражая сущность синтаксической семантики, сформулированное выше определение оставляет без разъяснения многие вопросы, связанные с пониманием предложения и внеязыковой ситуацией, им выражаемой. В этом плане представляют особый интерес суждения Е. В. Гулыги¹. Исследователь считает, что о синтаксическом значении можно говорить лишь в самом общем виде, что его необходимо конкретизировать применительно к основным синтаксическим единицам, каковыми являются словосочетание, простое предложение и сложное предложение.

Прежде всего следует отметить специфику синтаксической семантики словосочетаний. Она выражает (или, лучше, объективирует в языке) разного рода отношения — атрибутивные, объектные, обстоятельственные и т. п. В семантике же предложения, хотя и «не адекватно, а лишь приближенно, выражаются некоторые наиболее существенные... закономерности объективной действительности, притом выражаются не только по содержанию, но и по форме»². Предметом синтаксиче-

¹ См.: Гулыга Е.В. О семантике предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, 1975. С. 21.

² Адмони В.Г. Структура предложения // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. Л., 1935. С. 6.

ской семантики предложения служат не отношения, как в случае со словосочетаниями, а денотативные ситуации. Значения словосочетаний, следовательно, реализуются внутри предложения. В силу этих различий Е. В. Гулыга предлагает синтаксическими значениями называть только значения, выражаемые предложениями, поскольку именно они способны обозначать ситуацию (событие, факт), тогда как словосочетания называют лишь отдельные элементы ситуации. Однако не следует считать эти суждения бесспорными. И все же сосредоточим основное внимание на семантике предложения. Сформулированное выше определение синтаксического значения, хотя в основе своей и не вызывает возражений, все же больше ставит вопросов, чем отвечает на них. Среди них важнейшим является вопрос о природе и сущности денотативной ситуации, выражаемой предложением. Дело осложняется теми диалектическими противоречиями, которые объективно лежат в основе любого предложения — его принадлежностью и языку, и речи¹. Одной стороной предложение обращено к языку, а другой — к речи: тип синтаксической структуры предложения, т. е. его грамматическая (синтаксическая) форма принадлежит языку, а каждое конкретное предложение как продукт и результат речевой деятельности, как непосредственная реализация модели предложения является единицей речи. Причем одно без другого немислимо: конкретные речевые реализации предложений осуществимы только по соответствующей модели (схеме) построения, предписываемой системой языка, сама же синтаксическая модель не способна к самовыражению, вне конкретных предложений, вне отдельных речевых предикативных образований она просто не существует. Это всецело соответствует общепризнанной формуле материалистической диалектики: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное неполно входит в общее»².

Различение в предложении двух аспектов — речевого и языкового — находит свое обоснование и в семантике. Конкретные (отдельные) предложения выражают конкретный, индивидуальный смысл, передают определенную информацию. Предложение же как единица языка, т. е. схема (модель) предложения, выражает не конкретный индивидуальный смысл, не конкретную мысль, а определенный тип мысли, который и лежит в основе синтаксической семантики предложения. Такое типовое мыслительное построение П. В. Чесноков назы-

¹ См.: *Лекант П. А.* О диалектической природе предложения // Учен. записки. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. М., 1970. Т. 278. Вып. 17. С. 252-253.

² *Ленин В. И.* К вопросу о диалектике // *Ленин В. И.* Философские тетради. М., 1969. С. 318.

вает л о г е м о й¹. Её составляющими являются: а) **предикативность** — соотнесение содержания мысли с действительностью, б) **модальность**, раскрывающая характер этого отнесения и в) относительная **завершённость мыслительного отражения** ситуации.

Таким образом, различают индивидуальный с м ы с л предложения как единицы речи и з н а ч е н и е предложения как единицы языка. Некоторое неудобство и даже путаницу при этом создает терминологическая омонимия, когда термином «предложение» именуется два хотя и взаимосвязанные, но все же разные образования. Поэтому конкретные, актуальные предложения, индивидуальные речевые построения некоторые авторы именуют высказываниями (В. Г. Гак) или фразами (М. И. Черемисина). Это, по терминологии И. П. Сусова, предложения на коммуникативном уровне, тогда как абстрактная схема, модель, формула, реализующаяся в конкретных высказываниях, называется собственно предложением, или предложением на синтаксическом уровне².

В соответствии с предпринятым разграничением говорят 1) о **коммуникативном значении** предложения-высказывания, т. е. сообщении о конкретной ситуации и 2) о **синтаксическом значении**, т. е. о некотором обобщенном в языковом сознании типе ситуаций, своего рода типизированной абстракции. По определению Г. А. Золотовой³, синтаксическое значение — типовое значение, обобщающее коммуникативные значения конкретных высказываний (фраз), построенных в речи по одной и той же модели. Например, типовое значение «предмет и его качество» выражается рядом предложений-высказываний, образованных по одной модели: *Студент прилежен; Он умен; Его мышление нестандартно*. Кроме того, Г. А. Золотова считает, что такое типовое значение может быть выражено и синонимичными моделями. Ср.: *Студент отличается прилежанием; Студента отличает прилежание; Для студента характерно прилежание*.

Коммуникативные и синтаксические значения взаимосвязаны подобно тому, как взаимосвязаны структурная схема, или модель, предложения и высказывание (фраза). Схема, модель, формула предложения входят в конкретное высказывание в качестве его конструктивной основы: в процессе порождения высказывания такая абстрактная

¹ См.: *Чесноков П. В.* Семантическая структура предложения // Семантическая структура предложения. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 1978. С. 6.

² См.: *Сусов И. П.* Формальные и семантические аспекты предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 62.

³ См.: *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. С. 98; *Она же.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 25-26.

схема-основа обретает свою плоть, воплощаясь в конкретное речевое образование при помощи определенных лексических, интонационных и коммуникативно-морфологических средств, соответствующих коммуникативным намерениям говорящего. С другой стороны, модель (схема) предложения возникает в языковом сознании в результате «абстракции от реальных объектов, ее выявление связано с отвлечением от звуковой формы предложения, его лексического состава, от конкретности его словоформ»¹. Подобные взаимоотношения существуют, на наш взгляд, и между коммуникативным и синтаксическим значениями. Синтаксическое значение является важнейшим компонентом коммуникативного значения, его фундаментом. Думается, что и обратное воздействие коммуникативного значения со всеми организующими его языковыми средствами (лексическими, коммуникативно-морфологическими) существенно для формирования в языковом сознании говорящих значения синтаксического. Однако эту точку зрения разделяют далеко не все исследователи синтаксической семантики. В целом же недостаточное внимание к диалектическому взаимодействию коммуникативного и синтаксического значений порождает перекосы в интерпретации семантики предложения. В настоящее время наиболее острая полемика ведется между представителями двух направлений.

Согласно учению первого направления, семантическая структура предложения изоморфна структуре обозначаемой ситуации. Ф. П. Филин² усматривал в таком подходе влияние неопозитивизма³. В лингвистике эта концепция впервые была обоснована в трудах Л. Теньера и А. Греймаса. Предложение, в их представлении, изображает «драму в миниатюре» с определенным набором участников (их автор называет актантами), отношений между ними и условиями действия (сирконстантами). Эта мысль наиболее обстоятельно развивается в отечественном языкознании В. Г. Гаком.

Другое направление синтаксическую семантику рассматривает в свете логической теории, увязывая ее логические и языковые категории (Н. Д. Арутюнова, Н. Ю. Шведова, О. И. Москальская и др.). Так, О. И. Москальская, например, считает, что единицей семантического моделирования в синтаксисе должна стать структура смысла предло-

¹ *Валимова Г.В.* Предложение как единица языка и речи // Вопросы изучения русского языка. Ростов н/Д., 1964. С. 18.

² См.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 12.

³ Неопозитивизм — современный позитивизм. Объектом науки он объявляет логическую структуру науки, ее язык. Задачей науки считает описание внешних связей между явлениями.

жения, его семантическая модель. В основе синтаксической семантики предложения, его семантической структуры лежит, по мнению представителей данного направления, понятийное содержание.

Некоторые исследователи (например, Т. В. Шмелева) выделяют еще и третье направление в описании синтаксической семантики. Оно восходит к идее Шарля Балли о разграничении в предложении диктума и модуса¹. В трудах этой группы лингвистов разрабатывается учение о модальной рамке предложения, т. е. о его оценочном содержании (А. Вежбицкая)².

Какое же из указанных направлений наиболее близко к истине? Полагаем, что каждое из них, взятое в отдельности, страдает известной недостаточностью. Учитывая диалектическое взаимодействие коммуникативного и синтаксического значений, считаем, что всестороннее описание сущности синтаксической семантики возможно лишь в единстве всех трех направлений, поскольку они обращены к разным ее компонентам — событийному, логическому и оценочному. В реальных высказываниях эти компоненты представлены в разных комбинациях и с разным удельным весом.

Исходя из глубоких подобий в строении значений слова и предложения³, выделенные компоненты могут быть описаны в терминах денотации и сигнификации.

Денотативный компонент синтаксического значения

Денотатом синтаксического значения является типизированная ситуация, или структура «участников» обозначаемого события. Иными словами, под денотативной ситуацией понимается событийный аспект синтаксической семантики. Денотативная ситуация образуется, по мнению В. Г. Гака, координацией материальных объектов и их состояний в *пространстве* и *времени*. Из такого понимания вытекает, что координация материальных объектов и их состояний, т. е. установившиеся между ними стабильные связи и отношения образуют структуру денотативной ситуации.

Спецификой денотатов синтаксических значений является их обобщенно-типизированный характер. Таковыми, по справедливому утверждению И. П. Сусова, следует считать «не конкретные, единич-

¹ Диктум — основное сообщение, содержанием (денотатом) которого является определенное положение дел во внеязыковой реальности. Модус — образ (способ) — модальная интерпретация диктумного события.

² См.: *Wierzbicka A. Dociekania semantyczne*. Wrocław, 1969.

³ См.: *Апресян Ю.Д. О структуре значений языковых единиц // Tekst i zdanie: Zbiór studiów*. Wrocław, 1983. С. 313.

ные ситуации или конкретные системы отношений, а обобщенные, типовые ситуации и системы»¹, которые существуют объективно или мысленно конструируются в нашем языковом сознании как типовые аналоги первых. Однако вторая часть данного суждения не может не вызывать возражений, поскольку приводит к нежелательному отождествлению денотации и сигнификации синтаксических структур, хотя их дифференциация на уровне синтаксической семантики — задача непростая. Ведь типовые связи и отношения между объектами денотативной ситуации, обозначаемой предложениями, — результат сложной речемыслительной деятельности. Видимо, это обстоятельство стало решающим для теории Г. В. Колшанского, фактически растворившего денотативный компонент синтаксической семантики в ее сигнификате. «Семантика синтаксической структуры, — по мнению ученого, — может иметь два плана понятийного содержания: отраженное в ее структуре вещное отношение и значение собственно грамматических форм, определяющих внутреннюю конституцию структуры и относящуюся лишь опосредованно к вещным связям»². Нет, разумеется, сомнений в диалектике денотации и (коннотации) сигнификации синтаксических структур. Второе рассматривается как мыслительное производное первого. В этом плане стоит согласиться с Г. В. Колшанским в той части его рассуждений, где он заключает, что «семантика синтаксиса должна исследоваться в принципе только при опоре на гносеологическую сущность отражения в мышлении объективного мира»³. Однако с целью глубинного познания семантической структуры предложений целесообразно все же рассматривать ее денотативный и сигнификативный компоненты как различные, хотя и взаимосвязанные, уровни синтаксической семантики.

Денотативная ситуация составляет ядро синтаксического значения. Семантическая интерпретация денотативной ситуации предполагает, если использовать упомянутую выше метафору Л. Теньера, определение: а) участников драмы в миниатюре, б) их положения, состояния, постоянных и переменных свойств, в) рассмотрение их взаимоотношений и взаимодействий, придающих разыгрываемой драме целостный и динамический характер.

Денотат синтаксического значения представляет собой реальное «положение дел» того фрагмента действительности, который выра-

¹ Сусов И. П. Глубинные аспекты семантики предложения // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 60.

² Колшанский Г. В. Категория семантики в синтаксисе // Проблемы синтаксической семантики: Материалы науч. конф. М., 1976. С. 26.

³ Там же. С. 27.

жается предложением или иной синтаксической структурой. Одна и та же денотативная ситуация может быть выражена разными синтаксическими структурами. Т. А. Колосова и М. И. Черемисина сравнивают два предложения: 1) *Поскольку я заболел, в командировку выехал мой заместитель* и 2) *Из-за моей болезни в командировку выехал мой заместитель*. Здесь двумя разными языковыми способами выражена одна и та же ситуация, но «каждому способу соответствует свое, специфическое лингвистическое содержание, своя семантика, свой смысл: в одном случае это десигнат предикативной единицы, в другом — прижательного сочетания в предложно-падежной форме»¹. Кроме термина «денотативная ситуация», для обозначения предметно-ситуативного ядра синтаксической семантики предикативных и непредикативных структур используются как равнозначные термины «положение дел» (С. Д. Кацнельсон, В. А. Белошапкова), «событие» (С. Д. Кацнельсон, В. Г. Гак, Т. П. Ломтев и др.), «препозиция» (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Шмелева), «факт» (Н. Д. Арутюнова, В. А. Белошапкова), а также «явление», «действие», «процесс» и др.

Названные термины так или иначе связаны с обозначением того внеязыкового фрагмента действительности (денотативной ситуации), который прямо и непосредственно именуется соответствующей синтаксической структурой, что позволяет говорить о ее номинативной функции. Здесь могут возникнуть возражения: правомерно ли за предложением усматривать функцию именованности? Более привычным для нас является понимание предложения как единицы коммуникативной. В данном случае, как нам представляется, не разграничиваются рассмотренные выше понятия «предложение» и «высказывание». Предложениям — единицам языка — присущи номинативные свойства, а высказываниям — единицам речи — коммуникативные функции, то есть функции сообщения.

Что же значит в синтаксисе именовать денотативную ситуацию? Однозначного ответа на этот вопрос в лингвистике пока нет. Н. Д. Арутюнова, например, использует для разъяснения этого явления понятие «пропозиционное наименование» («пропозитивная номинация»)². В. А. Белошапкова понимает под пропозицией «объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, какую придает ему

¹ Колосова Т.А., Черемисина М. И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск: Наука, 1986. С. 12.

² См.: Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопр. языкознания. 1971. № 6. С. 65.

та или иная формальная организация предложения»¹. Понятие «пропозиция» в семантическом синтаксисе интерпретируется, таким образом, как результат номинации типизированного события, ситуации (А. В. Супрун), «как семантический объект (точнее, класс таких объектов), прямо и опосредованно соотносенных с предложением как адекватной формой своего выражения»². Пропозиционное наименование связано с выражением смысловых структур, или семантических моделей предложений (семантических синтагм). Семантическая модель предложения представляет собой, следовательно, отражение в языковом сознании говорящих на данном языке типизированной внеязыковой ситуации («драмы в миниатюре») с определенным набором «участников» и отношений между ними. Именно в связи с отражением семантической моделью таких отношений (по латыни — реляций) И. П. Сусов называет ее реляционной структурой, в которой вычленяет три элементарные семантико-синтаксические единицы — р е л я т е м ы. Это 1) производитель действия, или агенс, 2) действие и 3) предмет действия, или пациенс. Ср. построенные по этой модели высказывания: *Оркестр исполняет симфонию; Мальчик читает книгу; Девочка выращивает цветы.*

Таким образом, семантическая модель «агенс — действие — пациенс» отражает типизированную денотативную ситуацию, соотносимую со множеством конкретных ситуаций (референтов), где имеет место подобное распределение ролей между участниками «драмы в миниатюре».

Сущность синтаксической номинации заключается в том, что семантическая модель (или реляционная структура, по И. П. Сусову) получает в языке наименование посредством соответствующей синтаксической структуры, которая и выступает адекватной формой выражения данной семантической модели. Синтаксическую структуру, служащую адекватной формой выражения семантической модели, В. В. Богданов называет элементарным предложением³. Состоит оно из двух видов имен, или знаков: а) непредикатных знаков, то есть имен участников «драмы в миниатюре» (имен вещей) и б) предикатных знаков, обозначающих свойства и отношения. Первые выражают сему «вещность», а вторые — сему «свойство» или «отношение». К числу непредикатных знаков относятся только имена существительные и субстантивные местоимения, содержащие в своей семантической струк-

¹ Белошанкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошанковой. М., 1981. С. 481.

² Колосова Т.А., Черемисина М.И. Указ. соч. С. 28.

³ См.: Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 29.

туре сему «вещность». Существительные, не имеющие в своей семантике этой семы, являются предикатными знаками (Он — *певец*). Поскольку свойства и отношения вещи практически неисчислимы, предикатные знаки представлены самыми разными лексико-грамматическими разрядами. Существует и другое терминологическое обозначение: «имена», то есть непредикатные знаки, и предикаты, или предикатные знаки. В силу их однословности они, на наш взгляд, более удобны. В семантической структуре предикатов имеются парадигматические и синтагматические значимости. Благодаря синтагматической значимости (валентности) предикаты обладают способностью сочетаться с именами (непредикатными знаками), образуя тем самым предикатное выражение. Его конструктивным центром выступает, разумеется, предикат. Он определяет структуру всего предикатного выражения, которое может состоять или лишь из одного предикатного знака, или в его сочетании с непредикатным(и) знаком (знаками). Ср.: *Знобит; Актер талантлив; Актер играет роль; Кружковцы подготовили спектакль*. Предикатные выражения могут быть не только простыми, но и сложными, если «включают в себя несколько предикатных знаков, сопровождаемых или не сопровождаемых непредикатными знаками»¹. Например: *Учитель предложил нам посетить выставку; Художник талантлив, хотя и непрофессионал*.

Оба предикатных выражения включают в себя по два предиката (*предложил, посетить* и *талантлив, непрофессионал*). Предикатные выражения могут быть репрезентированы не только предложениями, но и другими синтаксическими построениями — словосочетаниями и синтаксическими оборотами. Они могут соотноситься с одной и той же денотативной ситуацией (реляционной структурой), объединяющей одни и те же ситуативные элементы (по другой терминологии, «участники», актанты или партиципаны, а в трудах Ч. Филлмора — «Глубинные падежи»). Количество возможных «участников», или актантов, образующих семантическую модель предложения, зависит, видимо, от уровня (степени) детализации свойств и отношений, приписываемых «участникам» разыгрываемой драмы, или, иными словами, от «порога дробности» функций, присущих аргументам (лат. *argumentum* — влогике: основание доказательства). Так, В. Г. Гак выделяет 7 актантов, Т. Б. Алисова (на материале итальянского языка) — 14 функций актантов, столько же функций актантов определяет В. В. Богданов, в работах Ю. Д. Апресяна их уже 25, Н. Н. Леонтьев обнаруживает 50 функций актантов.

¹ Богданов В. В. Указ. соч. С. 39.

В качестве иллюстрации приведем актанты, выделенные В. Г. Гаком: 1) субъект (отправитель), 2) объект, 3) адресат, 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина), 5) пространственный конкретизатор (место-пребывание, исходная или конечная точка движения), 6) временной конкретизатор, 7) субстанция, которой принадлежит, либо часть которой составляет субъект или объект.

Представленный перечень актантов оспаривается многими лингвистами и с количественной, и с качественной точек зрения. Так, при выборе более глубокого «порога дробности» единый (обобщенный) «локатив», или, по В. Г. Гаку, пространственный конкретизатор, членится на такие составляющие его элементы, как «место», «начальная точка», «конечная точка», «маршрут», «источник» и др.¹ Что же, такое дробление актанта (в нашем случае — локатива) вполне, на наш взгляд, допустимо, поскольку оно соответствует реальным объектам номинируемой ситуации — их предметно-пространственному соотношению в пределах денотативной ситуации. И. П. Распопов, напротив, считает, что такие актанты, как пространственный и временной конкретизаторы, вообще должны быть изъяты из перечня актантов, предложенного В. Г. Гаком, поскольку по отношению к актантам «субъект», «объект», «адресат» являются величинами иного порядка — явлениями речевой, а не реальной действительности, то есть они, по его мнению, не являются элементами денотативной ситуации. Действительно, к именам (непредикатным знакам) они не относятся, однако предикатная часть многих семантических моделей (реляционных структур) без пространственных и временных релятем немислима. И все же нельзя не согласиться с И. П. Распоповым в той части его рассуждений, где он проводит филигранное различие между разными по своей сущности элементами предикатного выражения. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, элементы предикатного выражения, соотносимые с реальными ситуативными объектами, следует называть актантами, а за элементами пространственно-временной конкретизации закрепить понятие и термин «релятема». Это не противоречит известному определению И. П. Сусова: «Сущность релятемы заключается в ее соотношенности с одним из моментов в строении ситуации или системы отношений, отображаемой в целом в реляционной структуре»².

Определение количества и функционального качества актантов и релятем имеет основополагающее значение для определения семантических моделей предложений. При их построении необходимо пом-

¹ См.: Богданов В. В. Указ. соч. С. 66-67.

² Сусов И. П. Глубинные аспекты семантики предложения. С. 60.

нить, что в репрезентируемых ими предикатных выражениях смысловым центром выступают предикаты, которые обычно в силу своей семантической валентности способны сочетаться с одним, двумя или тремя актантами и релятемами. По этому принципу Л. М. Васильевым выделено три разновидности семантических моделей предложений¹.

1. Семантические модели, реализуемые предикатными выражениями с одновалентными предикатами: а) «субъект + бытие» (*Он есть; Его нет*); б) «субъект + физическое или психическое состояние» (*Он устал; Ему холодно; Мне грустно*); в) «субъект + состояние перехода, изменений» (*Дети взрослеют; Ягоды созревают*); г) «субъект + способность» (*Соловьи поют; Змеи ползают*); д) «деятель + деятельность» (*Скульптор ваяет; Студенты учатся*); е) «источник звука + звучание» (*Гром гремит; Колокола звонят*); ж) «источник света + свечение» (*Звезды мерцают*).

2. Семантические модели, конституируемые двухвалентными предикатами: а) «субъект + действие + результат действия» (*Студенты приобретают знания*); б) «субъект + ощущение + объект» (*Пациент ощущает боль*); в) «субъект + обнаружение + объект» (*Путник нашел дорогу*); г) «субъект (каузатор) + перемещение + перемещенный объект» (*Хозяева переставляют мебель*); д) «субъект + бытие + локатив» (*Альпинисты находятся в горах*); е) «субъект + перемещение + направление» (*Альпинисты отправились в горы*); ж) «субъект + поведение + оценка» (*Он вел себя мужественно*); з) «субъект (обладатель) + отношение принадлежности + объект» (*Отец приобрел дачу*).

3. Семантические модели, выражаемые предикатными выражениями с трехвалентными предикатами: а) «субъект (информатор) + сообщение + сообщаемое + адресат» (*Сын телеграфировал отцу о покупке*); б) «субъект + процесс передачи + объект + адресат» (*Он подарил другу книгу*); в) «субъект + отношение оценки + результат оценки (чувство) + адресат» (*Ученики с почтением относятся к учителю*).

Можно привести примеры семантических моделей, которые реализуются предикатными выражениями с четырех-, пяти- и шестивалентными предикатами, обладающими несколькими синтагматическими семами факультативного характера.

Выделенные Л. М. Васильевым семантические модели предложений представляют собой первую ступень языкового оформления результатов отражения и познания ситуаций и событий, наблюдаемых в реальной действительности. В связи с этим семантическая модель пред-

¹ См.: *Васильев Л. М.* Семантические модели предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1976. С. 126-127.

ложения а) состоит из постоянных элементов, б) обладает устойчивой структурой, в) изоморфна моделируемой ситуации, г) проецирует основные черты структуры предложения, д) не фонематична, то есть не облечена в звуковые формы. Иными словами, семантическая модель отражает в обобщенном виде объект синтаксической номинации. Что же значит именовать ситуацию?

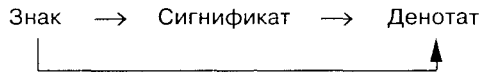
«Наименовать ситуацию (событие, факт), — пишет И. П. Распов, — это значит назвать и соединить в одно структурное целое, соотносимое в нашем сознании с логической пропозицией, действие (состояние, свойство, отношение) и его “участников”»¹. В этом, не вызывающем в сущности возражений, определении содержится мысль о необходимости выделять особый тип пропозиции — логическую пропозицию. Однако теоретическое обоснование различия событийных и логических пропозиций разработано в трудах Т. В. Шмелевой. Событийные пропозиции в ее концепции — это семантические модели событий и ситуаций, имеющих место в реальной действительности, а логические пропозиции моделируют умственные, логические операции. Вторые, на наш взгляд, к денотатам не относятся. Они составляют основу сигнификативного компонента синтаксических значений.

Сигнификативный компонент синтаксического значения

Сигнификативный компонент семантики предложения формируется на второй ступени отражения и познания действительности. На первой ступени познания происходит отражение лишь непосредственно воспринимаемой денотативной ситуации без выявления внутренней связи между «участниками» ситуации. На первой ступени в языковом сознании фиксируются лишь внешне воспринимаемые соотношения элементов номинируемой ситуации. Внутренние же связи между «участниками» разыгрывающейся драмы в миниатюре и их признаками, состояниями и действиями устанавливаются не предметным, а абстрактным мышлением. Именно абстрактное мышление способно преобразовать денотативные отношения, выявленные в результате живого созерцания, в логико-смысловые отношения. При этом следует сказать, что между первым и вторым типом отношений существует связь, в чистом виде они не встречаются. Денотативные отношения представляют отношения между элементами ситуации, координацию материальной субстанции, образуя таким образом реляционный каркас для логико-смысловой структуры предложения, для его сигнифика-

¹ *Распов И. П.* Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // *Он же.* Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1981. С. 86.

та. Иными словами, отнесенность предложений к денотативным ситуациям осуществляется через посредство сигнификата¹:

Что же представляет собой сигнификат синтаксического значения?

В отличие от лексического значения, сигнификат которого имеет понятийную природу, сигнификативный компонент синтаксического значения своим возникновением обязан суждению.

Способность суждения в качестве сигнификата выступать связующим звеном между знаком и денотатом обуславливается его двухуровневой природой². Нижним уровнем его структуры является пропозициональная функция, отражающая объективные связи и отношения, существующие между элементами денотативной ситуации, то есть реляционную структуру, или событийную пропозицию. Отсюда, кстати, и термин «пропозициональная функция» (= потенциальная способность реализовать, выразить пропозицию). Этой стороной суждение обращено к денотативной ситуации. Суждение как пропозициональная функция соотносимо с синтаксическим членением предложения, с его актантной структурой.

Второй уровень структуры суждения как сигнификат синтаксического значения имеет субъектно-предикатную организацию. Основными элементами этой структуры являются логический субъект и логический предикат. Первый выражает понятие о предмете мысли, второй — понятие о признаках, приписываемых этому предмету мысли. Субъектно-предикатный уровень суждения соотносится с логико-грамматическим, или актуальным членением предложения. Логико-грамматическое членение предложения предполагает вычленение логико-грамматического (ЛГ) субъекта и логико-грамматического (ЛГ) предиката. Например: *Солнцесветит; Ветерсрываетлистья. Солнце, ветер* — ЛГ субъекты, а *светит* и *срываетлистья* — ЛГ предикаты. Однако такой изоморфизм в структурировании мысли и способа ее языкового оформления не обязателен. В этом отношении предметом полемики, как правило, оказываются односоставные предложения типа *Морозит; Утро; Ласковымсловомикаменьрастопишь; Стемнело; Рассветает*. Л. В. Щерба назвал их одночленными (они не членятся на синтагмы). В связи с этим одни исследователи (например, П. Е. Слущкина) счи-

¹ См.: Сусов И. П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973. С. 8.

² См.: Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. С. 128.

тают, что они суждений не выражают, другие (например, В. И. Сергеева) — отстаивают противоположную точку зрения. Первая точка зрения представляется нам несостоятельной, поскольку предложения, кроме суждений, ничего не выражают. Так, в предложении *Морозит* логический субъект не выражен, но это не значит, что в суждении, которое передается этим безличным предложением, его также нет. Ведь без логического субъекта суждение просто немыслимо (П. В. Копнин). В нашем предложении субъектом суждения является не материальный, а мыслительный предмет. Им следует признать мысль о том, чему при-суще выраженное в данном безличном предложении состояние. Следовательно, в основе любого предложения в качестве его логического субстрата лежит суждение в виде пропозициональной функции (a R b) и субъектно-предикатной структуры (S–P). Субъектно-предикатные отношения надстраиваются над пропозициональной функцией и актуализируются в высказывании (В. З. Панфилов). Между двумя уровнями суждения существует взаимосвязь, что обуславливается их гносеологической природой. На первом уровне (уровне реляционной структуры, или пропозициональной функции) фиксируется соответствующая денотативная ситуация («участники» и их внешние отношения). На втором уровне суждения отображаются результаты познания этой же ситуации и сам ход познавательного процесса в форме субъектно-предикатных отношений (структур). Поскольку же познавательная деятельность человека включает в себя, кроме объективных, еще и субъективные факторы, то познание и осмысление одной и той же денотативной ситуации может осуществляться в разных ракурсах, то есть сам ход осмысления ситуации может приобретать разные конфигурации (схемы). Вот почему субъектно-предикатная структура суждения более подвижна. Иными словами, суждение, передаваемое предложением, не меняя своей пропозиционной функции (a R b), способно видоизменять субъектно-предикатную структуру, то есть представлять пропозициональную функцию в различных субъектно-предикатных отношениях. Ср.: *Художник создает картину. — Картина создается художником; Оркестр исполнил элегю. — Элегия исполнена оркестром.* Пропозициональная структура (a R b) суждений «субъект + действие + объект» представлена здесь разными субъектно-предикатными отношениями (S–P). Различие между субъектной и объектной перспективой на уровне пропозициональной функции находит выражение в субъектно-предикатных структурах суждения. А это, в свою очередь, отражается на семантике активных и пассивных конструкций: в первом случае конструктивный центр предложения содержит субъект, а во втором субъект образует его периферию.

Таким образом, «в составе предложения определенными языковыми средствами фиксируется и структура суждения как пропозициональной функции, и его субъектно-предикатная структура»¹. Пропозициональная структура предопределяет синтаксическую организацию предложения², а субъектно-предикатные отношения — его логико-грамматическую конструкцию. Однако прямые соответствия между уровнями организации мысли (суждения) и формами их языкового выражения не всегда обнаруживаются в речемыслительных построениях (ср.: *Писатель пишет книгу*. — «субъект + действие + объект»).

Несоответствия проявляются сразу же, если в синтаксическую структуру предложения, кроме подлежащего, сказуемого и дополнений (прямых и косвенных), входят также и такие второстепенные члены предложения, как определение и несубстантивное обстоятельство (*Известный писатель пишет новую книгу; Этот писатель пишет талантливо*). Действительно, определения *известный* и *новую*, обстоятельство *талантливо* каких-либо элементов пропозициональной структуры суждения не выражают. Они лишь входят в состав подлежащего или в состав сказуемого. Именно поэтому В. З. Панфилов настаивает такой вид членения предложения называть синтаксическим, а не логико-синтаксическим (ср. работы В. Г. Адмони).

Напротив, между субъектно-предикатными структурами суждений и логико-грамматическим (актуальным) членением предложения существуют взаимоднозначные соответствия. При этом необходимо помнить, что актуальное членение предложения осуществляется не только при построении высказываний, но и во внутренней речи.

Нет прямых корреляций и между двумя типами членения предложения.

1. Предложение одной и той же синтаксической структуры может иметь разное логико-грамматическое (актуальное) членение (показано одной или двумя косыми). Ср.:

Между ягод / сети-паутинки,
Гибких лоз // стволы / еще тонки,
Облака / плывут, // как льдинки,
В ярких водах голубой реки.

Анна Ахматова

2. Предложения одного и того же лексического состава, но различные по своей синтаксической структуре могут иметь одно и то же ло-

¹ Панфилов В.З. Указ. соч. С. 128.

² Типовые пропозиции предлагается называть «синтаксическим» концептом. Ср.: Попова З.Д. Концепт ситуации в структурной схеме простого предложения // Русский язык конца XX века. Воронеж, 1998. С. 40—41.

гико-грамматическое членение, как, например, предложение из поэзии А. Блока (а) и его трансформ (б):

- а) Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадилный берегу.
- б) Свечи зажигаются мною, отроком,
Оберегается кадилный огонь.

Обе синтаксические структуры, имея одно и то же логико-грамматическое членение, выражают одно и то же субъектно-предикатное суждение. Логический субъект соответственно выражается здесь подлежащим *я* или дополнением *мною*, а логические предикаты — группами сказуемых. Взаимодействие, наблюдаемое между синтаксической структурой и логико-грамматическим членением предложения, обусловлено взаимодействием пропозициональной и субъектно-предикатной структур суждения.

Итак, многообразные денотативные ситуации в процессе их осмысления обобщаются и группируются в ситуации абстрактные, содержащиеся в языковом сознании и выражающие свойства и признаки денотатов, а также отношение к ним говорящих. В языковом сознании эти абстрактные (сигнификативные) структуры оформляются глубинными языковыми образованиями, тем самым являясь стимулятором порождения соответствующих семантико-синтаксических структур. По мнению В. В. Богданова, процесс порождения глубинных языковых образований включает в себя три ступени: *реляционную*, порождающую синтаксические структуры, аналогичные абстрактным ситуациям; *предикационную*, которая переводит реляционные структуры (или пропозициональные функции) в субъектно-предикатные отношения; *модификационную*, где предикационная структура подвергается модальной, темпоральной, персональной и прочим модификациям¹. Главной речемыслительной задачей таких глубинных синтаксических структур является выражение определенными языковыми средствами отношения синтаксического построения к внеязыковой действительности (денотативной ситуации). Такая отнесенность в лингвистике называется предикативностью.

7.2. ПРЕДИКАТИВНОСТЬ

Понятие «предикативность» в семантическом синтаксисе является, пожалуй, наиболее неопределенным. Вокруг него все еще продолжают ломаться копья. В борьбе мнений рождаются не только различ-

¹ См.: Богданов В. В. Указ соч. С. 45.

ные, но и прямо противоположные точки зрения: от признания предикативности основным свойством семантической структуры предложения (Т. П. Ломтев, В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, В. С. Юрченко и др.) до полного отрицания связи предикативности с предложением (М. И. Стеблин-Каменский, Г. М. Райхель). Наиболее ярко и точно эти полярные точки зрения сформулированы Т. П. Ломтевым и М. И. Стеблиным-Каменским. «То, что обладает свойством предикативности, — категорически заявляет Т. П. Ломтев, — есть предложение; то, что не обладает этим свойством, не есть предложение»¹. Как вытекает из этого суждения, предикативность — это такое свойство, благодаря которому предложение становится предложением и которое отличает его от всех других синтаксических образований. Противоположную, и не менее категоричную, позицию занимает М. И. Стеблин-Каменский. Он пишет: «...Предикативность — это не существенный признак предложения. В предложении может не быть предикативности, и предикативность может быть там, где нет предложения»².

Много противоречий и даже белых пятен и в пределах первого направления. Во-первых, следует выяснить, каким образованиям при-суща предикативность — предложению как единице языка или предложению как единице речи? Во-вторых, необходимо определить смысловые компоненты этой категории и языковые средства ее выражения.

Однако, несмотря на противоречивые толкования понятия предикативности и ее роли в порождении предложения, сущность его понимается, как правило, однозначно: это отнесенность содержания предложения (мысли) к действительности. Данное определение, являясь общепризнанным, все же суть дела не разъясняет. Прежде всего возникает недоумение: почему отнесенность мысли к действительности признается отличительным свойством предложения, разве другие значимые единицы языка таким свойством не обладают? Ведь любая единица мышления (представление, понятие, суждение), являясь содержательной стороной (означаемым) языковых знаков (слов, словосочетаний, предложений), отражает соответствующие фрагменты действительности, и в этом смысле любые языковые знаки служат средством отношения их означаемых к действительности. Для устранения противоречия П. В. Чесноков предлагает разграничивать понятие «соотнесение мысли с действительностью» («отнесение, отнесенность мысли к действительности») и понятие «отношение мысли к дей-

¹ Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 27.

² Стеблин-Каменский М.И. О предикативности // *Он же*. Спорное в языкознании. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 43.

ствительности»¹. Если второе присуще всем значимым единицам языка, то первое свойственно только предложению, поскольку лишь предложение способно через свою семантическую структуру осуществлять акт отнесения мысли к действительности. Почему лишь предложение? Секрет, видимо, в специфике его семантической структуры, выражающей предикативное отношение между двумя предметами мысли — семантическим предикатом и семантическим субъектом (в двусоставном предложении предикативные отношения выражаются его главными членами). Такое разграничение весьма существенно для понимания категории предикативности. И все же за кадром остается главное: чему принадлежит предикативность — мысли или предложению, выражающему эту мысль? Обсуждая этот вопрос, П. В. Чесноков считает, что предикативность заключается в «мысленном указании на наличие отношения мысли к какому-либо факту действительности...»². Непонятным здесь оказывается то, как может осуществляться отнесение мысли к действительности посредством «мысленного указания». Ведь идеальное содержание (мысль), чтобы стать «реальной действительностью», предполагает материальные средства своего выражения. Поэтому весьма существенным является дополнение В. З. Панфилова: «Предикативность есть и свойство мысли, и, в той мере, в какой она имеет определенные языковые показатели, свойство предложения, выражающего эту мысль»³. Ученый считает, что предикативность является свойством суждения как субъектно-предикатной структуры мысли и свойством предложения на уровне его логико-грамматического членения. Следовательно, здесь различается предикативность логическая и предикативность лингвистическая. Логическая предикативность определяется как отнесение признаков (предикатов мысли) к предметам (субъектам мысли). В семантическом синтаксисе под предикативностью понимается выражение языковыми средствами отношения содержания мысли к действительности. По способу языковой репрезентации предикативности различают категориальную и интегральную предикативность⁴. Первый тип предикативности определяется как свойство признаков (предикатных) знаков выражать

¹ См.: Чесноков П. В. О предикативности как свойстве предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 174.

² Чесноков П. В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. Ростов н/Д., 1979. С. 20.

³ Панфилов В. З. Указ. соч. С. 153.

⁴ См.: Колесников В. В. Уровни репрезентации предложения и уровни предикативности // Вопросы семантики и методики преподавания иностранных языков. Минск, 1982. С. 22.

динамический признак предмета мысли. Второй тип предикативности — свойство предикатных выражений (по В. В. Богданову), т. е. отнесение мысли к действительности посредством соединения предикатного и непредикатного знака. Деление лингвистической предикативности на два типа лишь усложняет ее понимание. Поэтому целесообразнее, на наш взгляд, первое свойство (свойство предикатных знаков) называть предикатностью, а второе — предикативностью.

Итак, лингвистическая предикативность — это свойство языковых образований, состоящих из предикатного и непредикатного знаков, выражающих соответственно семантический предикат, семантический субъект и отношения между ними. Однако такое понимание предикативности требует дополнительных размышлений, в крайнем случае, по двум принципиально важным проблемам: а) обладают ли предикативностью односоставные предложения, состоящие только из предикатных знаков, и б) что является обладателем предикативности — предложение или высказывание?

На первый вопрос следует ответить утвердительно. В односоставных предложениях семантический субъект оказывается невербализованным. Ср.: *Утро; Рассветает; Прохладно*. И все же он выступает здесь в виде чувственного образа, который, собственно, и характеризуется тем или иным семантическим предикатом. Следовательно, предикативные отношения в таких случаях устанавливаются между содержанием семантического предиката и чувственным образом. Без такой связи соотнесение мысли с действительностью немислимо. Иными словами, отсутствие в структуре односоставных предложений семантического субъекта компенсируется в нашем сознании логико-психологическими суждениями (В. В. Бабайцева), или логемами (П. В. Чесноков).

Второй вопрос — о языковой или речевой сущности категории предикативности — все еще находится в стадии изучения.

Обоснование языкового статуса предикативности содержат работы П. В. Чеснокова, И. Ф. Вардуля, Н. Ю. Шведовой, З. Д. Поповой, В. С. Юрченко. Наиболее ясно эта точка зрения выражена П. Е. Слуцкиной: «Предикативность является принадлежностью языка, а не речи, поскольку она находит свое регулярное выражение в каждом предложении с помощью определенных языковых средств»¹. П. В. Чесноков подчеркивает, что предикативность, будучи основным свойством семантической структуры предложения, совместно с материальными средствами ее выражения составляет «качественное своеобразие пред-

¹ Слуцкина П.Е. Предикативность и модальность как конституирующие признаки предложения и суждения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1983. С. 24.

ложения как типа языковых единиц»¹. Что значит «предикативность — основное свойство семантической структуры предложения», разъясняет З. Д. Попова. Предикативность, в ее концепции, «является означаемым минимальной структурной схемы предложения»², понимаемой как предельно ограниченный набор языковых средств выражения соответствующего «положения дел», события, ситуации³.

Не менее важно и второе замечание П. В. Чеснокова — о том, что «качественное своеобразие предложения» обуславливается предикативностью «совместно с материальными средствами ее выражения». В связи с этим необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на органическую связь предикативности со средствами ее оформления в предложении. Иными словами, предикативность создается единством содержательных и формально-грамматических компонентов предложения. В. С. Юрченко выделяет три таких компонента (он называет их аспектами): а) *синтагматический* — соотношение элементов структуры предложения на линейной оси реального времени, б) *семантический* — означаемое минимальной структурной схемы предложения и в) *модальный* — отношение содержания предложения к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего (языковыми средствами выражения этого отношения выступают категории синтаксического времени и синтаксического наклонения). Выделенные компоненты, по мнению ученого, синтезируются категорией предикативности. Отсюда и ее толкование: «Категория предикативности — это то структурное основание, на котором происходит объединение, синтез данных трех аспектов предложения: синтагматического, семантического и модального»⁴.

Выражение категории предикативности определенными языковыми средствами, в частности синтагматически взаимодействующими, является зоной наиболее напряженных дискуссий по вопросу о языковом или речевом статусе категории предикативности.

Принадлежность категории предикативности высказываниям, т. е. предложениям как единицам речи, — центральная мысль, проходящая красной нитью через многие работы таких известных лингвистов, как В. В. Виноградов, А. А. Леонтьев, Т. П. Ломтев, Г. А. Золотова, С. Н. Цейтлин.

¹ Чесноков П. В. О предикативности как свойстве предложения. С. 171.

² Попова З. Д. Опыт компонентного анализа категории предикативности // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 24.

³ См.: Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1984. С. 440.

⁴ Юрченко В. С. К вопросу о предикативности // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983. С. 54.

Так, В. В. Виноградов понимал под предикативностью выражение отношения сообщения к действительности при помощи грамматических категорий лица, времени и модальности¹. Поскольку же указанные грамматические средства выражения предикативности функционируют в речи, то, делает выводы А. А. Леонтьев, «актуальная предикативность» свойственна высказыванию, она — его функциональная основа; предложение же (как грамматическая структура, или модель) лишено этой характеристики². К такому выводу ученого приводят следующие аргументы.

В системе языка модели, схемы и формулы предложения (и синтаксические, и семантические) представляют его в статике, поскольку они не реализуют категорий времени и модальности. Эти категории (О. И. Москальская присоединяет к ним и категорию лица — отношение признака к его носителю) существуют в языковых моделях предложения лишь потенциально. Их актуализация, «живое» функционирование происходит в речи, точнее, в ее коммуникативной единице — высказывании. Рассуждения эти носят психолингвистический характер. К такому же заключению приводят и логико-грамматические исследования Т. П. Ломтева: «Предикативность есть свойство высказывания выделять исходный предмет отношения, противопоставлять ему все другие элементы высказывания и таким образом описывать свойства исходного предмета»³. Главное здесь то, что предикативность рассматривается как средство языкового оформления субъектно-предикатных отношений, перевода их на уровень коммуникативно-речевых структур. Особую ценность при этом приобретает мысль о том, что «отнесенность содержания предложения к действительности» находит свое непосредственное материальное воплощение в конкретном высказывании через связи и отношения между компонентами высказывания, устанавливающиеся на линейной оси реального времени. «Ведь именно в смысловых связях компонентов высказывания выявляется языковая сущность предикативности при описании внеязыковой ситуации, раскрывается связь экстралингвистического с лингвистическим, устанавливаются соответствия отражательного характера, и вследствие этого внеязыковое предстает в терминах языка»⁴. Способность

¹ См.: Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Он же. Исследования по русской грамматике: Избр. труды. М.: Наука, 1975. С. 266.

² Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Семантика текста. М., 1979. С. 57.

³ Ломтев Т.П. Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука, 1970. С. 277.

⁴ Мебуришвили Л.И. Смысловая структура категории предикативности // Сообщения АН СССР, 1982. Т. 108. № 1. С. 193.

высказывания устанавливать и выражать связь между внеязыковыми ситуациями, отраженными в нашем сознании, и языковыми структурами называется *предикатностью*. «Под предикатностью понимается выражение средствами языка логической структуры, отражающей конкретную ситуацию — фрагмент действительного или мыслимого мира»¹. Такими средствами языка выступают классы слов в определенных морфологических формах. Например, высказывания 1) *Меня знобит*, 2) *Мне нездоровится*, 3) *Сженой истерика* (примеры Г.А. Золотовой) выражают одну и ту же логическую структуру «носитель состояния — состояние», но субъект состояния выражен определенными разрядами слов (местоимениями, существительным с предлогом) в формах род., дат. и тв. падежей. Итак, одно и то же предикатное отношение (одна и та же логическая структура) может быть выражено разными языковыми средствами, или разными синтаксическими построениями, но непременно в определенном пространственно-временном ракурсе.

Что же представляют собой такие синтаксические построения? Можно ли их называть высказываниями? Многие исследователи называют такие синтаксические построения предикативными единицами. По определению В. В. Казмина, «предикативная единица — это синтаксическое построение, в котором грамматическими способами выражено синтаксическое время и объективная модальность, а также обязательно выражен какой-либо логический признак или какое-нибудь логическое отношение (предикатность)»². Итак, благодаря свойству *предикатности* предикативная единица способна выражать категорию *предикативности*. Иными словами, категория предикативности выражается предикативной единицей, точнее, составляющими ее формами синтаксического времени, лица и объективной модальности.

Понятие «предикативная единица» помогает уяснить, какой сфере — языковой или речевой — принадлежит категория предикативности. Для этого важно установить, в каком отношении друг к другу находятся понятия «простое предложение» (высказывание) и «предикативная единица». В интерпретации В. В. Казмина, предикативная единица является строительным элементом простого предложения. Совместно со словами предикативные единицы служат «строительным материалом», наполняющим структурную схему простого предложе-

¹ Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) // Грамматические исследования. М.: Наука, 1967.

² Казмин В.В. Предикативная единица как строительный элемент предложений // Единицы различных уровней в языке и речи. Краснодар, 1972. С. 37.

ния. В предложении (высказывании) предикативные единицы могут выполнять различные функции: а) функцию наполнения структурной схемы предложения словоформами; ср. минимальную предикативную единицу *приедут гости* и высказывания *Приедут гости; Вероятно, приедут гости; Приедут гости?; Приедут гости?!; О, приедут гости!;* б) функцию вводной или вставочной структуры в простом предложении: *Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам* (М. Ю. Лермонтов); в) функцию члена простого предложения: *От его приветливого «Я вас ждал» она повеселела* (Б. Полевой. Доктор Вера).

Наконец, предикативная единица сообщает высказыванию главное свойство — синтаксическую парадигму¹, которая видоизменяется в зависимости от коммуникативного типа предложения-высказывания.

Таким образом, предикативность — это грамматическое значение предикативной единицы, слагающейся из совокупности форм синтаксического времени, лица и модальности. Поскольку предикативная единица — образование речевое, то и предикативность — свойство речевых синтаксических построений. Однако необходимо заметить, что эти синтаксические построения служат переходными образованиями между структурной схемой (семантической моделью) предложения и высказываниями. Они как бы переводят потенциальную предикативность в предикативность актуальную, которая уже является «свойством высказывания, а не предложения»². Ведь именно высказывание соотносит мысль с денотативной ситуацией, ориентируя содержание высказывания по отношению к говорящему, моменту и месту речи. В связи с этим обстоятельством обычно содержание категории предикативности сводится к совокупности более частных синтаксических категорий — синтаксической модальности (наклонения), синтаксического времени, синтаксического лица. Именно эти категории признаются большинством исследователей компонентами предикативности.

Однако этим проблема предикативности предложения себя не исчерпывает. Особо продуктивным направлением в исследовании сущности предикативности следует признать те работы, в которых ядром рассматриваемой категории считается предикат в его отношениях к субъекту и объекту в рамках соответствующей «субъектно-предикатно-объектной ситуации» (СПО-ситуации)³. Доминантный статус предикативности

¹ Синтаксическая парадигма — это совокупность видоизменений структурной схемы предложения для выражения различных модальных и временных значений.

² Цейтлин С. Н. Категория предикативности в ее отношении к высказыванию и предложению // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 169.

³ Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: «Языки славянской культуры», 2002. С. 621—622.

ката в СПО-ситуации обуславливается тем, что именно через этот элемент устанавливаются отношения между субъектом и объектом (*Мальчик рисует картину*). Причем значащим может быть и отсутствие одного из компонентов (*Он спит*). В отличие от субъекта, характеризующегося денотативно-назывной природой, предикат обладает сигнификативной функцией. И в силу этого предикат, выражая семантический признак, приписываемый субъекту, оказывается важнейшим средством реализации категории предикативности. Эта точка зрения особенно плодотворно разрабатывается в работах А. В. Бондарко, где «предикат трактуется как приписываемый признак действия, состояния, отношения бытия (существования), свойства, соотносящий — с точки зрения говорящего — содержание высказывания с действительностью по актуализационным семантическим признакам (таким, как модальность, темпоральность, временная локализованность, персональность)»¹. Такой подход позволяет (а) осмыслить категорию предикативности в контексте семантических отношений между элементами СПО-ситуации конкретного высказывания (традиционно в синтаксических исследованиях предикативность считается категорией предложения) и (б) понять, *как, каким способом* происходит (для многих «иллюзорное») соотнесение содержания высказывания с действительностью.

Появляются исследования, в которых предпринимается попытка рассмотреть категорию предикативности с позиции коммуникативно-когнитивного синтаксиса. С этой целью понятие предикативности интерпретируется главным образом на уровне речевых коммуникативных структур — в рамках теории актуального членения высказывания (В. Г. Руделев, О. А. Цыпин и др.). Считая предикативность, вслед за В. В. Виноградовым, наиболее важным признаком актуализованного предложения, авторы полагают, что этот признак не задан заранее, поэтому мы его выявляем в процессе анализа высказывания и нахождения в нем актуального сегмента (= ремы). Такого рода актуальный сегмент они отождествляют с предикатом, определяют место в общей модели предикации и выстраивают оригинальную типологию предикатов. В рамках этой типологии О. А. Цыпин (на материале текстов А. Вампилова) выделяет предикаты четырех деривационных ступеней². Предикаты первой ступени: 1) суперпредикаты (первичные, или

¹ Там же. С. 625.

² См.: *Цыпин О.А.* Типология предикатов в русском языке (на материале драматических текстов Александра Вампилова): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2003. С. 24 и далее. См также его монографию: Типология предикатов предикатов в русском языке (на материале драматических текстов Александра Вампилова): Монография. Изд-во Тамб. ун-та, 2002.

событийные предикаты (И. П. Распопов), выражаемые предикативными структурами типа: *За холмами глухо прогремел гром*); 2) квазипредикаты (рематическая часть высказывания противопоставлена тематическому дополнению: *Вечером тебя видели в городе...*); 3) классический предикат двусоставного предложения: Маша: *Постойте. Что-то я его не поняла*. Предикаты второй ступени: 1) сирконстанты [= рематические обстоятельства] (Н. И. Руднева), обычно имеющие эллиптическую структуру: З и л о в: *Считайте, Вадим Андреевич, что это небольшая разминка. Перед вечером*; 2) актанты [= рематические дополнения]: *Л во вообще она одевается красиво и носит неизменно роскошную прическу*. Предикаты третьей ступени: 1) сирконстанты и 2) актанты в составе предикатов. Предикаты четвертой ступени: 1) предикат — часть аналитической формы глагола: Б у к и н: *Мы будем стреляться. Как бы глупо тебе это ни показалось* (тема — *мы будем*, рема — *стреляться*); 2) предикат — часть адъективного слова: Ш а м а н о в: ... *Ты красивая, Валентина. Что в этом смешного?* Как видим, каждая последующая ступень предикатов является дериватом (порождением) предыдущей ступени.

Новизна предложенного подхода обуславливается тем, что таким образом строится модель предикации на основе актуального членения фразы. Кроме того, такая модель представляет собой некоторое *развивающееся устройство*, отражающее этапы предикации, а не просто репертуар актуальных сегментов, имеющих предикативный смысл. «Развивающий» принцип данной теории состоит в том, что различные типы предикатов рассматриваются как дериваты более общих (первоначальных) классов. Так, предикат «событие» порождает в своем составе предикат «сказуемое», а тот в свою очередь — предикат «обстоятельство», «дополнение» и даже «подлежащее». Здесь важны не только семантические и формальные показатели сегментов предложения (сказуемых, сирконстантов и актантов), но и типы зависимостей одного от другого. Построение типологии предикатов на основе актуального членения фразы позволяет показать, что актуализация любого сегмента предложения делает его самым главным членом предложения. И наоборот, то, что в традиционном синтаксисе представлялось как главное, оказывается в коммуникативной перспективе вторичным.

Инновационным достоинством разрабатываемой теории следует считать возможность осмысления синтаксической категории предикативности с точки зрения ее бытования в структуре фразы в ходе ее актуального членения. При этом особого внимания заслуживает изучение тех коммуникативно-смысловых средств, при помощи которых осуществляется отнесение смыслового содержания высказывания к действительности — той части определения категории предикативнос-

ти, которая в традиционном синтаксисе была не до конца эксплицированной и поэтому для многих оставалась «мифической».

Семантические компоненты категории предикативности

При определении компонентного состава категории предикативности обычно исходят из функционально-синтаксических средств ее выражения. В этом плане предикативность, как правило, связывают с подлежащно-сказуемой связью, поскольку в сказуемом содержится мысль о подлежащем. По мнению П. А. Леканта, в сказуемом необходимо различать вещественное значение (оно опирается на ЛЗ слова и значение грамматическое, которое наряду с модальными и временными значениями выражает отнесенность признака (предиката) к субъекту мысли, благодаря которой вещественное содержание является характеристикой предмета, названного в подлежащем¹. Такое понимание предикативности является непротиворечивым лишь по отношению к предложениям-высказываниям, в основе которых лежит структурная схема, изменяющаяся по определенной парадигме. Например: 1) *Художник рисует картину*, 2) *Художник рисовал картину*; 3) *Художник будет рисовать картину* и т. д. Однако как быть с предикативностью предложений-высказываний типа *С приездом!*; *Приятного аппетита!*; *Добрый вечер!*; *Ну и дела!?* Структурная схема таких высказываний не способна изменяться, т. е. не имеет синтаксической парадигмы. А это означает, что они не обладают пространственно-временной локализацией. И все же они определенным образом соотносятся с действительностью, т. е. обладают предикативностью. В связи с этим приходится признать, что категория предикативности может и «не находить адекватного отражения на синтаксическом уровне»². Вот почему важнейшим семантическим компонентом категории предикативности в работах С. Н. Цейтлин считается категория конкретности/абстрактности, или временной локализованности/нелокализованности соответствующей денотативной ситуации. Конкретное высказывание соотносится с вполне определенным фрагментом действительности, абстрактное же высказывание подобной отнесенности лишено (например, пословицы, сентенции и т. п.). Ср.: 1) *Со вчерашнего дня поезда ходят уже по летнему расписанию* и 2) *Аппетит приходит во время еды*.

Категория абстрактности нейтрализует значения модальности, времени и лица. Поэтому в иерархии семантических компонентов предикативности

¹ См.: Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1976. С. 12.

² Цейтлин С. Н. Указ. соч. С. 169.

кативности категория конкретности/абстрактности является базисной. Она или предполагает (если высказывание конкретно), или нейтрализует (если высказывание абстрактно) другие компоненты — модальность, время, лицо.

7.3. МОДАЛЬНОСТЬ

Вторым по иерархической значимости компонентом категории предикативности является модальность. Хотя статус этого компонента в иерархии других составляющих категорию предикативности оспаривается некоторыми лингвистами¹, все же его исключительность для образования высказываний несомненна, ведь предикативность как отнесенность сообщаемого к действительности «всегда проявляется модально»². Это признают все исследователи. Однако, когда речь заходит о содержании категории модальности, единство взглядов тотчас нарушается: обычно это происходит, когда модальность отождествляется с предикативностью или категорией глагольного наклонения или же тогда, когда предпринимаются попытки создания типологии модальных значений, выражаемых предложениями. Причиной тому — многоликость и сложность рассматриваемой категории³, и прежде всего ее принадлежность языковым и мыслительным (логическим) образованиям. Анализ языковой модальности целесообразно проводить в единстве с категорией модальности в логике, поскольку она присуща таким формам мышления, как суждения, вопросы и побуждения.

Поскольку языковой формой выражения мысли является предложение (простое двусоставное), то Шарль Балли выделяет в семантике предложения две части — диктум и модус. Первая соотносит высказывание с представлением о денотативной ситуации, а вторая — результат речемыслительных процессов говорящего субъекта, вызываемых его отношением к этому представлению, реагированием на него. Развивая учение Ш. Балли, Т. Б. Алисова говорит о двухъярусной структуре категории предикативности в семантике предложения-высказывания: первый ярус — диктальный — содержит отношения между элементами денотативной ситуации, второй ярус — модальный — отра-

¹ З. Д. Попова, например, считает модальность архисемой значения предикативности (см. ее статью: Опыт компонентного анализа категории предикативности // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 25).

² *Распопов И. П.* К вопросу о модальности предложения // Учен. зап. Благовещенского пед. ин-та, 1957. Т. 8. С. 189.

³ См.: *Немец Г. Т.* Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1991. С. 7.

жает отношение говорящего к отношениям, зафиксированным на диктальном уровне. И все же разные точки зрения могут быть обобщены в следующей формулировке: модальность выражает отношение (точку зрения) говорящего субъекта к той денотативной ситуации, которая обозначается предложением-высказыванием. К частным модальным значениям обычно относят а) значение реальности/нереальности, б) значение оценки достоверности или вероятности события, в) значения необходимости, возможности, желания, связанные с обозначением того или иного события.

Таким образом, «суть модального отношения заключается в том, как мыслит, понимает, квалифицирует говорящий свое сообщение, как относится он к действительности»¹. Это узкое понимание категории модальности. Широкое ее понимание содержится в концепции акад. В. В. Виноградова и его последователей. При широком понимании синтаксической модальности ее составляющими признаются еще и 1) значения, обуславливаемые различными видами коммуникации (сообщение, вопрос, побуждение, восклицание), 2) утверждение/отрицание (В. Г. Адмони), 3) эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания (к сообщаемому) или сообщаемого к действительности, 4) интенсивность или длительность² и др.

Следует, на наш взгляд, согласиться с В. З. Панфиловым, что широкое понимание модальности слишком аморфно. Прежде всего хочется спросить: так что же выражает модальность? Отношение говорящего к сообщаемому или отношение содержания сообщения к действительности? Думается, что ни виды коммуникации, ни интенсивность-длительность не входят в категорию модальности. Большинство исследователей модальными признаются два типа значений: объективная и субъективная модальности. Первая отражает объективные связи и отношения между элементами денотативной ситуации, вторая — оценочно-характеризующее отношение к достоверности мыслительного содержания, отражающую соответствующую ситуацию (событие)³. Эти два типа модальных значений соотносятся с разными уровнями членения предложения-высказывания. Объективно-модальное значение проявляется на уровне синтаксического членения высказывания, субъективно-модальное — на логико-грамматическом.

¹ Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ние, 1982. С. 7.

² См.: Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке // *Studia Slavica*, 1970. Т. 16. № 3-4. С. 226.

³ Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. С. 164.

1. Синтаксическое членение позволяет выразить объективные связи и отношения между элементами реальной ситуации: действительные, возможные, необходимые, то есть все то, что составляет объективно-модальные значения высказывания. Выражается указанный спектр объективно-модальных значений лексически (модальными глаголами типа *мочь, должен.*; нем. *können, dürfen, sollen, müssen* и их аналогами, как правило, предикативами (словами категории состояния, типа *надо, необходимо, действительно, возможно*; такие слова, являясь полнозначными, своими лексическими значениями служат компонентами конкретного предложения-высказывания: *Он может захотеть встретиться с ним один на один; Она собирается стать актрисой*). Грамматическими средствами выражения объективной модальности выступают формы глагольного наклонения (изъявительное наклонение выражает реально существующие связи, а сослагательное — неосуществившуюся возможность): 1) *Вчера шел снег*; 2) *Если бы вчера выпал снег, мышли бы в поход на лыжах*; 3) *А емя очень много писала. Пишу и теперь. И всегда буду* (К. Федин); 4) *Инепилбынеел — всебы слушал да глядел* (А. С. Пушкин). Грамматическими средствами оформляется, как правило, алетическая разновидность объективной модальности (значения возможности и необходимости с точки зрения реальных физических и психических условий и состояний): *Весной снег должен растаять; Я могу рисовать акварелью*. Лексическими средствами чаще выражается деонтическая разновидность объективной модальности (значения возможности и необходимости с точки зрения этических принципов и общественных норм): *Поэтом можешь ты не быть, но гражданинот быть обязан* (Н. А. Некрасов). Однако такая тенденция в специализированном выражении типов объективной модальности далека от закономерности. Более того, в одном предложении обе разновидности объективной модальности могут совмещаться: *Сильные и бесстрашные должны были бы защитить хрупкую красоту*. Здесь сочетается неосуществившаяся возможность (алетическая модальность) и общественно значимая (закономерная) необходимость (деонтическая модальность).

2. Лексико-грамматическое членение — основа формирования и выражения субъективно-модального (персуазивного) значения предложения, отражающего субъективную оценку достоверности содержания сообщаемого. Это значение передает степень достоверности мысли (суждения) о тех связях и отношениях, которые имеют место в выражаемой предложением ситуации. Субъективная модальность отражает сложность и многоступенчатость самого процесса познания, этапы познания ситуации. Ведь «мыслить, — писал Шарль Балли, — значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его

или желая... мыслить — значит вынести суждение, есть ли вещь или ее нет, либо определить, желательна ли она или нежелательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была...»¹. Средствами выражения субъективно-модального значения выступают репрезентаторы лексико-грамматического предиката. Кроме этого, средствами выражения субъективной модальности служат интонация, вводные слова, частицы, модальные предложения. Например: 1) *Очевидно, в природу надо входить, как входит каждый, даже самый слабый звук в общее звучание музыки* (К. Г. Паустовский); 2) *Жизненный материал — все то, что Достоевский назвал «подробностями текущей жизни», — не изучают. Просто писатели живут, если можно так выразиться, внутри этого материала — живут, страдают, думают* (К. Г. Паустовский).

Как убеждает анализ подобных высказываний, субъективно-модальные значения возникают в результате осознания говорящим вторичности своих мыслей по отношению к обозначаемой денотативной ситуации, что и позволяет ему определять степень достоверности сообщаемого, степень соответствия содержания высказывания (суждения) отраженной в сознании ситуации. В этом как раз и проявляется «предикативность как актуальный процесс отнесения мысли, выражаемой предложением, к действительности»². Количество степеней достоверности в разных языках не совпадает. Предложенная В. Н. Бондаренко³ модальная шкала степеней достоверности содержит целый спектр модально-субъективных значений, начиная значением проблематической достоверности (высшая степень сомнения) и заканчивая значением категорической достоверности (высшая степень уверенности отправителя речи в сообщаемом). Ср.: *Весьма сомнительно (вряд ли, крайне маловероятно), чтобы он уже выздоровел; Сомнительно {маловероятно}, чтобы он уже выздоровел; Вероятно (возможно, может быть), он уже выздоровел; Он уже выздоровел; Конечно (естественно), он уже выздоровел; Конечно же (естественнее всего), он уже выздоровел*. Выражаемые здесь модальные значения располагаются по степени уменьшения «удельного веса» сомнения и увеличения доли уверенности субъекта речи в соответствии сообщаемого денотативной ситуации.

Субъективная модальность, как справедливо считает В. З. Панфилов, составной частью конкретного содержания предложения не является⁴. Она служит лишь выражением его формально-грамматиче-

¹ Баллы Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 43.

² Панфилов В.З. Указ. соч. С. 164.

³ См.: Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филол. науки. 1979. № 2. С. 58.

⁴ См.: Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопр. языкознания. 1977. № 4. С. 42.

ского значения. Исходя из этого ученый приходит к заключению, что предложения с одним и тем же конкретным содержанием, но разной субъективной модальностью, — члены одной формально-грамматической парадигмы¹ (см. прим. выше). Совместно с коммуникативной установкой говорящего и его эмоциональным отношением к сообщаемому субъективно-модальное значение составляет прагматическое содержание предложения.

Для полного проникновения в сущность категории модальности необходимо постоянно помнить, что модальность, так же как и предикативность, непосредственно объективной действительности не отражает. И модальность и предикативность формируются в самом процессе отражения денотативной ситуации, при этом существуя не изолированно, а взаимопроникая друг в друга. Такое взаимопроникновение происходит на двух уровнях: на уровне семантического содержания и на уровне семантической формы².

О семантическом содержании категорий предикативности и модальности шла речь выше. Подытожим сказанное: содержанием категории предикативности является осознание того, что мысль относится к определенной денотативной ситуации; содержание категории модальности — в оценочно-характеризующем отношении говорящего к сообщаемому, в определении им степени достоверности сообщаемого. Взаимосвязь этих категорий очевидна: первая указывает на отнесенность мысли к ситуации, а вторая характеризует, оценивает эту отнесенность с точки зрения говорящего.

Взаимопроникновение категорий предикативности и модальности на уровне семантической формы обуславливается особенностями семантической структуры предложения. В чем же эта особенность? П. В. Чесноков усматривает ее в расчлененности семантики предложения на две части: семантический предикат и семантический субъект. Первая содержит то, что должно быть соотнесено с определенным фрагментом действительности, а вторая — то, что заранее известно об этом фрагменте действительности, те специфические черты, по которым данный фрагмент отличается от других. Первая часть выражается, как правило, сказуемым или главным членом односоставного предложения совместно со всеми зависимыми второстепенными членами предложения (группой сказуемого), вторая — группой подлежащего (а в односоставном предложении выступает в виде чувственного образа

¹ Субъективная модальность не есть результат отражения объективной действительности.

² См.: Чесноков П. В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. Ростов н/Д., 1979. С. 21.

предмета мысли)¹. Осмысление этих двух частей семантики предложения подводит к пониманию семантической формы рассматриваемых категорий. Само противопоставление указанных двух частей, или предикативные отношения, является семантической формой предикативности. Объединение же этих частей, установление особых отношений между ними, называемых модальными, составляет семантическую форму модальности.

Таким образом, предикативность и модальность — взаимопроникающие категории, выражающие субъективные смыслы содержания высказываний. Поскольку же основой семантики предложения является денотативная ситуация, то предикативность и модальность наслаиваются на объективные отношения, имеющие место в ситуации. Особенно отчетливо эту двухслойность синтаксической семантики обнаруживает процесс номинализации, то есть преобразование предложения в словосочетание. Ср.: *Композитор сочиняет, видимо, сейчас новую симфонию* и *Сочиняющий сейчас новую симфонию композитор*. Словосочетание всегда в таком случае сохраняет объективное денотативное содержание высказывания, однако утрачивает субъективные компоненты его содержания, сосредоточиваемые предикативностью и модальностью.

В итоге разговора о взаимопроникновении предикативности и модальности следует уточнить важный, на наш взгляд, момент: это взаимоотношение целого и части, поскольку модальное значение — компонент категории предикативности. В свою очередь, модальность, в частности значение реальности/ирреальности, предопределяет наличие или отсутствие в предикативном содержании таких дифференцирующих признаков, как время, лицо, наклонение².

Синтаксическое время и наклонение

Сложность рассмотрения проблемы синтаксического времени обусловливается продолжающимися дискуссиями о грамматической сущности понятия «синтаксическое время». Среди прочих спорных проблем при этом особую важность приобретает вопрос о том, относится ли синтаксическое время к категории предикативности. Большинство исследователей квалифицирует синтаксическое время как дифференцирующую сему категории предикативности (З. Д. Попова, В. С. Юрченко, Н. Ю. Шведова и др.). Иное понимание синтаксического времени представлено чешскими лингвистами. Они считают категорию

¹ Чесноков П. В. Указ. соч. С. 21.

² Указанные семы присутствуют лишь в высказываниях реальной модальности.

времени синтаксически переменной, тесно связанной с предикативностью, но не входящей в компонентный состав этой категории. Их выводы основаны на том, что морфологическая категория времени не является обязательным элементом предложения, поскольку ее реализация осуществляется лишь глаголами изъявительного наклонения, с другими же типами глагольного наклонения она не связана (Е. Беличова-Кржижкова)¹. В связи с этим возникает еще один вопрос: всегда ли синтаксическая категория времени реализуется при помощи глагола как носителя категории морфологического времени?

Прежде всего, отвечая на поставленные вопросы, следует сказать, что синтаксическое время не просто соотносится с категорией предикативности, а входит в ее состав в качестве семы. Основанием для такого вывода служат следующие размышления. Поскольку предикативность — это синтаксическая категория, которая соотносит содержание высказывания с объективной действительностью, а сама обозначаемая действительность существует объективно в пространстве и времени, то временная отнесенность содержания высказывания не может быть ничем иным, как компонентом категории предикативности. Ср.: *Уходит день. Впыли дорожной горят последние лучи. Их красный отблеск непреложно слился с огнем моей свечи* (А. Блок); *Угощу под заветнейшим кленом беседой тебя не простой, тишиною с серебряным звоном и колодезной чистой водой...* (А. Ахматова). Категория предикативности в этих высказываниях соотносит их содержание с определенным временным планом действительности посредством выражения формально-синтаксическими средствами объективно-модальных значений: значения времени и значения наклонения. Анализируемые предложения выражают объективно-модальные значения реальности, то есть характеризуются временной определенностью — настоящего, прошедшего и будущего времени (синтаксическим индикативом).

Синтаксические ирреальные наклонения связаны с выражением временной неопределенности, то есть они предназначены формировать и выражать объективно-модальные значения ирреальности. Ср.: *Пусть светит месяц — ночь темна. Пусть жизнь приносит людям счастье, — в моей душе любовь не сменит бурно гоненая тьма* (А. Блок).

Объективно-модальные значения реальности/ирреальности — время и наклонение — выражаются различными средствами: формами времени и наклонения глагола, схемой предложения, частицами и

¹ См.: Русская грамматика. Прага: Academia, 1979. Ч II. С. 676; ср. также: «категории лица, времени, модальности не есть составляющие синтаксической категории предикативности», они лишь средства выражения предикативности (Шутова Е. И. Вопросы теории синтаксиса. М.: Наука, 1984. С. 149).

даже, в отдельных случаях, порядком расположения главных членов предложения. Уже этот перечень средств выражения временной определенности/неопределенности содержания высказываний служит свидетельством тому, что категории синтаксического и морфологического времени не тождественны. Логическим фактором несовместимости этих двух одноименных категорий является разнотипность самих внеязыковых ситуаций. Денотативные ситуации, отражающиеся в синтаксической семантике, могут обладать не только динамическим, но и статическим свойством. Динамическое свойство ситуации в предложении-высказывании репрезентирует глагол-сказуемое своими формами времени и наклонения. Поэтому глагольным формам времени и наклонения принадлежит ведущая роль в организации глагольного предложения¹. А как быть с неглагольными предложениями?

Несовпадение синтаксической и морфологической категорий времени обуславливается более широкой денотативной основой синтаксического времени по сравнению с категорией глагольного времени. Поэтому синтаксическое время выражается, как правило, взаимодействием морфологической формы глагола-сказуемого с темпоральными обстоятельствами. Это, в свою очередь, позволяет отразить не только отношение данной денотативной ситуации к моменту речи, но и ее введение в объективно существующий пространственно-временной континуум. Ср.: 1) *Трамвайлетчерездвадцатьисчезнет,какужеисчезлаконка.Яужечувствуювнемчто-тоотжившее,какую-тостаромодную прелесть* (В. Набоков); 2) *Вчеравечеромяворотилсядомойоченьусталый. Предыдущуюночьвсюнапролетпришлосьпровестивбараке,днемтоже не удалосьотдохнуть...* (В. Вересаев). Взаимодействие морфологических (глагольных форм времени и наклонения) и лексических (*лет через двадцать, уже, вчеравечером, предыдущуюночь* и др.) средств выражения синтаксического времени позволяет конкретизировать обобщенные значения настоящего, прошедшего и будущего времени, а содержание предложений-высказываний соотносить с конкретным моментом (периодом) времени. Тем самым вневременная субъектно-предикатная основа (структура) предложения, получив соответствующую языковую репрезентацию, обретает конкретную отнесенность к денотативной ситуации в соответствующей событийно-временной перспективе.

Итак, для формирования объективно-модальных значений, в том числе и синтаксического времени, важная роль отводится глаголу-сказуемому. Однако категория глагольного времени может и не принимать участия в выражении временной определенности высказывания.

¹ См.: Прокопович Е.Н. Глагол в предложении: Семантика и стилистика видовременных форм. М.: Наука, 1982. С. 23.

Это касается прежде всего неглагольных высказываний. Например: *Осенний русский лес. Красные сполохи осени. Желтое невесомое золото кле-нов. Густая изумрудная зелень елок* (Ю. Яковлев). На временную отнесенность таких высказываний (неполных, некоторых односоставных) указывает контекст. Это служит еще одним доказательством тому, что синтаксическое время присуще всему высказыванию как целостно оформленной единице речи, отражающей своим содержанием субъектно-предикатные отношения, имеющие место в денотативной ситуации. Предикат характеризуется категориями модальности, времени и наклонения, а субъект — категорией лица.

Синтаксическая *категория лица* в составе предикативности рассматривается не всеми исследователями. Ее не считают компонентом предикативности такие известные лингвисты, как Н. Ю. Шведова и Е. М. Шутова¹. Другие же авторитетные авторы — З. Д. Попова, С. Г. Ильенко — квалифицируют лицо как дифференцирующую сему предикативности.

Обе стороны в защиту своих позиций приводят достаточно серьезные аргументы. Однако даже не прибегая к специальному их анализу, никто не решится отрицать роли говорящего в формировании предикативности, в отнесении содержания высказывания к денотативной ситуации, в оценке достоверности этой отнесенности. Очевидна также роль категории лица в создании синтаксической парадигмы предложения-высказывания типа *Я читаю, Ты читаешь, Он читает*. В этой парадигме каждое из трех значений категории лица выражает отношение деятеля (агенса) к говорящему (субъекту речи). В этом главная отличительная черта морфологической категории лица от лица синтаксического. В морфологии категория лица выражает взаимоотношение трех участников общения: «субъект коммуникации — адресат — объект коммуникации». Синтаксическое лицо членом такого противопоставления не является. Оно также не может считаться и носителем того признака (свойства), который выражается предикатным знаком. Синтаксическое лицо выражает соотношение между субъектом предикатируемого признака и одним из трех грамматических лиц (участников коммуникации)². Такое соотношение представляет связь коммуникативно-речевой структуры с денотативной ситуацией. И одним из средств такой связи (языкового и внеязыкового) служит категория синтаксического лица. Поэтому эта категория является чле-

¹ См., напр.: *Шведова Н.Ю.* Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // Рус. яз. за рубежом. 1971. № 4; *Шутова Е.И.* Указ. соч. С. 149.

² См.: *Золотова Г.А.* К понятию предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 151.

ном иной триады: «реальная действительность — субъект коммуникации — содержание высказывания» (ср. триаду, в состав которой входит морфологическая категория лица). Синтаксическое лицо, следовательно, выполняет более широкие задачи по формированию предикативности, чем морфологическая категория лица. Ведь роль субъекта коммуникации в построении высказывания не ограничивается отбором слов и их форм. Позиция субъекта коммуникации находит воплощение в грамматических средствах построения высказывания — в категориях времени, наклонения и лица. Причем последняя категория, по справедливому мнению С. Г. Ильенко, оказывается цементирующей основой указанного тройственного комплекса и называется исследовательницей термином «персонализация»¹ (видимо, по аналогии с термином «авторизация», предложенного Ш. Балли). С. Г. Ильенко рассматривает персонализацию важнейшей стороной предикативности: «если ее первой стороной является соотнесенность с действительностью (дезигнативность), то вторая — персонализация — отражение в высказывании позиции говорящего лица или непосредственно (путем употребления собственно личных местоимений или глагольных форм), или опосредованно (путем использования модально-временных средств)»². Итак, согласно концепции С. Г. Ильенко, персонализация — обязательный содержательный компонент предикативности. Однако в таком утверждении сомневается Н. Ю. Шведова. В качестве аргументов она приводит русские предложения-высказывания, непосредственно не включающие в свой состав собственно грамматических средств категории лица³. Это высказывания типа *Выпить бы глоток воды* — предложение-высказывание желательной модальности. Выражение такого «нерасчлняемого» значения может быть частичным. Поэтому С. Г. Ильенко заключает: «Исключение из набора характерных признаков предложения (надо понимать — высказывания. — Н. А.) такой составляющей, как категория лица, а также сведение модальности лишь к синтаксическим ирреальным наклонениям может угрожать девальвации такого важного фактора в определении предложения, как предикативность»⁴. И не согласиться с этим весьма трудно, поскольку трудно себе представить соотнесение содержания высказывания к действительности, степень его достоверности без того лица, с позиции

¹ См.: Ильенко С. Г. Персонализация как важная сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 155.

² Там же. С. 156.

³ См.: Шведова Н. Ю. Указ. соч.

⁴ Ильенко С. Г. Указ. соч. С. 157.

которого такое соотнесение осуществляется и тем более оценивается достоверность этого речемыслительного акта. Отрицание же синтаксического лица как обязательного компонента предикативности (через модальность) в концепции Н. Ю. Шведовой объясняется, на наш взгляд, недостаточно последовательным разграничением таких синтаксических понятий, как «субъект», «деятель» и «лицо».

Что касается понятия «субъект», то различают три его ипостаси: а) субъект логический — мысль о предмете денотативной ситуации, компонент логического суждения (*Земля — планета солнечной системы*); б) субъект психологический — представление о предмете мысли; в) субъект грамматический — грамматически оформленный член высказывания, обозначающий носителя признака (предиката).

«Деятель» — это предмет, производящий действие. Выражается он обычно именем существительным или местоимением в функции подлежащего, дополнения или в составе обособления: *Художник рисует; Детям принадлежит будущее; Стихи, написанные им, стали хрестоматийными*. «Деятель» может совпадать со всеми тремя типами субъектов. Однако такое совмещение двух понятий необязательно. Чтобы убедиться в справедливости такого заключения, достаточно сопоставить следующие способы репрезентации одной и той же денотативной ситуации: *Андрей прочитал однокурсникам стихи, написанные другом*. В данном случае ситуация выражена простым предложением. Здесь один логический субъект (*Андрей*) и два деятеля — *Андрей* и *друг*. Эта же ситуация может быть представлена другим предложением-высказыванием: *Стихи, написанные другом, прочитаны Андреем однокурсникам, где грамматический и логический субъекты выражены разными словами*. Грамматический субъект — *стихи*, а логический субъект — *Андрей*. Деятелей же, как и в первом случае, два — *Андрей* и *друг*. Следовательно, субъект не всегда выступает деятелем, так же как и деятель не обязательно оказывается субъектом (*Встреча перенесена на завтра; Юружнобит; Брату холодно*): *встреча, Юра, брат* деятелями не являются, хотя ими выражены все три ипостаси субъекта. Форма именительного падежа не всегда выражает деятеля: его нет в безглагольных и в страдательных глагольных конструкциях типа *Мой друг театрал* и *Песня исполняется впервые*.

Понятия «деятель» или «субъект» кладутся в основу классификации односоставных глагольных предложений, деления их на определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные. Синтаксическое же лицо к этой классификации отношения не имеет.

Синтаксическое лицо способно выражать три типа значений.

1. **Дейктическое значение**, отграничивающее собеседника и «третье лицо» от говорящего; оно выражается при помощи местоимений, местоименных прилагательных, имен существительных, глагольных форм: 1) *Искоро я расстанусь с вами, И вы увидите меня Вон там, за дымными горами Летящим в облаке огня!* (А. Блок) (если говорящий противопоставляется собеседнику, выражаются дейктические значения 1-го или 2-го лица); 2) *Кучевые облака громоздились в небе* (К. Паустовский) (если говорящий лишь указывает на предмет мысли, не противопоставляя себя собеседнику, выражается дейктическое значение 3-го лица).

2. **Субъективное значение** синтаксического лица содержит в себе отношение говорящего к сообщаемому. Значение персонализации при этом создается тем, что в отношении к сообщаемому проявляется и сам субъект речи. Средствами его выражения выступают вводные слова и выражения, частицы, междометия, словопорядок, особенности структурной схемы предложения. Например: 1) *По замечаниям мужиков, в этом году грачи необыкновенно тощи, очевидно, пока они летели, им нечего было есть. Значит, иная же было холодно* (А. Чехов); 2) *Поймать ерша или окуня — это такое блаженство!* (А. Чехов). Так выражается субъективное значение синтаксического лица.

3. Третий тип значения синтаксического лица указывает на деятеля (агенс), который может быть определенным, неопределенным, обобщенным. Агенсом может выступать сам говорящий, собеседник или лицо, коммуникантом не являющееся. Поскольку деятель, как было упомянуто, имеет место лишь в предложениях глагольного типа, то **значение** синтаксического лица может быть **агенсное** или **деагенсное**. Ср.: 1) *Играл любимец батальона, гранатометчик Зеленко...* (А. Богомолец); 2) *В кухне зажгли огонь* (М. Шолохов); 3) *Дон. Светло-синее небо. Белый самолет... Оживление, радостный шепот* (В. Песков). В первом предложении выражено отношение «деятель — действие» (агенсное значение), во втором это же отношение выражено только глагольной формой, которая косвенно указывает на деятеля (агенсное значение лица), в третьем — отношение «деятель — действие» не выражено (деагенсное значение лица).

Таким образом, синтаксическое лицо, определяя позицию говорящего по отношению к сообщаемому, входит в состав категории модальности, однако для выражения предикативного отношения оно не является обязательным. В отличие от морфологической категории лица, категория синтаксического лица выражается не только посредством личных форм глагола и местоимений, но и при помощи частиц, вводных слов, словопорядка, структурных схем предложения (неопределенно-личного, безличного и т. п.).

МНОГОАСПЕКТНАЯ ПРИРОДА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(по В.Г. Адмони и И.П. Сусову)

Формальные аспекты (план выражения)	Семантические аспекты (план содержания)
<p style="text-align: center;"><i>Предложение на коммуниктивном уровне</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Синтаксическая структура <ol style="list-style-type: none"> а) Конструктивно-синтаксическая структура <ul style="list-style-type: none"> — компонентный аспект — юнкционный аспект б) Линейно-синтаксическая структура 2. Лексический состав 3. Аспект коммуниктивно-морфологических средств 4. Аспект интонационного оформления 	<p style="text-align: center;"><i>Коммуниктивное значение</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Структура ситуации <ol style="list-style-type: none"> а) Реляционная структура б) Предикационная структура 2. Номинативный аспект 3. Аспект локализации сообщения: <ul style="list-style-type: none"> — модальности — утверждения-отрицания — персональности — темпоральности — целевой установки — актуального членения 4. Эмоционально-экспрессивный аспект <p style="text-align: center;"><i>Синтаксическое значение</i></p>

Подытоживая сказанное, важно отметить главное: предложение (и модель, и высказывание) имеет многокачественную (многоуровневую, или многоаспектную) структуру¹. Прежде всего выделяются план выражения (формальный аспект) и план содержания (семантический аспект), между которыми нет прямых и однозначных соответствий.

I. План выражения. Основанием плана выражения, или формального аспекта предложения, является синтаксическая структура. Она представляет собой отвлечение от лексического состава, коммуникативно-морфологических средств и интонационного оформления. Это абстрактная формула (схема, модель) предложения, которая, в свою очередь, состоит из двух уровней: а) конструктивно-синтаксического, отражающего состав и связи конструктивных элементов предложения (отсюда два его яруса: *компонентный*, состоящий из самих конструктивных элементов, и *юнкционный* в виде связей между конструктивными элементами); б) линейно-синтаксического — порядка расположения конструктивных элементов относительно друг друга. Конструктивными элементами здесь выступают подлежащее и сказуемое. Такая многослойная синтаксическая структура образует конструктивный остов (фундамент) предложения-высказывания. Однако синтаксическая структура в таком ее понимании не является обязательной для высказывания, как, например, в номинативном предложении-высказывании (*Осень. Унылая пора.*). На синтаксическом уровне такие высказывания предложениями не являются. Таковыми они становятся на коммуникативном уровне, где они получают статус предложения-высказывания только благодаря коммуникативно-морфологическим средствам и интонационному оформлению — синтаксические средства в этом участвуют не принимают. В случае вхождения синтаксической структуры в предложение-высказывание на нее непременно наслаиваются средства коммуникативно-морфологического (обычно финитные формы глаголов), интонационного и лексического планов, без которых предложение на коммуникативном уровне (высказывание) немислимо.

II. План содержания. В соответствии с уровнями плана выражения различают синтаксическое и коммуникативное значения предложения. Синтаксическое значение выражается синтаксической структурой (схемой, моделью) предложения, а коммуникативное значение — средствами всех уровней, которые конституируют предложение-высказывание.

¹ Аспекты предложения выделены: *Адмони В.Г.* Содержательные и композиционные аспекты предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 5; *Сусов И.П.* Формальные и семантические аспекты предложения // Там же. С. 61.

Следовательно, в состав коммуникативного значения входит и синтаксическое значение.

В пределах синтаксического значения выделяют два уровня: реляционный и предикационный.

Реляционная структура отражает строение денотативной ситуации, состав ее компонентов и распределение ролей между ними (агенса, пациенса, адресата, инструмента действия и т. п.). Реляционная структура, соотносясь с обозначаемой ситуацией, занимает самую глубинную позицию в синтаксической семантике. Каждый компонент реляционной структуры соответствует одному из элементов (участников) денотативной ситуации (ср. реляционную структуру и соответствующую ей ситуацию: «агенса — действие — пациенс» (*Я читаю стихи*). Обобщенное название компонентов реляционной структуры — «релятема».

Реляционная структура служит тем глубинным основанием, на который наслаивается предикационная структура, всегда состоящая из двух компонентов. Предикационная структура на ситуацию не направлена. Она представляет собой способ языковой объективации той или иной реляционной структуры. Так, например, реляционная структура «агенса — действие — пациенс» может быть представлена двумя разными предикационными структурами. Ср. высказывания: *Режиссер Климов ставит спектакль* и *Спектакль ставится режиссером Климовым*.

Обе структуры (реляционная и предикационная) создаются синтаксическими средствами, что и дает основание рассматривать их как взаимосвязанные аспекты синтаксического значения предложения. Любые смысловые наслоения на синтаксическое значение предложения служат образованию коммуникативного значения предложения-высказывания.

Заполнение позиций структурной (синтаксической) схемы предложения соответствующими словами составляет номинативный аспект коммуникативного значения предложения-высказывания.

Аспект локализации сообщения содержит в себе следующие категории:

- модальность — отнесенность сообщаемого к ситуации, оценка достоверности сообщения с точки зрения субъекта коммуникации;
- утверждение/отрицание сообщаемого (посредством глагольных словоформ);
- персональность (отношение коммуникантов к ситуации);
- темпоральность, отражающую время действия относительно речевого акта или других действий (ситуаций);
- целевую установку, реализующуюся в одном из членов трихотомии «сообщение — вопрос — побуждение»;
- актуальное членение (выделение темы и ремы).

Модальность, утверждение/отрицание, персональность и темпоральность считать синтаксическими значениями нельзя, поскольку выражаются они несинтаксическими средствами (лексическими, интонационными, коммуникативно-морфологическими).

Целевая установка и актуальное членение приближаются к синтаксическому значению, поскольку, кроме несинтаксических средств, обслуживаются еще и линейно-синтаксическими средствами.

Особое положение в синтаксической семантике реляционного и предикационного значений обуславливается тем, что выражаются они не синтаксическими средствами вообще, а уже — конструктивно-синтаксическими.

Экспрессивно-эмоциональный аспект семантики предложения-высказывания отражает чувства и оценки номинируемой ситуации и обслуживается несинтаксическими средствами.

Сказанное позволяет сформулировать определения понятиям «предложение» и «высказывание».

Предложение как явление языка — это субъектно-предикатная структура, выражающая реляционные и предикативные отношения.

Высказывание (предложение как явление речи) — это грамматически оформленная структура, выражающая сообщение о реальной или мыслимой ситуации («возможном мире», событии, факте)¹.

7.4. СЕМАНТИКА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложные предложения имеют аналогичную простому семантическую структуру, хотя и состоят из нескольких структурных схем, то есть из более чем одной предикативной единицы. Такой изоморфизм² объясняется тем, что части сложного предложения (или отдельные предикативные единицы) не тождественны простому предложению. Их своеобразие составляет наличие у них союзов, союзных и соотносительных слов, частиц, дейктических слов; характеризуются особым порядком слов и другими специализированными средствами связи предикативных единиц³. Например: — *Я знаю вашу манеру, — сказал критик... — Если бы вы писали детективный рассказ, вы бы сделали искомым злодеем не того, кого никто из героев не подозревает, а того, кого с*

¹ См. подробнее: *Переверзев К.А.* Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // *Вопр. языкознания.* 1998. № 5. С. 27.

² См.: *Блохина Н.Г.* Явление изоморфизма и изофункциональность в простом и сложном предложении. Potsdam, 1985.

³ См.: *Попова З.Д.* Общее языкознание. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. С. 151.

самого начала подозревают все, и тем самым провели бы опытного читателя, привыкшего к тому, что ларчик открывается непросто (В. Набоков. Пассажир). Субъективно-модальное значение выражается здесь главной частью {вы бы сделали искомым злодеем... и провели бы...}. Эта модальность подчиняет себе содержание придаточной части {если бы вы писали...}. Остальные придаточные части лишь распространяют и уточняют детали, обозначенные в главной части. Следовательно, предикативности частей входят в качестве компонентов в состав единой предикативности сложного предложения, а целостность и единство сложного предложения оказывается возможным только благодаря единству его модальности, времени и лица.

Такое единство сложного предложения обеспечивается в основном двумя способами: а) объединением его частей по определенной схеме (формуле сложного предложения) и б) в силу того, что коммуникативной единицей выступает всё предложение в целом, а не каждая из его частей в отдельности¹. Схема (формула) любого сложного предикативного образования детерминирована теми синтаксическими отношениями, которые, собственно, и объединяют предикативные части в сложное целое, являются его организующим началом и конституирующим остовом. Ведь выражаются синтаксические отношения между частями сложного предложения определенными структурными (лексическими и грамматическими) средствами. В сложных предложениях союзного типа такими средствами служат союзные средства (союзы, союзные слова, соотносительные слова).

1. В сложносочиненных предложениях предикативные части могут объединяться а) *соединительным значением*, или соединительными отношениями, оформленными союзами *и, да, ни ... ни, тоже, также*; б) *противительным значением*, или противительными отношениями, посредством союзов *но, а, зато, же, однако*; в) *разделительным значением*, или разделительными отношениями, при помощи союзов *или, либо, то ... то, не то ... не то*. В качестве дополнительных средств объединения частей в сложное предложение используют также а) присоединительные союзы или союзы, употребленные в присоединительном значении: *да и, а то, не то* и др.; б) пояснительные союзы *то есть, а именно*.

Выделенные смысловые отношения и выражающие их союзы лишают части сложного предложения самостоятельности. Кроме союзов, единая предикативность (а значит, и модальность, синтаксическое время и лицо) обеспечивается и другими средствами. Так, соединительные отношения усиливаются еще и соотносительностью видовременных

¹ См.: *Белошапкина В.А.* Сложное предложение в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1967. С. 23.

форм сказуемых. Ср.: *Просто писатели живут, если можно так выразиться, внутри этого материала — живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях, и каждый день жизни оставляет, конечно, в их памяти и сердце свои заметы и свои зарубки* (К. Г. Паустовский). Одновременность действий выражается глаголами несов. вида в форме наст. времени в обеих частях сложного предложения.

Лексическими средствами, объединяющими части сложносочиненного предложения, могут служить: а) общий член предложения¹ (он относится к обеим частям, хотя и расположен в начале первой части): 1) *В сенях пахло свежими яблоками и висели волчьи и лисьи шкуры* (Л. Толстой); 2) *На улице скрипели и стонали деревья и густо шуриал в кукурузе дождь* (Конецкий); б) местоименные слова (*он, сам, тот, это, там, тогда, потому* и др.), вводные слова и частицы (*значит, в конце концов, следовательно, все-таки, все же, все равно, тем не менее* и др.). Например: *Античная философия необычайно глубоко подходила к вопросам природы, и все же она является совершенно младенческой по сравнению с нашей наукой* (А. В. Луначарский).

2. Еще меньшей самостоятельностью обладают предикативные части сложноподчиненных предложений. Их структурные схемы (формулы) скреплены более жесткими отношениями. Для этого, кроме придаточных союзов и союзных слов, используются самые разнообразные средства: а) соотносительные слова (местоимения) в главной части, б) позиция придаточной части по отношению к главной, в) соотношение наклонений и видовременных форм глаголов-сказуемых в главной и придаточной частях. Например: 1) *Но счастлив тот, кому удастся сочетать зрелый опыт с таким свежим и непосредственным видением мира* (С. Я. Маршак); 2) *Млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом* (А. П. Чехов).

Обладая, так же как и простое предложение, общими категориями предикативности и модальности, сложноподчиненное предложение по характеру предикативных линий и модальных планов оказывается более сложным образованием². Так, например, наличие отрицания в главной и придаточной частях создает сложную утвердительную предикативность: *В этой кинокартине нет ничего такого, что бы мне не понравилось*. Что касается категории модальности, то здесь, кроме мономодальных сложноподчиненных предложений, где модальность глав-

¹ Детерминирующий член предложения (детерминант).

² Гулыга Е. В. Модальность сложноподчиненного предложения // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1959. Т. СХLЛ. Вып. 1; Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 309; Гулыга Е. В. О семантике предложения. С. 27.

ной части детерминирует модальность придаточной, может сохранять бимодальность или в родовом значении модальности актуализироваться видовые (частные) модальные значения (модальность ирреальная, гипотетически условная, интенциональная и т. п.)¹. В сложноподчиненном предложении выражаются также новые синтаксические значения, которые Е. В. Гулыга располагает в следующей иерархической последовательности: а) подчинение; б) семантико-синтаксические отношения между главной и придаточной частями (ведущая роль в экспликации этих отношений принадлежит подчинительному союзу): времени, причины/следствия, условия и т. п.; в) отношения, связанные с лексическими и грамматическими свойствами сказуемого придаточного предложения.

Итак, семантическая структура сложноподчиненного предложения (как и простого) содержит категории предикативности и модальности. Предикативность выражается здесь семантико-синтаксическими отношениями между главной и придаточной частями. Отношения эти могут носить эксплицитный (при помощи союзов) и имплицитный характер. Семантико-синтаксические отношения между частями сложноподчиненного предложения образуют архисему (напр., «компаративность», «каузальность», «темпоральность» и т. п.). Семы, исходящие от главной и придаточной частей, являются дифференцирующими. Таковыми следует считать и частные модальные значения. Например: *Их лицабыли такие измученные, точно эти люди несли на себе непомерную тяжесть* (К. А. Федин). Семантическая структура этого предложения включает архисему «компаративность» и дифференцирующие семы: 1) исходящие от главной части — а) «реальность», б) «прошедшее время», в) «утверждение»; 2) выражаемые придаточной частью — а) «ирреальность», б) «одновременность» и в) «утверждение».

И все же целостность и единство сложноподчиненного предложения обуславливаются единством его модальности, времени и лица (единством архисемы и некоторых дифференцирующих сем).

3. Единство предикативности, выражаемой бессоюзным сложным предложением (БСП), достигается семантической спаянностью частей, лексическими и морфологическими показателями синтаксических отношений, интонационным оформлением, отражающим коммуникативную установку говорящего.

В бессоюзном предложении различают смысловые отношения двух типов: дифференцированные и недифференцированные². По опре-

¹ См.: Durovič Z. *Modalnost'*. Bratislava, 1956.

² См.: Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. С. 66.

делениям Е. Н. Ширяева, бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями между частями и соответствующие им союзные в плане содержания тождественны. Например: 1) *Женщина плакала навзрыд: среди погибших был и ее муж* (А. Д. Коптяева) // *Женщина плакала навзрыд, потому что среди погибших был и ее муж*; 2) *Он был уверен: к зиме фронта не станет* (М. А. Шолохов) // *Он был уверен, что к зиме фронта не станет*. Союзы и союзные слова в таких случаях эксплицируют те смысловые отношения, которые имплицитно содержатся в бессоюзном сложном предложении.

Недифференцированными отношениями между предикативными частями бессоюзного сложного предложения являются отношения, представляющие собой сплав нескольких значений, дающий своеобразную причинно-следственно-временную амальгаму (своего рода семантический гибрид). Ср.: *Погас огонек лампы в дачном окне: ночь стала еще чернее* (А. И. Куприн), где имплицитно заложены и отношения ПРИЧИНЫ (от того, что погас огонек лампы в дачном окне, ночь стала еще чернее), и следствия (*погас огонек... — и поэтому ночь стала еще чернее*), и времени (*когда погас огонек... ночь стала еще чернее*).

Дифференцированные и недифференцированные отношения имеют определенные логические основания, представляющие мысль в движении.

Смысловые дифференцированные отношения между частями БСП по логико-семантическим основаниям образуют: а) БСП с пропозиционными отношениями; б) БСП с отдельным выражением модуса и пропозиции и в) БСП со свернутыми отношениями тождества.

1. БСП первого типа состоят из таких предикативных единиц, где вторая часть выступает своего рода «предикатом» (характеризующим образованием) первой части. Отношения между такими частями можно выразить формулой: *быть знаком того, что; показывать то, что*. Например: 1) *Пульса почти уже не было, больной обливался потом, лицо его посерело* (А. Д. Коптяева); 2) *Острые, длинные тени, врываясь на мгновение, в свою очередь добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом* (И. С. Тургенев). К этому типу относятся БСП, части которых характеризуются причинными, следственными, условными, уступительными, целевыми отношениями, отношениями меры, степени, перечислительными, разделительными, сопоставительными, противительными, альтернативными.

2. Классическим примером отдельного выражения модуса и пропозиций Е. Н. Ширяев считает БСП с изъяснительными отношениями: *И все яснее для него становилось одно: невозможно жить без цели и без смысла* (В. В. Вересаев). Теоретическая основа для изучения БСП это-

го типа создана в трудах Ш. Балли и ученых Оксфордской школы (Дж. Остин). В первой части БСП выражен пропозиционный смысл, во второй — модальный. Причем обе части в составе БСП выражают целостную и единую предикативность. Такое единство обеспечивается тем, что пропозиционная часть (или диктум, по Ш. Балли) всегда «обозначает смысл, который естественным образом связывается с глаголом модульной части»¹. Диктум и модус дополняют друг друга².

3. Отношения свернутого тождества выражают БСП, части которых содержат определительные, пояснительные и объяснительные отношения, а также отношения времени и места. От БСП с пропозиционными отношениями эти предикативные структуры отличаются тем, что они не являются перифразом соответствующих сложных предложений. Логико-семантическим основанием таких БСП являются идентификация и предикация.

И д е н т и ф и ц и р у ю щ и е отношения возникают тогда, когда подлежащее для достижения коммуникативной цели требует идентификации (указания на его признаки) посредством предикативной конструкции: *Но в конце лета, когда цветет олеария, можно видеть, что это близкий родственник ромашки {на родине, в Новой Зеландии, ее называют даже ромашковым деревом}* (В. В. Петров). Идентифицирующая конструкция выражает постоянный или временный выделительный признак предмета, названного существительным *олеария*.

П р е д и к а ц и я служит пояснительным и объяснительным целям. Например: *Погода у нас здесь установилась хорошая: прекратились дожди, выглянуло солнышко* (объяснительные отношения); *Погода у нас здесь установилась такая: утром светит солнце, а вечером идет дождь* (пояснительные отношения)³; *Лес рубят — щепки летят* (посл.) (временные отношения); *У подножия Кавказских гор, там бурный Терек выносит свои воды на равнину, лежит город Владикавказ* (отношения места).

Е. Н. Ширяев предложил следующие критерии разграничения БСП с пояснительными и объяснительными отношениями.

1. БСП с пояснительными отношениями чаще используются в научном и деловом стилях, где поясняемыми словами выступают *так, такой, таков* и *следующий*. За исключением последнего слова они возможны и в языке художественной литературы, публицистики. Например: 1) *Было так: из тьмы глубокой, Огненный взметнув клинок, Луч*

¹ Ширяев Е. Н. Указ. соч. С. 82.

² См.: Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопр. языкознания. 1971. № 1; Колосова Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Филол. науки. 1979. № 2. С. 47.

³ Примеры Е. Н. Ширяева. Указ. соч. С. 85.

прожектора протоку Пересек наискосок (А. Твардовский); 2) *Объяснения приводятся такие: в жесткой воде много солей кальция и магния* (А. Поликарпов). Кроме указанных, могут в таких БСП быть поясняемыми слова *одно, вот что*, неопределенное местоимение *что-то*, местоимения *это, такое, оно* (в событийном осмыслении), *ничего* (при отрицании), слова *другой, иной, обратный*, сочетания с частицей *вот: вот как, вот это самое, вот что*.

2. БСП с объяснительными отношениями обычно употребляются в авторском повествовании в художественной речи, в частности поэтической. Смысловое содержание рассматриваемых предложений обуславливается грамматическими свойствами и лексической семантикой объясняемого компонента. Ими, как правило, выступают: глагол-сказуемое; краткие причастия, обозначающие действия и состояния человека; глаголы-сказуемые с зависимыми словами объектного или обстоятельственного значения, имена существительные с прилагательными. Например: 1) — *Хороша дружба: я ничего не знаю о тебе, — ты ничего мне не поверяешь...* (И. Гончаров); 2) *Случайно я увидел в зеркале свое отражение: бледное, искаженное страхом лицо глянуло на меня холодно и страшно, как чужое* (В. Вересаев).

Иногда объяснительные отношения имеют место в составе недифференцированных значений БСП. Это наблюдается в двух случаях: а) когда вторая предикативная часть относится к группе местоименное определение *{какой-то, один — оба неопределенные, И такой, тот}* + существительное и б) когда предикативная единица, объясняя слово в другой части БСП, показывает причину субъективного выбора толкуемого слова или сочетания¹. Ср.: 1) *В окружающем мире шло какое-то брожение: орали гуси, бляли овцы, домашние утки носились над водопольем срезвостью диких своих собратьев* (Ю. Нагибин); 2) *Сердце у него тревожно сжалось: Аксинья была явно больна* (М. Шолохов). В первом случае БСП содержит пояснительно-объяснительное значение, а во втором — причинно-объяснительное («сердце тревожно сжалось, от того что Аксинья была явно больна»).

В заключение необходимо подчеркнуть, что смысловые отношения между частями БСП опираются, как убеждает анализируемый материал, на конкретное содержание частей, обуславливаемое их лексико-семантическим наполнением.

Таким образом, считать признак полипредикативность/монопредикативность² универсальным критерием отграничения семантики

¹ См.: Ширяев Е.Н. Указ. соч. С. 217.

² См.: Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1967. С. 22.

сложного предложения от семантики простого было бы неосмотрительным решением. Он не охватывает всего многообразия синтаксической семантики предложений разных типов. Ведь полипредикативностью могут обладать и простые предложения, если они осложнены вводными и вставными конструкциями. Ср.: *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...* (А. Пушкин). А многие сложноподчиненные предложения характеризуются единой предикативностью (если предикативность придаточной части предопределяется предикативностью главной части).

Именно единством и целостностью семантической структуры сложные предложения отличаются от сочетания предложений¹. Их целостность — в наличии семантико-синтаксических отношений между предикативными единицами. Между сочетающимися предложениями (членами открытого ряда предложений) отношения перечислительные, а не синтаксические. Соединяющие их союзы, теряя свои обычные значения, выполняют функции частиц.

И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И странно изменился вкус вина.

А. Ахматова. Полночные стихи

Используемые А. Ахматовой открытые ряды предложений не образуют единого и целостного сложного предложения. Повторяющийся союз *и* наряду с интонацией перечисления указывает лишь на однородность вполне самостоятельных коммуникативных единиц. Еще пример:

И поля цветут, и леса шумят,
И лежат в земле груды золота,
И во всех концах света белого
Про тебя идет слава громкая.

И. Никитин

Союз и соединительных смысловых отношений не выражает. Предикативные единицы здесь не объединены семантико-синтаксическими отношениями. Они свободно сопологаются друг с другом, образуя открытый ряд автосемантических предложений. Такие сочетания предложений следует отличать не только от сложных предложений, но и от сложного синтаксического целого. Предикативные единицы в составе сложного синтаксического целого характеризуются смысло-

¹ В. А. Белашапковой они рассматриваются среди сложносочиненных предложений.

вым единством, синсемантической, что предполагает наличие между ними определенных смысловых и грамматических отношений. Следовательно, предложения в сложном синтаксическом целом образуют закрытые ряды: каждое предложение в отдельности представляет собой самостоятельную синтаксическую единицу с относительно автономной семантической структурой (синтаксическим значением), а сложное синтаксическое целое — единую коммуникативную единицу, обладающую коммуникативным значением. В отличие от сложного предложения сложное синтаксическое целое является более расчлененным образованием. Будучи смысловым единством, сложное синтаксическое целое выражает относительно замкнутое содержание, что «делает его в известной мере независимым от контекста, замкнутой синтаксической структурой, интонационным единством»¹. Вот пример из репортажа В. Пескова «Силуэты Палеха»:

Полчаса езды от города Шуи, и вот он — Палех. Шкатулки мастеров-палешан известны всем.

Издали кажется: само село тоже похоже на самобытную роспись, что все в нем сказочно, необычно. Нет, все обычное, все земное! Лужок уречки, припорошенный снегом. Ледок на речке звенит от брошенной палки так же, как и везде он звенит. Рябина и вербы такие же, как и в селе по соседству. И поленица дров удомов, и белёна на веревке, заколеневшее от мороза, и гусак, неспешно на красных лапах переходящий дорогу, — все нам привычно. [...] Все зависит лишь от того, какими глазами смотрит на мир человек, как чутко сердце его, и насколько послушна, искусна рука, творящая из обыкновенное...

Смысловая и формально-грамматическая структура сложного синтаксического целого (ССЦ) взаимосвязаны.

В первой части ССЦ, в опорном предложении, констатируется факт (предмет сообщения), дается ему общая характеристика. Семантическая и формально-грамматическая организация последующих частей связана со строением сложного предложения, его строение, в свою очередь, предопределяется общей смысловой структурой ССЦ.

Выделяют два типа ССЦ: 1) после констатации факта следуют предложения, объясняющие причину и следствия, детализирующие смысл опорного предложения; 2) представленному в опорном предложении факту противопоставляются причины, следствия, обстоятельства и т. п. (в таком случае предложения второй части начинаются противительными союзами *однако, но, же, зато* и др.).

¹ *Рогожникова Р. П.* Сложное целое и структура сложного предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 200.

Средствами связи предложений в ССЦ служат: а) единство видо-временных форм глаголов-сказуемых; б) употребление местоимений 3-го лица и указательных местоимений *тот, этот*, указывающих на ранее обозначенные предметы и лица; в) использование синонимов и лексических повторов; г) различные обстоятельства (чаще времени и места); д) союзы в начале предложений, имеющие присоединительные значения; е) параллелизм в построении предложений, в частности одинаковый порядок слов, и др.

Представленные выше суждения составляют стабильную и не вызывающую в науке возражений часть теории о ССЦ. Однако многое еще о природе, статусе и структуре ССЦ остается невыясненным¹. Среди прочих вопросов важно разработать критерии отграничения ССЦ от смежных единиц — предложения и от других ССЦ в тексте. В отграничении ССЦ от предложения наиболее трудным оказывается различение ССЦ и сложносочиненного предложения². Более рельефно очерчены границы между ССЦ одного и того же текста. При этом обычно используют два критерия: а) смысловая самостоятельность и синтаксическая законченность, сохраняющиеся в ССЦ и в их изолированном от контекста состоянии; б) особый присоединительный характер связи между предложениями, входящими в состав ССЦ. Ввиду неоднородности связей, составляющих второй критерий, он был конкретизирован путем уточнения характера присоединительной связи: 1) парцелляции, когда один из компонентов предложения (простого или сложного) обособляется в самостоятельное предложение; 2) отношения между «правильными» и «ущербными» предложениями, особенно существенными для диалогической речи; 3) отношения между предложениями, второе из которых дополняет содержание первого; второе предложение при этом вводится в текст специальным коннектором *кроме того, вдобавок* и др. (И. А. Фигуровский).

Важным признаком ССЦ признается, вполне справедливо, смысловая общность составляющих его предложений, наличие у ССЦ особой «микротемы», которая, собственно, и предполагает семантическое согласование предложений-высказываний. Причем в ССЦ, по

¹ Нет в семантическом синтаксисе и единого термина, обозначающего это понятие; ср. *ССЦ* (А. М. Пешковский), *сверхфразовое единство* (О. С. Ахманова), *суперфраза, смысловой кусок, компонент текста* (И. А. Фигуровский), *дискурс* (пражская школа), *регистр* (неофирсовская и эдинбургская школы), *прозаическая строфа* (Г. Я. Солганик), *высказывание, монологическое высказывание, синтаксический комплекс* (А. И. Овсянникова), *коммуникативный блок* и др.

² См.: Бунина М. С. К вопросу о сложном предложении // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1975. С. 57–63.

утверждению Г. В. Колшанского, «почти исчезают собственно грамматические показатели и выходят на первый план лексические и далее уже смысловые связи текста»¹. А текст в целом возникает именно в силу установления смысловых связей и отношений между «микротемами». Такая своеобразная инфраструктура текста может быть названа глубинной в отличие от поверхностной структурно-грамматической организации текста.

Однако отмеченные Г. В. Колшанским свойства ССЦ не следует абсолютизировать. Они скорее должны рассматриваться как тенденция: исчезают грамматические показатели, характерные для связи частей предложения, вместо них выступают другие, собственно текстовые. Так, Н. А. Турмачева в результате изучения структурной соотносительности частей ССЦ обнаружила между ними пять основных типов грамматической связи: а) цепную, б) параллельную, в) лучевую, г) присоединительную и д) ситуативную². И все же такая связь частей ССЦ не является жесткой и закрытой структурой. Зыбкость ее очертаний затрудняет выделение ССЦ, которое может совпадать с абзацем или вместе с другими ССЦ входить в его состав в качестве компонента. Однако в любом случае ССЦ — это не простая сумма предложений; оно обладает качественно новой структурно-смысловой целостностью и является отрезком завершеного сообщения.

¹ Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. С. 95.

² См.: Турмачева Н.А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Раздел 8
СЕМАНТИКА ТЕКСТА

8.1. СЕМАНТИКА СВЕРХФРАЗОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Приступая к осмыслению *семантики текста* как наиболее сложного синтаксического образования, необходимо попытаться более или менее рельефно очертить ее объект. Однако задача эта непростая. Ведь чем выше в уровневой стратификации языка располагается изучаемое явление, тем сложнее установить его границы. Дело в том, что единицы предшествующих уровней, выступая строительным материалом единиц высшего уровня, привносят в их семантическую структуру присущие им свойства и признаки, усложняя тем самым механизм языкового представления отраженной в сознании действительности. В связи с этим особый смысл и предостерегающее звучание приобретают суждения В. А. Звегинцева, высказанные им о тексте — единице высшего языкового уровня: «Ученые, приступающие к изучению текста, видимо, и не подозревают, что им придется иметь дело с объектом, по своей грандиозности не уступающим вселенной, — в сущности, с лингвистической вселенной»¹. Тщетны, по мнению автора, надежды выделить здесь предельно четкие единицы и образования, как это удавалось на предыдущих уровнях. И все же стремиться к этой труднодоступной цели не только можно, но и необходимо. Необозримое надо сделать обозримым² или хотя бы определить пути и подходы к такой конкретизации.

В рамках решения поставленной задачи необходимо, на наш взгляд, прежде всего уяснить по крайней мере три вопроса: 1) Является ли текст синтаксической единицей? 2) Можно ли считать текст единицей языка? 3) Какие «микротексты» служат компонентами текста?

¹ Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 1. С. 14.

² Там же.

Все три вопроса, хотя и в разной степени, являются дискуссионными. Существует мнение, согласно которому синтаксической единицей признается только предложение (Э. Бенвенист).

В последнее время таковыми считают и сверхфразовые образования (Г. В. Колшанский, О. И. Москальская, Е. В. Падучева и др.). Так, по мнению Ф. Данеша, «будет разумным выделить уровень текста в общей иерархии уровней языковой системы»¹. Еще более определенное высказывается О. И. Москальская: «Сверхфразовое единство — понятие синтаксическое. Это — единица синтаксиса, образующая особый уровень по отношению к предложению»². Однако и это суждение не лишено противоречий. С одной стороны, текст образует самостоятельный (относительно самостоятельный, разумеется) уровень, а с другой, он квалифицируется единицей синтаксического уровня. Не устраняет это противоречие и уточнение грамматической природы текста, который «не поддается определению в понятиях грамматики, хотя грамматические признаки и входят в структурирование его именно как целого»³. Возникает недоумение: если текст — единица синтаксическая, то почему он не образует синтаксический уровень; если же он представляет особый уровень, то может ли он быть единицей другого уровня? Разрешение этих противоречий возможно, на наш взгляд, только после рассмотрения третьего вопроса — о компонентном составе текста. Несмотря на различное толкование этого вопроса, имеющиеся в литературе точки зрения могут быть охвачены формулировкой Г. В. Колшанского: сложная инфраструктура текста может быть более или менее точно описана в понятиях макро- и микротекста⁴. Однако весь вопрос в том, какими единицами создаются макро- и микротексты? Г. В. Колшанский, например, утверждает, что минимальная единица текста выше, чем сложное предложение. Это, по его мнению, блок и текстема⁵. Смысловые связи в их структуре обуславливаются логикой развития мысли, а не грамматически. Блок в составе текста объединяет высказывания об одном денотате (предмете рассуждений); графически блок маркируется красной строкой. Текстемы — группы высказываний, на которые членится по смыслу блок или текст. Блок (текстема) может представлять собой абзац или период. Согласно та-

¹ *Daneš F. Zum Status der Textebene // Studia grammatica XVIII. Probleme der Textgrammatik II. Berlin, 1977. S. 157.*

² *Москальская О.И. Грамматикатекста. М., 1981. С. 14.*

³ Там же.

⁴ *См.: Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. С. 106.*

⁵ Там же. С. 109.

кой точке зрения высказывания входят в состав блока (текстемы), но единицами текста не являются. Его минимальной единицей считается сам блок (текстема).

Большинство же исследователей вслед за О. И. Москальской единицами текста называют коммуникативные построения от предложения и выше: *предложение-высказывание, сложное предложение, дискурс, период, блок, текст*. Поскольку часть указанных здесь единиц уже рассматривалась, то в разъяснении нуждаются лишь некоторые из них.

Дискурс (франц. *discours* — речь) — элементарная невербализованная единица текста, представляющая собой сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями¹. Учитывая то, что категориальными признаками дискурса являются содержательное единство и смысловые отношения между предложениями, у нас имеются все основания интерпретировать дискурс в аспекте семантического синтаксиса. Будучи речевым образованием, дискурс ситуативно обусловлен. Иными словами, ситуативные и событийные факторы воздействуют на структуру дискурса.

Это вполне согласуется с естественным направлением речевого общения — от события к речевому образованию. Причем в речевом образовании событие не просто находит языковую репрезентацию; оно подвергается интерпретации и с точки зрения коммуникативного намерения автора, и с учетом предполагаемого восприятия данного события адресатом. Эта интерпретация осуществляется посредством значений предложений, входящих в дискурс. Интерпретация ситуативно привязанных предложений связана с использованием соответствующих пресуппозиций² — общих фоновых знаний коммуникантов о соответствующем событии, благодаря которым достигается правильное понимание дискурса (как минимальной единицы текста).

По утверждению В. А. Звегинцева, дискурс подвергается двойной интерпретации. Первая из них — интерпретация снизу — осуществляется под воздействием пресуппозиционного каркаса дискурса, а вторая — верхний предел дискурса, условно называется словосочетанием «возможный мир» (по аналогии с терминопотреблением Д. С. Лиха-

¹ Понятие дискурса см. в работах: Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку речи. М., 1976; Лисоченко Л. В. Высказывание с имплицитной семантикой. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1992. С. 7.

² См. противоречивые толкования понятия пресуппозиции в работе: Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1978. С. 309.

чева)¹. Между верхним и нижним пределами и строится текст. Иными словами, процесс создания текста происходит под воздействием этих двух факторов.

Вот как разъясняет это В. А. Звегинцев: «Строя дискурс, надо заполнять его пространство отдельными предложениями таким образом, чтобы они не только не находились в противоречии со сферой понимания, но и, подобно мозаичной технике, "проявляли" картину "возможного мира", выступающего в этом процессе в качестве руководящего начала»². Конструктивной основой дискурса является принцип линейной последовательности «развертывания» текста. Этот принцип — условие и средство создания смысловой целостности дискурса. Пределом «развертывания» дискурса являются ограничения «возможного мира», им же определяется и последовательность предложений в дискурсе. Эти ограничения не допускают перифраз дискурса. Из приведенных выше суждений необходимо извлечь, на наш взгляд, несколько категориальных признаков дискурса.

Во-первых, это важнейший компонент (единица) текста, в основе которого лежит так называемое дискурсивное мышление — ход мыслей, их последовательность, связь идей³. В связи с этим дискурс целесообразно рассматривать в плане порождения речи (текста), осуществляющегося параллельно с реализацией коммуникативной стратегии⁴ лица (автора), порождающего текст. В процессе речемыслительного порождения текста-дискурса как строительный материал используются высказывания и тематические блоки (СФЕ), соотносимые с приемами и способами развития и репрезентации результатов речевого мышления — номинацией, классификацией, характеристикой, дефиницией, аргументацией и т. п. (Е. Г. Баянкина).

Во-вторых, дискурс представляет собой предметно-тематическое единство ряда высказываний и тематических блоков (СФЕ), служащее реализации основного замысла текстообразования. Нижним пределом реализации замысла выступает пресуппозиционный каркас, а

¹ См.: Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. литературы. 1968. № 8.

² Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980. Т. 39. № 1. С. 18.

³ См.: Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 29.

⁴ Ее составляющие: а) коммуникативные намерения говорящего, б) условия коммуникации (коммуниканты, использование неречевых средств общения и т. п.), в) вид коммуникации. Ср.: Дискурс — текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами.

верхним — «возможный мир». Если предположить, что текст в целом определяется основной темой, то дискурс, точнее его содержание, может быть представлено подтемой. Подтема, в свою очередь, имплицитно содержит субподтемы и микротемы. Их соотношение образует предопределяемую замыслом иерархическую структуру. Порождение текста в связи с этим заключается в актуализации и экспликации подтем, субподтем и микротем, их ветвлении и развертывании.

В-третьих, единство и целостность дискурса обеспечивается когезией, или структурными связями, предметно опорных подтем, субподтем и микротем, заключенных в соответствующих высказываниях и тематических блоках (СФЕ). Такими структурными связями служат нанизывание, сцепление, расщепление, склеивание, обрамление, развертывание¹, явления парцелляции и интеграции². По мнению Н. И. Теплицкой, структурные связи в дискурсе могут быть семантически сильными и слабыми.

В-четвертых, выделенные виды связи между элементами дискурса подчинены выражению темо-рематических отношений³, выражению коммуникативного субъекта и предиката (Т. Б. Алисова), которые для дискурса являются базовыми.

В-пятых, объединение отдельных дискурсов в текст служит реализации замысла построения текста. Замысел предопределяет начало и конец текста, отбор подтем, субподтем и микротем; замысел «управляет» поиском конкретных слов и выражений путем сужения предметно-понятийной области, подвергающейся речемыслительным операциям номинации, классификации, характеристики и т. д. Область поиска сужается вплоть до отдельного слова⁴.

Важное место в создании архитектоники текста принадлежит периоду.

Период (греч. *periodos* — обход, круг, круговращение) — это сложное синтаксическое и ритмико-интонационное образование, характеризующееся своеобразием содержания, структуры и интонации.

Своеобразием его структуры является наличие двух частей, первая из которых значительнее по объему.

¹ См.: Борботько В. Г. Структурные характеристики дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

² См.: Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Рус. яз., 1979.

³ См.: Николаева Т. М. Актуальное членение — категория текста // Вопр. языкознания. 1972. № 2. С. 48–54.

⁴ См.: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. С. 12.

Указанные структурные части различаются также мелодикой и ритмом. Первая часть произносится с постепенно нарастающим повышением голоса и убыстренным темпом. После ярко выраженной паузы следует вторая часть, которая произносится с резким понижением голоса (тона) и замедленным ритмом. Ритмичность создается параллелизмом структурных компонентов первой части, повторением предлогов, лексическими повторами. Своеобразное интонационное оформление {*протазис* — повышение тона первой части; *аподозис* — понижение тона второй части) образует своего рода кольцо, круг. Это способствует созданию емкой и изящной формы, легкому восприятию заключенного в ней содержания. Со стороны содержательной период характеризуется полнотой и законченностью мысли, единством темы. Именно такими характеристиками обладает отрывок из концовки романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. // Вот тогда испит Иван Николаевич со счастливым лицом.

С точки зрения синтаксической организации период может быть и распространенным, осложненным простым предложением, и предложением сложным, и сверхфразовым образованием.

С точки зрения семантики период может быть а) п р е д и к а т и в н ы м (1-я часть — состав подлежащего, 2-я — состав сказуемого); б) в р е м е н н ы м (в одной из частей содержится указание на время событий, описанных в другой части); в) о п р е д е л и т е л ь н ы м (в одной из частей определяется предмет, о котором сообщается в другой части); г) п р и ч и н н ы м (между частями существуют причинно-следственные отношения); д) з а к л ю ч и т е л ь н ы м (понижением тона одной части указывается следствие, вытекающее из части, произносимой повышением голоса); е) п р о т и в и т е л ь н ы м (содержания частей противопологаются); ж) п р и с о е д и н и т е л ь н ы м (содержание части, произносимой с понижением тона, дополняет содержание другой части); з) с р а в н и т е л ь н о - с о п о с т а в и т е л ь н ы м (между частями периода существуют компаративные смысловые отношения); и) у с л о в н ы м (в 1-й части содержится условие осуществления того, о чем сообщается во 2-й части); к) у с т у п и т е л ь н ы м (в 1-й части излагаются условия, препятствующие совершению того, о чем сообщает 2-я часть).

8.2. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

Предметом дискуссии в области семантики текста оказывается сама правомерность постановки вопроса: можно ли вообще говорить о том, что текст обладает особой семантической структурой?

Крайней точкой отрицания такого подхода может быть позиция Т. В. Булыгиной: «Несмотря на некоторые особенности сочетаний предложений в тексте, текст все же не образует, как мне кажется, специфической структуры, свойства которой превосходили бы сумму свойств составляющих его предложений»¹. Такого же рода изоморфизм структуры предложения и структуры текста усматривают и некоторые зарубежные лингвисты: М. Даскал и А. Маргалит², например, убеждены в том, что грамматика предложения, если она «полностью разработана», может описать все свойства текста, следовательно, создавать семантическую теорию текста, по их мнению, нет нужды.

Противоположный взгляд на эту проблему содержится в трудах таких исследователей, как И. Р. Гальперин, Н. И. Жинкин, В. А. Звегинцев, О. И. Москальская и др. Несмотря на известное своеобразие их концепций, они все же едины в понимании текста как целостной коммуникативной единицы, отличающейся от высказывания более сложной семантической и формально-грамматической организацией своих компонентов. Подобного понимания текста, разумеется, в разных модификациях, придерживаются и многие зарубежные исследователи³. Так, по теории М. Хэллдея, текст — это «основная единица семантики и ее нельзя определить как своего рода сверх-предложение», поскольку он (текст) представляет собой актуализацию потенциального. Еще более точно высказывается по этому вопросу А. Греймас, для которого текст, хотя и членится на высказывания, все же не является их простой суммой. П. Гиро считает, что текст обладает качественным своеобразием еще и потому, что составляющие его единицы, вступая в его пределах в особые системные отношения, приобретают качественно новый стилистический и прагматический эффект⁴.

¹ Булыгина Т. В. О границах между сложной единицей и сочетанием единиц // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 224.

² См.: Dascal M., Margalit A.A. New «Revolution in Linguistics» Text-Grammars' vs. «Sentence-Grammars» // Theoretical Linguistics. 1974. V. 1. № 1/2. P. 195-213.

³ См. обзор в работе: Parret H. Discussing Language. The Hague. Paris, 1974. P. 66, 86.

⁴ Оригинальные концепции семантики текста содержат работы Р. Харвега, Х. Вайнриха, В. Дресслера, И. Петёфи, Т. ван Дейка и др.

Своего рода итогом рассмотрения разных точек зрения на текст и его семантику (в сопоставлении с высказыванием) является концепция И. Р. Гальперина. Подчеркивая, что многие категориальные признаки грамматики предложения не совпадают с категориальными признаками грамматики текста, к последним он относит: обусловленность, последовательность, континуум, интегративность, ретроспективность, переакцентуацию, зависимость/независимость отрезков текста, особый тип предикативности, информативность, прагматику и подтекст¹. Кроме указанного несовпадения, автор показывает принципиальную зависимость предложения от текста. Все это служит достаточно убедительными аргументами выделения «семантики текста» в относительно самостоятельную категорию, служащую одной из отличительных черт текста. В этом качестве ее вводят составляющей многих современных определений текста (Т. М. Дридзе, Г. В. Колшанский, В. В. Одинцов и др.).

Текст — это целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией (замыслом) его автора.

Семантическая структура текста, как и единицы языка низших уровней, состоит из ядра и периферии. Ядро образуется предметно-понятийным, а периферия — коннотативным содержанием. Предметно-понятийное содержание текста содержит денотативные и сигнификативные семы.

Денотативный компонент смысловой структуры текста

Денотатом текста выступает обозначаемое в нем событие (ситуация) — отображаемые предметы и отношения между ними. Следовательно, денотат текста можно определить как конкретное представление о том, что данным текстом обозначается. В связи с этим будет справедливым обратное утверждение: содержанием текста является постигнутая участниками речевого акта (автором и читателем) денотативная ситуация. Согласно концепции Н. И. Жинкина и его учеников², денотат текста представляет собой динамическую еди-

¹ См.: Гальперин И.Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопр. языкознания. 1977. № 1. С. 48.

² См.: Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. С. 106; Новиков А.И., Чистякова Г.Д. К вопросу о теме и денотате текста // Изв. АН СССР Сер. лит. и яз. М., 1981. Т. 40. № 1. С. 48.

ницу речи. Объективируется он в нашем сознании как репрезентатор (представитель) соответствующей предметной действительности. Осмысление денотативного содержания текста происходит в процессе декодирования (восприятия и понимания) информации. Содержание текста считается понятым, если отправитель и получатель информации соотносят ее содержание с одним и тем же фрагментом действительности (с одной и той же денотативной ситуацией). Поэтому важно осмыслить роль денотата в процессе порождения текста и в процессе его декодирования.

Дело в том, как разъясняют А. И. Новиков и Г. Д. Чистякова, что речь предметна, ситуативна. Понимание текста (а текст — образование речевое) не сводится к языковому знанию, оно опирается на обозначаемую внеязыковую реальность, отражаемую в мышлении. Отраженная в мышлении денотативная ситуация, представленная в соответствующем тексте, определяет его содержание. Однако характер содержания текста, в основе которого лежит один и тот же денотат, может варьироваться в зависимости от авторского замысла, который, в свою очередь, зависит от характера предполагаемого воздействия на получателя информации, его опыта, уровня знаний, эмоционального состояния и т. п. «З а м ы с л, — по утверждению исследователей, — осуществляет прогнозирующее согласование начала и конца текста за счет отбора тех подтем, с помощью которых будет развертываться будущий текст»¹. П о д т е м ы, по данным Н. И. Жинкина, служат смысловыми узлами построения целостной картины сообщения. Коммуникативные намерения (замысел) управляют отбором и употреблением слов в процессе текстообразования. Это связано с тем, что коммуникативные намерения предопределяют взаимосвязь (иерархию) подтем и субподтем. Подтема фокусирует в себе целостный фрагмент денотативного содержания², который содержится в замысле в свернутом виде. Такой денотат подтемы имплицитно содержит более частные денотаты, которые выступают содержанием субподтем.

Подтема реализуется в тексте определенной цепочкой слов, внутренне связанных в единое целое. Совокупность подтем составляет текст. Его единство и целостность обеспечиваются связью подтем. Таким образом, содержание текста — это семантический комплекс, сформированный мышлением автора в соответствии с замыслом, целями и условиями общения. В основе содержания текста лежит совокупность

¹ Новиков А.И., Чистякова Г.Д. Указ. соч. С. 53.

² Там же.

денотатов, отражающих иерархию подтем и субподтем (А. И. Новиков, Г. Д. Чистякова). Тема же в целом, являясь свернутым, сжатым содержанием, представляет собой результат осмысления и реализации замысла автора. Определение темы свидетельствует о завершении формирования структуры содержания текста, выступающей коррелятом соответствующей денотативной структуры. Денотативная структура может быть представлена как совокупность денотатов (подтем и субподтем), связанных между собой определенными предметными отношениями. Денотаты обозначаются в тексте именами, а отношения между ними — глаголами и другими предикатными знаками. Это позволяет выделять в тексте относительно самостоятельные части содержания, устанавливать средства связи между ними и внутри их. Важное место в процессе понимания семантики текста занимают пресуппозиции.

Сигнификативный компонент смысловой структуры текста

В содержательной структуре текста различимы два аспекта: а) одной стороной текст обращен к внеязыковой действительности, в результате чего его содержательная структура в значительной степени предопределяется связями между отображаемыми событиями; б) другой стороной текст теснейшим образом связан с речемыслительной деятельностью человека и поэтому «его структура отражает логические взаимосвязи между соответствующими коммуникативными действиями»¹. Первый аспект формирует *семантическую*, а второй — *смысловую* структуру текста². Выделенные аспекты не являются автономными. Они предполагают друг друга. Первый, будучи денотативной основой смысловой структуры текста, служит базой формирования второго — его сигнификативного уровня, выполняющего лингвокреативные функции.

Денотативный каркас текста — первичный фактор формирования текста, его логической и грамматической связанности, благодаря которой отдельные коммуникативные единицы объединяются в коммуникативно-смысловую целостность.

Сигнификативный аспект семантики текста представляет собой вторую ступень речемыслительной интерпретации соответ-

¹ Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. С. 124.

² См.: Шахнарович А.М. Онтогенез мыслеречедеятельности: семантика и текст // Филол. науки. 1998. № 1. С. 63.

ствующей денотативной ситуации. Это соответствует месту человека в соотносительном ряду «внеязыковая действительность — деятельность — мысль — язык» (ср. подобное соотношение между животными и предметным миром: «действительность — действие — представление (образ)»). Особое значение при смыслообразовании текста приобретает речемыслительный этап познания мира. На этом этапе формированием семантики текста управляют два фактора: а) коммуникативные намерения (замысел) говорящего (субъекта речи, автора) и б) фоновые знания коммуникантов (адресанта и адресата речи). В соответствии с этими факторами осуществляется в текстообразовании отбор лексических средств и грамматических моделей предложений. Они еще больше отдалают смысловую структуру текста от денотативного каркаса, так как навязывают отображению некоторую информацию, заключенную в их языковых значениях. В связи с этим требует рассмотрения предмет продолжающегося спора о том, формулируется ли мысль до ее вербализации или ее оформление происходит в момент порождения текста? Первая точка зрения достаточно убедительно обоснована Н. С. Ковалевым¹.

По гипотезе Г. В. Колшанского, абстрактное мышление неразрывно связано с языком, поэтому формирование мысли и ее вербализация представляют нерасчлененное речемыслительное единство — гносеологическую основу семантики текста. Смыслообразование текста регламентируется двумя принципами: а) принципом обратной связи, управляющим (посредством анализа и синтеза) поиском и проверкой выбора словоформ из резервов оперативной или длительной памяти, и б) принципом опережающего отражения (Д. Н. Узнадзе, П. К. Анохин), предполагающего предварительное программирование развития мысли. Разъясняя конструктивную роль второго принципа, следует указать на его связь с первым принципом, ведь «смысловое предвосхищение подчиняет себе все языковые гипотезы, ограничивая число их вариантов и облегчая предвосхищение на вербальном уровне»². Эта мысль существенно дополняется Г. В. Колшанским: предвосхищение смысловой структуры и языковой формы текста должно быть дополнено вторым этапом речемыслительной деятельности — «этапом непосредственного вербального развертывания мысли, которое не уместается в общую схему предвосхищения, а реализуется в непрерывной

¹ См.: *Ковалев Н.С.* Древнерусский литературный текст: смысловая структура и эволюция в аспекте категории оценки. Волгоград, 1997.

² *Левашов А.С.* Предвосхищение в речевой деятельности // *Иностр. яз. в высш. школе.* М., 1982. Вып. 17.

динамике, проверке на адекватность выбора языковых средств выражаемой мысли»¹.

С учетом выделенных ранее факторов формирования семантики текста ее сигнификативная область, по мнению Л. А. Черняховской, делится на три уровня. На первом, нижнем, уровне смысл порождаемого текста существует в виде субъективного отражения денотативной ситуации в сознании адресанта; поиск языковых средств для его выражения еще не завершен. Второй уровень представляет смысл порождаемого текста, полностью объективированный языковыми средствами; он ориентирован на усредненный уровень знания потенциального адресата речи. Третий уровень во многом аналогичен первому, однако связан он не с адресантом, а с адресатом (получателем) речи. Это — психическое отображение денотативной ситуации в сознании адресата (слушателя, читателя) во взаимодействии с его фоновым знанием. Оно является субъективным переживанием адресата, аналогичного переживанию адресанта, объективированному в тексте.

Выделенные уровни сигнификативной зоны семантики текста позволяют представить ее в виде взаимодействия субъективного и объективного знания, индивидуального и социального опыта. Взаимодействие этих факторов образует содержательную структуру текста, «в которой иерархически организованные сегменты отображения реальности связаны друг с другом различного рода связями»². Выделенные сегменты служат смысловыми единицами (элементами) текста. Л. А. Черняховская выделяет три типа таких смысловых единиц: а) элементарную, б) усложненную I-й степени и в) усложненную II-й степени.

Элементарные смысловые единицы (ЭСЕ) образуют нижний ярус смысловой структуры текста. Они несут целый комплекс информации: имя «предмета», информация о свойствах существования этого «предмета» (сема бытийности), модальность, выражающую оценку степени достоверности существования «предмета» (его реальность/нереальность, выражаемую глаголами, модальными словами типа *если, быть может, вряд ли*), пространственно-временные характеристики события. Данный комплекс информации выражается главным образом предикатным выражением, а также его отдельные элементы могут содержаться в предыдущем контексте (включая заголовок) и в фо-

¹ Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста // *Вопр. языкознания*. 1983. № 3. С. 51.

² Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // *Вопр. языкознания*. 1983. № 6. С. 120.

новом знании адресата (получателя, читателя). Так, текст «*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет...*» (А. Блок. Пляски смерти) состоит лишь из предикатных имен, каждое из которых представляет предикатное выражение. Оно мысленно воспроизводится адресатом. Например: *Сейчас там, где я нахожусь* (имеется в виду автор), *стоит ночь. Я нахожусь на улице. Там светит фонарь. Где-то рядом расположена аптека...* и т. д.

Уровнем выше в смысловой структуре текста представлены усложненные семантические единицы I-й степени (УСЕ-1). Их усложненность заключается в том, что в них содержится характеристика «предмета» по нескольким свойствам, включая и его субъективную оценку. Напомним, что ЭСЕ выражает информацию о «предмете» только по свойству его существования (бытийности). УСЕ, кроме бытийности, содержит еще и атрибутивность. Ср.:

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.

А. Блок

Первое предикатное выражение *Есть демон утра* содержит ЭСЕ. Однако, если имя «предмета» попытаться распространить его субъективно-оценочным атрибутом, то такой текстовой отрезок будет репрезентатором УСЕ-1. Ср.: *Есть дымно-светлый демон утра...* Тот же сегмент реальности А. Блоком представлен двумя предложениями, которые уже содержат две смысловые единицы — ЭСЕ и УСЕ-2. В состав УСЕ-2 в качестве одного из ингредиентов входит ЭСЕ, представленная лично-указательным местоимением *он*.

Таким образом, содержательная структура текста может быть представлена в виде иерархии¹ смысловых единиц: ЭСЕ → УСЕ-1 → УСЕ-2. УСЕ рассматриваются Л. А. Черняховской в качестве опорных элементов содержания текста. УСЕ отграничиваются друг от друга по нескольким критериям: а) по наличию единого «предмета» реальности, б) по единству темпоральных, пространственных и модальных значений. Изменение одного из этих признаков свидетельствует о появлении новой семантической единицы.

Выделенные смысловые единицы (ЭСЕ и УСЕ) как иерархически зависимые элементы входят в состав все более сложных компонентов текста, в итоге образующих две его смысловые части — гипертему и гиперрему.

¹ Эту точку зрения развивают Г. В. Колшанский, И. Р. Гальперин, О. И. Москальская.

Однако смысловое содержание текста определяется не только набором смысловых единиц (ЭСЕ, УСЕ-1, УСЕ-2 ... гипертема, гиперрема), но и характером связи между ними. Так, свойство существования «предмета» реальности (сема бытийности) выражается в тексте одинарной связью, или одинарной предикацией, лежащей в основе бытийного предложения (ЭСЕ). Если же одно из слов (имен) служит именем другого «предмета» реальности, то такой текст содержит две смысловые единицы, связанные друг с другом как взаимно характеризующие. Это может быть взаимосвязь типа «каузатор — объект каузации» или выражаемая глубинными падежами.

Выражение такого вида связи называется «групповой предикацией». К ним примыкают такие логические связи между смысловыми единицами текста, как конъюнкция, дизъюнкция, импликация и тождество. Все они служат объединению смысловых единиц в более крупные комплексы. В таком комплексе различают обычно два вида связи смысловых единиц — зонтичную и цепную. Зонтичная связь представляет собой объединение одной смысловой единицы с несколькими другими различных рангов. Последовательная единичная связь смысловых единиц получила название цепной. Оба вида связи образуют либо гипертему, либо гиперрему. Конфигурация зонтиков и цепочек для каждого текста сугубо индивидуальна. Подчинена она в конечном счете созданию коммуникативно-смысловой целостности текста.

Коммуникативно-смысловая целостность текста обеспечивается, как нам представляется, двумя типами связей — л и н е й н ы м и (горизонтальными) и в е р т и к а л ь н ы м и. Первый тип смысловой связи между единицами текста О. И. Москальская интерпретирует следующим образом: «Коммуникативная целостность текста выражается в коммуникативной преемственности между его составляющими. Суть этого явления заключается в том, что каждое последующее предложение в сверхфразовом единстве опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание от известного, "данного", к новому, вследствие чего образуется темо-рематическая цепочка, имеющая конечный характер и определяющая границы сверхфразового единства»¹. В определенных линейных смысловых отношениях находятся и сверхфразовые единства. Таким образом, текст есть некоторая «организованная последовательность цепочек слов, предложений или других единиц текста»². Однако такая последовательность

¹ Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 21.

² Гинзбург Е. Л., Пробст М. А. Основания теории текста // Текст в процессе преподавания иностранного языка. Пермь, 1979. С. 95.

представляет собой прежде всего поверхностную организацию текста. Глубинную структуру текста образуют вертикальные смысловые *связи* между отдельными единицами текста. Г. В. Колишанский вполне справедливо обращает внимание на то, что «в тексте рождается свой внутренний механизм глубоких семантических отношений, которые в результате образуют логико-коммуникативный смысл», который является интеграцией «значений отдельных предложений»¹. В итоге формируется качественно новое структурно-семантическое целое. При этом осуществляется глубинная перестройка смысловых связей между составными единицами текста, «происходит не только наращивание смысловых компонентов за счет взаимодействия внутренних частей, но и перегруппировка элементов смысла в их подчинении коммуникативному заданию целого»².

В зарубежном языкознании вертикальные и горизонтальные связи рассматриваются в аспекте порождения текста. Вертикальная модель порождения текста разрабатывается у Р. Харвега, И. Петёфи и Х. Ризера. Эта модель позволяет конструировать общую идею текста³, затем на ее основе — все возможные варианты ее реализации. Вертикальная модель текста создается И. Петёфи⁴ при помощи алгоритма сравнения потенциально сосуществующих текстов.

Вертикальная модель порождения текста создается, по мнению Р. Харвега⁵, путем использования структурного анализа текста и является предметом теории текста, а горизонтальная модель — результат осмысления текстообразующих закономерностей — составляет предмет лингвистики текста. При этом многими исследователями предпочтение отдается изучению линейности, сукцессивной сущности текста, что, в свою очередь, вызывает интерес к внутренней структуре художественного текста.

При чтении художественного произведения мы всегда можем указать то место, которое вызвало ту или иную ассоциацию. Оно-то и служит сигналом парадигматической связи. Этот сигнал может быть представлен эксплицитно или имплицитно. Но вне зависимости от этого

¹ Колишанский Г. В. Указ. соч. С. 107.

² Хованская З. И. Категория связанности и смысловое развертывание коммуникации: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков им. М. Горького. М., 1980. Вып. 158. С. ИЗ.

³ См.: Ковалев Н. С. Древнерусский литературный текст: смысловая структура и эволюция в аспекте категории оценки. Волгоград, 1997.

⁴ См.: Petőfi J. S. Textgrammar, Text Theory and the Theory of Literature // Poetics. 1973. № 7.

⁵ См.: Harweg R. Textlinguistik // Perspektiven der Linguistik. Stuttgart, 1974. Bd. 2.

мы считаем необходимым различать ассоциативные и парадигматические отношения в структуре художественного текста.

Вертикальные связи как модель порождения текста следует отличать от так называемого *вертикального контекста* — социально-исторического и филологического, т. е. формы представления в произведении социально-исторической действительности и способа использования произведений предшественников. Элементом филологического вертикального контекста является аллюзия (различного рода повторы — от ассонансов и аллитераций, лексических повторов до перифраз)¹.

Выделенные типы (линейный и вертикальный) смысловой связи между единицами текста не являются изолированными друг от друга. Они взаимно дополняют друг друга.

Линейные смысловые связи в тексте могут быть контактными и дистантными. Контактные смысловые связи обычно выражаются определенными языковыми средствами. Ими, как правило, выступают:

а) *лексические средства* — анафора, лексические повторы, лексические модификации, лексические указания на временную последовательность или словесные способы оформления межсинтагматических связей;

б) *грамматические средства* — союзы, союзные сочетания, причастные обороты, местоименные наречия с пространственным или временным значением, указательные местоимения, реже видовременные формы сказуемых и порядок слов. В этом ощущается сильное влияние «внутрифразового синтаксиса». При этом вне поля зрения оставались «неграмматические» средства связи. Пробел этот был восполнен работой С. И. Бернштейна², где ученому удалось избежать аналогии с семантическим синтаксисом предложения. Им были выявлены логико-смысловые связи между единицами текста.

Своего рода совмещением указанных подходов явилась гипотеза Б. М. Гаспарова³ о том, что связь предложений в тексте состоит в актуализации скрытых категорий предложения. Оказавшись позиционно

¹ См.: *Гюббенет И. В.* К проблеме понимания литературно-художественного текста. М., 1981. С. 7–8; *Мамаева А. Г.* Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. С. 3; *Машкова Л. А.* Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1989. № 2. С. 25–33.

² См.: *Артоболевский Г. В.* Очерки по художественному чтению / Под. ред. С. И. Бернштейна. М.: Учпедгиз, 1959. С. 3–46.

³ См.: *Гаспаров Б. М.* Принципы синтагматического описания уровня предложений // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1975. Вып. 347. С. 30–63.

обусловленными, они служат средством связи с другими единицами текста.

По данным С. И. Гиндина, «на сверхфразовом уровне синтаксис строится прежде всего на согласовании семантических характеристик единиц предшествующего уровня»¹. Такой подход, по мнению исследователя, стимулировал поиск ранее неизвестных видов межфразовых связей. И в результате такие связи были обнаружены. Это, во-первых, логическая выводимость предложений из предшествующих предложений текста (Г. В. Дорофеев, Ю. С. Мартемьянов)²; во-вторых, семантический повтор, т. е. повтор некоторых семантических признаков, или «чисто семантический повтор» (С. И. Гиндин). В основе всех видов «неграмматической» связи лежат общие структурные механизмы, подробно описанные в работах С. И. Гиндина, — повтор, зацепление, следование (вывод).

Таким образом, между единицами текста существуют а) языковые (лексические и грамматические) и б) логико-семантические связи.

Выделенные типы межфразовой связи в тексте служат репрезентации событий в последовательной цепи действий, явлений, мыслей и эмоций, тем или иным образом вытекающих друг из друга. В конечном итоге эти средства подчинены формированию содержания текста и в сочетании с другими сочетательными средствами образуют синтаксис (точнее, семантический синтаксис) текста. Известная исследовательница семантики текста Квета Кожевникова³ выделяет следующие принципы и средства семантико-синтаксической организации текста.

1. Принцип количественной эквивалентности, когда каждый элемент денотативной ситуации получает лишь одно наименование. Синтаксис таких текстов предельно прост:

Шаги приблизились и прекратились. Селянин стоял задверью. Он чего-то ждал. Клава словно ничего не слышала, нехорошее спокойствие потушило ее глаза. Если б она заплакала, Дробышеву стало бы легче (Д. Гранин).

2. Принцип количественного перевеса наименований. Здесь для выражения элемента денотативной ситуации употребляется несколько близких по значению номинативных единиц. Синтаксис осложнен

¹ Гиндин С. И. Внутренняя организация текста (Элементы теории и семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

² Дорофеев Г. В., Мартемьянов Ю. С. Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12. С. 36-59.

³ См.: Кожевникова Кв. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 301.

расширительным объемом членов предложения, между которыми преобладает связь сочинения и соположения:

Стало все темнеть, стало все блекнуть, мертветь, гложуть — и пошел редкий, медленный пушистый снег (Ю. Казаков).

3. Принцип семантической сигнализации. Его сущность в неполном словесном выражении денотативного содержания:

Мы садимся в машину. Слева зарулем. Р-р-р на первой передаче до шестидесяти; р-р-р на второй до девяноста; р-р-р на третьей до ста тридцати; р-р-р на прямой сто шестьдесят (А. Битов).

Кроме этих принципов, Кв. Кожевникова рассматривает такие аспекты формирования содержания текста, как соотношение между объемом информации и пространственно-временной структурой текста. При этом целесообразно различать типы информации, выделенные И. Р. Гальпериным¹.

1. Содержательно-фактуальная информация — это сообщение о фактах, событиях, процессах реального или воображаемого мира. Такая информация выражена в тексте эксплицитно (словами в прямоминативных, словарных значениях).

2. Информация индивидуально-авторского характера. Это замысел автора и его содержательная интерпретация, содержание эстетико-художественного плана.

3. Подтекстовая информация, извлекаемая из скрытых, ассоциативных и коннотативных значений номинативных единиц.

Выделенные типы информации и являются типами содержания текста. Единство и цельность содержания текста достигаются различными внутритекстовыми связями, называемыми И. Р. Гальпериным *когезией*. Она обеспечивает логическую последовательность и взаимозависимое единство частей текста, находящиеся друг от друга на значительном расстоянии. Средствами когезии служат: а) причастные обороты, б) лексические повторы (тождественные, синонимические или перифрастические).

Подтекст обычно обретает целостность благодаря наличию ассоциативной когезии (ретроспекции, коннотации, субъективно-оценочной модальности).

Композиционно-структурные формы когезии реализуются грамматическими средствами (структурный параллелизм: зачины, идентичность структур предложений, сверхфразовых единств и абзацев).

¹ См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 27.

Подобно синтаксической семантике предложения содержание текста обладает категорией *модальности*. Модальность текста выражается грамматическими, лексическими, фразеологическими, интонационными, композиционными и стилистическими средствами. Так же, как и в предложении, в тексте различают два типа модальных значений — объективно-модальные и субъективно-модальные. К модальным значениям первого типа относятся значения реальности (наличное в прошлом или в настоящем) и значения ирреальности (если сообщение будет реализовано в будущем, если оно мыслится как желательное, требуемое кем-либо или недействительное и т. п.). Субъективно-модальные значения содержат субъективно-оценочное отношение к сообщаемому.

Субъективно-оценочную модальность, по мнению И. Р. Гальперина, целесообразно подразделять на фразовую и текстовую. Фразовая модальность выражается грамматическими и лексическими средствами, а текстовая, кроме этих средств, реализуется еще и в характеристике героев, «в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста»¹. Субъективно-оценочная модальность наиболее ярко обнаруживается в поэтической речи, в передовых и публицистических газетных текстах.

Текстовая модальность характеризует речевое построение в целом, хотя непосредственными приемами ее создания выступают, как правило, частности: художественные определения (эпитеты), междометия, предложения и т. п. Следует отметить, что субъективная модальность присуща в разной степени разным типам текстов. Художественный текст ограничен субъективной модальностью, поскольку в нем реализуется плод воображения автора. Текстовая модальность поэтому должна рассматриваться в единстве литературоведческого и лингвистического анализ², поскольку художественный текст — это такая образно-речевая система, где речевые и образно-семантические связи обуславливают «глубинную структуру авторского повествования», служат процессу формирования мысли и чувства³. Этой задаче подчинена вся архитектура текста, т. е. его семантико-синтаксическая и ин-

¹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 115.

² См.: Степанов Г. В. 1) Литературоведческий и лингвистический подходы к анализу текста; 2) О специфике художественного текста // *Он же*. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. С. 125-140; 149-152.

³ См.: Ерёмкина Л. И. Художественный текст как образно-речевое целое (на материале языка произведений Льва Толстого) // Филол. науки. 1978. № 3. С. 61.

тонационная организация. Семантико-синтаксической организации художественного текста служит, по данным Л. И. Ерёминой, система повторов-развитий, повторов-экспрессивных добавлений, которая может, в свою очередь, состоять из внутренней системы повторов-соответствий и повторов-противопоставлений. Такая внутренняя система повторов может выражать или отношения модальности, или нерегулярные (речевые, ситуативные) семантические связи — синонимические или антонимические. В последнем случае словами-сигналами ситуации выступают «...но...», «...но...»; «прежде — теперь». Повторы-наращивания создаются лексико-фразеологическими соответствиями (повторами), нанизыванием родственных форм. «Ключевые» повторы (термин Г. Я. Солганика) имеют свои «смысловые узлы», передают внутреннее развитие мыслей и переживаний. Симметричность композиции (параллелизм) в сочетании с анафорическим повтором скрепляется ритмомелодически: градация сопровождается интонацией повторов-наращиваний.

Особенно рельефно архитектура текста (единство его семантико-синтаксической и интонационной организации) проявляется на уровне семантики поэтического синтаксиса. Ритмо-синтаксический рисунок поэтического текста обуславливается обычно своеобразием стихотворной формы. Между семантико-синтаксической структурой поэтической речи и ее стихотворной формой в литературе¹ отмечаются следующие типы зависимостей.

1. Совпадение строки (ритмической единицы) и предложения (основной коммуникативно-синтаксической единицы):

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

А. Блок. Шахматове

2. Зависимость между типом стиха (напевный/говорной) и синтаксическим строением строки: в напевных стихах семантико-синтаксическая структура более проста, чем в говорных (В. М. Жирмунский).

3. Диссонанс между ритмом и синтаксисом (Н. С. Поспелов): перенос, или несовпадение ритмических и синтаксических единиц (строки и предложения-высказывания):

¹ См.: *Томашевский Б.В.* Стих и язык. М.; Л., 1969; *Винокур Т.О.* Слово и стих в «Евгений Онегин» // Пушкин. М., 1941; *Пейсахович М.А.* Астрофический стих и его формы // *Вопр. языкознания.* 1976. № 1; *Акимова Г.Н.* О некоторых особенностях поэтического синтаксиса // *Вопр. языкознания.* 1977. № 1.

Уходит день. В пыли дорожной
Горят последние лучи.
Их красный отблеск непреложно
Слился с огнем моей свечи.

*А. Блок. С. -Петербург.
Зима и весна 1902года.*

4. Влияние интонационно-мелодической стороны стихотворной речи на смысловую. С этой целью используется инверсия, экспрессивное словорасположение.

Сопоставляя различные тексты, нетрудно заметить зависимость формально-грамматической организации текста от насыщенности смысловой информации. Степень формальной организации текста уменьшается по мере возрастания информационной насыщенности (Г. В. Колшанский). Смысловые факторы построения текста преобладают над формально-грамматическими. По наблюдениям Г. В. Колшанского, «начиная от слова... и далее — до текста, можно наблюдать уменьшение удельного веса собственно грамматических показателей в оформлении, например словосочетания, предложения, в которых начинают действовать такие факторы, как просодия, включая паузу, дейксис, анафора, контекст и т. д.»¹. Действительно, с усложнением высказывания (предложение, абзац, сверхфразовое единство, текст) его связанность уменьшается, синтаксическая независимость частей возрастает.

¹ Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. С. 95.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешнее обострение многовековой дискуссии о природе и сущности языкового значения в значительной степени объясняется неудовлетворенностью «атомарным» осмыслением семантики знаковых единиц, принадлежащих разным структурным уровням языка. До сих пор исследовательский поиск устремлялся главным образом на выявление различий в их семантических структурах. Должным образом не востребованной оставалась гениальная гипотеза И. А. Бодуэна де Куртенэ об изоморфизме языковых единиц разных структурных уровней как *различных средств единообразной* вербализации отраженного в сознании внешнего и внутреннего мира человека.

Устранение противоречий в многочисленных семантических теориях, нередко допускающих «разночтения» в связи с терминологической неопределенностью, путем дальнейшего развития теории лингвистического изоморфизма, предполагает, на наш взгляд, исследование *универсальных принципов специфического структурирования* вербализованных знаний субъектными и предикатными знаками.

Семантическая структура любой знаковой единицы языка формируется системой многоаспектных отношений в речемыслительной деятельности, предполагающей субстратные знаковые ситуации, т. е. соотносимость знака с обозначаемым объектом, его мысленным образом, человеком и с другими знаками в системе данного языка. Семантика языкового знака структурируется: а) соотносительностью знака с его внеязыковым коррелятом; при этом обозначаемый объект (предмет, ситуация, событие), его свойства и признаки, пройдя через лингвокреативные «фильтры» языкового сознания, образуют денотативный ярус (обобщенно-предметного или обобщенно-ситуативного типа) семантической структуры; б) соотносительностью знака с системой сознания, когда знания об отраженном фрагменте действительности подводятся под соответствующие мыслительные категории и вводят-

ся тем самым в динамическую когнитивную систему (понятий, оценочных суждений и умозаключений), закрепляя свой семантический статус в сигнификативном ярусе языкового значения; в) оценочно-эмоциональным («пристрастным») отношением человека к обозначаемому в виде коннотативного (эмотивного) и модально-оценочного яруса языковой семантики; г) соотносительностью знака с другими знаковыми единицами языковой системы, определяющей значимость и валентность знака, — структурный уровень семантической структуры. В речевых построениях отнесенность знака к конкретным обозначаемым реалиям или участникам речевого акта обнаруживает его референтный смысл.

Для изоморфного описания семантики разноуровневых единиц языка необходим единый категориально-понятийный аппарат, позволяющий моделировать инвариантно-вариативные отношения между компонентами семантических структур номинативных и коммуникативных образований.

Денотат — макрокомпонент семантической структуры языковой единицы, кодирующий обобщенное отражение свойств и признаков класса однородных объектов (типизированных предметов или ситуаций) реального или виртуального мира. *Референт* — макрокомпонент смысловой структуры речевой единицы, содержащий информацию об отнесенности знака к конкретному объекту, выделенному и актуализированному в речевом акте из класса однотипных образований и поэтому коммуникативно значимому. Денотат и референт — семантические макрокомпоненты, связывающие знаковые единицы языка с внеязыковым миром. Мысли о «мире» содержатся в *сигнификатах* языковых значений, представленных как совокупность наиболее существенных для данного народа признаков класса однородных предметов или типовых ситуаций, оформленных в виде понятий и суждений. Структурно сигнификат членом на *интенционал* — когнитивное ядро значения и *экстенционал* — класс однотипных объектов, подводимых под данную мысленную категорию. В речи интенционал служит смысловым инвариантом, а экстенционал сужается до единичных понятий и ситуаций. В языковом сознании обобщенно-целостная структура интенционально-экстенциональных отношений в семантическом поле образует укрупненные смыслы — к о н ц е п т ы (лексические, фразеологические, синтаксические).

Семантическая структура знаковой единицы любого уровня — симультанный дериват языкового и речевого мышления. Порождается она, главным образом, тремя речемыслительными факторами: а) знакообозначением (номинацией); б) пространственно-временной объек-

тивацией мысли типовыми языковыми структурами (предикацией); в) категориальным структурированием языковой картины мира (когницией). В соответствии с названными факторами виртуальная семантическая структура (семема) состоит из трех конструктивных сем: а) номинативно обусловленных (основных и производных, прямых, непрямых и косвенно-производных) — интегральных и дифференциальных сем, смыслоразличительных элементов в целостном представлении человека о номинируемых объектах; б) релятивных сем, выражающих внутриязыковые (системные) смысловые отношения — грамматические семы и значимости; в) категориальной семы (архисемы), представляющей собой аспектное семантико-грамматическое обобщение, генерализацию однопорядковых элементов познания. Структурно упорядоченные семы первого типа образуют лексическое значение, семы второго типа — значение грамматическое, а семы третьего типа — лексико-грамматическое, или частеречное.

Удельный вес выделенных значений и их сочетание в семантической структуре слова определяют его лексико-грамматический статус. Семантическая структура знаменательных слов содержит все три значения, в отличие от незнаменательных, где констатируется их частичная или полная редукция. Утратой лексического значения характеризуются местоимения; одновременно вместе с ним они лишаются номинативной функции, превращаясь в дейктические слова. В результате редукции категориального и лексического значений знаменательные слова переходят в разряд служебных. То же происходит и с местоимениями при утрате ими категориального значения. Полная редукция указанных ингредиентов семантической структуры преобразует их в междометия (слова-эмотивы). Служебные и междометные слова оказываются, таким образом, за пределами частей речи и членов предложения. В этом смысле представляется некорректным употребление термина «служебные части речи».

Поскольку лексические значения (прямо-номинативные и производно-номинативные) представляют собой различные конфигурации сигнификативных, денотативных, референтных и коннотативных компонентов, возможны более дробные семантические классификации апеллятивов и онимов. В результате актуализации референтного компонента слово приобретает тот или иной речевой смысл.

Несмотря на обобщенно-групповой, абстрагированный и вспомогательный характер грамматических значений, последние имеют единую с лексическими значениями гносеологическую природу. Являясь продуктом отобразительно-репрезентативной функции речевого мышления, они различаются лишь разной соотносимостью с внеязыковой

действительностью и внутриязыковым миром. По характеру этой отнесенности грамматические значения делятся на *синтаксические* — результат синтагматического (линейного) структурирования речемыслительного содержания и *морфологические*, выражающие его парадигматическое (объемное) моделирование. Оба типа грамматических значений характеризуются неоднозначным соотношением денотативных, сигнификативных и референциальных компонентов. Денотативное морфологическое значение содержит информацию, выражаемую той или иной грамматической формой об отношении данного элемента некоторой типовой денотативной ситуации к другим ее элементам. Сигнификативное морфологическое значение указывает на когнитивную категорию, под которую подводятся соответствующие отношения. Референциальное морфологическое значение соотносит актуализированную грамматическую форму не только с конкретным элементом обозначаемой ситуации, но и с субъектами речевого акта.

Синтаксическая семантика также трехкомпонентна, поскольку опирается на *денотат* — обозначаемую типовую ситуацию, *сигнификат* — субъектно-предикатную структуру и *референт* — сообщаемое событие. Когнитивной основой первого служит отражение типовой ситуации в ее пространственно-временной проекции; второго — виртуальное суждение, которое в субъекте соотносится с внеязыковым миром, а в предикате — с мыслью о нем; третьего — актуальное суждение в его темо-рематическом членении «на линейной оси реального времени» (В. С. Юрченко). Первые два компонента лежат в основе синтаксического (языкового) значения, а третий — коммуникативного (речевого) смыслового содержания предложения.

Взаимосвязь лексического и грамматического значений онтологически обусловлена. С одной стороны, коммуникативное значение генерируется глубинными механизмами языковой семантики (грамматической и лексической), а с другой стороны, языковые значения слов и фразеологизмов формируются путем преобразований линейного (пропозиционального) сигнификата в нелинейный (понятийный) сигнификат.

Семантика текста, поистине «лингвистическая вселенная», отличается, пожалуй, наиболее многоаспектной организацией, хотя и не выходит за рамки известного речемыслительного изоморфизма. Единицы нижележащих уровней, образующие текст, привносят в его смысловую структуру присущие им семантические свойства, усложняя тем самым базисную архитектуру текстовой вербализации отраженной в сознании действительности. Конструктивной основой семантиче-

ской структуры текста служат по крайней мере два довербальных феномена: 1) *дискурс* — исходная элементарная единица текста, представляющая собой сложное содержательное целое, реализующееся в речи в виде линейного сочетания предложений-высказываний, и 2) *коммуникативная стратегия личности*, порождающей текст. В связи с этим в смысловой структуре текста, как и в семантике единиц нижележащих уровней языка, можно выделить а) *ядро*, формирующееся в процессе дискурсивного мышления как парадигматически (объемно) связанный и линейно организованный концепт, то есть интенциональное единство т е м (подтем, субподтем, микротем — субъекты, соотносящие порождаемый текст с его денотатом) и суждений (сигнификативный компонент) и б) *периферию* — коннотативное содержание текста, включающее различные пресуппозиции, ассоциативные когезии, коммуникативные намерения, прагматические эффекты, так называемые «вертикальные контексты», а также персуазивные (ценностные, оценочные и т. п.) смыслы текстовой модальности.

В процессе реализации коммуникативной стратегии формируется грамматическая семантика текста средствами вербально-сукцессивного «развертывания» мысли в единстве аспектуального, пространственного и модального аспектов.

Однако проблема изоморфизма семантической организации языковых единиц разных структурных уровней еще требует своего дальнейшего осмысления. Прежде всего, следует прислушаться к предостережению С. Д. Кацнельсона о том, что прямой перенос семантической модели слов на единицы синтаксиса недопустим, так как предложение — особая единица языка, существенно отличающаяся от морфем, слов и словосочетаний: «с предложения начинаются единицы речи (текста), которые следует строго отличать от единиц языка»¹. Не согласиться с этим невозможно. Но при этом, полагаю, необходимо уточнить, о каком предложении идет речь — о предложении как единице языка или о предложении как единице речи (высказывании). Пока можно сделать вывод лишь о том, что моделирование семантической организации языковых единиц по изоморфическому принципу возможно только в пределах *системы языка*. Их речевая реализация требует еще основательного исследования.

Осмысление лингвокреативных механизмов «развертывания» дискурса от его верхнего предела — «возможного мира» — мыслительной модели соответствующего фрагмента действительности в реальный и

¹ Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: «Языки славянской культуры», 2001. С. 395.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

конкретный текст позволит осуществлять комплексные и многоаспектные семантические исследования с точки зрения системно-структурной, когнитивной и функционально-прагматической лингвистики. Однако и в этом случае вряд ли удастся решить все спорные проблемы языковой семантики, поскольку сам язык — динамичная и преобразующая семиотическая система кодирования результатов речемыслительной деятельности человека — деятельности, которая так же бесконечна, как мир, как беспредельно и неисчерпаемо его познание.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ

1.1. Из истории семасиологии.....	7
К тайнам мысли и слова.....	7
Слово и его значение в долингвистической философии языка.....	9
Ренессансные концепции языкового значения.....	10
Развитие учения о языковом значении в лингвистике XIX века (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня).....	12
Концептуальные противоречия в семасиологии XX века.....	18
1.2. Координаты и категории семантики.....	28
Лексическое значение.....	38
1.3. Значение и понятие.....	39
Параметры соотношения «понятие — значение».....	46
Значение и значимость.....	52
1.4. Значение и концепт.....	57
1.5. Значение, функции и употребление слова.....	64
1.6. Значение и смысл.....	69

Раздел 2

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

2.1. Система мышления и система языка: проблемы кодирования и декодирования знания.....	87
Синергетика концепта и слова.....	89
2.2. Концепт и языковое сознание.....	90
2.3. Этапы познавательного процесса и уровни их вербализации.....	95
2.4. Особенности вербализации концепта на разных стадиях его формирования.....	101

Раздел 3
ПРОТОВЕРБАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЪЕКТИВИРОВАНИЯ
КОНЦЕПТА: ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ

3.1. Внутренняя речь и знакообразующий потенциал концепта	104
3.2. Предметно-образительный код и языковое значение	111
Образный компонент концепта и семантическая структура слова ..	112
Концепт и языковой образ	115
Языковой образ как смыслопорождающий феномен	119
Символизм концепта и семантическая структура слова	126

Раздел 4
КОНЦЕПТ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

4.1. Предметный остов семантической структуры слова	128
4.2. Внутренняя форма слова как способ концептообразования	129
4.3. Формы семиотизации концепта	138
4.4. Эволюция концепта и семантическое развитие слова	143

Раздел 5
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

5.1. Лексическое значение и его компоненты	152
Референция	154
Денотация	156
Референция и денотация в аспекте когнитивной семантики	160
Коннотация	161
5.2. Типы лексических значений слова	173
Номинативный принцип классификации лексических значений ...	174
Синтагматический принцип классификации лексических значений	177
Морфологически связанные значения слов	187
5.3. Семантическая структура слова	190
5.4. Специфика ономастической семантики	203

Раздел 6
ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

6.1. Грамматическое значение	211
6.2. Взаимодействие лексического и грамматического значений	223
6.3. Словообразовательное значение	225
Роль словообразовательных формантов в формировании словообразовательного значения	230
Роль мотивирующего слова в формировании словообразовательного значения производного слова	237

Раздел 7
СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

7.1. Синтаксическое значение.....	244
Денотативный компонент синтаксического значения.....	248
Сигнификативный компонент синтаксического значения.....	255
7.2. Предикативность.....	259
Семантические компоненты категории предикативности.....	269
7.3. Модальность.....	270
Синтаксическое время и наклонение.....	275
7.4. Семантика сложного предложения.....	285

Раздел 8
СЕМАНТИКА ТЕКСТА

8.1. Семантика сверхфразовых образований.....	296
8.2. Смысловая структура текста.....	302
Денотативный компонент смысловой структуры текста.....	303
Сигнификативный компонент смысловой структуры текста.....	305
Заключение.....	317

Научное издание

Николай Федорович Алефиренко

СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ

Подписано в печать 15.02.2005 г.

Бумага офсетная № 1. Формат 60 x 90¹/₁₆. Гарнитура «Newton».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 5109.

ООО «Издательско-торговый дом гуманитарной книги "Гнозис"»

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, пр. им. Ю.А. Гагарина, 2.

Тел.: 38-46-20